DISCOURSE–P
Дискурс Пи
Научно-практический альманах

PHILOSOPHY–ФИЛОСОФИЯ
POLITICS–ПОЛИТИКА
POWER–ВЛАСТЬ
PUBLIC RELATIONS–СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Ди-Пи
Выпуск 4

Россия лицом к Востоку

Институт философии и права Уральского отделения Российской Академии наук

Выпуск подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации №НШ-2228.2003.6

Екатеринбург
2004

DISCOURSE–P
Дискурс Пи

DISCOURSE-P
Дискурс Пи
Научно-практический альманах
P PHILOSOPHY-ФИЛОСОФИЯ
P POLITICS-ПОЛИТИКА
P POWER-ВЛАСТЬ
P PUBLIC RELATIONS-СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УРАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

УРАЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ДОМ УЧЕНЫХ»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«УРАЛТРАНС»

Адрес редакции:
620144 г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта, 68, комн. 3.

Телефоны:
(343) 251-70-58,
251-77-85

E-mail: dipi@nm.ru

При перепечатке
ссылки на альманах
«Дискурс-Пи»
обязательны.
Редакция
не несет ответственности
за особенности
дискурса авторов.

ISBN 5—7525—1313—8

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
О.Ф. Русакова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:
А.А. Александров
Л.М. Андрюхина
О.Г. Дука
Е.Г. Дьякова
Ю.Г. Ершов
К.В. Киселев
Ю.В. Конецкий
О.В. Коркунова
В.О. Лобовиков
И.П. Малинова
Б.С. Модель
И.М. Модель
С.В. Мошкин
Д.В. Нежданов (Альчиков)
Л.И. Рыженко
Д.Л. Строvский
Е.М. Сурина
И.Б. Фан
Л.Г. Фишман
А.Э. Якубовский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
В.В. Алексеев
Б.Б. Багиров
С.Е. Вершинин
А.М. Воробьев
А.В. Гайда
М.Е. Главацкий
Б.В. Емельянов
А.Д. Кириллов
В.Б. Куликов
К.Н. Любутин
М.А. Малышев (Мексика)
К. Мацузато (Япония)
Д.А. Миронов
В.Ф. Олешко
А.В. Перцев
В.И. Разумов
В.Н. Руденко
В.М. Русаков
А.Е. Спасский
Е.А. Степанова
Е.С. Тулисов
М.А. Фадеичева

Ответственный секретарь
Е.Г. Грибовод

В оформлении обложки использована
гравюра Тории Киенага (Япония, 1752-1815)
«В квартале Минами».

© Составление. О.Ф. Русакова, 2004
© Дискурс-Пи. Научно-практический альманах, выпуск 4. 2004.

содержание

Дискурс Пи

Предисловие главного редактора
О.Ф. Русакова
Семиотика восточной палитры России 7

Россия лицом к Востоку
В.С.Мартьянов
Ни Запад, ни Восток:
Россия лицом к глобальному миру
(старый спор в новых категориях) 9
С.И. Орехов, У.Н.Решетнева (*Омск*)
Философско-религиозные истоки
и содержание геополитики Китая,
или Китайская национальная идея.....12
В.Л. Берсенев
Конфуций и Шан Ян:
в поисках идеального государства 15
К. Мидзуки (*Япония*)
Проблема традиции в японской культуре.....19
К.С. Романова
Солнце светит всем, но греет по-разному 23
А.М. Воробьев
Не важно, какого цвета кошка... 25
Т.В. Наумова
Сыновняя почтительность (Конфуций
о древнекитайской культуре сыновней
почтительности как об одной из основ
государственного устройства).....26
Н.А. Комлева
Террористическая война против России:
вызов Востока? 28
А.С. Кузнецов
Участие регионов в международных
отношениях: китайский опыт 31
В.В. Уфимцев
Россия: в поисках адекватной
теоретической модели 33
М.П. Лаптева (*Пермь*)
Восточные краски российской палитры 36
Н.В. Анненкова
Восточные интенции
русского символизма.....39
Е.А. Сеньшин
Конфликт России и Китая:
геополитическая неизбежность? 41
С.В. Рязанова (*Пермь*)
Неоориенталистические культы России:
общее и особенное 44
О.В. Коркунова
Е. Блаватская: «Восток открывает Западу
истоки бытия человека».....48

Галерея
Б.В. Емельянов
Тантра — на Запад!
Необуддизм Бидии Дандарона 50
О.Б. Ионайтис
Митрополит Никифор:
путь из Византии в Киевскую Русь 53
А.С. Гагарин
Человек – «мыслящий тростник»
или «пустой бамбук»?
(Блез Паскаль в контексте современности)..56
А.А. Александров
Гегель и Восток 60
Е.Н. Алдашова (*Уфа*)
Константин Павлович Краузе 61
Т.Л. Боровкова, В.Н. Зуева
Павел Леонидович Горчаковский –
исследователь уральской горной страны.....63

Персона
И.Б. Фан
«Философия — это мышление
на пределе возможностей».
*Интервью с Владиславом Александровичем
Лекторским (Москва)*.....65

Антропология
К.Н. Любутин
К 200-летию со дня рождения
Людвига Фейербаха (1804-1872).
Фейербах:
антропологическая диалектика 73
М.А. Малышев (Мексика)
Афоризмы и парадоксы 75
Е.А. Гаврилова
Романтизм и женщины Востока:
мечты о Гюльчатай в сегменте искусства.....77
М. Потапова (Ростов-на-Дону)
Социальные роли и различия
мужчины и женщины.....79
И.И. Дмитриева
Гейша — носительница традиций Японии ...81

Четвертая власть
Ю.В. Чемякин
Журналистика стран Востока
в системе преподавания
истории зарубежной журналистики.....86
А.Д. Трахтенберг
Информационная революция
в современной российской школе
(на примере г. Мегиона ХМАО-Югра) 88

Парадигмы и процессы
С.И. Глушкова
Исторический дискурс прав человека
и современность 90
Е.В. Катышевцева (Глазов)
Проблема разделения властей в контексте
философии власти А.А. Зиновьева 91
Н.В. Белоножко
Миф и его экзистенциальный смысл 94
Н. Куделькин
Либеральная
и коммунитаристская парадигмы.....95
М.Ю. Мирошников
Ментальность
и политический дискурс в России.....97
Я.Тюнякин
Плеханов и Ленин: спор о социализме 101
В.В. Гусельников
Современный корпоративизм в России:
истоки и особенности 102
Л.Г. Фишман
Политические ценности
и лояльность образу жизни 104

Знатный гость
«Я — профессор по кафедре этики.
Тем и интересен».
*Беседа с академиком РАН
А.А. Гусейновым (Москва)* 108

Политические технологии
К.В. Киселев
PR-офессиональная литература
и авторское право.....115

Дискурс Пи содержание

А.И. Башук (*Украина*)
Мультипликация как форма политической пропаганды (на примере украинских предвыборных проектов «Великі перегони» и «Семья Грищенко» 119
Е.Г. Дьякова
Как устанавливается повестка дня на выборах по партийным спискам? 124
В.Н. Руденко
Симулятивная демократия (референдум как инструмент продления срока полномочий главы государства) 127
А.Б. Белоусов
Трансгрессия приемника и передатчика в дискретной модели лоббистской коммуникации 130
А.И. Зверев
Фазовый анализ государственных медиа-рилейшнз в чрезвычайных ситуациях 132
А.В. Бочаров
«Биеннале» для муниципалитета: 2+2=5.....136
С. Березин
Политический оператор.....139

Игра в бисер
В.О. Лобовиков
Ценности Востока или логика Запада? Логически противоречит ли сам себе раб божий Левий Матвей, утверждая, что он не раб?.....141

Тропы метода
О.Ф. Русакова
Политическая дискурсология.....144
О.Г. Дука (Омск)
Политологический дискурс с позиций теории смыслового поля 147
А.Ю. Зенкова
Механизмы смыслообразования в арабских и западноевропейских культурах149
О.В. Петрик
Семиотика как идейный исток исторической антропологии.....150
А.Е. Спасский
Теоретико-методологические основы политического маркетинга 154

Поликлиника
Л.Г. Фишман
Болезни надо лечить 158
М.А. Фадеичева
«Голубчики» лицом к Востоку (философско-политологические реминисценции) 160

Трибуна
С.В. Мошкин
«Новый курс» президента: что дальше? 163
К.В. Киселев
После Беслана: пессимизм в контексте PR 165

Мастер-класс
Ю.И. Мирошников
Приглашение к Мастеру.
Динамика инварианта 169
И.Я. Лойфман
И.Кант – человек науки 171

Переводы
О. Шпенглер
Годы решения (*Перевод С.Е.Вершинина*) 172

Клуб дядюшки Лю
В.М.Русаков
Миф «Логоса» 176
С.В. Мошкин
Для тех, кто вяжет и распускает. Закон об уральской науке.....178
М.Ф. Казанцев
Кулинарный дискурс: Рыжики по-североконевски 179

Сексуальный смотритель
С.Н. Некрасов
Качество наслаждения: гедоникс вместо экономикс 180
В.О. Лобовиков
Инь, Ян, Цзя, аскетическое отношение к сексу и гендерное равенство.....182

Презентация
В.М. Русаков
Навстречу 40-летию Уральской философской школы. К 70-летию К.Н. Любутина и Б.В. Емельянова 184
О.Г. Дука
О создании отделения научной школы «Методология дискурс-анализа в гуманитарных и социально-политических науках» в г. Омске 185

Поэтик
А.М. Воробьев
Мама. Имя 186
Из вьетнамской поэзии (Переводы *Ю.В. Конецкого*)
Чан Данг Хоа
Гроза. Белая ночь. Белые цветы
Чан Минь Там
Первая любовь.....186
Л.А. Ладейщикова
Достоинство. *Венок сонетов* 186
И.М. Модель
Случай в Дудинском порту. Я и постмодернисты.....188
А.С. Гагарин
Пиит.
Питие и время 188
В.В. Говорков
Миниатюры.....189

новые книги по философии, политологии, социологии и праву.....190

contents

Editor's preface
Rusakova O.F.
A semiotics of an east palette of Russia 7

Russia faced to East
Martianov V.S.
Neither West, nor East:
Russia faced to global world
(the old argument in the new categories) 9
Orekchov S.I., Reshetneva U.N. (*Omsk*)
The philosophical and religious sources
and the content of geopolitics of China
or the national Chinese idea 12
Bersenev V.L.
Kon Fu Tzi and Shan Yan:
in the searches of ideal state 15
Midzuki K. (*Japan*)
The problem of tradition in Japanese culture 19
Romanova K.S.
Sun gives light everyone
but it warm at difference.....23
Vorobiev A.M.
It is unimportant,
what is the colour of cat's wool 25
Naumova T.V.
The son's respecting. Kon Fu Tzi about
Chinese culture of the son's respecting
as one of the state arrangement bases 26
Komleva N.A.
The terrorist war against Russia:
the challenge of East? 28
Kuznetsov A.S.
The participation of regions in international
relations: the Chinese experience.....31
Ufimtsev V.V.
Russia: in the searches of adequate
theoretical model 33
Lapteva M.P. (*Perm*)
East colours of russian palette.....36
Annenkova N.V.
East intentions of russian symbolism 39
Senshin E.A.
A conflict between Russia and China:
a geopolitical inevitality?.....41
Riazanova S.V. (*Perm*)
Neooriental cultures of Russia 44
Korkunova O.B.
E. Blavatskaya: East is opening
to West sources of Being.....48

Gallery
Emelianov B.V.
A tantra – to West!
Neobuddhism of Bidii Dandaron.....50
lonaitis O.B.
Metropolitan Nikifor:
a way from Byzantium to Kiev Russia 53
Gagarin A.S.
A man – «thinking reed» or «empty bamboo»?
(Blez Pascal in the context of modernity) 56
Alexandrov A.A.
Hegel and East.....60
Aldashova E.N.
Konstantin Pavlovich Krause.....61
Borovkova T.L., Zueva V.N.
Pavel Leonidovich Gorchakovski –
a searcher of Ural mountain land 63

Person
Fun I.B.
«Philosophy – if s a thinking on the verge
of possibles». The interview with Vladislav
Alexandrovich Lektorsky (*Moscow*).....65

Anthropology
Lyubootin K.N.
To the 200-th anniversary
of Ludwig Feierbakch birth (1804–1872).
Feierbakch: an anthropological dialectics 73
Malishev M.A. (*Mexico*)
Aphorisms and paradoxs 75
Gavrilova E.A.
Romantism and women of East:
the dreams about Gyulchatai in art segment 77
Potapova M. (*Rostov on Don*)
A social roles and differences
of men and women 79
Dmitrieva I.I.
Geisha – a bearer of traditions of Japan 81

The fourth power
Chemiakin U.V.
The journalism of east states in the system
of teaching of foreign journalism history 86
Trakchtenberg A.D.
The information revolution
in a modern Russian school
(on the example of the town of Megion
of Kchanti-Mansiisk autonomous region).....88

A paradigms and processes
Glushkova S.I.
The historical discourse of rights
of man and modernity 90
Katishevtseva E.V. (*Glasov*)
The problem of power division in the context
of power philosophy of A.A. Zinoviev 91
Belonozhko N.V.
The existential sense of myth.....94
Kudelkin N.
The liberal and communitarian paradigms.....95
Miroshnikov M.U.
Mentality and political discourse in Russia.....97
Tyuniakin Y.
Plekchanov and Lenin:
the argument about socialism 101
Guselnikov V.V.
The modern comparativism in Russia:
sources and features 102
Fishman L.G.
The political values and loyalty to life image.....104

The distinguished guest
«I am a professor of chair of ethics. And that's the
way I am interesting». A talk with academician
of the Russian Academy of Sciences A.A. Guseinov
(*Moscow*) 108

Political technologies
Kiselev K.V.
The PR-ofessional literature and author's law...115
Bashuk A.I.
The cartoon as form of political propaganda
(on the example of Ukrainian pre-election
projects «Veliki peregoni»
and «Semiya Grischenko») 119

Дискурс Пи **contents**

Diakova E.G.
How they set an agenda in election under proportional representation? 124
Rudenko V.N.
Simulative democracy (referendum as a term prolongation instrument of plenary powers of state leader) 127
Belousov A.B.
The transgression of receiver and transmitter in the discrete model of lobbyist communication 130
Zverev A.I.
The phase analysis of state media-relations in extraordinary situations 132
Bocharov A.V.
«Biennale» for a municipality: 2+2=5 136
Berezin S.
The political operator 139

«Beads games»
Lobovikov V.0.
The values of East or logic of West? Does God's slave Levii Matvey contradict to yourself when he confirm he is not a slave? 141

The tropes of method
Rusakova O.F.
The political discouseology 144
Duka O.G.
The political discourse within sense pole 147
Zenkova A.U.
The mechanisms of sense organization in Arabian and west state cultures 149
Petrik O.V.
Semiotics as an idea source of historical anthropology 150
Spassky A.E.
The political and methodological bases of political marketing 154

Policlinic
Fishman L.G.
It is necessary to treat diseases 158
Fadeicheva M.A.
«Golubchiki» faced to East 160

Tribune
Moshkin S.V.
The «New course» of president: what's next? 163
Kiselev K.V.
After Beslan. The pessimism in PR-context 165

Master-class
Miroshnikov U.I.
The inviting to Maser. The dynamics of invariant 169
Loifman I.Y.
I. Kant – a man of science 171

Translations
Spengler 0.
The years of resolve (translated by *S.E. Vershinin*) 172

Uncle Lu's club
Rusakov V.M.
A myth of «Logos» 176
Moshkin S.V.
For those who knit and unravel. How to dissolve a Parlament. The law about Ural science 178
Kazantsev M.F.
The culinary discourse: rizhiki po-severokonevski 179

Sexual watcher
Nekrasov S.N.
Quality of pleasure: hedonist instead of economical man 180
Lobovikov V.0.
In, Yan, Tzia, the ascetic relation to sex and gender equality 182

Presentations
Rusakov V.M.
40 years to Ural philosophical school: to the 70-th anniversary of birth of K.M. Lyubootin and B.V. Emelianov 184
Duka O.G.
About the creation of science school department «Methodology of discourse-analysis in humanitarian and social and political sciences» in the city of Omsk 185

Poetik
Vorobiev A.M.
Mamma. Name 186
From the Vietnamese poetry.
The translations by *U.V. Konetsky*
Chan Dang Kchoa
A thunder-storm. White night. White flowers
Chan Min Tarn
The first love 186
Ladeischikova L.A.
A dignity. *A wreath of sonnets* 186
Model I.H.
Case in Dudinka-port I and postmodernists 188
Gagarin A.S.
Poet.Drink and time 188
Govorkov V.V.
Miniatures 189

New books of philosophy, politology, sociology and law 190

О.Ф. Русакова

СЕМИОТИКА ВОСТОЧНОЙ ПАЛИТРЫ РОССИИ

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор,
зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН,
действительный член Академии политической науки

Дорогие читатели!

Выбор центральной темы настоящего выпуска альманаха, которую мы сформулировали как «Россия лицом к Востоку», был продиктован целой серией обстоятельств.

Вопрос о культурной самоидентификации России, о том, к какому цивилизационному ядру – западно-европейскому или восточно-азиатскому – она теснее всего примыкает, каково влияние Запада и Востока на историческую судьбу России, является весьма традиционным для отечественной историософской и и философско-политической мысли.

В истории российской общественной мысли Х1Х-ХХ вв., начиная с П.Чаадаева, западников и славянофилов, можно обнаружить самые разнообразные версии ответов на данный вопрос и соответствующие этим ответам сценарии будущего России.

Дуальные понятия «Запад» и «Восток» являются полисемантическими, поскольку несут в себе множество смысловых нагрузок.

В историософском плане Запад и Восток – это прежде всего знаковые системы, обозначающие альтернативные историко-культурные типы, системы ценностных ориентаций, связанные с определенными картинами мира и способами духовно-практической деятельности.

В политико-философском плане Запад и Восток означают противоположности либерально-демократической и авторитарно-этатистской ориентации, персоноцентризма и коммунитаризма в политическом мышлении и политической практике.

Для российской духовной традиции характерным является стремление к органическому синтезу западного и восточного элементов при моделировании культурно-исторического образа России. Удачным символическим воплощением такого синтеза многие считают образ двуглавого орла на гербе страны.

Парадигма западно-восточного культурного синтеза отнюдь не исключает, что по ряду духовных и практических параметров на разных исторических этапах возможен явный крен то в одну, то в другую сторону. Евразийцы, к примеру, считали, что именно с восточным креном связано укрепление российской государственности и геополитических позиций страны. Иного мнения придерживались Н.Бердяев и Г.Федотов, считая, что периоды расцвета российской культуры и духовного подъема совпадали с поворотами России лицом к Западу.

Сегодня в жизни России, судя по последним событиям, происходят существенные трансформации, которые указывают, что наступают новые времена, когда ранее доминирующая в политических и интеллектуальных кругах западническая ориентация утрачивает свою приоритетную роль и все настойчивее уравновешивается восточной ориентацией. Это значит, что в настоящее время страна все актвнее поврачивается лицом к Востоку, что в ближайшей, а может быть и длительной перспективе восточные краски заиграют своими самыми разнообразными оттенками в многцветной культурной и политической палитре российской жизни.

Восток в образе таких государственных носителей как Япония, Китай, других быстро развивающихся стран Тихоокеанского региона бросает вызов как Западу, так и России. Этот вызов можно расшифровать как борьбу за новую конфигурацию сил на геополитической, экономичесой и культурно-цивилизационной карте мира, где страны-представители Востока займут лидирующие позиции. Такая перспектива является весьма вероятной. Достаточно посмотреть на впечатляющие достижения такого демографического и территориального гиганта как Китай в области экономики, информатизации, медицины, образования, спорта (вспомним, хотя бы, головокружительный успех сборной Китая на недавних

Олимпийских играх в Греции), не говоря уже о традиционной для китаской культуры высокой трудовой дисциплине и стратагемичности.

Семиотика восточного вызова включает также тревожные сигналы, которые подает Западу и России фундаменталистский исламский мир, в недрах которого возник чрезвычайно опасный очаг международного политического экстремизма.

В современных условиях интенсивной миграции Восток сам врывается в пределы Запада. Доля мигрантов из восточных стран в европейских государствах, в США, в Канаде и в России с годами будет неизбежно увеличиваться. Это необходимо принять как историческую неизбежность. Не только принять, но и найти силы и способы толерантного сосуществования с носителями восточного мира.

Наконец, помимо миграции с Востока, России предстоит разрешить ряд «восточных» проблем внутри собственной страны. Это не только проблема Чечни, но и проблема сдерживания все усиливающихся автократических тенденций в государственном аппарате. Безудержное усиление «внутреннего» Востока может оказаться куда опаснее для России, чем внешние геополитические восточные угрозы.

Осмыслить семантическое богатство и многообразие восточных вызовов – вот, что в первую очередь воодушевляло и вдохновляло авторов данного выпуска.

Кроме темы «Россия лицом к Востоку», альманах продолжает публиковать статьи маститых и молодых российских ученых в своих традиционных рубриках «Галерея», «Антропология», «Четвертая власть», «Политические технологии» и др.

В последнее время существенно расширились контакты редколлегии с ведущими учеными страны, что нашло свое отражение в рубриках «Персона» и «Знатный гость», где опубликованы эксклюзивные интервью с главным редактором журнала «Вопросы философии», доктором философских наук, профессором В.А.Лекторским и академиком РАН А.А.Гусейновым.

Ряд публикаций выпуска анонсируют и освещают важные события, связанные с историей развития Уральской философской школы. К ним относятся наступающий в 2005 году 40-летний юбилей школы, а также личные «круглые» юбилеи ее видных представителей – докторов философских наук, членов редколлегии и руководителей рубрик альманаха «Дискурс-Пи», профессоров К.Н.Любутина и Б.В.Емельянова.

История Уральской философской школы тесно связана также с творческой деятельностью недавно ушедшего из жизни крупного ученого и наставника, Учителя с большой буквы – И.Я.Лойфмана. Его светлой памяти посвящена рубрика «Мастер-класс».

Редколлегия и авторы альманаха не могли не откликнуться на трагические события, которые произошли в конце августа-начале сентября 2004 г. в России. Гибель пассажиров двух авиалайнеров, страдания и смерть сотен школьников Беслана – это страшный удар, нанесенный гражданам России не только со стороны террористов, но и со стороны коррумпированых государственных служащих, безответственных политиков.

Где следует искать выход из кровавого колеса террора? Является ли «новый курс» российского президента, направленный на усиление вертикали власти, адкватным ответом на существующие угрозы внутренней и внешней безопасности страны? Эти и другие проблемы поднимают в рубрике «Трибуна» доктор политических наук С.В.Мошкин и кандидат философских наук К.В. Киселев.

В настоящее время, как известно, происходят серьезные парадигмальные сдвиги в методологическом и теоретическом арсенале гуманитарного знания, рождаются новые категориальные системы, меняется профессиональный язык. Смена парадигм получает отражение и в массовой культуре, и социально-политических процессах. Изменения в ментальных структурах репрезентируют себя в идеологических новообразованиях, дискурсах и социальных практиках. Данным трансформациям посвящена новая рубрика альманаха, которая называется «Парадигмы и процессы».

В рубрике «Тропы метода» представлены новые работы членов научной школы «Методология дискурс-анализа в гуманитарных и социально-политических науках». Здесь вниманию читателя предлагается коммуникативно-семиотическая версия структуры политического и политологического дискурса, раскрываются семиотические истоки исторической антропологии как одного из ведущих направлений отечественной философско-исторической мысли. Поднимаются также актуальные методологические проблемы формирования предметной области политического маркетинга.

Надеемся, что наших читателей заинтересует рубрика, посвященная обзору новейшей научной продукции – книг, опубликованных постоянными авторами альманаха. В этот раз мы решили, что называется, показать товар лицом – выставили на ваше обозрения обложки некоторых изданий.

Завершая предисловие, с особым удовольствием хочу отметить, что недавно у нашего альманаха появилась солидная полиграфическая и маркетинговая база – специально учрежденный Издательский Дом «Дискурс-Пи». В планы издательского Дома входит увеличение периодичности выпуска альманаха, издание серий научно-популярных книг и брошюр. В 2005-2006 гг. предполагается опубликовать по нескольку книг в следующих сериях: «Дискурсология», «Политический маркетинг», «Политическая сексология», «Звезды современной философии».

Редколлегия альманаха и руководители нового Издательского дома «Дискурс-Пи» приглашают всех, кому близок общий дух наших работ, к участию в новых интеллектуальных проектах. Мы открыты для сотрудничества, конструктивных дискуссий и предложений.

Все работы, которые публикуются в Издательском Доме «Дискурс-Пи», выходят под фирменным девизом: Пародоксальность – путь к успеху.

Не исключено, что и читатели настоящего выпуска альманаха, просмотрев все материалы, придут к парадоксальному выводу: Путь России на Запад лежит через Восток.

НИ ЗАПАД, НИ ВОСТОК: РОССИЯ ЛИЦОМ К ГЛОБАЛЬНОМУ МИРУ
(СТАРЫЙ СПОР В НОВЫХ КАТЕГОРИЯХ)

В.С. Мартьянов

Виктор Сергеевич Мартьянов,
кандидат политических наук,
ученый секретарь
Института философии и права
Уральского отделения РАН

Если рассматривать историю дискретно (в противовес историцизму), Россия с первой половины 19 века, когда оформился конфликт западников и славянофилов, до начала 21 века пережила несколько глобальных культурных разрывов. Сегодня страна находится в совершенно иной исторической эпистеме. Поэтому ретроспективно установленная преемственность проблематики западников и славянофилов является в настоящее время ложной парадигмой. Терминология западников и славянофилов, некритически используемая сегодня, несет исторический шлейф смыслов, который вовлекает спорящие стороны совсем в иную, уже «почившую в Бозе» логику спора, отвлекая от политических реалий складывающегося на наших глазах постиндустриального общества. Суть исторического спора сводилась к проблеме модернизации страны, приятию или отторжению Россией середины 19 века капитализма, а также соответствующей этики: быть ей целерациональной утилитарной этикой капитализма и прогресса, нацеленных на эффективность, логику прибыли и выгоду, либо оставаться православной эквивалентной «этикой дара», характерной для традиционных обществ. Та же проблема, но в другой формулировке: что важнее – экономика капитализма, формирующая логику и ценности западного (=универсального) типа культуры, либо национальная культура, которой нужно (или вовсе не нужно) жертвовать в угоду логике экономического развития. Сегодня спор в действительности сместился несколько в иную плоскость. Речь уже не идет о том, быть или не быть капитализму, поскольку Россия де-факто включена в него, но о том, каким капитализму быть в пространстве национальной российской культуры. Иными словами, не что такое капитализм, но при каких условиях он максимально эффективно смог бы работать в России. А эффективность здесь зависит от гармонии с ценностями и культурой, то есть «надстройкой» над экономическим базисом: менять культуру под экономику, либо приспосабливать экономику к культуре.

Рациональная либеральная культура «Modernity», выражающая дух капиталистического прогресса, претендует на универсальность своих экономических законов в глобальном масштабе. Тем не менее, остается неясным – сможет ли экономическая культура капитала и рациональные ценности либерализма, как более «совершенные» в соответствии с концептом «прогресса», полностью вытеснить уникальные уклады жизни различных мировых цивилизаций. С другой стороны, капитализм, тождественный в экономике либерализму, в Европе с 18 века, в России с 19-го, а в мировом масштабе с 20 века занимает доминирующее положение, зачастую прекрасно сочетаясь с любыми не-западными культурами. Но если следовать подобной логике, то реальных противоречий у западничества и славянофильства нет. Противоречия инспирируются либо двусмысленностью исторической терминологии сегодня, либо применением данного антагонизма в прикладных целях, когда оппоненту приписываются негативные коннотации, связанные с одним из данных течений.

В целом же, напрашивается вывод о том, что западничество и славянофильство сегодня представляют не самостоятельные течения, но разные языки описания политической действительности, а потому не могут соперничать за гегемонию на одно и то же «означаемое». Речь скорее должна идти о популярном в современной физике принципе дополнительности в описании сложных исследовательских объектов. Очевидно, что западничество сильней в экономической картине общества, славянофилы – в создании картины культурной. Кроме того, ценностное расхождение культур незаметно, когда речь идет об универсальной экономической политике, диктующей всеобщую логику эффективности в своей сфере. Однако общество несводимо только лишь к измерению своего экономического базиса, оно имеет культуру, концентрирующую пространство субъективных ценностей, не сводимых к объективному измерению дохода, территории, средств производства, численности населения и т.д. Таковы, например, язык, история, вера, оформляющие уникальную матрицу ценностей и смыслов данного общества, которая формирует культурные коды, существующие до, помимо и сверх всеобщего языка либеральной экономики. Именно на уровне культуры образуется простран-

ство ценностного разрыва, «черные дыры» языка, культурные лакуны, которые никогда не поддавались адекватной расшифровке с помощью рационально структурированного языка. Именно здесь возникает проблема невыразимости аутентичного культурного содержания инокультурной терминологией. На универсальном языке выразимо лишь общее, то есть тождество культурного опыта. Различия, составляющие основу неповторимости символов культурных матриц, поддаются выражению, лишь следуя своим внутренним правилам игры и аутентичной внутренней логике смыслов. Кроме того, субъективизм, критика и идеология в политических понятиях неустранимы, так как они детерминированы не только сущим, но и должным той политической практики и культуры, в рамках которой они были выработаны. В отрыве от собственной культурной реальности они могут мутировать из категориальных понятий в идеологические штампы с подвижным смыслом, отражающим интересы интерпретатора.

Сейчас поле смыслов спора классических западников и славянофилов настолько размыто, что без предварительного определения их содержательного наполнения они не поднимаются выше идеологии. Эти идейные концепты подчиняются власти дискурсов, интересы которых они призваны отстаивать. Содержание начинает приписываться самой логикой спора. Здесь ключевые понятия, формирующие структуру проблемы, превращаются в носителей идеологических коннотаций, превращаясь в мифологемы. Типичный пример – причисление к славянофилам государственников, националистов[1], коллективистов, монархистов, а к западникам, соответственно, рыночников, либералов, индивидуалистов и т.д. Подобные абстрактные понятия черпают свою легитимность в некоем общем согласии, молчаливой отсылке к консенсусу относительно их интерпретации. Однако при ближайшем рассмотрении, оказывается, что можно быть и западником-националистом и почвенником-индивидуалистом и т.д., в зависимости от ситуации, сферы, контекста и т.п. Таким образом, очевидные теоретические членения, с которых начинается спор западников и славянофилов, сами по себе попадают под вопрос, либо попросту оказываются нерелевантными.

С другой стороны, отсутствие реальных противоречий между приведенными выше оппозициями, когда мы обращаем внимание с теорий на практику, ведет к исчезновению самого предмета спора. Иными словами, деление на западников и славянофилов применительно к современности дает весьма смутное представление о проблемах и противоречиях, для выражения которых оно за неимением лучшего используется. Кажется, что, наконец-то, на смену искусственным идеологиям пришли «естественные» (подлинные в смысле «идентичности») теоретические разбивки. Но позже оказываются, что воскрешение этих споров связано, прежде всего, с дискредитацией модернистских идеологий и утопий, оказавшихся нерелевантными при переходе к постиндустриальному обществу. «Кому это выгодно?» В условиях системного кризиса и революционных общественных трансформаций – видимо всем, ведь чем выше уровень обобщения, тем дальше мы уходим от нормальных идеологий, которые не способны объяснить новую политическую реальность общества, на уровень спасительной политической мифологии.

На наш взгляд, проблема состоит не в том, кто прав, а кто ошибается. Такова логика идеологии. Интуиция подсказывает, что радикальная реализация любого из обозначенных проектов одинаково пагубна. Важна скорее правильная пропорция заимствований и собственных культурных интенций, традиций и реформ, которая могла бы создать жизнеспособные всходы. Типичный тому пример – Япония и азиатские «тигры». В условиях глобализации невозможно закрыться железным занавесом (что сразу отбрасывает страну на маргинальную обочину мира), так же, как и ориентироваться на Запад, как на идеалтипическую цивилизацию, поскольку логика «догнать и перегнать», способна превратить Россию в лучшем случае лишь в «Запад второй свежести», вечно отстающий и идеологически зависимый от Запада как точки отсчета.

В своих работах Ж.Деррида показывает, что схематичное дуальное мышление, выстраивающее бинарные оппозиции ущербно, поскольку, один из членов оппозиции будет неизменно находиться в привилегированном (нормативном), а другой в притесняемом положении, в зависимости от точки отсчета. Логика спора соблазняет установить одну из теорий в качестве нормативной, должной. В качестве примера бинарная логика вещей западников и славянофилов может быть представлена в следующей таблице:

В связи с этим, качественным критерием политических теорий (всегда балансирующих на грани сущего и должного), определяющим их научную релевантность, является способность методологии адекватно работать на различном культурном материале, не выстраивая иерархий ценностных оппозиций. При этом любая культурная матрица будет иметь собственную логосферу корневых символов, смыслов и ценностей, ключ к которым спрятан в ее собственных глубинах. Пока же можно лишь констатировать, что западничество, связанное с либеральным рационально-индивидуалистическим стилем мышления ориентировано на способы функционирования универсальных экономических и политических ценностей, отсюда стремле-

западники	славянофилы
Индивидуум	Соборная личность
Мозаичная культура	Университетская культура
Ветхий Завет	Евангелие
Предопределенность спасения, личные заслуги, избранные и изгои	Спасение «всем миром»
Классовое общество (цель социальных институтов - воспроизводство расколотого бщества)	Народ
Эффективна конкуренция (специализация, дифференциация)	Эффективна солидарность (кооперация)
Гражданское общество (договорное)	Органическое общество (концепт единого тела народа)
Модель общества есть рынок	Модель общества есть семья
Легитимность власти: договор (обман)	Легитимность власти: верность измена)
Индивидуализм	Холизм
Парламент	Собор

ние найти и внедрить всеобщие коды различных культур. Славянофильство же представляет рефлективную реакцию традиции на подчинение всей культуры «иным» ценностям, что обнаруживает в логике различий «мы-они» границы собственной культурной идентичности. Консервативная славянофильская волна, безусловно, является здравой реакцией современной российской культуры на попытку подчинения ее «самости» иным политико-экономическим ценностям, которые, претендуя на всеобщность, в силу этого имеют дело только с внешней стороной вещей.

В современной исторической эпистеме спор западников и почвенников являет собой частный случай противостояния «панлогистов», констатирующих всемирно-исторический, универсальный характер законов прогресса человечества и определяющих Запад как авангард этого процесса, опережающий на шаг-два остальные культуры, и «органицистов», утверждающих, что культурный потенциал той или иной нации способен эффективно функционировать только при ориентации политической системы на ценности адекватные и соразмерные данной культурной матрице. Сегодня актуальный пример такого спора представляет объективная глобализация политики и экономики, приветствуемая панлогистами, и опровергающая ее культурная (этническая, языковая, религиозная) фрагментация и регионализация мира на цивилизации, между которыми, по мысли С.Хантингтона, культурные различия и полагаемые ими границы будут сильнее политико-экономических выгод.

Сегодня в области политических идей вместо национально-государственных западников и славянофилов сталкиваются глобальные западники и антиглобалисты. По мнению последних, климатические, культурные, географические отличия национальных экономик обусловливают невозможность глобального слияния на нормативных истинах демократии, свободы и капитала. Если глобализм реализует «генетические ценности» «универсального» неолиберального экономического порядка, то антиглобалисты указывают на его особенность, явное противоречие этическим, историческим, национальным, экономическим принципам укладов не-западных экономик, где устранение особенностей этих укладов, фактически, означает кризис основанных на них экономик и политик.

Соответственно субъективная «правота» глобалистов/антиглобалистов относительно позитивных/негативных эффектов глобализации зависит сегодня от того, на ком – «первый», «второй», «третий» политические миры или же, в иной терминологии: центр, полупериферия, периферия – иллюстрируются издержки/выгоды глобализации. Нетрудно заметить, что экономическая глобализация формирует мировое разделение Труда и Капитала, где страны Капитала получают сверхприбыль за счет организации людской и сырьевой эксплуатации слабых стран Труда/Сырья, не входящих в «ядро глобализационных процессов». Более того, «свободная конкуренция» стран «второго» и «третьего» мира между собой за потоки глобальных инвестиций истощает эти страны, лишает ресурсов для национально ориентированного развития. Глобализация отвергает эквивалентный экономический обмен. Любой обмен между субъектом и объектом глобализации носит ассиметричный, властный характер, связанный с изъятием прибавочной стоимости у тех, кто ее произвел.

В настоящее время логика российских западников представляет собой апологетику глобализации. Здесь российская национальная политика подвергается полной имманентизации, иными словами, детерминируется только материальным (посюсторонним), в логике привилегии экономической референции общества. Как следствие, российская политика характеризуется исчерпанием фундаментальных идей, отсылавших к морали, откровению, провидению, мистике, судьбе, добру и злу. Соответственно, славянофилам не остается ничего другого как превратиться в антиглобалистов. Необходимость мыслить о судьбе России в глобальном плане влечет поиск ответов на вопрос: «Возможны ли альтернативы неолиберальной (неэквивалентной) модели глобализации, наблюдаемой сегодня?»

По мнению антиглобалистов глобализация осуществляется через разрыв человека культурно-исторической традицией нации. Только устранив или ограничив в ходе социализации (семья, школа, университет) «причащение к традиции», можно нейтрализовать нацию-государство как ключевой уровень политической идентификации и основного политического субъекта. Оправдание глобализации связано с историцизмом как подчинением фатальным, объективным законам истории, экономики, рынка, прогресса, независимым от человека. Глобализации сопутствует дегуманизация, поскольку исключению из культур всего особенного и традиционного препятствует именно субъективный человеческий фактор.

Сегодня альтернативы глобальному западничеству связываются в основном с маргиналами как общества: анархисты, экологи, антиглобалисты, различного рода меньшинства, так и странами-маргиналами, которых эксплуатирует «глобальный мировой капитал», и которые (в марксистской логике) должны будут ответить на эксплуатацию созданием «глобального интернационала угнетенных», в составе всего «третьего» и бывшего «второго» мира. В свое время эта идея реванша Маргиналов, выдвинутая Г.Маркузе, соотносилась с левыми идеями. Ее спорность состоит в том, что маргиналы как люди, выкинутые из системы, вовсе не превращаются автоматически в анти-системную силу. Скорее система, в случае возникновения реальной угрозы со стороны «маргиналов», пойдет на увеличение издержек их содержания. То есть, приручит, адаптирует и нейтрализует эти разрозненные группы, скорее, чем те смогут (и смогут ли), составить ей действительную альтернативу.

По мнению российских антиглобалистов, реального политического субъекта, который мог бы противостоять «золотому миллиарду» как субъекту глобализации, после краха СССР и соцлагеря – не существует. Россия как отдельное государство способна защитить себя лишь с помощью автаркии, позитивные результаты которой весьма спорны. В настоящий момент альтернатива ассиметричной глобализации связана лишь с трансформацией самого Запада, как субъекта глобализационных процессов, демобилизацией его политической воли в результате исчерпания пределов роста (сырьевых, технологических) или природных катаклизмов. Сегодня глобальная оппозиция контролируема и

не катастрофична. Главная угроза глобализации связана с возрастанием и реваншем всего того, что было ею подавлено и вытеснено как «проклятая сторона вещей», не-норма. Возможно, «проклятая сторона» кристаллизуется в идеях, связанных с религиозной эсхатологией, хилиастичностью, надвигающимися глобальными экологическими угрозами. В любом случае, глобализму, связанному с универсальностью экономического кода и методологическим индивидуализмом, способен противостоять только политический тоталицизм, связанный с методологическим холизмом. В перспективе эти идеи будут левыми, так как правые либерально-консервативные идеологии ориентированы на сохранение статус кво и связаны национальными границами, препятствующими их переносу на глобальное политическое сообщество.

[1] Национализм в отличие от патриотизма нагружен негативными смысловыми коннотациями, поэтому практически никогда не используется для самореференции, но лишь для характеристики других.

С.И. Орехов У.Н. Решетнева

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОКИ И СОДЕРЖАНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ КИТАЯ, или КИТАЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Сергей Иванович Орехов, доктор философских наук кафедра философии Омского государственного педагогического университета

Ульяна Николаевна Решетнева, ст.преподаватель кафедра иностранных языков второй специальности, Омского государственного педагогического университета

Китай – это страна, которая обладает не только самой большой численностью населения, но и богатейшей культурой, древнейшей государственностью. Еще в глубокой древности сложился жизненный уклад, сохранившийся во многом до настоящего времени. Современный Китай воспринимается как еще одна (становящаяся) сверхдержава, которая стремится занять к середине XXI века доминирующие позиции в мировой экономике и политике, что правомерно предполагает обсуждение роли китайской цивилизации и, одновременно, порождает необходимость изучения и понимания культурных ценностей данного народа.

Одной из составляющих китайской культуры является (гео)политическая составляющая, особенности и предпосылки которой были сформулированы еще в древних религиозно-философских учениях, задавших традицию тесно переплетенного функционирования институтов и морально-религиозных императивов. Современные геополитические воззрения носят во многом интегративный характер, соединяя в себе особенности *традиционного* и *современного*.

Три направления традиционной китайской мысли – конфуцианство, даосизм и буддизм – это «три дороги к одной цели». Синкретичность этих учений образует высокую духовную устойчивость китайцев по отношению ко внешним воздействиям. Порядок вещей и традиционный уклад жизни, основанные на религии и философии прошлого – таковы основы китайского общества и государства. Культура прошлого дана как текст и через текст, которому можно дать различную содержательную (ре)интерпретацию: экономическую, социологическую, (гео)политическую, экологическую и др., то есть не просто включить это прошлое в настоящее, а обосновать современность, вписать ее в классическую традицию. Как гласит китайская идиома: «Наследие прошлого должно служить настоящему» (*Gu wei jin yong*).

В политическом мышлении любого древнего государства всегда были фрагменты геополитического мышления: Демокрит, Геродот, Страбон, Платон, Аристотель, Полибий, Марк Аврелий, и др., оставили после себя множество мыслей, содержание которых носит геополитический характер. Однако эти разрозненные мысли превратились в систематическую геополитическую теорию достаточно поздно: в конце XIX – начале XX веков, в период имперской активности европейских стран и создания глобальных империй. Контроль (экономический, военный, политический) над пространством является основным вопросом или основной про-

блемой геополитики, которая всегда формулировалась недвусмысленно. Этот вариант геополитики можно назвать *классической геополитикой,* которая основывалась на идее: *особенности географической среды определяют внешнюю политику.*

Исследуя ситуацию конца XX – начале XXI веков, правомерно говорить о возникновении *неклассической геополитики,* которая изучает детерминирующую роль ряда факторов по отношению ко внешней политике на основе следующей схемы: *географическая среда – ресурсы и технологии – человек – массовое сознание и менталитет – внешняя политика.* Опираясь на понятийный аппарат классической геополитики, неклассическая геополитика изучает роль новых явлений в жизни государства. К новым геополитическим факторам относят оружие массового уничтожения, средства доставки этого оружия, воздушное и космическое пространство, массовое поведение людей, самого человека, его психологические особенности, национальный менталитет. Современный контроль над пространством со стороны политических институтов, прежде всего государств и государственных союзов, помимо военного, политического и экономического, приобретает новые формы, в частности, идеологический, коммуникационный, информационный, технологический и культурно-национальный контроль.

К такой *неклассической геополитике* можно отнести современные геополитические взгляды китайского руководства, которые отличаются причудливыми переплетениями древних идей и новейших концепций. Китайская геополитика демонстрирует своеобразный «антропологический поворот» в этой области. Центральным фактором китайской геополитики является человек, понятый через призму классической философии. Современные лидеры вновь воспроизводят мысль Конфуция: «Из рожденных Небом и Землей человек является самым ценным».

В Древнем Китае одним из первых стал излагать геополитические идеи Чжоу-гун (XI-X в. до н.э.). Сунь Цзы (VI-V до н.э.) – основоположник школы «военной философии» – и У Цзы (IV до н.э.) в своих «Трактатах о военном искусстве» предприняли попытку рассмотрения роли государства в организации военных действий и их зависимость от географических условий. В дальнейшем, каждое новое учение – *конфуцианство, даосизм, моизм, легизм, буддизм* – с необходимостью разрабатывали политические и геополитические проблемы. На протяжении длительной истории Китая эти учения оказывали влияние друг на друга, даже при противоборстве происходила ассимиляция ряда идей и философско-религиозные взгляды начинали существовать на основе принципа дополнительности.

Особенно велико значение политического наследия Конфуция. Современное сознание обществ АТР, как само собой разумеющееся, усваивает мысль, что уже формируется азиатская цивилизация, которая базируется на конфуцианстве, даосизме и буддизме. Происходит «азиатизация Азии», вестернизация отходит на второй план, а регион возвращается к своим духовным истокам. Основу этого процесса составляет своеобразная «азиатская идея», построенная на следующих ценностях: семья, приоритет групповых интересов над индивидуальными, взаимная ответственность друг перед другом, сильное государство – гарант интересов личности/группы.

В контексте этого процесса, рассматривая геополитические устремления Китая, необходимо учитывать его культуру. Основные идеологемы китайской геополитики явно или неявно строятся на текстовых откровениях древних и им присущи *традиционализм*, *ретроспективность, авторитарность.* Современное мышление, ориентированное в будущее, ищет опору в прошлом. Действует принцип: подлинность и истинность идей настоящего, обусловлены древностью и личностью. Наиболее древним учением, которое показало свою эффективность, является конфуцианство. На протяжении длительной истории Китая конфуцианский канон стал рассматриваться как практически полный свод истин: достаточно уяснить смысл высказываний Учителя, чтобы получить ответы на волнующие вопросы. Но этот смысл не всегда дан явно, он может быть скрыт в самом тексте. Поэтому последователи и должны расшифровать, разъяснить древний текст и адаптировать его применительно к современности.

В ноябре 2002 года состоялся XVI съезд КПК. Его решения имеют стратегическое (геополитическое) значение не только для Китая, но и для мирового сообщества. Среди главных результатов этого съезда, в частности необходимо указать на приход к власти «четвертого поколения» руководителей (в истории народного Китая Мао Цзэдун воплощает первое поколение лидеров, Дэн Сяопин – второе, Цзян Цзэминь – третье, Ху Цзиньтао – четвертое); включение в партийный устав идеи Цзян Цзэминя о «трех представительствах» (*саньгэ дайбяо*), допускающей возможность для частных бизнесменов вступать в партию и занимать в ней руководящие посты. В марте 2004 года Всекитайское собрание народных представителей приняло поправку к Конституции, которая впервые после революции 1949 года провозглашает «неприкосновенность законной частной собственности граждан», раньше таковой признавалась только государственная и общественная собственность. Резолюция съезда провозглашает «великое возрождение китайской нации на пути социализма с китайской спецификой». КПК, претендуя на то, чтобы представлять интересы всего народа и передовых производительных сил (рыночной экономики, высоких технологий), выдвинула в качестве социального ориентира концепцию «общества среднего достатка» (*сяокан*).

Замысел о связи планируемых реформ с понятием «*сяокан*» принадлежит Дэн Сяопину, который еще в декабре 1979 года отмечал: «Выдвигая задачу четырех модернизаций, мы как минимум ставим себе цель создать к концу XX века общество со среднезажиточным уровнем жизни» (Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. С.70.). Дэн Сяопин не упомянул о теоретических источниках концепции *«сяокан»,* полагая, что руководителям, прошедшим традиционную школу обучения, достаточно самой идеи для понимания ее источников. Китайское мышление строится на *недосказанности*, но понятности окружающим, имеющим одинаковое образование: sapienti sat! Концепция *«сяокан»* у Дэн Сяопина переплетается с другими идеями Конфуция: доверия, взаимного долга верхов и низов, почитания старших и др.

Концепция *«сяокан»* – это не изобретение XX

века. Впервые упоминание о «*сяокан*» встречается в «*Ши цзин*» («Канон песен») – это самое раннее поэтическое собрание китайской древности. «Народ ведь выбился из сил, пора бы дать ему немного отдохнуть (*сяокан*)» (Лукьянов А., Переломов Л. Из истории идеологемы *сяо кан* // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С.29.). Иероглиф «*сяокан*» входит и в контекст фрагмента из книги «*Ли цзи*» («Книга ритуалов»). Это одно из произведений конфуцианского канона дает второе значение иероглифу «*сяокан*» – *малое умиротворение* (перевод И.С.Лисевича). В «*Ли цзи*» приводится рассуждение Конфуция о ритуале и необходимости его соблюдения, так как почитание ритуала обусловливает справедливость, верность, человеколюбие, уступчивость, постоянство и пр. Все это и называется *малым умиротворением* («*сяокан*») (Ли цзи // Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С.101.).

Китайский историк Шэнь Гуаньцюнь подчеркивает, что Конфуций высказал своего рода формулу: «*Шу–фу–цзяо*» (народ–богатство–воспитание) (Шэнь Гуаньцюнь. Воспитание и педагогическая мысль в Древнем Китае. Ухань, 1956. С.15.). То есть, люди должны быть сытыми, одетыми, иметь прожиточный минимум, а затем следует осуществлять их воспитание. Суть конфуцианской идеи «малого благоденствия» («*сяокан*»), состоит в том, что правитель должен заботиться об обеспечении народа одеждой и питанием, о его просвещении.

Содержание иероглифа «*сяокан*», построенного на классических текстах, подвергается современной реинтерпретации, в соответствии с политико-идеологическими запросами: во-первых, иероглиф «*сяокан*» в сочетание с другими иероглифами («*сяо кан чжи цзя*») можно перевести как «*средне зажиточная семья*» и, во-вторых, «*сяокан*» отождествляется с *обществом средней зажиточности*.

Одновременно надо учесть, что концепция «*сяокан*» связана с концепцией «*да тун*» (Великое единение, равенство, тождество/подобие). Содержание этой концепции восходит к даосскому канону *«Чжуан-цзы»,* в котором иероглиф «*да тун*» выражает предельно общий онтологический смысл: «полное единение [всей] тьмы вещей». Конфуцианцы развили содержание «*да тун*» в специальное социально-политическое учение, которое канонически сформулировано в трактате «*Ли цзи*». Сущность «*да тун*» выражается девятью иероглифами: «*Da dao zhi xin ye. Tian xia wei gong*», что обычно переводится: «Когда действовало Великое дао, Поднебесная принадлежала всем (была общей)». Изложенное в «*Ли цзи*» лаконичное описание идеального общества «великого единения» в дальнейшем начинает приобретать все большую популярность и в современном политическом лексиконе Китая «*да тун*» означает своеобразное абсолютное общественное процветание, по-разному интерпретированное представителями различных философских школ и политических партий.

Наряду с вышеуказанными конфуцианскими и даосскими положениями, в современном идеологическом лексиконе появилась фундаментальная категория древней философии – «*дэ*» (честность, благодать, справедливость). Еще отец древнекитайской политической мысли Чжоу-гун в обращеном к бывшим подданным династии Шан-Инь «Великом воззвании» («Да гао»), вошедшем в текст *«Шу цзина»,* разрабатывая формулу смены династий, полагал, что мандат властелина предоставляется Небом тому, кто воплощает в себе наибольшее количество «*дэ*».

Цзян Цзэминь провозгласил, что необходимо соединить «управление страной на основе закона» с «управлением страной при помощи добродетели» (*и дэ чжи го*). Привлечение категории *дэ* свидетельствует о важности моральных норм в процессе формирования отношений между властью и народом. При помощи категории *дэ* можно объяснить и негативные явления, так как сам факт утраты «*дэ*» – это, согласно древним канонам, аморальность правителя, пренебрежительное отношение к подданным, нарушение норм справедливости.

Кроме того, надо отметить, что иероглиф *дэ,* входя в сочетание *гун дэ,* рассматривался как учение о накоплении (духовных) заслуг. *Гун дэ* – это китаизированное буддийское учение о воздаянии, которое было популярно в средневековом Китае среди императоров и чиновников: многие стремились накапливать духовные заслуги *(гун дэ)*. Одним из моментов буддийского учения о властных отношениях была концепция *порядка*. И современный лозунг «управления страной при помощи добродетели» для наведения законного порядка, совмещает в себе взаимосвязь конфуцианских и буддийских идей.

Ставку при формировании жизненных ориентиров на основы, уходящие корнями в прошлое китайского общества, можно рассматривать как создание новой идеологии, основанной на *национализме*, базирующемся на ряде классических философских учений, *прагматизме* и своеобразной *конфунизации марксизма*. Эта идеология, созданная на основе концепции «*сяокан*» с привлечением других категорий древней китайской философии, формирует далеко идущие геополитические устремления Китая с целью превращения его в сильную мировую державу.

Древние китайцы говорили: «Великая страна не боится внешних врагов, ее можно разрушить лишь изнутри». Поэтому строительство Великого Китая начато изнутри, и китайцы мало обращают внимание на то, как к этому относятся другие. А суть внешнеполитической доктрины Китая проста: пять принципов мирного сосуществования, отказ от гегемонии, равенство, взаимная выгода и т.п. Эта доктрина формально остается неизменной, но на практике за последние годы наблюдается все большее стремление Пекина реализовывать собственный политический курс, основанный на понимании места и роли Китая в мировом историческом процессе. *Синоцентризм* никуда не исчезал, он просто менял свои формы. Самоназвание Китая – Центральное/Срединное государство (Чжунго). «О степени устойчивости этого самоназвания и стоящих за ним космологических и геополитических представлений красноречиво свидетельствует факт включения в оригинальное название КНР сочетания чжун го: *Чжун хуа жэньминь гун хэ го,* (zhonghua renmin gongheguo) досл. «Центральное/Срединное процветающее народное коммунистическое государство» (Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С.107.).

В рамках геополитического сознания Китай начинает рассматривать себя как одну из глобальных держав, в ней формируется новое поколение, у которого нет привязанности к России как к стар-

шему брату, а ориентация на Запад – видимость. Китай ориентируется на себя. Образ мира, в котором Китай будет играть роль геополитического центра, еще недостаточно ясен, но он постепенно создается. Борьба Пекина за мировое лидерство не просто началась, она идет давно, естественно, что китайские лидеры об этом открыто не говорят.

Реализуется своеобразная китайская концепция «подвижных границ». Ее сущность: на основе благополучной внутренней политики осуществлять внешнюю политику передвигающихся, расширяющихся границ. Китай оказывается географически окончательно незафиксированной территорией и как геополитическое образование он является динамической системой, стратегически ориентированной, пусть и на медленное, но самовозрастание.

С древности и до конца XIX века существовало деление близлежащих территорий на *фань* и *шу*. *Шу* – это территории, которые приобрели независимость и стали самостоятельными государствами. С ними Китай обращается на равных или почти на равных. *Фань* – это территории, которые ранее считались китайскими, а теперь находятся под юрисдикцией других государств, но это не означает того, что Китай с этим смирился. У него свое, особое конфуцианско-буддийское понимание международного порядка.

В своей книге «История династии Хань» Бань Гу (I в. н.э.) писал о китайцах так: «Люди здесь по натуре уравновешены и добры, почвы плодородны, растительность разнообразна. Посему здесь рождаются на свет великие мудрецы. Земли же варваров расположены по краям, и жизненные свойства вещей там ущербны. А потому в их владениях не рождаются мудрые мужи» (Цит. по Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000. С.112.). В сознании древнего и современного Китая всегда присутствовало мнение о величии и превосходстве китайской культуры и существовала интенция рассматривать соседей как кандидатов в китайцы.

Неторопливо, постепенно идет процесс образования *Большого Китая*: создание политической и экономической общности: КНР, Тайвань, Сянган (бывший Гонконг), Макао, Сингапур. Эти интеграционные процессы протекают на территории, в основном, с китайским населением. Происходящая «тихая ассимиляция» соседних народов, есть основа нынешней геополитики, точнее ее второй скрытый смысл. Наряду с этим зреет идея превращения Большого Китая в *Великий Китай* на основе интеграции с Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Таиландом. В этих странах капитал *хуацяо* (местное китайское население) занимает господствующее место.

Таким образом, современная геополитика Китая строится на следующем принципе: *от Китая – к Большому Китаю, от Большого Китая – к Великому Китаю.*

Американские геополитики Джордж и Мередит Фридманы, пишут: «Двадцать первый век будет американским веком... Предыдущий период был лишь прологом к нему... С демонтажа Советского Союза начинается подлинное американское столетие» (Friedman George and Meredith. The Future of War and American World Dominance in the 21 Century. New York, 1997.). Они ошибаются, наивные американцы, XXI век будет веком китайским...

КОНФУЦИЙ И ШАН ЯН: В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА[1]

В.Л. Берсенев

Владимир Леонидович Берсенев,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт экономики УрО РАН

Прелесть *economics* – «чистой» экономической теории – заключается в том, что все ее принципы, постулаты и даже догматы можно при желании разместить на одном листе бумаги. Когда сакраментальный выбор между экономической эффективностью и социальной справедливостью сводится к проблеме угла наклона кривой на некоем графике, задумываться о чем-то ином, эпохальном и нетленном, но выходящем за пределы перечня факторов производства – это, господа, моветон.

Является ли, в таком случае, нравственность категорией неэкономической? Для сонма наших вчерашних политэкономов-марксистов, с упоением ныне рисующих на доске «крест Маршалла» как наивысшее достижение экономической мысли, ответ на сей риторический вопрос однозначен. Слишком по-марксистски звучит это слово. Так и о передовой идеологии класса-гегемона по привычке можно невзначай помянуть вслух, а это уже свидетельство о профнепригодности. Отсылка же к тому факту, что небезызвестный А. Смит был по основному роду занятий преподавателем нравственной философии (чудный оксюморон!), должна восприниматься как идеологическая ди-

версия «красно-коричневых».

Между тем классическая политическая экономия рождалась в попытках именно с нравственных позиций объяснить, откуда берутся доходы – заработная плата, прибыль, рента – и почему они распределяются именно так, как распределяются. Надо воздать должное «классикам», картина распределения доходов у них получалась не слишком приглядная. Поэтому тот же А. Смит, убрав государство из экономической жизни «невидимой рукой рынка», среди трех обязанностей государя оставил «обязанность создавать и содержать определенные общественные учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах никаких отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них никогда не сможет оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу»[2]. Иными словами, государству разрешалось выполнять высоконравственную функцию заботы об общественном благе и о тех, кто сам не в состоянии о себе позаботиться.

Споры о роли государства в экономике широкий жест великого шотландца, конечно же, не прекратил и не мог этого сделать, поскольку вопрос сей из разряда бесконечно повторяющихся. Подтверждением тому являются не только современные распри (иначе выпады апологетов той или иной фантасмагории на тему «Государство и экономика» не назовешь), но и неопределенность нижней хронологической границы момента «постановки проблемы». Принято считать, что начало полемике положили в XVII в. поздние меркантилисты (Т. Ман и др.) – поклонники протекционизма и противостоявшие им ранние «классики» (П. де Буагильбер и др.) – сторонники фритредерства. С европоцентрической точки зрения это утверждение близко к истине, поскольку ни у Фомы Аквинского, ни у Аристотеля полемических статей о государстве и экономике обнаружить пока не удалось. Однако имеется в кладовой цивилизации еще и восточная философия с ее непостижимыми для белого человека рассуждениями о вечном через сиюминутное. Отсюда приходится признавать, что спору и о месте государства в хозяйственной жизни, и о нравственных аспектах государственного регулирования экономики отнюдь не 350, а все две с половиной тысячи лет, и «повинны» в этом китайские мыслители, среди которых выделяются Конфуций (551-479 гг. до н.э.) и Шан Ян (390-338 гг. до н.э.)

На протяжении веков в Китае не утихали рассуждения о том, добр ли человек по природе своей или своекорыстен, насколько далеко может заходить государство в отстаивании своих интересов, нужны ли ему подданные-механизмы или подданные-граждане, нужна ли война для поддержания престижа страны или нужен вечный мир. Как известно, в середине I тысячелетия до н.э. на почве подобного рода споров сложились две антагонистические школы – конфуцианская и легистская. Вклад их в мировую культуру огромен, и каждый может выбрать из китайской традиции философствования что-нибудь для себя близкое. К примеру, не секрет, что Конфуций воспринимался не иначе, как идеал мудреца в Европе эпохи Просвещения, а Шан Ян в настоящее время является «отцом и учителем» для наших национал-большевиков.

Должно быть, «Книга правителя области Шан» обладает изрядными достоинствами, если некто А. Игнатьев на страницах главного рупора ультралевых, газеты «Лимонка», заявляет: «Не мешало бы и нацболам, как людям принципиально ненавидящим гуманистическое сюсюкание, познакомиться с этой классикой азиатского тоталитаризма». Редакция «Лимонки» добавляет: «Самая крутая книга в истории» – так характеризует ее Э. Лимонов, у которого «Книга правителя области Шан» всегда находится в изголовье кровати»[3].

Можно было бы удивляться, почему на этом фоне «Лунь юй» Конфуция не выступает, хотя бы из духа противоречия, в качестве любимого pulp fiction интеллигентных поклонников наших «правых». Однако в данном случае инстинкт самосохранения не позволяет в прошлом инженерам, ныне торгующим сигаретами в подземных переходах, следовать слову «не того» Учителя, поскольку великий мудрец не просто был далек от проблематики прав человека, но и сам был склонен к недемократичным методам решения проблем китайского общества. Не признавая равенства людей, он по-своему обосновывал необходимость сохранения социальной стратификации по линии «старший – младший», а его робкие рассуждения о возможности для каждого крестьянина выучиться на чиновника напоминали «великую американскую мечту» о чистильщиках обуви, превращающихся в миллионеров.

Для сего общества в рассматриваемый период была характерна всеобщая свара. На территории Китая существовало несколько беспрерывно враждующих между собой царств, в каждом из которых, в свою очередь, шло ожесточенное соперничество за власть между правителями и аристократией. Правители для поддержания своей власти пытались создать по всей стране систему управления из верных центру чиновников, а это обусловливало необходимость содержать растущий бюрократический аппарат. Естественно, что правители стремились привлекать в качестве советников людей, не связанных кровными узами с местной аристократией, но сведущих в управлении. Воистину, спрос определял предложение, и посему именно в эту эпоху распространяется институт странствующих мыслителей, по совместительству – специалистов в области управления государством.

Вместе с тем, несмотря на то, что к тому времени в Китае уже существовал тысячелетний опыт государственности, а в период Западного Чжоу проявились все основные черты развитой бюрократии, единого учения о государственном управлении не было. Социальный заказ на новую идеологию старались выполнить представители самых различных школ, не только конфуцианцы и легисты, но и моисты, даосы, логики и натурфилософы. Обессмертить свое имя смогли лишь те, кто довел идею сильного централизованного государства до логического, в своем представлении, конца.

Принято полагать, что Конфуций в бесчеловечную и кровавую эпоху убийств и принуждений призвал к гуманности, ко всему доброму, что содержит в себе человек. Основанием для этого служат активно используемые им понятия *жэнь* («гуманность», «человеколюбие») и *ли* («правила», «этикет»)[4]. Однако они рассматриваются отнюдь не как цель, а, скорее, как средство укрепления вла-

сти далекого от гуманизма правителя, способного сломить сопротивление старых аристократических кланов и объединить разрозненные царства в империю под своим чутким руководством. Соответственно, Конфуций, не ставя перед собой задачи обосновать необходимость объединения страны, предлагает набор слоганов для будущих PR-кампаний в духе «Да здравствует император!»

Центральное место в концепции Конфуция занимает учение о благородном человеке – *цзюнь цзы*. Благородный муж – образец поведения, человек, которому должны подражать все жители Поднебесной. Он является носителем того самого *ли* – системы морально-этических принципов и норм поведения. Значение *ли* весьма объемно. Сюда входят почитание предков и особенно родителей, человеколюбие и, прежде всего, любовь к родственникам, уважение к старшим и подчинение им, честность, искренность, стремление к внутреннему самосовершенствованию и т.п.

Конфуций утверждал, что каждый мог стать благородным мужем, все зависело от самого человека. Образованность открывала широкие возможности для карьеры чиновника, и только из числа благородных мужей мог выдвинуться глава государства, и он же должен был опираться на них как на представителей управленческого аппарата. Тут следует воздать должное Конфуцию, поскольку он утверждает: «Благородный муж не инструмент»[5]. Иными словами, он устанавливает для мыслителя статус высоконравственного независимого советника – профессионала высшей пробы. Как говорится, нам и не снилось...

В идеальной модели личности Конфуций видел ключ к созданию гармоничного общества как составного элемента государства. У него общество не могло противостоять государству, ибо их связывали общие ценности, но в определенной мере оно могло исполнять контрольные функции. В случае нарушения верхами принципов *ли* общество могло оказывать на них пассивное давление. Моральные установки общества распространялись и на политику. Именно слияние этики с политикой и вызвало впоследствии такое мощное противодействие легистов. По словам М.А. Блюменкранца, Конфуций соединил воедино два таких разных в нашем представлении понятия, как «власть» и «справедливость». Ибо в их единстве реализуется Воля Неба[6].

Надежда на имманентно присущую правителю справедливость во всем отчасти напоминает мечты наших шестидесятников о палачах с добрыми глазами. Впрочем, те из них, кто дотянул до «бурных девяностых», ничтоже сумняшеся отреклись от любимых «комиссаров в пыльных шлемах», ибо на этом уже нельзя было заработать.

Почему Конфуций предпочитал опираться на эфемерные представления о нравственных началах управления государством, а не на принцип всеобщего равенства перед законом, пропагандируемый ранними легистами школы *фа цзя*? Сам по себе этот принцип естественным образом покушался на основы иерархически организованного древнекитайского общества, что нельзя было не приветствовать с позиций европейского гуманизма и приверженности идее прав человека. По крайней мере, французы пару тысячелетий с хвостиком спустя ради «эгалитэ» не постеснялись отправить на гильотину десятки тысяч сомневающихся, и благодарные потомки назвали все это победой Разума над мраком Средневековья. Конфуций же видит во всеобщем равенстве перед законом насилие над личностью. По его мнению, все, насильственно навязываемое сверху, будет воспринято лишь поверхностно и не дойдет до душ людей, а значит, неспособно к результативному функционированию: «Если наставлять людей путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] правил, то [в народе] появится [чувство] стыда и он станет послушным»[7].

Стыдливые и поэтому послушные подданные – красиво, оригинально, гуманно, но непрактично. По крайней мере, на протяжении последних пяти тысяч лет лояльность обеспечивалась либо силой оружия, либо силой денег, и трудно себе представить, чтобы чувство стыда могло выступать при этом в качестве посредника между властью и народом, если только этот народ в массовом порядке не подвергался предварительно операции по лоботомии. Гораздо лучше с этой миссией справляется закон. Очевидно, сию простую истину хорошо понимал «злой гений Конфуция» (характеристика Л.С. Переломова), Шан Ян, советник правителя царства Цинь.

Перед Шан Яном стояли иные задачи, поэтому его интересовали не нравственные начала государственного управления, а способность государства к укреплению и расширению путем поглощения более слабых соседей. Не случайно он особое внимание уделял развитию сельского хозяйства, ибо осуществление многих его кардинальных политических установок зависело от успешного разрешения зерновой проблемы. Речь, прежде всего, идет о перестройке системы управления, так как создание нового бюрократического аппарата, находящегося целиком на содержании казны, должно было в десятки раз повысить расходы царского двора. Имелось в виду также и успешное осуществление внешней политики, поскольку войны, к которым призывал Шан Ян, были невозможны до тех пор, пока в стране не будут созданы большие запасы продовольствия. Поэтому Шан Ян советовал осваивать целину, привлекать безземельных крестьян из других княжеств, а также сохранять от разорения собственных земледельцев, для чего даже предлагал запретить всякую частную торговлю зерном.

Для укрепления экономического могущества царской семьи Шан Ян предложил ввести государственную монополию на разработку естественных богатств, передав соответствующие доходы правящему дому. Это предложение сыграло в дальнейшем большую роль в укреплении экономической основы китайского централизованного бюрократического государства – в империях Цинь и Хань были учреждены государственные монополии на соль и железо.

Все эти экономические реформы держались на антигуманных методах управления. По мнению Шан Яна, гуманный царь не может управлять страной. Хорошее правление возможно только там, где правитель опирается на единые, обязательные для всех законы. Именно при помощи закона

возможно проведение крупных экономических и политических акций. Правитель получает неограниченную власть, он творец законов и не обязан ни с кем обсуждать свои решения. Никакого наказания правителю за нарушение законов и норм морали не предусматривается. Исключена всякая критика деяний главы государства.

Внутри страны лишь преданность правителю и усердие в исполнении его приказов позволяло человеку делать карьеру, и не на последнем месте в продвижении по службе стояли доносы. Еще ранние легисты сделали донос основой управления государством, призывая наушничать даже на близких родственников, что вызывало негодования Конфуция. Шан Ян сделал взаимную слежку и доносы среди чиновников основой контроля над бюрократией. Благородным мужам Конфуция в этой системе места не было.

Шан Ян не приветствовал образованность. Правителю был нужен преданный, но ограниченный подданный, интересующийся лишь сельских хозяйством и войной. Чем меньше подданный знает, тем лучше: «Когда люди глупы, можно царствовать над ними при помощи ума». Шан Ян не стеснялся поделиться своими соображениями о том, почему он симпатизирует именно необразованным: «Когда появляется государь, исчезает нужда в мудрых». Впрочем, людей образованных он не опасается: «В наш век умные [люди] не имеют избытка силы, и их легко подчинить»[8].

Шан Ян был последователен в своем стремлении создать «нового человека». Именно он впервые в истории Китая выступил с призывом сжигать вредную литературу, мешающую воспитанию «государственного человека». Он предлагал оградить общинников от воздействия всех идей и учений, исключая легистское. Наиболее эффективным методом воздействия на массы Шан Ян считал введение единой системы наказаний, награждения и «воспитания». Он умело использовал происходившую в обществе переоценку моральных ценностей, проповедуя, что все люди от природы жадны и своекорыстны.

Одним из наиболее эффективных методов управления народом Шан Ян считал наказания. Он выдвинул новую, неизвестную ранее в Китае концепцию наказания, отрицая необходимость выявления какой-либо связи между мерой наказания и тяжестью содеянного и утверждая, что необходимо жестоко карать даже за малейшее нарушение приказов царя, ибо в противном случае невозможно управлять народом.

Конечно же, стремление Шан Яна полностью лишить китайский народ тех культурных и духовных ценностей, которые были накоплены за предшествующие полторы тысячи лет, было утопичным (антиутопичным, если вспомнить Дж. Оруэлла). Ближайшие события показали, что даже в период наивысшей концентрации власти, которая была достигнута при Цинь Шихуане, государству не удалось установить полный контроль над общинниками: общины, сохранившие органы самоуправления, жили своей духовной жизнью. Однако победителей не судят, а царство Цинь, варварское в культурном плане, но сильное и беспощадное на войне, объединило Китай, и его правитель был провозглашен императором под именем Цинь Ши Хуанди.

Шан Ян не дожил до триумфа своих идей. За пустяковую провинность его разорвали повозками (ох уж эти восточные казни), но это стало лишь прелюдией к начавшимся через сто лет гонениям на его идейных противников. В 213 году до н.э. по всей стране были сожжены конфуцианские книги, классические сочинения «Ши цзин» и «Шу цзин», а также сочинения по истории всех царств, кроме Цинь. В 212 году был учинен допрос всем ученым для выявления сторонников конфуцианства, критиковавших императора. Группа конфуцианцев, насчитывавшая свыше 460 человек, была заживо закопана в землю. Остальные, число которых было во много раз больше, были сосланы на строительство Великой китайской стены.

Земная слава проходит быстро. Империя держалась на страхе и авторитете Цинь Ши Хуанди, и после его смерти династия Цинь пала под натиском мощного народного восстания, в котором принял участие и потомок Конфуция в восьмом поколении – Кун Цзя. Новая династия Хань сумела избежать возрождения бесплодных споров между конфуцианцами и легистами, синтезировав в государственной идеологии элементы обеих школ.

Бюрократия нуждалась в обосновании ее права на власть. Легизм, ограничивающий возможности чиновников рамками закона, утратил популярность, и к середине II века до н.э. вновь возродился интерес к конфуцианству. Конфуцианцы использовали недооценку Шан Яном возможностей и роли чиновничества в жизни деспотического государства. Бюрократия могла мириться с положением второстепенной политической силы лишь до тех пор, пока она была слаба. Поскольку Шан Ян исключал всякую возможность передачи правителем хотя бы некоторых своих функций высшему чиновничеству, его концепция управления страдала известной ограниченностью и могла быть использована лишь в переходные периоды китайской истории. В свою очередь, конфуцианцы укрепили свое положение, разработав концепцию добродетельных сановников, управляющих государством. Однако одновременно многие ханьские законы, вся система организации государственной власти и управления народом была заимствована у легистов. Соответственно, ханьское конфуцианство совершает «аморальный» по отношению к памяти своего основоположника поступок – оно потихоньку воспринимает элементы легизма, ибо только с их помощью господствующие слои могли держать в узде жителей Поднебесной.

Со своей стороны и легисты сохраняли свое влияние, что доказало состоявшееся в 81 году до н.э. при дворе Чжао-ди совещание, на которое созвали 60 сановников и известных ученых из числа видных конфуцианцев и легистов. На совещании обсуждались вопросы экономической политики. Эта общегосударственная полемика вошла в историю как «Дискуссия о соли и железе». Конфуцианцы призывали к отмене государственной монополии на соль, железо и вино и к передышке в активной внешней политике. Легисты настаивали на укреплении регулирующей роли государства в экономической жизни страны и сохранении монополий. Дискуссия в целом окончилась победой легистов: конфуцианцам удалось добиться лишь отмены монополии на вино.

Периодическая смена династий лишь подтверждала совершенство сложившегося стиля управле-

ния. Чиновники, достигшие вершины могущества и забывшие о нравственных началах, отторгались от власти, новая элита повторяла тот же путь, но основы государственности оставались при этом незыблемыми.

Пример противостояния конфуцианцев и легистов подводит к необходимости уточнить вопрос, слишком часто звучащий в наши дни. Бессмысленно спрашивать, должно ли государство быть нравственным. Важнее определиться, может ли оно быть таковым в определенные моменты. Вывод очевиден: не должно, но может и только изредка, когда это в интересах государственного аппарата. Так что спор между поклонниками Конфуция и Шан Яна будет продолжаться до бесконечности, ибо в каждый конкретный момент либо те, либо другие оказываются в выигрыше, пусть и не надолго. Посему вряд ли мы когда-нибудь окончательно определимся, является ли нравственность категорией экономической или признаем, что бизнес и мораль – две вещи несовместные.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 04–02–00303а.

[2] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С.497-498.

[3] Лимонка. 1999. №117. С. 2.

[4] В трактовке китайских терминов мы полагаемся на авторитет лучшего в России знатока текстов древних китайских мыслителей Л.С. Переломова. – См. Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй». М.: Восточная литература, 1998; и др.

[5] Переломов Л.С. Конфуций. С.201.

[6] См.: Блюменкранц М.А. Конфуций: вчера и сегодня // Конфуций: Уроки мудрости. М.: ЭКСМО – ПРЕСС; Харьков: Фолио, 2001. С.9.

[7] См. Переломов Л.С. Конфуций. С.228–229.

[8] Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Изд. 2-е, доп. Пер. с кит., вступ. ст., коммент., послесл. Л.С. Переломова. М.: Ладомир, 1993. С.176, 177.

Когурэ Мидзуки

ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Когурэ Мидзуки,
аспирант философского факультета УрГУ,
Токио, Япония

В последние годы все больше и больше возрастает интерес к восточным культурам в разных сферах жизни европейского человека. Восток привлекает его своим уникальным культурным обликом, явно отличающимся от западного. В силу всемирной глобализации, всестороннего и повсеместного влияния западной (европейской, американской) культуры последнего столетия, современные культуры теряют свою уникальность, самобытие, поэтому и возникает интерес к Востоку, представленному в его традиции, культурном наследии, передающемся из древности из поколения в поколение. Именно в традиции, традиционной культуре Востока западный человек, в том числе и русский, усматривает иной полюс мирового движения, иной тип бытия.

Одной из таких привлекательных для современного западного человека восточных культур является японская «традиционная» культура. Многие аспекты ее специфики уже давно изучаются западными исследователями. Однако само понятие «традиции», преемственности культурного наследия, ее ценности, и тем самым понимание японской культуры как традиционной часто представляется западными исследователями однозначно, они наблюдают ее извне, не проникая в самую глубину данной культуры. Так, например, в рамках исследований японской «традиционной» культуры часто и однозначно отмечают наличие строгого канона, каноничность различных ее сфер, как необходимый элемент традиции. Однако раз уж мы говорим о традиции, то в первую очередь нам необходимо выявить ее сущность исходя из представлений самих представителей данной культуры, другими словами погрузиться в саму «традиционную» культуру.

В данной статье мы рассмотрим японскую древнюю и средневековую культуру в рамках отношения к каноничности, в частности каноничности искусства, которая отмечается многими исследователями в качестве основного элемента традиционной культуры[1], и тем самым попытаемся выявить специфику ее способа передачи духовных ценностей, т. е. традиции. А поскольку канон – это определенный набор правил или норм употребления выражений неких духовных ценностей – и словесных и изобразительных – то полагается возможным рассмотреть его в рамках знаковой системы, соотношения выражения и содержания[2].

Итак, многие исследователи полагают, что в истории японской художественной культуры важную роль играет каноничность, т. е. изначальные, установленные в процессе исторического развития, приемы, замысел художественной деятельности, что является традицией[3]. Однако, в силу исконного синтоистского миропонимания, рассматривающего весь космос как беспрерывное

движение всего сущего[4], средневековые японские мастера всегда стремились в своей художественной деятельности подчиняться этому закону вечного движения, которое отвергает остановку, задержку, а следовательно, и старение. Как, например, отмечает Т. П. Григорьева, при всей своей каноничности в японской художественной деятельности нет ничего повторяемого, постоянного: «повтор невозможен, если все пребывает в Пути»[5]. Т. е. поскольку все пребывает в вечном движении, то не может быть повтора, все меняется, обновляется. Эту сущность бытия четко ощущал Басе, пытавшийся найти специфику японского искусства. Он обозначил эту специфику как *закон фуэки-рюко*, т. е. «Без Неизменного нет Основы. Без Изменчивого нет обновления»[6].

Подобные неповторимость, уникальность каждого произведения искусства при строгой каноничности можно увидеть почти во всех традиционных культурах, в том числе в древнерусской[7]. Однако, судя по историческому процессу развития японской художественной деятельности, вполне правомерно полагать, что японские художники, поэты всегда основывались не столько на строгом соблюдении раз и навсегда установленного канона, сколько на постоянном его нарушении и обновлении, что соответствует их представлениям о вечном космическом движении. Как отмечают японские исследователи, находясь в мировом философском процессе, ищущем неизменное, вечное в изменчивом, японцы делают акцент именно на постоянном изменении, метаморфозе и видят истину в этой изменчивости, непостоянстве[8].

Так, современный исследователь японской культуры Сэйго Мацуока полагает, что данная культура пронизана постоянной борьбой между «*е* (?)» (канон, правило, установленная форма) и «*ие* (??)» (необычный вид, необычная форма)», «*каку* (?)» (правило, закон, норма, традиция) и «*хакаку* (??)» (нарушение правила, обычая, не следование канону), «*тай* (?)» (каноническая форма, субъект, субстанция) и «*итай* (??)» (необычная форма, необычный вид)[9]. Эти отношения, по его мнению, можно выразить также как борьбу между «красотой совершенства» и «красотой несовершенства, недостатка». Красота совершенства, складывающаяся со временем в естественном стремлении человека к совершенству, завершению, в сознании японца есть самоутверждение того или иного явления, что отвергается преобладающим в Японии буддийским учением *ку* (пустотность), и рассматривается как остановка беспрерывного движения. Поэтому японские мастера всегда пытались нарушать, разрушать уже существующие формы, правила, утвержденные как канон, и тем самым способствовали сохранению вечного космического движения. И Но Сэами и чай Рикю и хайку Басе были в свое время экспериментом, нарушающим канон, правила того времени. Однако, поскольку эти нарушения распространяются, передаются из поколения в поколение, то устанавливается новый канон, который со временем будет снова подвергнут нарушению, обновлению[10]. Поэтому в японской художественной деятельности считается, что «отступить от правила не менее почетно, чем следовать ему»[11].

Следует отметить, что в истории японской культуры нарушение канона носит несколько иной характер, чем как это понимают на Западе. В основном западные исследователи разделяют искусство на два типа: первый тип «ориентирован на канонические системы («ритуализованное искусство», «искусство эстетики тождества»), другой – на нарушение канонов, на нарушение заранее предписанных норм»[12]. И обычно второй тип искусства, направленный на нарушение канонов понимается как нарушение и самой традиции, т. е. прерывание передачи культурного наследия. Однако в японской «традиционной» культуре мы можем увидеть, что подобное нарушение канона не есть нарушение традиции, а наоборот, есть своеобразный способ сохранения ее, передачи духовных ценностей. Канон, правило должны постоянно подвергаться нарушению, обновлению, тем самым сохраняется истинное, вечное движение, которое является основным принципом японского искусства. Отсюда удивительное разнообразие японского искусства, которое пронизано, однако, неизменным принципом вечного движения (*фуэки-рюко*).

В древней и средневековой японской культуре не только по отношению к канону, но, вообще, к любому явлению, предмету в социокультурной жизни японца можно увидеть постоянное нарушение, разрушение и обновление, которые являются уникальным способом сохранения и выражения космического движения, представленного в качестве традиции. В сознании древнего японца все меняется, обновляется, и потому нет ничего постоянного, кроме вечного движения. Поэтому он не старался ничего сохранять и оставлять: ни дома, ни храмы, ни картины, ни священные предметы в том виде, в каком они были изначально, а разрушал, разбивал, сжигал их и снова создавал в уже новорожденном, обновленном виде.

Так, в этом отношении весьма интересно то, что в Древней Японии после смерти каждого императора полностью разрушали всю столицу, где он жил, и строили в другом месте новую для нового императора. Причем разрушали все, что в ней находилось: и императорский дворец, и храмы, и все дома, а потом снова строили их в новой столице. Таким образом, древние японцы вообще не стремились создать что-то постоянное, вечное, крепкое, неподвижное, а, наоборот, стремились создавать подвижное, изменчивое, преходящее, в отличие, скажем, от китайцев, которые пытались построить долговечную, неподвижную столицу. Оставлять, сохранять старую столицу – значило останавливать космическое движение и потому вызывать и оставлять нечистого духа умершего императора, вырванного из течения потока[13].

Подобным образом один из самых главных синтоистских храмов – храм Исэ, впервые построенный больше тысячи лет назад, каждый 21-ый год полностью разрушают и снова строят и, таким образом, он сохраняет свой первоначальный облик в течение многих веков[14]. Именно в таком регулярном обновлении, он постоянно движется, рождается заново, разрушая, выбрасывая старого самого себя. Подобное разрушение и обновление знаков в древнеяпонской культуре обнаруживается во многих аспектах жизни древнего японца.

Здесь весьма интересно будет сравнить подобную характеристику знаков в древнеяпонской культуре с отношением древнерусского иконописца к старым иконам, с переписыванием икон. Как известно, иконописцы часто наносили новые

записи на старом изображении. Это явление объясняется исследователями по-разному, некоторые видят причины в экономии, другие – в том, чтобы придать изображению новые, свежие силы[15]. Здесь, однако, нам важно то, что, если даже новые записи наносили на старом изображении ради того, чтобы подновить, оживить его, все же старое изображение оставалось под новыми и продолжало проявлять свою знаковую силу[16]. Следует также отметить, что «обветшевшие иконы, распадающиеся уже от старости, нельзя было выбрасывать, ни даже сжигать»[17]. Как отмечает Б.А. Успенский, особенно у старообрядцев сохранялся подобный обычай, согласно которому не только старые иконы, но и обветшавшие книги не выбрасывались, не уничтожались, а только «могли хорониться на кладбище – или их пускали по текущей воде»[18]. Таким образом, знак в древнерусской культуре представляется раз и навсегда установленным Богом, поэтому его нельзя уничтожать, он никогда не теряет свою знаковую силу. И то же самое можно сказать о каноне. А в древнеяпонской культуре, наоборот, знак подлежит постоянному уничтожению, обновлению. Всякие устаревшие предметы уничтожали, тем самым возвращая их в движение.

В связи с выше сказанным следует отметить контекстуальный, ситуативный характер знака в «традиционной» японской культуре. Поскольку японцы всегда усматривали истину не в определенных, фиксированных соотношениях означающего и означаемого (А символизирует Б), а в их слиянии, в котором, по сути, нет ни означающего, ни означаемого, то в той или иной социальной и художественной деятельности они выбирали выражение не по раз и навсегда установленному канону, а по изменчивому контексту, ситуации, в которой представлено это означающее. При одном означающем может быть множество различных означающих, все зависит от конкретной ситуации, от места, времени, адресанта и адресата, их внутреннего и внешнего состояния, погоды, окружения и т. д. Вспомним, еще Кукай (основатель буддийской школы Сингон, 774-835) говорил, что означающая сторона знака не должна быть предопределена, фиксирована: «безразлично, каков именно этот чувственный знак в своей видимой (мнимой) определенности. От его конкретного облика мы способны отвлекаться настолько, что буквы и картинки, буквы и звуки воспринимаем как варианты одного и того же знака (если означаемая действительность за ними стоит одна и та же). Говорить о множественности знаков (при единстве означаемого) можно лишь условно – это множество мнимо-разных, но по сути одинаковых знаков»[19]. В зависимости от ситуации, от контекста человек выбирает самый подходящий знак, причем выбирает непроизвольно, не по своему вкусу и предпочтению, а именно по ситуации, складывающейся из естественного движения всего сущего.

Следует отметить, что выбираемый по ситуации знак имеет значение не в том, что именно этот знак, а в том, как он представлен. Проявление такого знакового характера древнеяпонской культуры можно увидеть и в особом эстетическом отношении человека к вещам, предметам, подаркам. Как пишет М. В. Торопыгина, в эстетизации вещей у японцев эпохи Хэйан «большее значение имело не *что* это за предмет, а *какой* это предмет»[20]. Это потому, что древние японцы стремились не придать какому-то определенному явлению смысл, а наоборот, вуалировать его относительное существование, чтобы увидеть за ним истинно-сущее. Поэтому они выбирали знак и представляли его в соответствии с ситуацией так, чтобы этот знак в этой ситуации не претендовал на свое индивидуальное существование и как бы сливался со своим окружением.

Как означающая сторона знака, также и относительная означаемая сторона в традиционной японской культуре ситуативна. Точнее говоря, соотношение между означающим и означаемым в ней не фиксировано, не определено как канонически установленное отношение, а меняется по контексту, ситуации. Причем, как нам уже известно, означаемое здесь представляется относительным, ибо все пребывает в вечном движении, слиянии друг с другом, и, в конечном счете, можно сказать, что нет ни означающих, ни означаемых. Например, знаки, представленные в древних и средневековых японских стихах (*нагаута, танка, хайку*), кажущиеся столь каноническими, также носят весьма ситуативный, контекстуальный характер[21].

Подобную контекстуальность, ситуативность мы находим у многих мастеров средневекового японского искусства. Например, Хонъами Коэцу (каллиграф, живописец, автор лаковых и керамических изделий XVII века) является одним из тех, кто всегда следовал ситуации в своей художественной деятельности. Его керамические изделия несут в себе какую-нибудь трещину или повреждение, возникающие в процессе их изготовления, но он специально оставляет их, чтобы следовать ситуации. Его письмо, ритм, линия, форма письма также меняются по ситуации в зависимости от адресата, темы, своего настроения, погоды, места и др. Подобное предпочтение ситуативности строгому соблюдению правил, норм в эпоху Эдо (XVII-XIX вв.) выражалось в эстетическом понятии *ики.*

Следует отметить, что сами эстетические и другие понятия в японской культуре носят неопределенный и не улавливаемый характер: «японские понятия неоднозначны в принципе, ситуативны, как и сами иероглифы»[22]. Эти понятия, в частности эстетические понятия, можно понимать как различные выражения одной неизменной сущности красоты, меняющиеся по ситуации, в зависимости от исторической эпохи. Все, что ка-

сается сущности, передается не через определение, определенный образ, как это характерно для западного мышления, а через ситуацию, контекст, постоянное изменение.

Как мы видим, в японской культуре нет ничего абсолютного, что предопределило бы все раз и навсегда, в том числе соотношение означающего и означаемого. Мастера следуют естественному движению, которое ничего не фиксирует, не определяет. Это в средневековой японской культуре выражается как принцип «*сусаби* (??)» (так, как есть), в первую очередь обнаруживающийся в жанре «*дзуйхицу* (??)» (вслед за кистью). Тут главное – такое ощущение, что «не я это делаю, а кто-то водит моей кистью»[23]. Принцип «*сусаби*» является одним из важнейших аспектов средневековой японской эстетики и проявляется почти во всех ее сферах. Надо изображать «как есть», т.е. непроизвольно, не следовать уже установленному правилу, каноническим образам, а следовать ситуации, т. е. принципу «здесь и сейчас».

Итак, выше мы рассмотрели специфику японской «традиционной» культуры в отношении к канону и обнаружили своеобразный способ сохранения традиции, передачи духовного наследия, явно отличающийся от западного. Как было отмечено, японец в своей социальной и художественной деятельности стремится к постоянному нарушению канона и вместе с тем обновлению его в ином, новом виде, и тем самым сохранению изначальных, неизменных духовных ценностей, выражающихся в беспрерывном космическом движении. Соблюдение заранее установленного канона, фиксирующего определенные отношения выражения и содержания в этой культуре понимается не столько как способ передачи изначального духовного наследия, сколько как остановка, прерывание вечного потока всего сущего, т. е. остановка культурной преемственности, тогда как в западной культуре, наоборот, нарушение канона, установленных правил являются концом, разрушением традиции, как это видно, например, в культурном повороте Ренессанса. В японской культуре традиция передается лишь посредством постоянного нарушения и обновления временных явлений и предметов, а не с помощью соблюдения раз и навсегда установленного канона, которое играет важную роль в западной культуре, где все в самом начале было предопределено, предназначено Богом и тем самым носит внеисторический, неизменчивый смысл.

Таким образом, в «традиционной» японской культуре оставлять, сохранять следует лишь содержание, т. е. тот самый духовный смысл, а его материальные, временные выражения должны быть подвергнуты постоянному разрушению и обновлению. Иначе говоря, в разнообразии и изменении японского искусства всегда присутствует некое общее духовное содержание, воплощающееся в них в разных временах истории. Новые выражения – это не потеря или невежество духовного содержания канонических выражений, как это часто происходило на Западе, а обновление, новорождение старых выражений, которые сами нуждаются в этом обновлении.

Культурное наследие, понимаемое как традиция, передается не только посредством соблюдения канона, т. е. установленных правил. Именно с такой возможностью западным исследователям можно и нужно снова обратиться к изучению «традиционной» японской, и вообще восточной культуры, сущность которой пока ими не выяснена. И вместе с этим можно рассмотреть современную японскую культуру не столько в уже давно передающихся формах или правилах, которые обычно считаются традицией и высоко оцениваются в современной культуре, сколько в появлении новых форм, выражений, которое в самой японской культуре есть особый способ сохранения и передачи традиции.

[1] Например, часто упоминают о каноничности древнерусской культуры как важнейший ее фактор: «В древнерусском искусстве канон стал главным носителем предания (традиции)» (*Бычков В. В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. Т. 2. М.-СПб., 1999. С. 91.)

[2] Явление канона в силу его очевидной знаковой структуры, сопоставляемой с естественным языком часто рассматривается в рамках семиотического подхода. См.: *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб., 1998. С. 436-441.

[3] См., например, *Боронина И. А.* Особенности художественного образа в японской традиции и их модификация в поэзии и прозе // Восточная поэтика. Специфика художественного образа. М., 1983. С. 185-207.

[4] Рассуждения о подобном синтоистском мировоззрении можно найти у многих исследователей, в том числе и русских. См.: *Григорьева Т. П.* Красотой Японии рожденный. М., 1993.

[5] *Григорьева Т. П.* Синтоистская основа японской культуры // Синто – путь японских богов: Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002. С. 523.

[6] Там же. С. 527.

[7] Например, рассматривая уникальность каждого произведения древнерусского искусства, В. В. Бычков пишет: «Канон, ограничивая художника в выборе, скажем, сюжетно-тематичекой или общекомпозиционной линии, предоставлял ему практически неограниченные возможности в области главных для данного вида искусства средств художественного выражения – цвета, формы, ритма в живописи и т. п.»(*Бычков В. В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. Т. 2. С. 92.)

[8] См.: *Мацуока Сэйго.* Юко но хакубуцугаку (Естествознание Юко). Токио, 1987. С. 336-337.

[9] См.: Там же. С. 384-385.

[10] См.: Там же. С. 384.

[11] *Григорьева Т. П.* Синтоистская основа японской культуры // Синто – путь японских богов: Т. 1. Очерки по истории синто. С. 515.

[12] *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике искусства. СПб., 2002. С. 314.

[13] Даже был такой случай, что один император дважды поменял столицу. Следует отметить, что разрушали столицу после смерти императора независимо от того, каким был бывший император, что было при его управлении, т. е. от его личной ценности. Любая смерть воспринималась как грязь, и потому остановка движения.

[14] См.: *Накаи Масакадзу.* Бигаку нюмон (Введение в эстетику). Токио, 1999. С. 154-155.

[15] См.: *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. М., 1995. С. 241-243.

[16] Например, обращаясь к преданию о св. Василии Блаженном, Б. А. Успенский отмечает, что в нем видно «представление о непременной связи записанного изображения и нового, его покрывающего, – т. е. о влиянии первого на второе»(См.: Там же. С. 242-243).

[17] Там же. С. 241-242.

[18] Там же. С. 242.

[19] *Трубникова Н. Н.* Знак и действительность в буддийском «тайном учении» Кукай, «О смысле слов : голос, знак и действительный облик» // Знание и традиция в истории мировой философии. М., 2001. С. 502.

[20] *Торопыгина М. В.* Подарки, пожалования и подношения в эпоху Хэйан (на материале романа XI в. «Гэндзи моногатари») // Вещь в японской культуре. М., 2003. С. 113.

[21] См.: *ЛаФлер Уильям.* Карма слов, буддизм и литература в средневековой Японии. М., 2000. С. 88-114.

[22] *Григорьева Т. П.* Синтоистская основа японской культуры // Синто – путь японских богов: Т. 1. Очерки по истории синто. С. 516.

[23] Там же. С. 523.

К.С. Романова

СОЛНЦЕ СВЕТИТ ВСЕМ, НО ГРЕЕТ ПО-РАЗНОМУ

Кира Степановна Романова,
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

Удивительно, что Россия, родившая плеяду выдающихся ученых естественников и философов, давших миру новый тип мировоззрения, который получил название – космизм (Вернадский В.И. Циолковский К.Э. Чижевский А.Л.), до сих пор в полной мере не освоила его и не приняла для дальнейшего практического развития, в реальной жизни следуя чуждому, прагматичному, западному образу жизни, теряя свою самобытность. Всеми своими научными исследованиями А.Л. Чижевский доказал: «Жизнь ... в значительно большей степени явление космическое, чем земное».[1] Раскрывая содержание этой связи в своих работах, он обосновывает зависимость фундаментальных событий на Земле от солнечной деятельности: «Земля...находится в сфере непосредственного влияния Солнца».[2]

Именно действие Солнца позволило условно разделить нашу планету на Север и Юг, Восток и Запад. Сегодня это не только географические или геополитические понятия, они также включают в себя все многообразие и различие биогеоценозов и антропогеоценозов. Отсюда различия в образах жизни и ментальности народов, живущих в этих частях света.

Процессы глобализации есть объективная причина сближения Запада и Востока, она отражает в первую очередь их экономические потребности. Происходит относительное выравнивание социально-экономического и культурного потребления, его унификация, но это не означает выравнивание социально экономического производства. Глоболизация дает относительную свободу легкого приобщения к другим культурным ценностям и нормам, но за все надо платить не только в прямом экономическом смысле (превращением в сырьевые рынки, рынки сбыта и т.д.), но и в моральном. Происходит негативное стирание национальных культур за счет унификации, стандартизации, уходит самобытность культуры, искусства т.д. и главное, происходит уничтожение языков как основы культуры.

Культура как главный адаптационный ресурс человека носит не глобальный, а популяционный характер. Человек изначально биологичен по своему происхождению и только осваивая культуру среды обитания, превращается в существо общественное, то есть социальное. А при определенных обстоятельствах он может, как известно, стать Маугли или Тарзаном.

На фоне этих явлений, как бы обостряется интерес к противопоставлению Востока и Запада, (впрочем, как Севера и Юга). Обострение этнического, сегодня, связано не с его пробуждением, а с агонией, со спасением от унификации, от обезличивания. Несмотря на то, что важнейшим достоянием совместного бытия различных культур Востока и Запада является терпимость, усредненность и умеренность, ассимиляция представителей другой культуры, количественно превосходящих коренное население или сравнимое с ним, реально может угрожать национальной безопасности любой страны.

Одно из главных различий между российским и западным подходами к осмыслению социальных событий состоит в их отношении к взаимодействию общественных и личных начал.

Запад – это страны с хорошо налаженными рыночными отношениями, где на страже частной собственности, денег, производства, общественных отношений, во всем их многообразии, стоит Закон, который является их основой и регулятором. Закон почитают все слои населения Запада. Перед ним все равны: государственная бюрократия, работодатели и работники. С помощью закона западное общество тщательно охраняет личную жизнь своих граждан. Нормой считается понятие: « это мое личное дело». Данное обстоятельство объясняется особенностями западного человека. Со времен Реформации религия и право, и другие социально культурные институты поощряют индивидуализм, формируя с детства рационально-практический менталитет, включающий осознание отличия и превосходства над другими, что в дальнейшем позволяет достичь успеха. Западное общество, с помощью государства и других социальных институтов, через средства массовой коммуникации формирует основной движущий мотив любого выделения человека из массы людей, будь то его интеллектуальные или предпринимательские успехи, или достижения «в скорости и количестве поедания гамбургеров».

Вот как характеризует людей Запада бывший диссидент, ученый, философ А.Зиновьев: « Черты заподоидов...это суть практицизм, деловитость, расчетливость, способность к конкурентной борьбе, риску. Это холодность, эмоциональная черствость, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости и успеху в деле, склонность к добросовестности в деле, чувство превосходства над другими народами, склонность управлять другими более сильная, чему других народов, способность к самодисциплине и самоорганизации».[3] Согласно многочисленным

исследованиям образов западного национального характера, кроме перечисленных черт выделяется доминирование материальных ценностей над духовными и раскованность в поведении. Как считает А. Зиновьев, ведущим мотивом западного общества является принудительно высокий жизненный стандарт большинства населения, для которого он зависит от личных усилий. Чтобы удержаться на своем уровне, люди вынуждены проявлять беспредельную личную активность, изобретательность и деловитость. У них просто нет другого выбора. Отсюда движущей силой западничества является стремление к сверхприбыли и скорейшему успеху в делах.[4]

Средства массовой коммуникации облагораживают стремление к наживе и успеху на Западе, считая это ценностной «традицией». Это коренным образом отличает Запад от России и Востока, где основной отличительной чертой экономической жизни общества является распределение. В силу ряда особенностей культурно-исторических процессов именно на Востоке главную тенденцию в развитии представляли и определяли духовные факторы, в то время как на Западе эту роль выполняли материальные факторы.

Как писал известный русский философ Н.А. Бердяев: «Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобия иной духовной действительности. Всякая культура (даже материальная культура) имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями». И далее: «Устремленность людей Запада к былым культурным эпохам или экзотическим культурам Востока означает восстание духа против окончательного перехода культуры в цивилизацию...»[5].

Мотивировка на земной успех в западной и российской культурах диаметрально противоположна. Первая нацеливает на личное обогащение посредством предпринимательского или другого труда, а вторая поощряет бедность, аскетизм, благотворительность и уравнительность в распределении материальных благ. Западная культура стимулирует человека к труду на себя, а российская, если и стимулирует к труду, то ради всего общества. Тот энтузиазм, который проявлялся при строительстве новых городов и заводов на заре советской власти (к примеру, Магнитогорск или Уралмаш), при освоении целины и строительства БАМа, является истинно российским свойством и никогда не будет понят на Западе и, тем более, повторен.

В противоположность усиливающемуся индивидуалистическому западному подходу, российский подход предполагает, что общество есть продукт и условие развития человечества. Декларируя традиционные ценности (семью, школу и др. общественные институты) в реальности все исторические социальные преобразования, (события, связанные с 1917 годом, гражданская война, коллективизация, перестройка и по «шоковая терапия» с 1985года по настоящее время), начинаются с ломки старых социальных основ и реформаций общественных структур в целом. Происходит разрыв в передаче от поколения к поколению духовного и интеллектуального наследия, так как изменяются социальные ориентиры и ценности. В связи с этим происходит процесс маргинальности, который не смотря на всю его негативность имеет и положительный фактор, заключающийся в том, что происходит активный процесс миграции русского населения по миру, (более 25 миллионов русскоязычных находится за пределами России), которое является носителем и сеятелем высокой духовной русской культуры.

Как определяет Т.В. Иванова, в терминах социальной психологии ментальность – это выражение группового сознания в историческом времени и географическом пространстве. «Точки опоры» ментальности – это системность, субъективность, деятельность. Ментальность не существует вне психики (сознания) субъекта. Субъекта субъектом делает деятельность, в процессе которой вырабатываются «общие правила» совместного бытия, единая логика культуры и психологии».[6] Ментальность связана с историческим наследием, с культурными традициями, с географическим (геополитическим) аспектом, с обычаями и традициями решения социальных проблем. Особенности России всегда были связаны с тем, что она обладала огромными территориями, и экстремальными климатическими условиями, а также территория России изначально была пространством взаимодействия культур Востока и Запада, которое сложило многие ее уникальные черты. Саму особенность России представляет географическое, культурное и этнографическое единство и особые отношения народов российского мира.

Русская нация не сводится к славянскому этносу. В ее образовании большую роль сыграли тюркские, угро-финские и другие этносы, объединившиеся в единое государство Россию. «В культурном и духовном смысле это было связано с определенными преимуществами, поскольку обеспечивало широту воззрений, обширную систему ценностей, а также стимулировало выработку этнической терпимости и восприимчивости противоположных суждений. Вместе с тем этнически гетерогенное общество (особенно во времена социально – экономических стрессов) оказывалось значительно более уязвимым перед лицом любых этнических разногласий и кровной вражды. Социально-экономические проблемы легко трансформировались в этнические напряженности и конфликты».[7]

Известный русский философ Н.О. Лосский писал, что «у русских высоко развито чувственное восприятие мира, в результате многие русские имеют прекрасную интуицию, а вся жизнь этого народа связана с мистическим религиозным опытом». Это развило, по мнению автора, не только чуткое восприятие чужих душевных состояний, но также подверженность впадать сообща в различной глубины трансовые состояния.[8]

Коллективные гипнотические погружения с помощью отработанных тысячелетиями языческими магическими обрядами, гаданиями, ритуальными танцами, коллективным пением, совместным принятием опьяняющих средств, и т.д. выработали в русских «переживание» мира, исходя из «мы». В результате чего, пишет Н.О. Лосский: «произошла замена индивидуальных отношений общественными»[9]

Особенности менталитета резко отличают отношения людей между собой на местах работы, так и к цели пребывания на местах работы – на Западе и в России. Любая работа в социально-психологическом плане имеет два аспекта – деловой и коммуникационный.[10] Второй из них очень слабо представлен на Западе в отличие от России. Западные люди на работе трудятся и не более того. Социальная и интимная жизнь происходит вне работы. Конечно, на службе могут сложиться неделовые

отношения, но это скорее исключение из правил, а различные корпоративные события неделового характера носят формальный характер и демонстрируют скорее внешнее единение сотрудников, чем личностное стремление друг к другу.

Степень эксплуатации западного общества выше, чем в России (если понимать под ней отношение величины усилий человека при выполнении дела к уровню вознаграждения). А рынок труда имеет ярко выраженный конкурентный характер, где побеждают обладатели более высоких профессиональных качеств (товар – рабочая сила). В России конкурируют более личные, чем деловые качества. Потому что на работе в России, не только работают, но и живут: любят, дружат, отмечают праздники и юбилеи, разделяют горе и соболезнуют смерти близких. Поэтому рынок труда здесь выглядит не как институт, а скорее как ярмарка, где продавец и покупатель обоюдно выбирают друг друга.

Реальная граница между Востоком и Западом проходит внутри человека. Существует мифологема, что Запад – это рациональное, Восток – иррациональное. Но носителем того и другого является человек. Душа и разум человека, наполненные отражением реальной среды обитания и культурных мифов в ней, дают ему возможность выступать мерой и носителем восточных или западных ценностей.

Все социальные преобразования в России, основанные на концепциях и идеях западных авторов, (включая и марксизм), будучи пропущены через российскую ментальность, в реальной жизни дают совершенно не предсказуемый результат, далекий от идеала. Как отмечал П.Я. Чаадаев: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось».[11] Формирование нового типа общественных отношений неизбежно будет длительным процессом. Его результаты, как и успех в целом, будет зависеть от тех людей, которые будут находиться у власти. Очень важно, чтобы они в своей деятельности ориентировались не на Запад или Восток, а на Россию, которая в своем сердце вместила и то и другое.

[1] Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1973. С. 33.
[2] Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М. 1995. С.32.
[3] Зиновьев А. Запад: феномен западнизма. М. 1995. С.46.
[4] Зиновьев А. Там же. С.312.
[5] Бердяев Н.А. Смысл истории. М. 1995. С.163.
[6] Иванова Т.В. Ментальность.// ОНС. №:. 2002. С 168.
[7] Коллонтай В. Социальные трансформации в России. МЖСИ № 26, август 1999г С.127
[8] Лосский Н.О Характер русского народа. Посев. 1957. С.20.
[9] Зиновьев А. Там же. С. 22.
[10] Там же С. 66
[11] Чаадаев П.Я. Философские письма. Избранные сочинения и письма. М. Изд-во «Правда» 1991 г. С.25.).

А.М. Воробьев

НЕВАЖНО, КАКОГО ЦВЕТА КОШКА...

Алексей Матвеевич Воробьев,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

Перспективы формирования гражданского общества в России в значительной степени зависят от состояния *сознания* народа, от степени его готовности принять и реализовать основные принципы и нормы рынка и политической демократии. В связи с этим немаловажное значение представляет опыт демократизации и тип гражданской культуры в *Японии*, где имеется много схожего с групповыми, коллективистскими и иерархическими нормами и ценностями, бытующими и в нашей стране. Об этом хорошо написал известный тележурналист В. Цветов. В одном из сюжетов он рассказывает, что в цехах телевизионного завода концерна «Мацусита дэнки» он встретил хорошо знакомый лозунг: «Кадры решают все!» Здесь и на других предприятиях японские предприниматели используют в своих целях некоторые положения марксистской науки. «Японские менеджеры раньше, чем их американские и западноевропейские конкуренты, приняли во внимание, что первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»[1].

В отличие от западной модели демократии и ее приверженности защите индивидуума от давления государства и общества, японская модель делает акцент на самоорганизации личности, стремлении контролировать ее порывы, встраивать их в систему общественных и государственных институтов. Об этом убедительно рассказывает на страницах «Российской газеты» другой известный исследователь культуры Востока, автор книги «Ветка сакуры» В.Овчинников.

В основе японской Конституции лежит стремление избегать конфликтов, воздерживаться от злоупотребления правами и свободами.

Склонность подчинить личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушных граждан.

Если говорить о другой соседней с нами стране – Китае, то и здесь на содержание и путь общественного развития большое влияние оказывают традиции. Многие общественные отношения, которые в других странах регулируются нормами права, в Китае регулируются обычаями, традицией. Любопытны конституционные постулаты КНР: коллективизм вместо «западного» индивидуализма, дисциплина взамен вседозволенности, гармония

вместо плюрализма...

На первое место в иерархии прав в Китае выдвигаются, как раньше в СССР, социально-экономические права, которые считаются наиболее важными для трудящихся. В особой значимости их убеждаемся сегодня и мы, граждане России. Это – право на труд, которое у нас растворилось в общечеловеческих ценностях либеральной цивилизации, право на образование, пенсионное обеспечение, что также для нас актуально.

Конституция КНР (1982 г.) различает права граждан и права трудящихся. Право на труд принадлежит всем гражданам, а право на отдых, образование, пенсионное обеспечение – только трудящимся. Да, в Китае правительство, несмотря на огромное, почти 1,5 миллиардное население, настаивает на обязанности трудиться. Но сегодня она, как в западных странах (Германия, Франция и др. государствах), скорее носит моральный характер, хотя может быть в иных случаях и связана с правовым принуждением. Но, до процессов, как это было в 60-е годы в СССР над начинающим поэтом И.Бродским, дело не доходит. Тем более, когда в Китае 14 млн. безработных.

В последние годы, в связи с процессами глобализации и цивилизационными изменениями, распространением общечеловеческих ценностей, правами и свободами человека, в Китае проводится эффективная экономическая реформа, существенно оживилась законодательная деятельность. Отныне в основном законе страны провозглашается неприкосновенность частной собственности. Государство обязуется уважать и гарантировать гражданские права членов общества. На последнем съезде КПК в ее устав было внесено положение о том, что партия представляет интересы не только рабочего класса и крестьянства, но всех передовых производительных сил. Поэтому лучших предпринимателей стали принимать в члены КПК, избирать в руководящие органы партии. Дополнения к конституции КНР свидетельствуют о намерении нового руководства направить страну на путь политических реформ, которые порядком отстали от реформ экономических[2].

В основном же китайцы поспешают, что называется, медленно, помня один из заветов знаменитого Дэн Сяо Пина: « Не важно, какого цвета кошка – лишь бы она мышей ловила». Возможно, эту мысль высказал еще великий китайский мыслитель Конфуций. Коллективизм помогает КНР по многим параметрам претендовать на роль второй сверхдержавы: темпы прироста продукции доходили в лучшие годы до 15%, большие золотовалютные запасы, успехи в космосе, наконец, это самая большая по числу населения и ядерная держава...

Мы не призываем вернуться к доперестроечным временам, восстановить прежнее, советское статус-кво. Да это и невозможно. Но социально-психологическая традиция коллективизма, которая держит, еще, нас, россиян, наплаву, могла бы поддерживаться и сохраняться еще не одним поколением.

И еще. Пока мы занимаемся словоблудием, говоря о борьбе с бедностью, в Китае за время перехода к рыночным отношениям удалось вытащить из абсолютной бедности четверть населения, избежав при этом социальной поляризации, подобной у нас. Это и называется социальной справедливостью, принципом, от которого мы высокомерно, объясняя все рыночными отношениями, отказались. В Китае уважают «хуацяо» – своих соотечественников, выехавших за рубеж и обладающих капиталами более чем в 400 млрд. долларов. Может быть, потому что эти деньги не украдены из страны, а нажиты праведным трудом?

[1] Цветов В. Пятнадцатый камень сада Реандзи. М. 1986. С.24.

[2] См. Овчинников В. Парламентарии дополняют конституцию // Российская газета. 2004. 12 марта.

Т.В. Наумова

СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ

(КОНФУЦИЙ О ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ КУЛЬТЕ СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ КАК ОБ ОДНОЙ ИЗ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА)

Татьяна Валерьевна Наумова, кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории философии Уральского государственного университета.

Человек живет в сфере, создаваемой им самим в результате его культурной (или антикультурной) деятельности. Поколения людей создают язык, письменность, литературу, все виды искусств, науку, обычаи. С момента своего появления на свет каждый человек оказывается в атмосфере, созданной тысячами поколений людей. Чтобы найти в жизни что-то постоянное, непреходящее, чтобы воспринять культурные ценности во всей их полноте, необходимо знать их происхождение, процесс их созидания и исторического изменения.

Перенесемся на 25 столетий назад в древний Китай и посмотрим, например, на особенности традиционного китайского понимания смысла жизни. В целях гармонического развития личности в Китае настойчиво проповедовались принципы нравственного и общественного кодекса, который заключался в таких моральных категориях, как долг, прощение, верность (или преданность), правдивость (или искренность), почитание родителей. Обратимся к учению Конфуция о сыновней почтительности.

Забота о старших, пожилых людях, прежде всего о родителях, одно из основных направлений философии Конфуция и является нормой поведения людей в китайском обществе, а есть также первый шаг к государственному устройству.

В период образования императорских династий (722-481 до н. э.) сыновняя почтительность (*сяо*) становится основой китайской религии. Междоусобные войны, с одной стороны, и формирование частной собственности, развитие ремесел, торговли, роста городов, с другой – привело к тому, что человек начинает отрываться от семейных уз. Богатые родственники перестают помогать бедным, внуки не почитают своих предков. Такая моральная деградация человека требовала коренных изменений в идеологических основаниях устройства семьи и общества в целом.

В своих «Беседах и суждениях» Конфуций создал гуманную глубочайшую концепцию человека. Однако порой его слова о сыновней почтительности звучат очень жестко. Хотя можно предположить, что подобная жесткость в определениях почтения к родителям становится неким абсолютом, который позволяет построить идеальную картину устройства окружающего мира. У Конфуция читаем: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома уважительна к старшим...»[1]. И как вывод ко всей протекающей жизни сына «Философ сказал: «Кто при жизни отца всматривается в его намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным». (С.8). Отцовские порядки есть не просто жизненный путь сына, но и его взгляды, поступки. Исполнение всех прижизненных желаний родителей и следование их наказам в течение длительного времени до смерти самого сына – все это должно устанавливать связь между поколениями, следовать традициям прошлых поколений с духовной точки зрения.

Преемственность поколений, уважение к традициям своей семьи – главная составляющая сыновней почтительности. Далее читаем: «Современная почтительность к родителям означает быть в состоянии кормить их; но ведь собаки и лошади также получают пропитание. При отсутствии почтительности чем же будет различаться кормление родителей от кормления собак и лошадей?» (С.13). Одних забот о содержании родителей совсем не достаточно, необходимо проявлять уважение, терпение, и любовь. «Служа родителям, следует осторожно увещевать их; если замечаешь, что они не слушают, увеличить почтительность, но не оставляй увещеваний; будут удручать тебя, не ропщи».(С. 33). Непочтительные дети в китайской традиции приравнивались к преступникам, поведение их осуждалось.

В китайской литературе очень много примеров почтительного отношения к родителям. Например, горе сироты, оплакивающего смерть своих родителей (*См. Ши цзин. Перевод А.А. Штукина. М., 1957*). Можно встретить предания о добродетельных дочерях и сыновьях, которые бросались в реку и тонули, т. к. утонули их родители. Или история, в которой «почтительный» сын сам высаживал рассаду капусты для своей матери, т. к. считал, что непочтительно кормить свою мать капустой, посаженной не им самим, а кем-то другим. Сохранился рассказ, в котором повествуется о почтительном сыне, который пробовал лекарственную настойку, прежде чем дать ее своей матери. Или история о бедной семье восьмилетнего мальчика, который, чтобы его отца и мать не кусали ночью москиты, чтобы родители могли спать спокойно, сын ночевал в их комнате и просыпался весь покусанный насекомыми. Или в тех же «Беседах и суждениях» можно прочитать о почтительном молодом человеке, отец которого женился во второй раз. Мачеха ненавидела молодого человека и одевала его в старые одежды. Заметив это, отец хотел выгнать ее, но почтительный сын настоял на том, чтобы отец этого не делал.

Китайское восприятие мира в отличие от западного более земное, конкретное, поэтому китайцы отказываются от метафизики. Обращаясь к Творцу, поклоняются непосредственно своим «создателям» – родителям. Родителям в китайской культуре приписывается таинственная сила, и они обожествляются, что приводит к возвеличиванию отца и матери.

Представление о почитании своих родителей становится моделью существования общества и государства в целом. В тексте «Беседы и суждения» размышлений о человеке намного больше, чем о государстве. Государство у Конфуция мыслилось как одна большая семья, и этот взгляд был свойственен не только одному Конфуцию. Еще до Конфуция в Китае возник термин го цзя, в переводе означающий «государство-семья». Для Конфуция было важно построить модель идеального общества, взяв за основу жизнь человека в семье.

Согласно Конфуцию, правитель возвышался лишь на несколько ступенек над главой семьи. Таким образом, государство – это тоже семья, только большая. Государство строится на следующих принципах: любви в отношениях между детьми и родителями, долга в отношениях между подданными и государем, порядка между старшими и младшими. Можно предположить, что сыновняя почтительность призвана подчинить человека государству (как этико-политическое средство удержания низов в повиновении). Сыновняя почтительность признавалась как «имперская» добродетель и стала вознаграждаться присвоением государственных титулов и высоких государственных постов. Для того чтобы усилить принципы сыновней почтительности к старшим, Конфуций вводит понятие человеколюбия, которое становится основой его учения: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших... Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности». (С. 5).

Размышляя о человеколюбии (гуманности) и устройстве государства, Конфуций говорил: «Вне дома веди себя, как будто бы ты принимал знатного гостя; распоряжайся народом, как будто бы ты участвовал при великом жертвоприношении; чего не желаешь себе, не делай и другим и тогда как в государстве, так и дома не будет против тебя ропота». (С. 96-97).

Таким образом, идеи Конфуция о государственном устройстве частично базировались на культе сыновней почтительности. Чтобы должным образом управлять государством, надо правильно управлять своей семьей, добиваясь этим собственного совершенства. Процветание государства немыслимо без воспитательной деятельности в семье.

[1]Конфуций. Беседы и суждения. СПб., 2001.С.6. Далее – указ.соч., стр.

Н.А. Комлева

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ: ВЫЗОВ ВОСТОКА?

Наталия Александровна Комлева,
доктор политических наук,
профессор кафедры истории
политических учений
Уральского государственного университета,
факультет политологии и социологии.

Серия терактов августа-сентября 2004 г. в России, особенно гекатомба Беслана, привела руководство страны к выводу о том, что против нашей страны ведется война, но война нетрадиционной формы. Теракты, все без исключения, совершались людьми, чья национальность и вера относит их к цивилизационному полю Востока, несмотря на то, что большинство из них являются гражданами России, государства, не относящегося к числу восточных. Справедлив ли будет вывод о том, что войну против России ведет именно Восток: как Восток внешний (арабский), так и внутренний (Кавказ)?

Однако вначале рассмотрим форму осуществления боевых действий против России. Это так называемая асимметричная война, т.е. война, которую ведет против государства не государство (симметрия), а террористическая структура (в чем и заключается асимметрия). Ни по структуре, ни по функциям, ни по совокупной мощи негосударственные акторы не признаются современной наукой равными, симметричными государству как политическому институту. О начале эпохи асимметричных войн специалисты немедленно заговорили после терактов в США в сентябре 2001 г. [2]. Были определены основные параметры этого типа войн, наличие которых меняет и основные параметры современного политического мира.

После терактов в США в сентябре 2001 г. стало понятно, что отныне геополитическое значение ТНПО сравнялось со значением такого примордиального геополитического актора, как государство. Более того, выяснилось, что государство конца 20 века не дает достаточной защиты от террористических НПО (в терактах в США была обвинена экстремистская исламская организация «Аль-Каида»). Привычное для традиционной геополитики противостояние государств заканчивается изменением или уничтожением одного из государств-антагонистов, но в случае с противостоянием государства и ТНПО перевес оказывается на стороне НПО, т.к. оно «везде и нигде», а кроме того, не связано, как государственные структуры, необходимостью осуществлять сложные и требующие определенного времени юридические и политические процедуры для принятия и реализации решений. Асимметричные войны отличаются также закрытостью политических целей, о которых можно лишь догадываться, а также полной невозможностью юридически доказать причастность какой-либо НПО или конкретного лица к организации и инициированию войны.

Таким образом, привычными для «цивилизованного мира» методами эффективно бороться против ТНПО невозможно. В связи с этим подчеркнем, что попытки России противостоять террористической угрозе с помощью военных операций на собственной российской территории и обвинения со стороны российских должностных лиц в адрес главарей незаконных вооруженных формирований в организации и проведении терактов оцениваются «цивилизованным сообществом» весьма скептически. Военные действия против незаконных вооруженных формирований объявляются отступлениями от принципов демократии и нарушением прав человека, прежде всего мирного населения. Обвинения против конкретных лиц должны быть оформлены юридически, что, подчеркнем еще раз, в отношении комбатантов асимметричных войн чрезвычайно сложно сделать. Но, несмотря на вполне юридическую форму претензий со стороны России в отношении А. Закаева, Великобритания отказывается выдать его российскому государству для осуществления судебного преследования согласно российским законам.

Асимметричные войны иногда ведутся не вооруженными силами и не оружием в привычном смысле этого слова. Межконтинентальный удар стратегического масштаба, причинивший неприемлемый ущерб, был нанесен террористами-камикадзе, которые захватили обычные пассажирские «Боинги» и таранили небоскребы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. Этот тип войны не связан с так называемой «новой революцией в военном деле» (НРВД) в смысле использования технологий или вооружений, но это ответ на НРВД и осуществленные странами Запада «бесконтактные войны» в Югославии и Ираке. Августовские теракты 2004 г. в России включали, помимо прочего, захват и подрыв в воздухе гражданских самолетов. Но эти взрывы были направлены не только и не столько против непосредственных жертв теракта, сколько против самого по себе российского государства как целостной и действенной структуры. Так же, как и теракты сентября 2001 г. в США.

Методы ведения асимметричных войн со стороны нападающих чрезвычайно трудно предусмотреть: можно определить их возможный спектр, но какой метод, когда и где именно будет применен – вычислить нельзя. Поэтому и эффективность противодействия нападению в асимметричных

войнах очень низкая. Требуется громадное, невиданное до этого в истории, финансирование и развитие всех видов разведки и такой ее составляющей, как агентурная работа. Причем внедрение агентов в террористические организации современности – дело обычно затруднительное, т.к. они строятся по принципу микро-коллективов, каждый из которых не знает другие коллективы, и работают по кодовым сигналам через почту или Интернет. Многие подобные террористические организации включают в себя только клановых родственников или жителей одной деревни, которые знают друг друга с детства и биография которых прозрачна. Неслучайно асимметричная война, начатая против США в сентябре 2001 г., застала врасплох не только спецслужбы страны, но и ее руководство. Что касается России, то агентура КГБ, как это признается ныне рядом политиков и ученых, была почти полностью разрушена в 90-е годы. Финансирование ФСБ до 2001 г. было не просто недостаточным, но, по признанию ее главы, осуществлялось лишь на 50% от реальной потребности. Лишь с 2001 г., да и то не столько под влиянием внутренних угроз, сколько по причине необходимости проявления солидарности и сотрудничества с США в рамках антитеррористической коалиции, финансирование ФСБ было увеличено и агентурная сеть начала постепенно восстанавливаться.

Акты асимметричной войны против США были разработаны и осуществлены таким образом, чтобы сработал, прежде всего, психологический эффект: мишенью были выбраны национальные символы страны, а неизбежные прямые трансляции CNN и других телеканалов по всему миру фактически дали терактам глобальную рекламу и продемонстрировали глобальный и превосходящий характер мощи неизвестного (или неизвестных) НПО. Акты асимметричной войны против России в 2004 г. также были, прежде всего, рассчитаны на психологический эффект того же типа: на демонстрацию бессилия государственной машины и конкретных политических руководителей.

Главное же оружие асимметричных войн – анонимность зачинщиков и исполнителей. США пришлось «назначить» врага нации №1 – бен Ладена – и бомбить страну, где он находился. Но обычное или высокоточное оружие бессильно против терроризма. Штамм спор сибирской язвы, рассылавшийся в США осенью 2001 г. по почтовым отделениям, СМИ и госучреждениям, произведен на территории США. Кто его произвел, кто и кому передал, кто конкретно осуществлял рассылку спор – неизвестно, и удары крылатых ракет по Афганистану в этом случае не помогут, как и агрессия американского государства против Ирака.

Симметричный ответ на асимметричные военные угрозы потребует не только новых принципов организации вооруженных сил, специальной и финансовой разведки, но и новых принципов международного сотрудничества и новых межгосударственных союзов. Пока же мы видим – в американо-британской войне в Ираке – действия на базе старых принципов: «сила солому ломит» и «свой своему поневоле друг». Воспользовавшись справедливым негодованием общественности по поводу террористических атак на американские города, США и Британия под предлогом развития наступления на центры международного терроризма ставят под контроль важные источники сырья и стратегические коммуникации. Озарение «цивилизованного мира» относительно необходимости ограничения демократии в случае борьбы с ТНПО продвинуло вперед и процесс осознания правомерности силовых методов борьбы, которую Россия ведет с чеченским терроризмом. При этом Запад устами президента и госсекретаря США призывает различать в Чечне борцов за национальное освобождение и террористов и соответственно поразному к ним относиться: с борцами переговоры, с террористами война. После Беслана российский президент объявил о намерении осуществить ряд изменений в политической системе страны для осуществления более эффективного противостояния террористам. В свою очередь, не передоверяя, как обычно, эту роль госсекретарю Пауэллу, Дж. Буш сам выступил с осуждением намечающихся Россией контрмер, заботясь о судьбе российской демократии, которая может претерпеть ограничения. Таким образом, внутри антитеррористической коалиции государства, встречающие один и тот же вызов, в реальной действительности наделяются как бы разными правами относительно форм ответа на этот вызов и, как в известной современной поговорке, среди формально равных партнеров по коалиции одни «оказываются равнее, чем другие».

Как уже было сказано, один и тот же вызов встает и перед мощнейшей державой современного мира – США, перед Западом в целом, и перед ослабленной постъельцинской Россией. Является ли этот вызов вызовом Востока?

Задолго до событий сентября 2001 г. в США и событий 2004 г. в России специалисты в области геополитики предсказывали подобное развитие ситуации, хотя никто не угадал конкретной формы его реального проявления.

Ж.Аттали, бывший директор Европейского банка реконструкции и развития, еще в 90-е годы 20 века утверждал, что основной конфликт современности – это противостояние «богатых номадов» и «бедных кочевников». Под «богатыми номадами» Аттали подразумевал жителей стран «золотого миллиарда», путешествующих в поисках острых ощущений, а под «бедными кочевниками» – людей из развивающихся стран, слоняющихся по миру в поисках работы, обеспечивающей минимальный прожиточный уровень. Последние ненавидят «богатых номадов», и их ненависть подогревается демонстрацией по ТВ и в Интернете картин роскошной жизни «номадов». В конце концов, как предсказывал Аттали, это может вылиться в глобальный ядерный, химический или биологический терроризм «бедных кочевников» и их матричных стран.

Российский ученый А. Неклесса в конце 90-х также писал о некоем «импульсе разрушения», который может вырваться когда-нибудь из «зон нищеты». Этот импульс может привести к изменению баланса сил в его традиционном понимании и к дестабилизации стран «золотого миллиарда» [1].

В тот же период времени подобные мысли высказывали и американские ученые. Так, Дэвид Такер [3] видел основного врага западной цивилизации в неких «диких бойцах». Эти бойцы не питают никакого уважения к цивилизованным ограничениям и готовы на что угодно для достижения победы. «Размышляя над своим культурным унижением в богатых нефтью мусульманских землях, эти воины с удовольствием готовы прибегнуть к жестокостям». [3] С. Хантингтон еще в 1994 г. указал на

мусульманскую цивилизацию как на основного врага Запада.

Основного врага христианской цивилизации американские геополитики, в отличие от более осторожных в выражениях европейских собратьев, видят именно в мусульманском мире, т.е. на Востоке. Этот враг – исламский экстремизм. Экстремизм как течение мысли, экстремизм как политическое предпочтение – все это взаимосвязано и выражается в форме исламского терроризма.

Опасность распространения именно исламской формы фундаментализма особенно велика в связи с тем, что, согласно прогнозам, к 2025 г. мусульмане будут составлять до 30% населения Земли (сегодня – 12,4%). [3] Другие авторы называют иную цифру: уже сегодня численность мусульман на планете достигла 19,5%. [4]. Исламские радикалы считают западную цивилизацию излишне ориентированной на материальные ценности и потому – аморальной. Таким образом, корни противостояния исламских радикалов западным ценностям – не в противостоянии бедности и богатства, богатого Севера и бедного Юга, как часто представляют себе западные исследователи. Они – в социально-психологическом ощущении несправедливости мира, в котором бывшие колониальные державы с презрением относятся к развивающимся странам и их народам, нажившись за их счет. Исламские теоретики отвергают глобализацию, считая ее тождественной американизации, т.е. осуществлению глобальной экспансии США и Запада в целом. Таким образом, террористический вызов Западу сегодня главным образом идет с Востока.

Россия не является частью Запада, поскольку, во-первых, сам Запад в лице его политиков и ученых ее таковой не признает, а во-вторых, основные характеристики экономической и политической систем современной России не идентичны западным. Однако Россия входит в «большую восьмерку» и имеет неформальный статус «стратегического партнера» Запада. Поэтому часть исламских радикалов видит и в России врага Востока, тем более что контртеррористическая военная операция в Чечне формально велась против комбатантов мусульманского вероисповедания.

Отметим, что развитые страны поддерживали радикальные исламские организации в годы существования системы социализма, видя в них противовес распространению коммунистической идеологии. Исламский фундаментализм и его разновидность – ваххабизм сегодня используются для геополитического расширения в идеологическом пространстве России союзников США – Турции и Саудовской Аравии – с целью осуществления последующего контроля части физического пространства России (Северный Кавказ, Поволжье, Южный Урал). Распространению этих форм ислама способствует крайняя бедность части населения России и многолетнее господство атеизма, подорвавшего традиции и культуру отправления религиозных обрядов.

Теракты сентября 2001 г. также, несомненно, имели геополитический смысл. Он состоял в том, чтобы показать глобальный характер мощи современных ТНПО – с одной стороны. С другой стороны – продемонстрировать Западу и единственной сверхдержаве США уязвимость и неоднозначность их цивилизационных символов: либеральной экономики (нападение на Всемирный торговый центр) и всесокрушающей мощи (атака на Пентагон). В частности, так проявилось недовольство навязанной вестернизацией. В более мягкой форме это недовольство выразил один из членов саудовской королевской семьи: «Мы в Саудовской Аравии желаем модернизации, но не вестернизации». [3] Исламские радикалы полагают, как уже было сказано выше, что западная цивилизация излишне материалистична, потребительство заслоняет для западного человека духовные ценности. Ислам же как раз ориентирован, по их мнению, на развитие духовной сферы человеческого бытия.

Страны Запада применяют двойной стандарт в оценке террористических организаций и борьбе с ними. Так, в Великобритании в 2001 г. был принят новый закон о борьбе с терроризмом, но в список террористических организаций, подлежащих запрету, вошли преимущественно структуры ольстерских террористов, а организации поддержки чеченских террористов оказались вне этого списка. При голосовании антитеррористических резолюций в международных организациях, в том числе ООН и ее структурах (например, ЭКОСОС – Экономическом и социальном совете ООН) борьбу России с международным терроризмом на территории Чечни поддерживают преимущественно страны «третьего мира», в том числе и исламские (Индонезия, Оман, Судан, даже Саудовская Аравия), но не страны Запада. Госдепартамент США, публикуя ежегодный список террористических режимов и организаций, до 2003 г. упорно не включал в него чеченские террористические структуры. Только в начале 2003 г. это было сделано, и то из 15 террористических организаций, представленных Россией, в список Госдепартамента США попали лишь три.

Это, естественно, не случайно.

Чеченский сепаратизм и связанный с ним международный терроризм, атакующий Россию, выгоден Западу в деле ослабления России как важного геополитического актора. Ослабленная Россия, в частности, будет отстранена от контроля второго в мире (после региона Персидского Залива) нефтяного региона – Центральной Азии и Прикаспия. Независимое чеченское государство, как показывает опыт сентября 1999 г. (агрессия военных формирований Басаева в Дагестане) и сентября 2004 г (Беслан), не останется в своих границах, а постарается их расширить за счет республик Северного Кавказа, обретя выход сразу к двум морям: Каспийскому и Черному. Гекатомба Беслана, несомненно, имела целью, как заявил президент Путин, «взорвать Кавказ», спровоцировав актуализацию древнего института кровной мести и военные действия незаконных вооруженных формирований на территории северокавказских республик России. При этом актуальным становился бы вариант международного вмешательства, как легитимного, так и теневого, террористического, в общекавказский конфликт. Возможный результат осуществления этого антироссийского плана – фактический распад России по косовскому образцу и формирование реально, а вероятно, и юридически, независимого мусульманского «джамаата» на территории Северного Кавказа с «чеченским сопротивлением» во главе. Последующий выход этого квазигосударства к двум морям позволил бы экономическим и политическим спонсорам чеченской независимости контролировать большую часть нефтепроводов, транспортирующих нефть Прикаспия и Централь-

ной Азии на Запад. Распространение чеченского государства на север – в мусульманские республики российского Поволжья, на Урал и в Сибирь (проект Большого Турана, поддерживавшийся еще Дудаевым) дало бы возможность контроля большинства российских нефтяных полей. Освоение южного направления экспансии – с базой в Панкисском ущелье Грузии – привело бы к контролю всех нефтепроводов, питающих Запад прикаспийской и центральноазиатской нефтью. В условиях постепенного истощения нефтяных запасов и предсказываемой их минимизации к концу 21 века этот геополитический план выглядит логичным. Другое дело, исполним ли он, и является ли он единственным вариантом овладения вторым нефтяным регионом планеты.

Таким образом, импульс террористического вызова, с которым сталкивается современная Россия, исходит не с Востока. Восток, как внешний по отношению к России, так и внутренний, российский, с его социально-экономическими и социально-психологическими цивилизационными комплексами и религиозной спецификой лишь используется Западом для осуществления глобальной геополитической экспансии. Да, сам Запад также страдает от терроризма, встречая вызов Востока, униженного веками колонизации, осуществлявшейся полвека тому назад в открытой форме, а ныне – в завуалированной. Однако Запад использует этот вызов себе в своих же интересах, перенацеливая его в сторону геополитических соперников, в данном случае – России. Концепции и практика создания «управляемого ислама», «большого Ближнего Востока», «старой и новой Европы» являются частями стратегии глобальной войны вполне симметричного характера (между государствами), вполне древней по целям и задачам – войны за ресурсы планеты. Россия все еще является самым ресурсным государством мира, несмотря на распад СССР. Вовлечение ее в серию «конфликтов малой интенсивности» вдоль границ, раздувание сепаратизма российских регионов с помощью союзных Западу арабских стран и Турции (также стремящихся реализовать за счет России свои интересы), фактическое поощрение терроризма с помощью применения к его оценке «двойных стандартов» – все это недружественные действия не столько Востока, сколько «золотого миллиарда», страшащегося конца эры «общества потребления». Конец «общества потребления» неизбежен при ограничении его ресурсной базы, а иное, возникшее на его руинах, общество не было бы настолько политически управляемым, как существующее. Недаром Наполеон, по его собственному высказыванию, не боялся ничего, кроме «революции желудка», т.е. бунта недокормленных масс.

Mutate nominee – цели властвующего (внутри страны или в мире в целом) не изменятся никогда: сохранение привилегий, приносимых властью, любой ценой, даже ценой войны. Войны, которую в 21 веке можно вести исподтишка, чужими руками и в «асимметричной форме».

[1] Неклесса А. Конец цивилизации или конфликт истории? // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – N 3. – С. 23.
[2] Впервые термин «асимметричная война» был употреблен в российской открытой печати доктором военных наук В. Слипченко в интервью газете «Известия» 1 ноября 2001 г. См. также Bishara V. L'ere des conflits asymetrices. // Le Monde Diplomatic. 2001. № 10.
[3] Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. – М.: Логос, 2000. – С. 134.
[4] Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира. // Полис. – 2002. – N 1. – С. 36.
[5] Мирский Г.И. «Политический ислам» и западное общество. // Полис. -2002. – N 1. – С. 41.

УЧАСТИЕ РЕГИОНОВ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КИТАЙСКИЙ ОПЫТ

А.С. Кузнецов

Александр Кузнецов, аспирант Института философии и права УрО РАН

Современные процессы в мире, и в том числе в России, по мнению ряда ученых, формируются в контексте двух глобальных тенденций: глобализации и регионализации. Политическая жизнь стала, с одной стороны, характеризоваться усилением экономической и социальной интеграции, а с другой стороны, усилением требований регионов большей автономности и независимости в политической, социальной, экономической сферах. Взаимная обусловленность этих процессов привела к появлению неологизма «глокализация», указывающего на то обстоятельство, что решения, затрагивающие режим функционирования ведущих политических и экономических акторов, все в меньшей степени связаны с государственным регулированием, и все в большей – с теми силами, которые находятся на субнациональном и наднациональном уровнях. Одним из наиболее ярких проявлений регионализации стала тенденция увеличения вовлеченности субнациональных акторов в международные отношения. Проблема участия субнациональных акторов в международных отношениях (феномен, часто определяемый как парадипломатия,) является относительно новым в общем списке проблем, которые изучаются современной политической наукой.

Парадипломатия, одно из наиболее ярких проявлений процессов регионализации, получила свое развитие не только в современной России, но и

в Китае. Несомненно, что этот процесс, имеющий различные проявления и формы, за последнее десятилетие стал одним из важных движущих факторов развития в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С середины 80-х годов, когда начался китайский транзит в сторону капитализма через открытие особых экономических зон, Пекин стал активно способствовать парадипломатической активности провинций. Экономические реформы, проводимые центральным правительством, привели к повышению взаимозависимости китайских провинций с внешним миром и к большей кооперации провинций между собой.

Как отмечают исследователи, инициатива выхода провинции на международную арену исходила из двух источников. С одной стороны, центральное правительство подталкивало провинции становиться более конкурентоспособными в глобальном экономическом пространстве. С другой стороны, местные власти сами приходили к выводу о необходимости приобретать международные контакты для осуществления своих социоэкономических и политических задач.[1] Кроме того, этому процессу поспособствовали печальные события так называемого кризиса Тяньанмень, которые заставили китайское руководство прибегнуть к новой дипломатической стратегии. Суть нового китайского подхода в дипломатии сводилось к поиску и развертыванию новых целей и политических инструментов в сфере международных отношений для избежания возможности международной изоляции. В контексте этой новой китайской внешней стратегии, вовлечение субнациональных единиц в международные связи представлялось Пекину весьма позитивным явлением.[2]

В течение последних десяти – пятнадцати лет практически все китайские провинции приобрели международные и внешнеэкономические контакты. Этот процесс повлиял на китайскую политическую систему. Как отмечает исследователь Сегал, ряд полномочий перешел от центра к местным властям или в совместную компетенцию. Центральное правительство проявило огромный интерес в интернационализации своих провинций не только через внешнеэкономическую интеграцию, но и через организацию неформального, в первую очередь, приграничного сотрудничества с властями соседних иностранных регионов. Так в частности, власти провинций были уполномочены подписывать соглашения с иностранными субнациональными единицами, принимать у себя и посылать по всему миру международные делегации.[3]

Китайская парадипломатия начала свое активное развитие в 80-х годах на восточном побережье в таких провинциях, как Шандонг, Шанхай, Хайнань, Фуджиань и Гуандонг. Эти провинции развивали единое экономическое пространство с Гонконгом, Тайванем, японскими префектурами. Особых успехов на парадипломатической ниве достигла провинция Гуандонг. В течение последнего десятилетия эта провинция в значительной степени снизила свою зависимость от Пекина, приобретя большое политическое влияние и автономность в области своей внутренней политики и в сфере международных отношений. Центральное руководство Китая стало использовать успехи парадипломатической активности провинции. Так, во многом благодаря тесной экономической и социальной интеграции между Гуандонгом и Гонконгом, стало возможным успешное вступление последнего во владения Китая.[4]

Кроме очевидной пользы, парадипломатическая активность принесла и негативные явления. В значительной степени увеличилась экономическая пропасть между вовлеченными в парадипломатию прибрежными регионами и северными депрессивными провинциями Китая. Местные власти северных и западных провинций стали критиковать политику Пекина по поощрению парадипломатической деятельности. Безусловно, это общее недовольство беднейших регионов страны вызвало большую озабоченность у центральных властей. На сегодняшний момент дисбаланс в региональном развитии является одной из наиболее острых проблем для современного Китая.[5]

В 90-е годы произошел новый толчок развития китайской парадипломатии, связанный с открытием новых перспектив для сотрудничества северным провинциям с регионами российского Дальнего Востока. Такие приграничные с Россией провинции, как Джилин, Ляонинг и другие стали развивать экономическое сотрудничество с соседними российскими регионами. Появились совместные предприятия, были организованы многочисленные межрегиональные проекты.

За последнее десятилетие произошла эволюция в отношениях между российским Дальним Востоком и Китайским севером. Если в начале 90-х годов ставка делалась на торговые взаимоотношения, то в последние годы в связи с проблемами нелегальной миграции, коррупцией и организованной преступностью, фокус сотрудничества стал смещаться в плоскость политического диалога по проблеме безопасности. Москва и Пекин осознали необходимость и важность приграничного сотрудничества для решения общих проблем, оценили значимость роли приграничных регионов в вопросе двусторонних отношений. На сегодняшний момент в состав официальных российских делегаций, посещающих Китай, обязательно входят представители регионов российского Дальнего Востока. Аналогично поступают и власти Китая, приглашая в состав официальных делегаций представителей северных провинций.

Феномен участия субнацинальных единиц в международных отношениях стал приковывать все большее внимание современных исследователей. Уже сегодня мало аналитиков, у кого остались сомнения по поводу включенности таких стран, как Китай и Россия, в глобальные экономические и политические процессы. Ни глобализация, ни регионализация не пройдут мимо наших стран, и чем раньше будут приняты и осмыслены эти глобальные вызовы, тем безболезненней пройдет вхождение России в глобальные реалии 21 века. Парадипломатия, одно из наиболее ярких проявлений процессов регионализации, получило свое развитие в России и Китае относительно Европы и Северной Америки не так давно, поэтому для современной российской политической науки открываются большие перспективы по раскрытию этого феномена.

[1] Goodman D., Segal G. (Eds.) China deconstructs: Politics, Trade and Regionalism. London, Routledge, 1995

[2] Hsiung J. China's Omni-Directional Diplomacy. Asian Survey, 1995, vol. 35, no. 6, p.573-586

[3] Segal G. China Changes Shape: Regionalism and Foreign Policy. Adelphi papers 1995, no. 287

[4] Hayter T., Sheng Han S., Reflections on China's Open policy Towards Foreign Direct Investment., Regional studies, 1998, vol. 32, no.1, p. 14

[5] Zhao X., Tong S., Unequal Economic Development in China: Spatial Disparities and Regional Policy Reconsideration, 1985-1995. Regional Studies, 2000, vol. 34, no. 6, p. 549-561

В.В. Уфимцев

Россия: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Виктор Владимирович Уфимцев,
доктор социологических наук,
проректор Уральского института
коммерции и права по научной работе,
профессор кафедры политологии
и социологии ИППК
при Уральском государственном
университете

«Вот так, вот так живут Америка, Европа
Вот так, вот так, ну а у нас все...»
И. Тальков

На страницах журнала «Политические исследования» весь предыдущий год шла дискуссия по вопросу российского выбора: выбор либерально-демократической модели сделан, отсрочен, отменен?[1] В этой дискуссии принял участие и автор данных строк.[2] В данной статье мне пришлось усомниться в том, что нынешний вектор развития нашей страны в соответствии с либерально-демократической моделью соответствует изначальному добровольному выбору его общества.

Да, либерально-демократическая модель предпочтительна, но как воплотить ее в жизнь на отечественной почве, какой ценой, с какими издержками и потерями? Вторую часть проблемы вольно или невольно скрыли от доверчивого населения, предполагая облегченный путь продвижения к данной модели.

Даже если выбор и был, то теперь, после прошедших парламентских и президентских выборов видно, что ни о какой либерально-демократической модели, которую якобы выбрало население, говорить не приходится. Действительно, о каком демократическом выборе может идти речь, если партии либерального толка остались за бортом Государственной Думы, о реализации какой либерально-демократической модели можно сейчас говорить, когда ни одна из демократических партий в парламент не прошла? Как тут не вспомнить слова великого русского эмигранта философа и правоведа Ивана Александровича Ильина: «Они не знали своего Отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией».[3]

Как в свое время Иисус изгнал торговцев из храма, так и народ, образно говоря, изгнал либеральные партии из Государственной Думы, справедливо связав с их деятельностью свои беды и обманутые ожидания на протяжении всех лет либерального реформирования. По существу, народ выполнил роль матроса Железняка, объявив упомянутым партиям о том, что он, народ, устал ждать, а время этих партий закончилось.

Мы еще раз стали свидетелями того, как иноземные теоретические конструкции «сыпятся» на инородной почве, такой, каковой является отечественная социальная почва. Это в полной мере относится к западным теориям и политической модернизации, и политического размежевания и т.д.

Таким образом, народ сделал заявку на существенную корректировку избранного курса. Не пора ли всерьез оглянуться и присмотреться к альтернативному опыту?

В принципе, не отвергая возможность реализации на российской почве либерально-демократической модели, мы вынуждены констатировать, что время для реализации цивилизованного либерально-демократического проекта – упущено. Нет уже того законопослушного субъекта, какой был в начале перестройки, с помощью и при участии которого можно было бы данную модель реализовать. Этому не позволяет также и экономическая разруха (слабая экономика – слишком большая роскошь для демократии).

Все это говорит о том, что либерально-демократический эксперимент в нашей стране блестяще провалился, а теперь, в связи с волеизъявлением населения на парламентских и президентских выборах, и закончился.

Таким образом, время диктует, что вперед надо двигаться в соответствии со своими традициями, социальными условиями, а не путем бездумного копирования чужеземных моделей. Либерализм – сама по себе не плохая идеология, но при практическом воплощении ее принципов на российскую почву – родились уродливые, гипертрофированные плоды. Уход государства из той или иной сферы привел не к цивилизованным формам хозяйствования, социальной жизни и т.д. В освободившиеся ниши пришел не добропорядочный индивид со своей социально ориентированной экономикой; нишу заняли асоциальные элементы, криминальные структуры. В экономической сфере – это рэкет, впоследствии переросший в устойчивые преступные группировки, взявшие под свой контроль целые отрасли и финансовые потоки подавляющего числа российских коммерческих банков; в духовную сферу широко проникли некогда находившиеся в «подвале» субкультуры, в том числе криминального характера, тоталитарные секты и т.д.; в социальной сфере – широкая пропаганда альтернатив семье («голубые», «розовые» и т.д.).

В этой связи все актуальнее звучит вопрос о совместимости демократии и либерально-плюралистических ценностей, утвердившихся в западном мире, с менталитетом традиционных восточных обществ. В развернувшейся по этому

поводу полемике в США главным оппонентом идеи универсальной применимости западных ценностей выступает лидер Сингапура Ли Кван Ю, бывший до 1990 года премьер-министром этой страны.[4]

Суть взглядов Ли Кван Ю и его сторонников в том числе и в самих США мы могли бы свести к следующим основным положениям:

Во-первых, успехи Сингапура и других стран азиатско-тихоокеанского региона приписываются разумной этатистской политике, отвергающей принципы «общества вседозволенности»;

Во-вторых, отвергаются как совершенно неприемлемые целый ряд элементов американской системы и связанные с ними побочные явления (распространение огнестрельного оружия, наркотиков, преступность, бродяжничество, непристойное общественное поведение и т.п.);

В-третьих, расширение прав индивидуума, по мнению вышеназванных оппонентов, до такой степени, что он волен вести себя так, как ему заблагорассудится, нанесло ущерб порядку в Западном обществе;

В-четвертых, главной целью общества должно быть обеспечение порядка;

В-пятых, недопустимо поощрять альтернативы нормальному устройству семьи и отказываться от испытанной нормы – семейной ячейки, так как именно на ней строится общество;

В-шестых, западные средства массовой информации, по мнению оппонентов, и активисты движения за права человека навязывают общественному мнению абстрактные концепции без учета уникальных культурных, социальных, экономических и политических особенностей той или иной страны.

Таким образом, отвергается универсальный характер западных ценностей.

Функциональные элементы менталитета традиционного общества восходят к глубокой древности, но впоследствии они были закреплены установками религии. И правильно, на наш взгляд, утверждает Г.И. Мирский в работе «Авторитаризм и демократия: две модели»: «Авторитарные и антилиберальные по существу, эти традиционные черты менталитета прочно укрепились в обществе, и было бы неразумно трактовать их как нечто, свидетельствующее о «недозрелости», «недоразвитости» восточных обществ».[5]

Все-таки приходится признать, что существуют глубокие культурно-цивилизационные различия между Западом и Востоком. Мы не хуже, мы не лучше, мы другие. Данные различия не обязательно должны вести к их конфронтации, но они определяют те особые, во многом не совпадающие пути, по которым идут Запад и Восток.[6]

По мнению Г.И. Мирского, унифицировать мир не удастся, и такие понятия, как «имитационная модель» или «догоняющее развитие» не могут указать перспективу развития человеческих обществ».[7]

Но все-таки, в положениях, претендующих доказать исключительное своеобразие «восточной модели», отвергающей «западные ценности», есть много преувеличений.[8]

Думается, прав П. Штомпка, который утверждает: «...необходимо серьезно продумать новую концепцию современности и теорию модернизации».[9] И такие усилия действительно в настоящее время предпринимаются. В частности, пересматриваются следующие основные положения.[10]

1. В качестве движущей силы модернизации уже не рассматривается сугубо политическая элита, действующая «сверху». Главными агентами модернизации в настоящее время признаются общественные движения и харизматические лидеры.

2. Модернизация уже не трактуется как решение, принятое образованной элитой и навязанное сопротивляющемуся населению, цепляющемуся за традиционные ценности. Речь идет о массовом стремлении граждан изменить условия жизнедеятельности в соответствии с западными стандартами под влиянием средств массовой коммуникации.

3. На смену акцентирования эндогенных имманентных факторов модернизации приходит осознание роли экзогенных факторов, включая мировую геополитическую расстановку сил.

4. Признается, что западная модель развития – не единственный образец, которому нужно подражать во всем.

5. Унифицированный процесс модернизации заменяется ее более разнообразным, многоликим процессом.

6. В целом картина модернизации становится менее оптимистичной, при этом прослеживается стремление избежать наивного волюнтаризма некоторых ранних теорий.

7. Если раньше эффективность модернизации выводилась почти исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль ценностей, культурных кодов и т.д.

8. Признается, что региональные традиции могут таить в себе важные модернизационные потенции.

9. Продолжается решаться дискуссионный вопрос, поставленный сторонниками «большого скачка» (Сакс, Аслунд, Бальцерович) и сторонниками «постепенности».

10. Признается наличие идеологического кризиса в «обществах» – моделях развитого Запада.

Таким образом, беда всех наших младореформаторов заключается в том, что не зная России, не обращая внимания на ее традиции, социокультурные основания, была произведена попытка поставить Россию на западный путь развития, по западным же рецептам, но ничего из этого не вышло и не могло выйти.

Интересно, что еще в 1989 году З. Бжезинский в работе «Большой провал» сравнивая горбачевскую перестройку с реформами Дэн Сяопина в Китае, предрекал успех последних и неуспех горбачевскому проекту.[11]

Можно вычленить основные пункты, по которым сравнение вылилось явно не в нашу пользу:

1. Китайцы опередили СССР в стремлении к обновлению и модернизации.

2. В КНР была более очевидна общественная восприимчивость к переменам.

3. В отличие от русских, как писал З. Бжезинский, «китайцы обладают предпринимательским талантом».

4. Китай, в отличие от СССР, национально однородная страна.

5. В отличие от русских, китайцы считают себя представителями особой цивилизации.

6. Реформы в КНР более соответствуют культурным традициям страны.

7. Уверенность китайцев в превосходстве своей культуры.

8. У китайцев нет плохо скрытого комплекса неполноценности по отношению к Западу.

Бжезинский не пишет, но подспудно можно понять, что у русских есть плохо скрываемый комплекс неполноценности по отношению к Западу.

9. Проникновение в китайское общество конфуцианской системы мышления и ценностей.

Комментарии, как говорится, излишни. Еще З. Бжезинский упоминает о том, что во главе реформ стоял в Китае не кто иной, как Дэн Сяопин. М.С. Горбачев в этом контексте не был упомянут.

Вообще, у России существуют свои характерные особенности политической модернизации, свойственные только сугубо ей. Этого не захотели видеть реформаторы. Выделим эти особенности:[12]

1. Влияние внешнего фактора на возникновение и протекание процесса модернизации.

2. Индустриальное сближение с Западом сопровождалось одновременно усилением социального сближения с Востоком. То есть заимствование западных индустриальных технологий сопровождается традиционно усилением заимствования восточных социальных технологий.

3. Наличие идейного и социокультурного раскола на процесс осуществления отечественной модернизации, преодоление которого часто носило насильственные формы.

4. Недостаточно развитая и недостаточно независимая от власти религиозно-цивилизационная основа.

5. Готовность большой части населения на протяжении столетий подчинять личные интересы групповым, коллективным, классовым, общественным интересам.

6. Субъектом модернизации в России исстари выступало государство, озабоченное достижением паритета с Западом.

7. Расхождение между интерпретацией процесса модернизации со стороны реформаторской элиты (управленческой и культурной) и массовыми интерпретациями модернизации.

Модернизация как проблема способности общества к цивилизованному переходу, оказывалась до сих пор неразрешимой проблемой. Одна из главных причин этого видится в социокультурном расколе общества. Российское общество не решило проблему модернизации, так как не смогло построить диалог между различными формами ее интерпретации, между потребностями в благах, потреблении, потребностями в развитии человека как субъекта социокультурного творчества, единственного источника удовлетворения потребностей в благах.

Теперь попытаемся из всего вышеизложенного вычленить основные составляющие модели модернизационного перехода российского общества, взяв за основу социокультурный аспект:

1. Осуществление перемен должно происходить на основе своей самобытности, собственной социокультурной базы.

2. Сохранение необходимых пропорций между индустриальным сближением с Западом и социальной ориентацией на Восток.

3. Цивилизованное преодоление идейного и социокультурного раскола в обществе на процесс осуществления политической модернизации.

4. Налаживание позитивного диалога между различными социокультурными группами в процессе осуществления политической модернизации.

5. Создание условий для развития независимой от власти религиозно-цивилизационной основы.

6. Повышение уровня и статуса государственных институтов как субъектов модернизации.

7. Развитие традиционной культуры, преодоление социокультурной люмпенизации.

8. Усвоение широкими слоями общества глубинных ценностей модернизации (трудовая аскеза; перемены в структуре деятельности, хозяйства и управления; нравственное содержание культуры; стиль жизни и человеческих отношений; мораль раскрепощенного производителя и т.д.).

9. Преодоление комплекса неполноценности по отношению к Западу.

10. Выработка и формулирование объединяющей общество идеи – философии обновления.

Данные составляющие модели модернизационного перехода в условиях практического воплощения в жизнь модернизационных преобразований, становятся и критериями оценки процесса перехода.

В настоящее время вопрос дальнейшего развития России касается не столько того, каким путем, через какую идеологию в Россию придет свобода, демократия, сколько того, каким путем будет восстановлена на массовом уровне трудовая этика. К народу, оказавшемуся неспособным к внутреннему самоограничению, ограничение рано или поздно приходит извне, будь то криминалитет, либо государство в лице харизматического лидера. Из двух зол надо выбирать меньшее, народ это и выбрал на прошедших парламентских и президентских выборах.

Таким образом; необходимо отвергнуть универсальный характер западных ценностей, европоцентристской модели; продвижение вперед должно осуществляться в соответствии с отечественными традициями, условиями, на основе собственной социокультурной базы. Основным субъектом модернизации традиционно на обозримую перспективу должно оставаться государство теперь уже в лице харизматического лидера и его широкой общественной поддержки. Национальные и региональные традиции несут в себе большой модернизационный потенциал и их надо использовать в процессе осуществления модернизационных преобразований. А в целом, идентификация траектории, по которой движется реформируемая Россия, еще ждет своего разрешения.

[1] См.: ПОЛИС. 2003. № 1,2,4,6. 2004. № 1.
[2] Уфимцев В.В. А был ли выбор? // ПОЛИС. 2003. № 4. С. 165 – 168.
[3] Ильин И.А. Наши задачи / Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 130.
[4] См.: Мирский Г.И. Авторитаризм и демократия: две модели // ПОЛИС. 1996. № 6. С. 136 – 144.
[5] См: Там же.
[6] См.: Там же С.143.
[7] См.: Там же.
[8] См.: Там же.
[9] См.: Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. М., 1996. С 181.
[10] См.: Там же С. 181 – 184.
[11] См.: Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в XX веке. Нью-Йорк. 1989.
[12] См.; более подробно: Уфимцев В.В. Социальное управление и политический режим: диалектика взаимодействия. Екатеринбург. 2003.

ВОСТОЧНЫЕ КРАСКИ РОССИЙСКОЙ ПАЛИТРЫ

М.П. Лаптева

Майя Петровна Лаптева
доцент кафедры новой и новейшей истории Пермского государственного университета, кандидат исторических наук

Подобно тому, как есть нечто поучительное для человеческого поведения в животном и растительном мире, есть своеобразные «образцы подражания» и в мире красок. Разве не поразительна радуга, гармонично сочетающая в себе полярные цветовые оттенки? Подобный «диалог», вероятно, невозможен в человеческом сообществе. Тем не менее, и в политике, и в культуре немало диалоговых форм и вариантов. К интенсивному диалогу склоняется научное познание и понимание мира. С тех пор, как в XVII веке европейская наука начала стремительное движение по пути дифференциации, полная интеграция научного знания уже невозможна. Однако в последние полтора века упорно возникают различного рода пограничные науки, междисциплинарные методы и подходы. Исследователи разных специальностей заимствуют друг у друга способы различения объекта и предмета. Подобный диалог особенно плодотворен для гуманитарного познания, пространство которого естественным образом соприкасается с пространством точных наук (мир цифр), с одной стороны, и пространством искусства (мир красок), с другой. Соответственно и включение в гуманитарное познание некоторых элементов эстетического или же арифметического свойства.

Бурные надежды на то, что мир цифр «спасет» от шаблона и увядания историческую науку, терявшую престиж к середине XX века, обернулись не только всяческой квантификацией, клиометризацией, компьютеризацией, изменившими ее образ, но и потерей читателя, для которого сплетни о королевских любовницах всегда предпочтительнее длинных и непонятных формул. Разумеется «мир цифр» в каких-то вариантах и ранее присутствовал в гуманитарном познании. Есть даже некоторая мистика чисел: часто встречается число три (три стадии, три эпохи, три периода, три картины мира). Впрочем, эта «мистика» легко объяснима делением исторического времени на прошлое, настоящее и будущее.

Применительно к российской истории цифровая символика и число «три» как одно из ее выражений многократно встречается в мифологических и эпических представлениях о ней (три богатыря как варианты социального поведения, три дороги как альтернативы развития, три царевны как гендерные разновидности возможной властной стратегии). Извечное российское упование на прекрасное будущее сочетается с пренебрежением к настоящему и недостаточным уважением к прошлому (одни его проклинают, другие идеализируют – и те, и другие искажают). Рывки российской истории отражают ее причудливое метание от «третьего Рима к третьему Интернационалу» (Н.Бердяев).

Палитра красок применительно к восприятию и пониманию мира обогащается как индивидуальными достижениями исследователей, не лишенных таланта в области стиля, так и общим стремлением последних тридцати лет к «возрождению нарратива» в историческом знании, «лингвистическим поворотом», постмодернистским вызовом и ответом на него, исходящим прежде всего от такого направления исторической науки, как интеллектуальная история. Однако было бы «хронологическим снобизмом» не учитывать тот несомненный факт, что символика цвета уже на ранних этапах человеческой истории была осмысленной и определенной. Хотя цветовые восприятия отличались своеобразием у разных народов, но преобладало, например, такое понимание белого цвета, которое означало справедливость, власть, счастье и здоровье. С желтым цветом ассоциировалась надежда, с черным – смерть. Красный цвет символизировал такие понятия как «опасность» и «женщина».

Лев Толстой писал о вкусе и цвете времени. Это высказывание иногда цитируют, но не воспринимают как вариант взгляда на историю. Вкусовое и цветовое восприятие времени (и истории), безусловно, существует, хотя предметом внимания серьезных ученых оно вряд ли становилось. Между тем, как объект анализа оно вполне уместно и с точки зрения повседневной истории, микроистории, и, особенно, в контексте исторической памяти или памяти общества. Вполне логично дифференцировать конкретных носителей этой памяти не только по утвердившимся критериям (групповой, возрастной, гендерный и т.д.), но с учетом темперамента и степени оптимистичности (пессимистичности) взгляда на мир добавить своеобразный «красочный» критерий. Иначе говоря, память может быть окрашена однотонно, преимущественно в серый цвет, может быть черно-белой, но при более вдумчивом осознании времени она непременно цветная (многоцветная).

Если рискнуть перейти с индивидуального восприятия времени и истории на этническое (национальное), то, на мой взгляд, в российском самосознании чаще возникало черно-белое, контрастное представление о жизни. Оно естественно для страны и народа с трудной судьбой. Не претендуя на глобальное рассмотрение проблемы цвета в российском понимании истории, хотелось бы взглянуть на тот ее аспект, который связан с восточными сюжетами российской исторической жизни.

В 1936 г. у английского историка А. Тойнби произошла беседа с Гитлером. Впрочем, это был скорее монолог Гитлера, предназначенный для вну-

шения человеку, составлявшему весьма влиятельные обзоры международных событий. Гитлер рассуждал о «желтой угрозе», о том, что главным претендентом на роль поборника «желтых» является Россия. Слушая его, Тойнби подумал, что ленинские призывы к объединению коммунистического и антиколониального движений действительно означали претензию России на руководство желтым, коричневым и черным большинством человечества[1].

Восточные претензии России возникли, конечно, не при большевиках. Российское государство с XVI века включало в себя азиатские территории, поэтому Восток никогда не был для россиян далекой экзотикой. Кстати, этимология слова «Азия» ведет к ассирийскому слову «асу», означавшему «восход, восток». Ассирийцы, правда, называли словом Асу лишь восточное побережье Эгейского моря. Значение слова расширялось по мере увеличения географических познаний. Уже в древности возникло ощущение различия двух великих зон – Востока и Запада. Иудейский царь Давид, подчеркивая беспредельность божественного милосердия, восклицал: «Подобно тому, как отстоит Восток от Запада, удалил Он от нас беззакония наши». Для древних авторов культура и история следовали тому пути, по которому движется солнце: как и солнечный свет, благодатный свет истории и культуры появлялся с востока. Древние египтяне прочно связывали Восток с жизнью, а Запад рассматривали как область смерти, «западными» именовали мертвецов (полоса некрополей тянулась вдоль западного берега Нила).

Для Геродота Восток и Запад противостояли друг другу в комической трагедии истории. Но краски начинали меняться – с востока шла *темная* сила, варвары, несущие зло и смерть, отличающиеся от эллинов грубой физической мощью. Возвеличивание Запада не уменьшало интерес к востоку, напротив, он увеличивался и обострялся. Христианская традиция приняла древнюю ориентацию – самая священная часть церкви – алтарь обращен на восток, а в западном притворе обычно изображаются сцены конца света и Страшного суда. Но при этом Восток в сознании средневекового европейца все более отодвигался на задний план как нечто отдаленное и сугубо экзотическое.

Возникла концепция «экзотизма». Экзотические краски Востока таинственны и непонятны, обладают манящим свойством. Восток и Запад раздельны и несоединимы. Особую популярность концепция «экзотизма» получила во Франции, Англии и Германии во второй половине XVIII века и в первой половине XIX века. Она проявила себя и в художественном, и в научном познании.

С появлением такого существенного различения Запада и Востока как соотношение рационального и традиционного пути развития вплоть до нашего времени упор делается на разнице в отношении к собственности и свободе. В восточных языках имеется масса понятий, означающих не «собственность», а «владение» или «обладание». А в российском массовом сознании до сих пор не осознано различие между собственностью и владением – в русском языке слова «землевладелец» и «земельный собственник» звучат как синонимы.

В XV в. Московская Русь установила дипломатические сношения с рядом стран Востока. В XVI-XVII вв. к России были присоединены обширные области с азиатским населением. Для русских жителей Казани Азия (как культурное пространство) начиналась на соседних улицах. Здесь не было ни излишнего уважения к Востоку, ни снисходительности к нему, только вплотную и вровень. Восточные торговцы стали привычными обитателями российских городов – их товары, как правило, были яркими и многоцветными, независимо от того, были ли это ткани или экзотические фрукты. В Россию везли расписные шали и ковры, драгоценное оружие, золотые изделия. Возникало стереотипное представление об «азиатской роскоши». Роскошь трактовалась как восточный образ жизни.

Практические потребности подогревали интерес к Востоку. Яркость его красок нередко формировала у тех, кто изучал Восток, представление о том, что все там было «не так». Востоковеды-марксисты преуспели в обратном рвении – усердно пытались найти на Востоке формы и краски, аналогичные западным. Незаурядные мыслители, пытавшиеся глобально оценить смысл человеческой истории в целом, склонялись к образу параллельных потоков эволюции с неодинаковыми потенциями. Арабским философом Ибн-Синой еще в XI веке был написан трактат, в котором противоположность Востока и Запада раскрывалась на материале 28 тысяч проблем (!). За прошедшую с того времени тысячу лет восточные особенности уплотнились, сконцентрировались в ряд черт, среди которых наиболее часто упоминаются естественность (гармония); пассивность; склонность к зависимости; медлительность; пессимизм; терпение.

Российские попытки понять еще более далекие части Азии, помимо тех, что уже были частью русского государства, начинаются с времен Петра I. Привезенный к царскому двору потерпевший кораблекрушение японец Дэнбэй был первым, кто вызвал интерес к стране Восходящего солнца и ее языку. При Петре I учреждается Духовная миссия в Пекине, начинаются военные столкновения в Персии (через столетие они приведут к успеху – российская палитра восточных красок приобретет новые тона, то бишь, территории). Сбор восточных рукописей и обучение восточным языкам становятся частью правительственной политики. С именем Петра I связано создание типографии с восточными шрифтами, собирание нумизматических коллекций. В знаменитой Кунсткамере в числе диковинных вещей собираются восточные книги, монеты и другие редкости.

В начале XIX века российские политические интересы сосредоточились на Ближнем Востоке, к концу его – на Дальнем. Имперские амбиции не скрывались – желание «владеть» Кавказом и Востоком без обиняков до сегодняшнего дня выражено в названиях Владикавказ и Владивосток (жители последнего, добродушно именуя свою малую родину «Владиком», вряд ли в бытовой суете осознают глубинную сущность этого понятия). Русские ученые, писатели, журналисты, дипломаты, офицеры, паломники составляли дневники и журналы путешествий, писали книги и проводили исследования. Для побед над Персией достаточно было военной силы, для обретения китайской Маньчжурии потребовалось дипломатическое давление, а для того, чтобы управлять вновь обретенными территориями российского административно-политического опыта было недостаточно – нужно было всестороннее знание обычаев, традиций, особенностей восточных культур. Российское востоковедение при своем

рождении опиралось на определенную поддержку власти, открывавшей университеты и Азиатские общества и вряд ли осознававшей, что действует согласно старой истине, когда-то сформулированной советником монгольского хана, сказавшего, что «сидя на коне завоевать государство можно, но сидя на коне управлять им нельзя». У меня есть твердое убеждение, что эта древняя истина до сих пор недоступна российским политическим и военным деятелям – 10-летняя бесславная кампания в Чечне – не единственный аргумент. Впрочем, власть любой страны снисходительна к словам советников, да и последние не всегда непогрешимы в свих прогнозах.

Политическое и научное «освоение» Востока шло в XIX веке параллельным образом, взаимовлияя друг на друга. Несмотря на имперские амбиции власти отечественное востоковедение сложилось на уважении к чужим культурам, на признании их ценности для человечества. Основные варианты развития на Востоке связаны с тремя цивилизациями – китайско-конфуцианской, индо-буддийской и арабо-исламской. Если вернуться к, возможно, слегка легкомысленному рассуждению о красках, то, как минимум, следует различать эти три основных тона, не говоря уже о множестве их сочетаний и промежуточных полутонах. Тем не менее, столетиями (и даже тысячелетиями) споры о Востоке втискивают это многоцветье в нечто единое, чего, на самом деле, не существует, ибо внутренние цивилизационные различия между восточными культурами не менее велики, чем различия каждой из них с европейской (западной).

Казалось бы, некий пафос моих размышлений сводится к банальному «не мажьте Восток одной краской». Но дело ведь не в том, понимать ли символику зеленого цвета одновременно как цвет ислама и листвы берез, а символику красного как восточную воинственность и российский милитаризм. Важно то, что одноцветное восприятие Запада и Востока мешает понять российскую специфику и российскую идентичность. Сошлюсь на самые последние представления. По мнению американского экономиста и историка, профессора Северо-Западного университета Дж.Мокира, главного редактора пятитомной энциклопедии по экономической истории, особенность России заключена в дуализме ее ментальности. Россия не может найти своего места, разрываясь между Востоком и Западом[2]. А его коллега из Принстонского университета в монографии «Значение России в мировой истории» полагает, что Россия – это не Восток и не Запад, и даже не их сплав. Россия – это «выскочка», самородок мировой цивилизации[3]. Автор этой книги, американский историк Маршалл По оспаривает европейский подход, считавший «азиатским» все, что не есть Европа. Особое место России, на его взгляд, объясняется тем, что она не впитала ни западные, ни восточные ценности в сфере культуры и политики. Оригинальность такого подхода, вероятно, связана с попыткой найти выход из европоцентристских или евразийских тупиков. Впрочем, основатели евразийства тоже исходили из понимания России как особой цивилизации, отличающейся от европейской и азиатских. По мнению же современных евразийцев, любая цивилизация дает сочетание системных качеств Востока и Запада[4]. Современные евразийцы по сравнению с отцами-основателями 20-х годов XX века, мирно творившими в тиши пражских и парижских библиотек, агрессивны, склонны к решительному противодействию тому, что они называют «навязыванием России» западной модели цивилизации.

Если углубиться в российское книжное море, то можно обнаружить появление еще более агрессивных тонов, нежели евразийские. Так, один из авторов добавляет значительную долю белой краски в российскую палитру. Белый цвет у него совсем не от симпатий к белому движению, это цвет Северного океана. Эпиграфом к книге «Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост» ее автор – Ю.В.Крупнов и издательский дом «Нева», выпустивший книгу 5-тысячным тиражом, взяли слова М.В.Ломоносова, посетовав, что чаще всего ломоносовская цитата обрывается на том, что «Российское могущество прирастать будет Сибирью...», в то время, как есть и ее продолжение «и Северным океаном». Уникальный, по мнению автора, северо-восточный вектор российской истории проявился уже в политике Андрея Боголюбского, был продолжен в освоении Русской Америки и Дальнего Востока, закреплен в переворотах 1917 года. Фантазии Ю.В.Крупнова включают мечты о столице России на Тихом океане, о «амурских», которые придут на смену «питерским», о Приамурье как центре мира XXI века.

Игнорирование религиозного, культурного, этнического многоцветья нередко приводит к трагическим последствиям и на бытовом и на политическом уровнях. Л.Н.Гумилев – крупнейший знаток восточных красок на российском (и, конечно, не только российском) пространстве, обращал внимание на то, что «реакции, которые естественны у арабов, ... оскорбительны у тюрок и монголов и противоестественны для китайцев»[5]. Ныне эти проблемы возникают не только на рынках российских городов, но и в российских университетах.

Восточные краски российской палитры – это данность и реальность. На политическом уровне от их смешения могут возникать различные картины – от гармоничного взаимообогащения до нелепых конфликтов. Пока в России не сложилась гражданская нация (а ее складывание не просматривается ни на культурно-ценностном, ни на институциональном уровне), дисгармония будет преобладать. Этнополитолог Э.Паин считает, например, что «отношение к чеченскому сепаратизму со стороны россиян могло бы быть совершенно иным, если бы в эпоху произвола национальной политики кто-нибудь из советских вождей приписал бы Чечню не к России, а, скажем, к Грузии, как Абхазию и Южную Осетию, или как Крым к Украине»[6].

Обилие восточных красок в прямом и относительном смыслах этого выражения обрекает Россию на развитие и воспитание политкорректности, несмотря на некоторые почти смехотворные проявления этой политико-психологической ориентации в современных США.

[1] См. об этом: Тойнби А.Дж. Лекция, прочитанная Гитлером // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.12. М., 2004.

[2] См. об этом: Московские новости. 2004. № 5.

[3] Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton-Oxford, 2003.

[4] См.: Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып.3.

[5] Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994. С.290.

[6] Паин Э.А. Между империей и нацией. М., 2003. С.26.

ВОСТОЧНЫЕ ИНТЕНЦИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

Н.В. Анненкова

Н.В. Анненкова

Символизм – одно из значительных явлений философской и культурной жизни России на рубеже XIX-XX веков. Символисты считали себя наследниками всей мировой культуры, заявляя, что им дано пережить «в искусстве все века и все нации» (А. Белый). Говоря о Вяч. Иванове, В. Брюсов писал: «Ему равно близки все времена и страны, он собирает свой мед со всех цветов» (Брюсов В.Я. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., 1912. С.119). Эти слова можно считать характеристикой всех русских символистов.

Если об интересах русских символистов к европейской культуре и философии существует большая литература, то об их обращении к Востоку написано значительно меньше. Восток, как ближайший сосед России, всегда интересовал русских мыслителей. Свидетельством тому десятки значительных произведений от «Слова о полку Игореве» до значительных работ Вл. Соловьева и евразийцев. Интересен Восток был и для русских символистов. Правда, интерес этот для старших символистов (Д. Мережковский, Ф. Сологуб, К. Бальмонт) заметно отличался от интереса к нему младших символистов (А. Белый, А. Блок, В. Брюсов).

Для старших символистов интерес к Востоку носил по преимуществу общекультурный и религиозный характер. Почти всех их привлекал буддизм. К примеру, у Д. Мережковского – одного из родоначальников русского символизма, есть несколько стихотворений посвященных ему – «Сакья-Муни», «Будда», «Нирвана» и другие. В романтической балладе «Сакья-Муни» (1885) – одном из самых знаменитых «восточных» произведений поэта, будущий Будда склоняет свою венценосную голову перед толпой нищих, отдавая ей из своей короны «исполинский чудный бриллиант» и тем самым уравнивая себя, уже почти бога, с простыми людьми.

Не без влияния буддизма Д. Мережковский характеризует Л. Толстого в своем фундаментальном исследовании «Л. Толстой и Достоевский», показывал, что гений русской литературы положительно относился к буддизму (Подробнее см.: Анненкова Н.В. Д.С. Мережковский. Интеллектуальная биография и философия. Екатеринбург, 2003). Этому «тайновидцу плоти» был близок пантеизм буддизма, жалость ко всему живому и, следовательно, равенство всего живого.

Более важным для Мережковского было опровержение бытующего в Европе, не без влияния Ницше, отождествления буддизма и христианства. Отталкиваясь от предсмертных размышлений князя Андрея в «Войне и мире», которые были сродни «буддийскому нигилизму», Мережковский утверждает, что нет более несовместимых религий, чем буддизм и христианство. «В христианстве, – пишет он, – последнее соединение двух начал, центробежного и центростремительного; в буддизме – последнее разъединение этих начал и единство, достигаемое посредством уничтожения одного начала другим – центробежного центростремительным, начала Я началом не-Я. В христианстве жизнь и смерть для воскресения; в буддизме жизнь для смерти и смерть для смерти без воскресения. В христианстве отрицание земного, как реального, и утверждение земного, как символического, преднаменующего; в буддизме только отрицание, как единственная реальность. В христианстве вечное *да* и вечное *нет* вместе; «Да будет воля Твоя на земле, *как на небе*», – воля Отца Небесного соединяет землю с небом, делает землю небесною, небо – земным; в буддизме небо поглощает, уничтожает землю, так что земли уже нет, ничего нет, кроме неба, «но и того даже нет, ничего нет кроме тишины, успокоения», уничтожения, небытия, Нирваны – страшного толстовского «Воскресения» – и «слава Будде» (Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С.183).

Буддистские мотивы встречаются и у Ф. Сологуба, которого в особенности привлекала легенда о перерождении Будды (См. его стихотворения «Мне страшный сон приснился», «Собачка седого короля»). Идею метемпсихоза он использовал для создания собственной теории смены человеком своих «личин» – внешних обликов на пути к собственному возрождению.

Еще один старший символист К. Бальмонт много путешествуя по Ближнему и Дальнему Востоку, побывав в Японии увлекся не только и не столько культурной и поэзией, сколько его религиозными учениями, особенно дзен-буддизмом. Многие произведения К. Бальмонта, являющиеся реминисценциями дзен-буддизма, дают основания исследователям считать, что именно дзен-буддизм является мировоззренческой основой большей части творчества поэта. В стихотворениях «Майя», «Из Упанишад» и других он в духе буддизма характеризует «формальный мир» как «обман», «бездушный, немой океан». В других стихотворениях поэт утверждает, что человек не должен искать счастья вне себя, оно – в нем самом, а выражение счастья не в хотении чего-либо, а наоборот – в нежелании. Другими словами человек должен освободиться от рационального и социального, как ложного, и отдаться иррациональному, слиться с природой, раскрыться в ней и на какой-то единый

миг оказаться счастливым. Это ощущаемое как миг всеединство и есть одна из доминант буддизма, столь привлекательная для К. Бальмонта.

По иному был интересен Восток для младших символистов. Интерес этот во многом был определен работами Вл. Соловьева – прямого предшественника их теоретических представлений. От Соловьева идет укоренившаяся в русской мысли концепция «двух Востоков», выраженная философом в знаменитом стихотворении «Ex oriente Lux»

О Русь! В преддверии высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким Ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа.

Эту свою концепцию философ обговаривал неоднократно и каждый раз специфически, через призму религиозного противопоставления христианства, как молодого, динамично развивающегося начала, имеющего прогрессивную тенденцию к объединению человечества, и буддизма (реже мусульманство), как косного, устремленного в прошлое, уже не развивающегося начала.

Хотя «буддизм» – это равнодушие и покорность судьбе, у него есть обратная сторона – агрессивность, которая, по мнению Соловьева, несет угрозу христианскому миру. Об этой угрозе философ писал в своем знаменитом стихотворении «Панмонголизм» (1894), а годом ранее – в статье «Враг с Востока» (1893). В ней он предупреждал: «Есть основания думать, что дальняя Азия, столько раз высылавшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится в последний раз против него выступать с совершенно другой стороны: она собирается одолеть нас своими культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии» (Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т.2. С.480). Наконец, в своем завещании – книге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899-1900) и особенно в содержащейся в ней «Краткой повести об антихристе» философ «конец всемирной истории» связывает со злом «панмонголизма» – агрессивным символом Востока: «Двадцатый век по Р.Х. был эпохою последних великих войн, междоусобий и переворотов. Самая большая из внешних войн имела своею отдаленною причиною возникшее еще в конце XIX в. в Японии умственное движение «панмонголизма» (Там же.С.736).

Эти идеи Соловьева были восприняты «младшими символистами» – соловьевцами, особенно А. Белым. Он был близко знаком с Вл. Соловьевым и особенно с его племянником С.М. Соловьевым. Обращаясь к последнему А. Белый уже после русско-японской войны и падения Порт-Артура писал:

Ты помнишь? Твой покойный дядя,
Из дали безвременной глядя,
Вставал в метели снеговой
В огромной шапке меховой,
Пророча светопреставленье...
Потом – японская война,
И вот – артурское плененье...

Именно А. Белый неоднократно писал о двух враждебных России (Христа) силах – Востока и Запада (Ксеркса). В 1907 г. у него возник замысел написать трилогию «Восток или Запад», в которой он намеревался проанализировать средствами художественной формы национально-историческую судьбу России, в которой противоречиво сосуществуют два начала – европейское и азиатское. Написать А. Белый успел лишь две книги трилогии. Первой была и повесть в семи главах – «Серебряный голубь» (1909), выражающая по замыслу автора «восточное начало» – исступленно-страстное, темное и иррациональное, представленное в повести сектой голубей и колдуном Кудеяром. Главный герой повести пытается в традициях русского народничества соединиться с этим восточным началом и... гибнет. Незадолго до этого явный западник барон Тодрабе-Граабен предупреждает: «Россия – монгольская страна; у нас всех – монгольская кровь, не ей удержать нашествие: нам всем предстоит пасть ниц перед богдыханом» (Белый А. Серебряный голубь. М., 1989. С.306). В «Серебряном голубе» окончательных выводов нет, но проблема поставлена и в яркой художественной форме выражена. Как пишет в своей рецензии Н.А. Бердяев, «роман А. Белого поражает своей глубокой художественной правдой, глубоким чувством России. Глубоким проникновением в народную жизнь. В нем нет никакой ложной идеализации народа. Нет народнической слащавости. А. Белый что-то новое почуял в русской стихии, в русской народной жизни, какую-то жуткую страсть, скрытую от русской литературы народнической полосы. Эта жуткая страсть, сладострастие томящегося духа, таится не только в русском мистическом сектанстве, но и вообще в русской народной стихии» (Бердяев Н.А. Русский соблазн: По поводу «Серебряного голубя» А. Белого//Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С.426). Это и есть Россия Христа. А весь нигилизм Востока (а у А. Белого и Запада) Ксеркса писатель изобразил в своем романе «Петербург» – второй книге трилогии. В нем, как ни в каком другом своем произведении, автор близок к соловьевским идеям «двух Востоков» и предшествующему апокалипсису, но при этом добавил и свои особенности их толкований. Первое своеобразие в трактовке А. Белым «панмонголизма». Оно состоит в том, что у Вл. Соловьева «панмонголизм» лишь внешняя опасность, грозящая России и Европе за их разобщенность в делах христианства, а у А. Белого «панмонголизм» – опасность внутренняя, уже заразившая русских людей. Второе отличие А. белого в утверждении, что опасность России грозит не только с Востока, но и с Запада, который у него постоянно смыкается с Востоком Ксеркса. Символом враждебности Запада в «Петербурге» является Медный Всадник. Именно в преобразовательных действий Петра в Россию ворвалась западная цивилизация и культура и с этого момента «надвое разделилась Россия»; надвое разделились и самые судьбы Отечества» (Белый А. Петербург. М., 1981. С.99).

Что же касается апокалипсиса, то у Белого он не менее страшен, чем у Соловьева. Будет землетрясение («трус»), «великое будет волнение: рассечется земля, самые горы обрушатся от великого труса; в родные равнины от труса изойдут повсюду горбом. На горбах останется Нижний, Владимир и Углич. Петербург же опустится» (Там же). Но и это не все. «Бросятся с мест своих в эти дни все народы земные; брань великая будет, – брань, небывалая в мире: желтые полчища азиатов, тронувшись с насиженных мест, обагрят поля европейские океанами крови; будет, будет – Цусима! Будет новая Калка... Под монгольской тяжелой пятой опустятся

европейские берега, и над этими берегами закурчавится пена» (Там же).

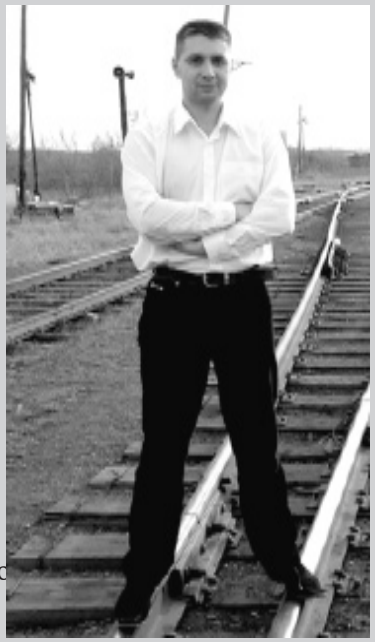
В «Петербурге» А. Белого два главных действующих лица – отец и сын Аблеуховы: отец – сенатор, реакционер, «древний туранец», т.е. несущий восточное туранское начало; сын – революционер и последователь неокантианцев, считающий, однако, что и «Кант был туранец». И тот, и другой враждебны России Христа и обсуждают «стародавнее монгольское дело». Как пишет Н. Бердяев, «от Вл. Соловьева унаследовал А. Белый ужас перед монгольской опасностью. И он ощущает монгольскую стихию внутри самой России, внутри русского человека. Николай Аполлонович, как и отец его, глава учреждения, – монгол, туранец. Монгольское начало правит Россией. Монгольский Восток раскрывается в самом русском Западе. Туранско-монгольское начало, мерещится А. Белому и в кантианстве. А. Белый изображает конец Петербурга, его окончательное распыление». (Бердяев Н.А. Астральный роман. Размышление по поводу романа А. Белого «Петербург»//Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. С.445).

Третий роман на восточную тему А. Белому написать не удалось. Интерес к Востоку остался, хотя бы к теософии Е. Блаватской и антропософии Р. Штайнера, но социальная актуальность поменяла знаки. Началась первая мировая война и Запад Ксеркса стал реальной угрозой для России Христа.

Е.А. Сеньшин

КОНФЛИКТ РОССИИ И КИТАЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ?

«Там лежит гигант. Пусть он спит! Когда он проснется, он сотрясет мир».
Наполеон Бонапарт о Китае.



Евгений Сеньшин, магистрант факультета политологии и социологии Уральского государственного университета.

История взаимоотношений России и Китая полна конфликтов. Время противостояния не закончилось и вполне возможно, что впереди Россию ждет конфликт с Китаем.

КИТАЙ – МИРОВАЯ ДЕРЖАВА XXI ВЕКА

Еще в 80-х прошлого века руководство Китая пришло к выводу, что в XXI столетии мир станет многополюсным. Сегодня Китай стремиться быть одним из таких полюсов, быть новой мировой державой.

Начиная с 1978 года, начался экономический рост Китая. Если в 1950 году на Китай приходилось 3,3% мирового ВВП, то в 1992 году этот показатель составил уже 10%. По прогнозам различных экспертов, доля Китая в мировом ВВП к 2025 году составит уже 20%; к 2050 году Китай выйдет на второе место в мире по объемам торговли.

По оценке Всемирного банка реконструкции и развития, экономика КНР превращается в четвертый мировой центр экономического развития (наряду с США, Японией и Германией). Валютные резервы Китая составляют 91 млрд. долл., уступая в мире по этому показателю только Японии и Тайваню. Необходимо отметить огромное положительное сальдо торгового баланса КНР в торговле с США – благодаря импорту из Китая американцы лишаются 680 тыс. рабочих мест в год.

Мировые военные расходы стран мира сократились с 1987 по 2000 год с 1,3 трлн. долл. до 840 млрд. долл., но эта мировая тенденция не коснулась Восточной Азии. Наибольший скачок военных расходов среди восточно-азиатских стран произошел в Китае. Начиная с 1991 г., КНР увеличила их на 17% в год. При оценке по официальному обменному курсу уровень военных расходов к 2000 году составил порядка 40 млрд. долл., а по реальной покупательной способности – 90 млрд. долл. Большинство западных экспертов считают, что реальные китайские оборонные расходы в 3-5 раз превышают те, которые называются в официальной информации о военном бюджете.

На начало XXI века на вооружении китайской армии находилось порядка 6 тысяч боевых самолетов, 9200 танков, 30 межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися боеголовками, 57 надводных кораблей и 53 подводные лодки.

Народно-освободительная армия Китая (НОАК) остается самой большой по численности в мире, насчитывая в своих рядах 2,9 млн. военнослужащих. Помимо этого КНР ставит целью качественную модернизацию своих вооруженных сил. Китай занимает третье место по мощности ядерного потенциала.

Несмотря на постоянный рост военных расходов, вооруженные силы КНР до сих пор оснащены в массе своей устаревшими образцами вооружения и не способны вести крупномасштабные боевые действия. От России и США Китай отстает в этом отношении на 10-12 лет.

ПОЧЕМУ КИТАЮ НЕОБХОДИМА ТЕРРИТОРИЯ СОСЕДНИХ СТРАН?

В Китае проживает около 1/5 населения земного

шара, но в тоже время страна располагает лишь 7% пригодных к сельскохозяйственному производству земель.

По словам китайского исследователя З. Йи: «в расчете на душу населения территория Китая составляет лишь 1/3 от среднемирового; земля, пригодная для сельскохозяйственного производства – 1/3, пастбища -1/4, леса – 1/9, а водные ресурсы -1/4. Среднедушевая площадь обрабатываемых земель в Китае составляет лишь 1/8 от уровня США, а лесов – только 1/10. При нынешнем уровне производительности и технологии чрезмерный рост численности населения неизбежно приведет к усилению давления на ресурсы и среду»[1].

От 15 до 35% всего городского населения страны составляет избыточную рабочую силу. Число безработных в стране превышает 250 миллионов человек. Это неизбежно приводит к эмиграции, в том числе нелегальной.

К 2025 численность китайцев, проживающих на территории Поднебесной, будет насчитывать 1,5 миллиарда человек или 35% всего населения земного шара Для сравнения, по прогнозам ООН, к 2025 году коренного российского населения останется только 138 млн. человек от нынешних 145 млн.

Кроме проблемы переизбытка населения и безработицы, есть и экологические причины, которые заставляют население Китая перебираться в другие страны. Из-за нехватки воды, пылевых бурь и урбанизации за прошедшие десять лет площади сельскохозяйственных земель в Китае уменьшились на 10%. Количество китайских беженцев каждый год увеличиваются на миллионы.

КИТАЙСКАЯ УГРОЗА ДЛЯ РОССИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В свете изложенных фактов возникает вопрос: действительно ли существует китайская угроза для России или это лишь преувеличение?

Прежде всего, нужно отметить, что у Китая есть давняя территориальная претензия к России. Во второй половине XIX века Китай ослаб из-за Опиумных войн и не смог противостоять экспансии России. В результате ослабления Китая по Айгунскому 1858 г. и Пекинскому 1860 г. договорами были приобретены обширные территории Китая, которые сейчас называются Амурская область и Уссурийский край.

Китайцы это не забыли. На китайских картах этот регион до сих пор обозначается как незаконно отторгнутая часть Китая. По словам экспертов, десятки китайцев, опрошенных на российском Дальнем Востоке, утверждали, что они находятся в Китае. Они говорят, что начали возвращать себе свои земли. «У русских есть все основания опасаться, так как китайцы не боятся ничего,- говорит Вей Дай Тонг, китайский торговец во Владивостоке,- В прошлом Россия была сильной, а Китай – слабым. Но сейчас Китай – сильный, а Россия – слабая»[2].

Российские специалисты вполне серьезно рассматривают войну между Китаем и Россией за эти территории. Так преподаватель журналистики Дальневосточного государственного университета Игорь Ильюшин считает, что «Дальний Восток является колонией России, а все империи теряли свои колонии. Мы уже пребываем в состоянии третьей мировой войны. Однако мы пока этого не замечаем, мы думаем, что до войны еще далеко»[3].

Эксперт Российской академии наук по Дальнему Востоку Виктор Ларин утверждает, что «Всех китайцев учат тому, что эти территории исконно были китайскими, а в 1860 году были незаконно захвачены Россией. И поэтому если в один прекрасный день власти Китая скажут: «Мы заберем эти земли обратно», то они будут поддержаны населением»[4].

Даже когда Китай и Россия следовали одной и той же идеологии – коммунизму, территориальные претензии брали верх в российско-китайских взаимоотношениях. Все мы помним военный конфликт между СССР и Китаем в 1960 году.

Сегодня Китай пошел по другому пути. Захват территорий начался мирным путем. Миллионы китайцев, убежденные в том, что это их территория, устремились в Россию.

По разным данным, в Россию с момента краха СССР перебрались от 250 тыс. до 5 миллионов китайцев. В первую очередь, китайцы заселяют Дальний Восток. С начала 1990-х годов Сибирь и Дальний Восток начинают терять русское население (около 1 млн. человек за 4 года). На сегодня плотность населения в Западной Сибири – 6,2 чел./кв. км, в Восточной Сибири – 2,2 чел./кв. км. В Китае же, непосредственно граничащем с Сибирью, – 100 чел./кв. км. По разным данным, на Дальнем Востоке и Забайкалье, нелегально проживает около двух миллионов китайцев [5].

Там где китайцем удается укорениться, то они овладевают большей частью капитала страны. Например, 60% капитала Филиппин при 1-2% доле китайцев в населении принадлежат китайцам; В Камбодже – 70% и 5%, в Индонезии – 73,5% и 3,5%, соответственно. Получивший гражданство китаец получает от КНР от 30 до 50 тыс. долл. на развитие бизнеса. Создаются устойчивые механизмы экономического функционирования в России («китайские рестораны», «китайские рынки», «китайские кварталы», «китайские деревни», «китайская мафия»). Общий оборот нелегального и полулегального бизнеса, связанного с нелегальным китайским сообществом в России, оценивается в $ 3 млрд. в год[6].

По прогнозам, численность живущих в России китайцев в середине века увеличится до 10 миллионов, и тем самым они превратятся во вторую по численности нацию в России. Сотрудники лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования утверждают, что к 2015 году каждый четвертый житель России будет китайцем[7].

Как отмечают специалисты, похожая ситуация была в Косово. Туда тысячами прибывали албанские беженцы. А когда их удельный вес достиг критической массы, албанцы потребовали автономии. Все это закончилось кровопролитием и вторжением США на территорию Югославии.

Если предположить, что Китай когда-либо решиться на военный конфликт с Россией, то внутри самой России уже будут сформированы многомиллионные силы, которые будут готовы оказать всяческую поддержку своему родному государству.

Нужно отметить, что история Китая на протяжении последних трех тысячелетий показывает, что присоединение к «Срединному царству» происходило за редким исключением не столько за счет военной экспансии, сколько за счет распространения ареала китайской цивилизации на соседние земли. Немало примеров, когда покорявшие страну

«варварские» племена или государства в короткие сроки «попадали в плен» культуры и традиции коренного населения.

Говоря о китайской угрозе России в военном аспекте, следует отметить, что на данный момент пока это не так актуально. По оценкам разных специалистов, Китаю понадобится еще 10-12 лет, что бы догнать Россию по уровню технического оснащения своей армии. Часть своих вооружений Китай закупает именно у России.

Но есть и точка зрения, что никакой китайской угрозы не существует. В действительности, китаизация Дальнего Востока выгодна для России. Торговля и другие виды предпринимательства китайцев стали важнейшим фактором пополнения местной казны: налоги с них превышают налоги изо всех прочих источников (в 3-7 раз во Владивостоке и в 8 раз – в Находке, а в мелких и беднейших городах и районах – это соотношение на порядок больше).

Объем челночной торговли России с КНР превышает объем официальной торговли в 3 раза. Если элите (меньшинству населения) российского Дальнего Востока торговля с Китаем выгодна (элита на ней наживается), то простое население в ней заинтересовано еще больше – оно за ее счет элементарно выживает[8].

Другие исследователи считают, что главный враг России на Дальнем Востоке – не китайцы, а рыночный упадок. Только благодаря такому упадку становится возможным, чтобы китайцы укрепляли свои экономические позиции в регионе. К тому же осложнения на Дальнем Востоке не в интересах безопасности и успешного развития КНР. Китай заинтересован в партнерстве с Россией, поскольку ему нелегко противостоять в одиночку американской гегемонии, национальному сепаратизму и исламскому экстремизму.

Мы же, в целом, тяготеем к точке зрения, что китайская угроза для России существует и конфликты между Россией и Китаем неизбежны. На наш взгляд, китайцы продолжают смотреть на русских как на «варваров». Об этом свидетельствует то, что китайцы живут обособленно и практически не смешиваются с русскими. Не надо ехать на Дальний Восток, достаточно прогуляться по общежитиям Уралмаша, чтобы воочию убедиться в этом. Один друг автора статьи, придерживающийся «левых» взглядов, в одном из уралмашевских общежитий однажды получил сковородой по голове, когда подошел к приезжей китаянке и хотел узнать ее мнение о Мао Дзе Дуне, после чего началась драка между русскими и китайцами. Мы чужие для них, они – для нас.

Как мы можем наблюдать, выходцы из «Срединного царства» селятся своими закрытыми колониями, живут в них по своим законам. А, например, в Москве китайцы имеют даже свои газеты, свое кабельное телевидение, свои больницы и детские сады. Хочешь – не хочешь, но это наводит на мысль о возникновении китайского мини-государства внутри российской столицы.

Конечно, рыночный упадок на Дальнем Востоке России – это беда нашего народа, но разве она снимает проблему китайской угрозы? Для растущей экономики Поднебесной необходимы нефть и газ, которых практически нет в самом Китае, лес, рыба из Охотского моря, алмазы Якутии. Особую ценность обретает чистая вода, пригодная для питья и поливов. Как мы упомянули выше, уже сегодня нехватка чистой воды толкает китайцев бежать в другие страны.

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Всем нам, жителям России, сегодня не до имперских амбиций, не до мессианских планов и не до войны. Аналогичная ситуация сохраниться и в ближайшие десятилетия. Нужно поднимать российскую экономику, повышать жизненный уровень россиян, рожать и воспитывать детей. Но терять территории нельзя. Возможно, сокращение территории нашей страны соответствует планам Збигнева Бжезинского и прочим американским геостратегам, реваншистским настроениям китайского руководства, но полностью противоречит нашим геополитическим интересам.

Как уже указывалось, аналитики прогнозируют, что численность живущих в России китайцев к середине этого века увеличится с 7 до 10 миллионов, и тем самым они превратятся во вторую по численности нацию в России. Другие утверждают, что к 2015 году каждый четвертый житель России будет китайцем.

Такие прогнозы не могли бы вызывать волнения, если бы китайцы рано или поздно превращались в русских по менталитету, несмотря на то, что в расовом смысле они оставались бы китайцами. Но у китайцев особый менталитет. Их поведение в России остается поведением чужестранца. Мы для них «варвары». Как и русские, китайцы обладают имперским менталитетом. Но если России сейчас не до империи, то у Китая все впереди. Он на подъеме. Вот где самое место проявиться китайскому менталитету. Нынешние китайские лидеры обратились к национализму, чтобы укрепить дисциплину и поддержать политический режим. Китайские учебники по истории переписываются еще в большем патриотическом духе, стала популяризироваться фигура древнего китайского мудреца Конфуция.

Если мы откроем «Лунь-Юй», то очень часто будем встречать слово гуманность. Но что такое гуманность в понимании Конфуция? Сострадание, взаимопомощь? «Янь Юань задал вопрос о гуманности,- говориться в Лунь-Юй»,- Учитель сказал: «Преодолей себя и обратись к ритуалу. Это и есть гуманность»[9]. Китайский гуманизм отличается от европейского и русского. Европейский гуманизм – это, прежде всего, индивидуализм, право на частную жизнь, ответственность за самого себя. Русский гуманизм – это сострадание, взаимопомощь, коллективизм, жертвенность. Здесь же мы сталкиваемся с формализмом, со следованием ритуалу. Если даже сострадание и следует проявлять, то только к жителям Поднебесной, но не к «варварам».

В целом политическая культура Китая основывается на принципах патриархальности, клановости, что автоматически принижает роль отдельно взятого индивида. Отсюда сомнительно, что в китайской культуре присутствует гуманизм в нашем понимании. Да и потом, в китайской традиции есть не только учение Конфуция, но и учение Шань-Яня. Если кто-то будет утверждать, что это гуманистическое учение, то у этого человека крайне искаженное представление о гуманизме. Именно к Китаю у международного сообщества больше всех претензий по поводу нарушений прав

человека.

Наряду с жестокими американскими боевиками, мы все знакомы с боевиками, в которых главные роли играют китайцы, демонстрируя боевые искусства Китая. В этих фильмах нет никакого места жалости и состраданию. Все это говорит о том, что менталитет китайцев, по сути, антигуманистчен и рассчитывать на их сострадание вовсе не нужно.

Что у нас общего с китайцами сегодня? Нас объединяет противостояние американской гегемонии. В этом смысле мы можем быть партнерами. Но у такого партнерства есть свои пределы. Конечно, до этого далеко, но не нужно думать, что Америка навсегда стала гегемоном. Рано или поздно гегемония начнет рушиться. Будет ли тогда нас рассматривать Китай как союзников? И потом, на наш взгляд, главный союзник Китая в XXI – это исламский мир, а вовсе не Россия.

Конфликт между Россией и Китаем геополитически неизбежен. Когда он произойдет, неизвестно. Но к нему нужно быть готовым. Например, вполне возможно, что рано или поздно, всех нелегально проживающих китайцев придется депортировать на родину. Это явно вызовет протест у китайского руководства. Да и потом, кто может гарантировать, что к тому времени китайцы не превратятся из робких дружелюбных торговцев в преступников, которые ведут себя также агрессивно, как герои фильмов, посвященных китайским боевым искусствам. Интересно отметить, что Запад, любящий спекулировать на теме гуманизма и прав человека, вероятно, встанет на сторону Китая в таком конфликте.

Чтобы предотвратить, подобную ситуацию, Россия уже сегодня должна проводить жесткую иммиграционную политику по отношению к китайцем. При этом необходимо демонстрировать всякое дружелюбие по отношению к самому Китаю. Остается только сомнительным, нужно ли нам продавать оружие тем, кто в будущем может применить его против нас? Над этим стоит поразмышлять нашему руководству.

[1] Бенджамин Фулфорд. Малолюдный российский Дальний Восток становится для перенаселенного и голодного Китая собственной житницей// Столкновение миров («Forbes», США), 21 февраля 2003 //www_rusglobus_net-rg_ru-rusglobus_ru_htm Forums.htm

[2] Гаджиев К. С. Введение в геополитику.-М.:Логос,2000

[3] Конфуций Лунь-Юй. -М.:Олма-пресс,2000

[4] Ларин В.Л. «Китай и Дальний Восток России», Владивосток, 1998

[5] Пресс-конференция Депутата Государственной Думы РФ Илюхина В.И. на тему «Китайская угроза и перспективы третьей чеченской войны в России»//www.duma.gov.ru/csecure/01-7.html

[6] Олейникова Е. Дальше в лес, больше дров.// «Регион» №12 (333) 24.03.2004.//www.region.online.ru

[7] Стакутис Сергей. Не тесно ли дракону.//Экономика и Жизнь Сибири. www.ecolife.krsk.ru

[8] Уткин А.И. Мировой порядок XXI века.-М.: Алгоритм,2001

[9] Хреков Антон. Китайская миграция в Россию и пути преодоления «китайской угрозы»//www.rami.ru/vestnik/01/

С.В. Рязанова

НЕООРИЕНТАЛИСТИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ В РОССИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

С.В.Рязанова (Пермь)

Понятие неоориентализма предполагает наличие в религиозной системе определенной доли элементов восточных культур, которые сочетаются с христианскими и светскими положениями. Огромное число таких новых религий в России можно разделить на две группы – пришедшие из других культур и «автохтонные». Обе группы обладают сходными чертами в вероучительном аспекте и культовой практике. С запада были принесены «Международное Общество Сознания Кришны», Трансцендентальная Медитация Махариши Махеш йоги, Сурат Шабд йога (Холософское общество), Сахаджа-йога, учения Сатья Саи Бабы, Шри Чинмоя, Раджниша, образование «Ом Шива Дхам Ашрам» и другие. К религиям российского происхождения, имеющим значительную долю восточных или псевдовосточных элементов, можно отнести Церковь Последнего Завета (Церковь Виссариона), «Экологию Сознания», «Русскую Йогу», Великое Белое Братство Юсмалос, «Радастею».

В учениях неоориенталистских культов значительной деформации подверглись многие базовые понятия восточных культур. В наибольшей мере это коснулось индуизма, поскольку именно гене-

тически родственные ему учения оказались наиболее популярными в России.

Так модернизации подверглось понятие дхармы, во многом определяющее механизм функционирования культуры Индии. Традиционно оно обладало очень широким смысловым полем. Б. Л. Смирнов утверждает, что толкование дхармы не только различно в разных школах индуизма, но и варьируется в зависимости от контекста. Комментаторы переводят его как «поддерживать», и потому в социальном аспекте дхарма выступает как основа, нравственная опора, закон, обычай, обязанность. При этом она наделяется и космократическим значением.[1] А. А. Ткачева указывает, что дхарма в Индии является объективным фактором культуры: индусом можно было только родиться, и человек с такой судьбой был обречен на бытие в рамках дхармы. По этой причине индуизм традиционно был безразличен к «внутренней религиозной убежденности»[2], являясь мифологической, а не религиозной системой. Поэтому применительно к дхарме нецелесообразно говорить о волеизъявлении человека и феномене веры.

В плане ритуала дхарма предстает обширным набором детальных предписаний, охватывающим все стороны жизни человека. В узком смысле это понималось как социальный долг индивида, диктуемый его кастой, полом и возрастом.[3]

Совершенно другой оттенок приобретает данное понятие в новых учениях с индуистским уклоном. Необходимо, прежде всего, отметить сочетание многообразия определений с узостью и жесткостью трактовки. Дхарма сводится к поведенческой модели, понимается как некая релятивистская множественность, не объективный долг, а залог успешной деятельности. Зачастую она совмещается с понятиями «освобождение», «эволюция», которые имеют светский, антропоцентрический характер. Примечательно, что в некоторых учениях вообще отдается предпочтение мистицизму, помогающему уйти от дхармы.[4]

Аналогичная судьба оказалась и у одного из наиболее известных понятий – «йоги». В индуизме оно также обладает очень широким полем значений. Не существует не только строгого определения этого термина, но и единой точки зрения по поводу количества ее разновидностей.[5] Можно выделить три основных смысловых оттенка – соединять, связывать; прекращать, тормозить; овладевать; – и три дополнительных – «единение», «преданность», «духовная сила».[6] Слово «йога» часто употребляется просто в значении метода. У Патанджали она означает не само соединение, а попытку его.[7] На наш взгляд, сущностью йоги является то, что она представляет собой практику, в отличие от познания.[8]

Йога как понятие деформируется в той же мере, как и дхарма. Она фактически сводится к расширению возможностей и повышению статуса человека. Будучи совмещена с понятиями науки и религии, йога приобретает светский оттенок.

Тем же закономерностям трансформации подверглись понятия кармы, ягни, яджни, майи, нирваны, дживы, саньясы, садханы, тантры. В их новых трактовках сплетаются индийская, христианская и светская культуры. Понятийный анализ показывает, что, обращаясь к новым религиям восточного происхождения, мы вовсе не имеем дела с древней традицией. Очевидно, что эти учения своим источником имели различные реформаторские течения, не всегда легко устанавливаемые. Так предтечей «Международного общества Сознания Кришны» и выразителем реформаторского варианта бхакти стала организация «Гаудиа Мишн», основанная в начале XX века.[9]

Основными отличиями учения неоориенталистских культов по сравнению с традиционными системами стали:

- новое понимание высшей причины бытия;
- увеличение роли и повышение статуса человека в мире;
- трактовка гуру как реформатора религиозной системы;
- новая форма существования традиционных понятий;
- упрощенческая трактовка учений.

Однако данные характеристики относятся большей частью к специфически восточной составляющей догматики данных систем. Обнаруженные новации, нетрадиционные интерпретации и изменение статуса основных понятий можно отнести на счет традиционного канонического плюрализма восточных культур и сложностей перевода. Последнее особенно важно, поскольку зачастую в российской и западной культурах сложно найти понятия, адекватные восточным, что приводит к трансформации смыслов.

Поэтому более весомым доказательством того, что неоориенталистские учения представляют собой модернизированный вариант верований, является наличие в них значительного пласта заимствований из христианства. Некоторые исследователи даже говорят о «христианоподобии».[10] Так объект поклонения не просто изменяется, он персонифицируется и приобретает черты христианского Бога – вездесущность, всезнание и всеведение, волю. Формируется идея антропоморфности божества и его локализации в пространстве.

Как и в христианстве, мир начинает делиться на темную и светлую половины, и иногда это сопровождается возникновением образа владыки злых сил (например, у Шри Чинмоя). Появляются и другие виды разделения мира – на духовное и мирское, земное и потустороннее, аналогов чему нельзя найти в рамках восточных систем. Совершенно христианским становится и образ человека по своей сути, по отношению к Богу и природе. Он объявляется созданным по образу и подобию Бога (Сатья Саи Баба), венцом творения и господином природы (Сант Кирпал Сингх). Человек трактуется как существо достаточно близкое Господу, что утверждается идеей Богочеловека (Сант Кирпал Сингх). Предполагается, что он обладает свободой воли, что позволяет говорить о феномене религиозной веры (Шри Чинмой, Сатья Саи Баба), грехе (Махариши Махеш Йога), индивидуальном мотиве поведения (Шри Чинмой) и об ожидающейся загробной жизни в раю или в аду, в зависимости от поведения в земной жизни (Шри Чинмой, Прабхупада, Сант Кирпал Сингх).

Интересно отметить, что новые гуру не только широко используют положения о рае и аде, но и понимают их буквально-упрощенно, превращая религиозную идею в мифологему. Только Раджниш пытается трактовать рай и ад как состояния человека, что не меняет христианской окраски учения, опирающегося на антропоцентрические идеи западного происхождения.[11]

Откровенно христианскими представляются положения о жизни вечной, Матери Божьей и Царстве Бога на земле (Махариши). Учителя новых религий иногда даже не скрывают желания совместить западную и восточную традиции, апеллируя к образу Христа, которому придается восточный антураж. Глава «Миссии божественного света» Махарай Джи вообще считает себя последним воплощением цепочки пророков, предшествовал которому как раз Иисус Христос.[12]

А. А. Ткачева называет еще несколько положений новых восточных учений, которые, если и не были заимствованы из христианства, то оказались ему близки: самоотверженная любовь к богу; непоколебимая вера и надежда на него; любовь к людям, милосердие, равенство всех людей; нравственная и телесная чистота; смирение и кротость; стойкость и терпение в посылаемых испытаниях.[13]

С внесением христианских элементов восточные учения не только были изменены и дополнены. Полностью изменился их внешний облик. Отчетливо проявились эсхатологические, апокалиптические черты. Возникло понятие истории. Еще одной яркой особенностью догматики неоориенталистских культов стал прозелитизм, что отмечается большинством исследований. Христианские черты во многом обусловили снятие национальных ограничений, что сделало возможным быстрое распространение новых религий данной разновидности.

Важной отличительной чертой стал прагматизм учений. Вместо традиционной отрешенности и аскезы привлекательными стали успех и мирское процветание. Махариши в своем комментарии к «Бхагавадгите» заявил даже о том, что представления об индуизме вообще неверны: все практики и техники должны вести к успешной деятельности в обществе.

Вышеперечисленные внесения представляются настолько весомыми для природы самого учения, что их не перевешивает даже употребление индуистских терминов.

Наряду с идеями христианского генезиса необходимо отметить в новых восточных религиях и наличие понятий, порожденных светской культурой. Так утверждается божественная природа человека – «Бог находится внутри человека», «Бог выполняет за совершенного человека всю работу, поскольку любит людей больше себя самого», «в божьем царстве все устроено для радости человека», «каждый человек – потенциальный Бог», «человек и Бог извечны», «человек равен Богу». Налицо максимальное сокращение дистанции между мирским и сакральным, творцом и тварным. Человек выступает уже не просто как значимый субъект, он является личностью, хозяином своей судьбы, обладает независимой силой мышления. Даже его обращение к Богу имеет своей целью достижение самоконтроля и самореализации, успех во всех видах социальной деятельности. Поэтому особо декларируется простота и эффективность предложенной методики или практики – ведь их сложность для человека сместила бы акценты в его отношении к Богу в сторону последнего.

Изменяется и взгляд на религию. Неоориенталистские культы делают невиданные уступки теории научного познания. Прежде всего, появляется термин «религия», что говорит о возможности взгляда на данный феномен извне. Религии предрекают отмирание, объявляют ее вымыслом, делом индивидуального выбора. Поэтому часть приверженцев учений вообще считают себя людьми нерелигиозными и даже антирелигиозными.[14] В духе светской культуры декларируется равная ценность всех культур и уважение всех религий как способов отношения к Богу.[15]

Резко возрастает роль науки. Получают признание понятия эволюции и регресса. Утверждается, что религия и наука очень близки по своей сути и методам. Большое значение придается рациональному объяснению, логике и конкретике в методах.[16] Все это позволяет говорить о светском характере неоориенталистских культов, что позволяет им претендовать на всемирное распространение. Эти учения в своей вероучительной части представляют собой синкретические образования, в которых элементы западной культуры количественно и концептуально доминируют над восточными.

У новых религий российского происхождения к вышеперечисленным чертам добавляется еще ряд характеристик, обусловленных спецификой российской культуры. Таковой, прежде всего, является обращенность учений назад, в традицию. Здесь появляется два варианта ретроспективы: либо представители учения претендуют на возрождение христианской, православной первоосновы культуры, либо обращаются к наследию более древних земных и неземных цивилизаций. В последнем случае необходимо отметить сочетание стремлений выйти за рамки общепринятого понятия традиции и одновременно остаться верными ей. Поэтому декларируется изначальное единство славянской и арийской цивилизаций, а идеальный общественный строй описывается как эклектическое сочетание элементов различных культур, но обязательно с постоянным памятованием о славянском первоначале. Так основатель «Экологии сознания» А. Трехлебов утверждает, что возрождение единого всечеловеческого братства будет проходить на основе воплощения в небесной России великой богорожденной монады. При этом идеальное общество будет построено по варновому принципу, а личное совершенствование пойдет двумя путями: через изучение философии Санкхья и преданное служение Господу в бхактийоге. Соответственно, их бхакти-йоги должна быть заимствована и культовая практика – исполнение мантр и киртана на санскрите. Все это должно сочетаться с чисто русским внешним обликом (борода у мужчин, длинные юбки и покрытые платком волосы у женщин) и претензиями на обретение личного бессмертия.

Г. Г. Стаценко, родоначальник «Русской йоги», утверждает, что потомки существовавшей на Северном полюсе арийской цивилизации попали на Урал через Индию, и поэтому обитатели данного региона являются наследниками арийской культуры. Следовательно, русский язык является продолжателем традиции санскрита, а йога – не восточное, а русское, но забытое учение.

Следующей особенностью российских неоориенталистских культов является их недиалогичность. Она проявляется в ряде установок самих носителей учений. Прежде всего, это выражается в открытой критике существующих общественного строя, ментальности, образа жизни. Выводом из таких утверждений становится представление о

разделении мира на праведную и неправедную части. Вторая часть начинает выступать в образе внешнего врага, требующего противостояния, что зачастую порождает внутрисемейные конфликты у неофитов. Критерием принадлежности человека к одной из сторон является образ его мысли. Руководители «Русской йоги» открыто пишут в своих публикациях: «Чем правильнее мировоззрение, тем свободнее человек»[17]; «талантливый изгой (бредущий по миру вне Пути – СР.) опасен для человечества».[18]

Как правило, нетерпимым является и отношение к другим конфессиональным объединениям нетрадиционного типа. Конкуренты подвергаются критике всех уровней: от пожеланий изменений до откровенного поношения. Традиционные же религии объявляются несоответствующими современной культурной ситуации.

Несформированность учения является третьей отличительной чертой неоориенталистских культов российского происхождения. Отчасти эта расплывчатость и завершенность вполне объяснима небольшим сроком существования самих религий. Однако сама природа религиозного канона требует целостности и завершенности. Поэтому недостаточную оформленность возникших в России учений скорее можно объяснить особенностями менталитета, как и синкретизм самих доктрин. Доминирование мифологической составляющей в российском менталитете выступает как предпосылка пластичности и незавершенности религиозных систем.

При этом неоформленность и синкретизм сочетаются с примитивным пониманием большинства феноменов культуры или с их вульгарными трактовками. Особенно это заметно в попытках интерпретации ряда понятий индуизма – кармы, реинкарнации, сансары, нирваны. Популярность такого рода учений объясняется лишь невысоким уровнем эрудиции и культуры мышления у последователей.

Своей спецификой обладают и культовые практики неоориенталистских религий. С одной стороны, они возродили характерные черты обрядов мифологических систем. Это выражается в возобновлении ежедневного проведения служений, регламентированного произнесения молитв и песнопений. Объем обрядового комплекса может колебаться – от огромной, громоздкой системы Прабхупады до всего лишь обязательных ежедневных молитв бахаи. Точность, детальность в выполнении указанных ритуалов особенно подчеркиваются, что свидетельствует об изначальных космогонических функциях последних. О модернизированной природе культовой практики в данном случае свидетельствует тот факт, что ритуальное действо направлено уже не на поддержание космического порядка или свидетельствование связи с божеством, а на человека и становится средством его совершенствования. Особый упор делается на внешнюю сторону ритуала, противореча представлениям о вездесущем божестве.

Включение человека в религиозную деятельность в неоориенталистских религиях происходит двумя способами, не всегда четко разделяемыми. Первый – включение человека непосредственно в культовую практику. Здесь большое внимание уделяется не только участию в службах, но и внешнему виду, рациону питания, распорядку дня, внутрисемейным отношениям. В психологическом плане это рождает ощущение элитарности. Созданный внешними факторами настрой обуславливает поведение неофитов.

Внешнее упорядочивание подкрепляется обязательным «внутренним». Л. Н. Митрохин приводит целый ряд культовых приемов, способствующих укреплению состояния религиозности. Это семинары по изучению священных книг, совместные молитвы и беседы, постоянно повторяющиеся песнопения, заучивание наизусть отрывков из сакральной литературы, прослушивание записей уроков лидера, лекции о принципе веры.[19]

Верующие сразу же включаются во внекультовую, но связанную с культом, деятельность общины, обязательную для всех. Она может включать в себя работу на предприятиях и небольших производствах, продажу произведенной продукции и священной литературы, сбор пожертвований, проведение праздников, видео- и сценических пропагандистских программ, организацию миссионерских акций, перевод литературы с иностранных языков, участие в конференциях, слетах и конгрессах различного масштаба. Такая деятельность не только закрепляет верующих внутри общины, но и предоставляет широкие возможности для индивидуальной самореализации человека, проявления его способностей и наклонностей. Это создает психологической ощущение значимости собственных усилий на пути совершенствования и доступности этого пути.

Успешность включения неофита в религиозные отношения обуславливается и самой формой проведения служений и других мероприятий. Идет своеобразное психологическое внушение, обусловленное особенностями речи, пения, движений. Постоянные повторы, монотонность, синхронность действий способствуют усилению и закреплению религиозного настроя. Дополнительно внушаемости могут способствовать юный возраст, утомление и истощение, сниженный тонус коры головного мозга, страх, растерянность, неуверенность, авторитет внушающего.[20]

Поскольку большинство этих признаков наблюдается в активно действующих общинах, то часть верующих постоянно находится в некотором «закодированном» состоянии. При этом не срабатывают факторы, которые психологи считают препятствующими внушению: иноязычие, отсутствие связи фонетического состава речи с представлениями, нарушение грамматики и смысловой связи, логики.[21] Думается, это обстоятельство можно объяснить потребностью сознания современного человека в новизне, культивированием традиции отказа от традиции.

Большую роль играет личность лидера группы. Он не только служит связующим началом для всей общины в целом, но и является наставником для каждого из верующих в отдельности. Это усиливает его значение как проводника веры, и, вместе с тем, каждый обращенный ощущает доступность бога лично для него. Если при этом лидер является харизматическим, то отношения между ним и учениками также имеют суггестивный характер. Таким образом, культовые практики новых восточных религий также являются результатом взаимодействия религиозной и светской культур.

[1] Смирнов Б. Л. Примечания к переводу «Бхагавадгиты». \\ Легенды о Кришне. (Жизнь и Учение). М.,

1995. С. 521
[2] Ткачёва А. А. Неоиндуистский мистицизм. \\ Вопросы научного атеизма. Вып. 38. «мистицизм: проблемы анализа и критики». М., 1989. С. 128-129
[3] Ткачёва А. А. «Новые религии» Востока. М., 1991. С. 85
[4] Ткачёва А. А. Индуистские мистические организации и диалог культур. М., 1989. С. 52
[5] Литман А. Д. Философия в независимой Индии: проблемы, противоречия, дискуссии. М., 1988. С. 111
[6] Смирнов Б. Л. Указ. соч. С. 547
[7] Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 2. М., 1996. С. 237
[8] Упанишады. Т. 2. М., 1992. С. 150
[9] Ткачёва А. А. Индуистские мистические организации и диалог культур. М., 1989. С. 92
[10] Ткачёва А. А. «Новые религии» Востока. М., 1991. С. 128
[11] Там же. С. 155
[12] Гуревич П. С. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. М., 1985. С. 43
[13] Ткачёва А. А. Кришна Харе. \\ Азия и Африка сегодня, 1993, №8. С. 57
[14] Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодёжь Запада). М., 1984. С. 42
[15] Ткачёва А. А. Индуистские мистические организации и диалог культур. М., 1989. С. 60
[16] Ткачёва А. А. «Новые религии» Востока. М., 1991. С. 112
[17] Афоризмы от Ар Махавира. \\ Уральские истоки, 1997, №5. С. 8
[18] Сокровища Валькирии. \\ Уральские истоки, 1997, №5. С. 7
[19] Митрохин Л. Н. Религии “нового века”. М., 1985. С. 14-15
[20] Поршнев. Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 157
[21] Там же. С. 156

О.В. Коркунова

Е.П. Блаватская: «ВОСТОК ОТКРЫВАЕТ ЗАПАДУ ИСТОКИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА»

Ольга Владимировна Коркунова,
кандидат философских наук, доцент

В строительстве моста между Востоком и Западом, налаживании культурного диалога между ними Е.П.Блаватская сыграла заметную роль. Своей личностью, своими публикациями, просветительской деятельностью, созданного ею Теософского общества, она пробудила интерес широких кругов Европы и Америки к духовному наследию Востока. Важно то, что Е.П.Блаватская преодолела ограниченность миссионерского подхода западных ученых, согласно которому культура Востока представлялась как примитивная, архаичная, интересная больше своей экзотикой, чем содержанием. Она сумела раскрыть и оценить те особенности восточного мировосприятия, которые компенсировали ограниченность западной мысли в воспроизведении образов мира и человека.

Кризис духовности культуры Запада того времени (вторая половина 19 в.) был напрямую связан с этим. Антропоцентризм и культ рационализма сделали духовное развитие человека односторонним, в силу чего была потеряна целостность его бытия. Рационалистическая философия достигла пика своего развития в утверждении могущества разума человека. Проблема бытия человека в мире решалась в ней исходя из основных постулатов философии Р.Декарта. В результате рационализм описывал картину бытия только как существование в мире. При этом все определялось «критикой разума». Уже И.Кант показал ограниченность такого взгляда на бытие, что заставило его ввести представление о трансцендентальном.

Триумф науки и рационалистической философии над религией, которая традиционно отвечала за духовную жизнь человека, привел к важным и далеко идущим последствиям для психологического мира человека. В своих работах К.Юнг показывает, что религия выполняла важную проективную функцию для психики человека[1]. Ее ритуалы и церемонии обеспечивали человеку внешнюю проекцию его внутреннего мира. Этим он разрешал свои психологические – душевные и духовные – проблемы. Встав на позиции атеизма, человек оказался один на один со своим внутренним миром. Теперь он должен был осознать и понять его, чтобы научиться самостоятельно управлять им. В результате человек обнаружил, что его внутренний мир не соответствует идеалам рационалистической философии, которая изображала его как перенесение внутрь социальных норм, стандартов и традиций культуры. В соответствии с принципами лапласовского детерминизма внутренний мир человека рассматривался как отпечаток, слепок того общества и той культуры, в которых человек жил. Поэтому представления о внутреннем мире человека были ориентированы на развитие его сознания и разума. С этим связывалось и духовное развитие личности.

Когда человек напрямую столкнулся со своим внутренним миром, он начал осознавать, что тот

не исчерпывается сферой сознания и разума. В работе А.Лоренцера, посвященной истории психоанализа, детально прослеживается, как постепенно европейское общество шло к осознанию самостоятельности бытия внутреннего мира человека и его сложной организации. По мере этого развивалось медицинское, а затем и научное изучение психики человека[2].

Последовательно проводя принцип эволюционизма, Е.П. Блаватская связывает культуру Востока и Запада как составные части единого эволюционного процесса. В силу этого, считает она, для них существует единое начало – первоначальный образ мира и человека, синкретизм которого был дифференцирован последующим развитием, что и обусловило различие Запада и Востока.

Уделяя большое внимание сравнительной мифологии и сравнительной религии, она стремится раскрыть генезис образов мира и человека. Ключом к этому для нее становится поиск первоначального понимания божественного. В результате она приходит к выводу, что первоначально обожествлению подвергались творческие, созидательные силы самой природы. При таком пантеистическом понимании божественного, оно становится «мостом», связывающим человека с природой, включая природу самого человека. Следовательно, устремление человека к Богу становится «вписыванием» его в мир природы, гармонизацией взаимоотношений с ней. «Наше Божество – это вечный, постоянно *развивающийся*, но не творящий строитель Вселенной. Это *вселенная сама разворачивается* из своей собственной сущности, не будучи *сотворенной*. Символически это сфера без окружности, которая имеет один вечно действующий атрибут, заключающий в Себе все остальные существующие или мыслящие атрибуты – Себя. Это – единый закон, дающий импульс проявленным, вечным и непреложным законам внутри сего никогда не проявляющегося, в силу своей абсолютности, Закона, который в периоды своего проявления есть *вечное Становление*»[3]. Исходя из этого в качестве одной из основных целей теософского общества поставлена задача «Исследовать скрытые тайны Природы во всевозможных аспектах, и особенно, дремлющие в человеке психические и духовные силы»[4].

Такой пантеизм позволяет Е.П. Блаватской связать воедино космогенез, антропогенез и психогенез и дать иерархически организованную картину бытия. «... существует лишь Единое, Абсолютная Действительность, которая предшествует всему проявленному и условно Сущему. Эта Бесконечная и Вечная Причина, туманно сформулированная в «бессознательном» и «непознаваемом» современной европейской философии, является «Бескорним Корнем» всего, что было, есть или когда-либо будет. ... Это, скорее Бытийность, чем Бытие», – пишет Е.П. Блаватская[5]. Она оценивает такой подход к бытию как более универсальный, раскрывающий источник последующей дифференциации форм бытия и связать их между собой. Она проводит различие между бытием как проявленным и условно сущим и бытием Единого как первопричиной. Первое есть та сфера бытия, которая определяется сознанием. Второе выходит за пределы наличного осознанного бытия. В европейской философии эта сфера бытия, начиная с И.Канта, характеризуется как мир трансцендентального. В познании человека она предстает в виде ноуменального мира, мира идей. Вводя в характеристику Единого понятия «нумен» и «бессознательное», Е.П. Блаватская рассматривает Абсолют как первопричину не только бытия мира, но и бытия трансцендентального мира и внутреннего мира (психики) человека.

Единство космогенеза, антропогенеза и психогенеза задавало совершенно новый ориентир отношения человека к миру. Человек должен был учиться вписываться в природный мир универсума, синхронизировать с ним свою деятельность.

Е.П. Блаватская развенчивает антропоцентризм, для которого точкой отсчета всего в мире выступал человек. Вписывая антропогенез и психогенез в космогенез, она показывает его частичкой большого целого. Но этим роль человека в мире не принижается. Она уравнивает его с Вселенной, рассматривая их как два подобных друг другу воплощения Абсолюта – макрокосм и микрокосм. При этом человек выступал важной частью бытия проявленного мира, ибо достигал высших ступеней духовной эволюции, абсолютного сознания.

Такой подход позволяет Е.П. Блаватской через описание структуры микрокосма дать детальную характеристику внутреннего мира человека и на основе этого углубить представление о детерминации поведения человека. Она позывает, что поведение человека детерминировано не только внешними обстоятельствами, но внутренними факторами. Причем их она считает главными детерминантами поведения человека. Тогда как внешним факторам отводит роль толчка, пускового сигнала.

Используя восточные учения, Е.П. Блаватская выразила их в мистической форме, но даже при этом она дала толчок развитию интеллектуальной мысли Запада, что привело к новым идеям в естественных науках, психологии, антропологии и философии.

[1] Юнг К.Психология и религия.// Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
[2] Лоренцер А. Археологи психоанализа. М., 1996
[3] Блаватская. Е.П. Ключ к теософии. Ясное изложение в форме вопросов и ответов этики, науки и философии, для изучения которых было основано Теософское общество. М., 1993, С. 80.
[4] Там же, С. 51
[5] Блаватская. Е.П. Тайная доктрина. Рига, 1937, Т.1.

ТАНТРА — НА ЗАПАД! НЕОБУДДИЗМ БИДИИ ДАНДАРОНА

Б.В. Емельянов

Борис Владимирович Емельянов, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии УрГУ

Под железной пятой сталинского тоталитаризма, большевистской моноидеологии погибли многие известные школы русской науки и философии, были уничтожены их руководители и простые приверженцы. С особой жестокостью истреблялись вероучители различных религиозных конфессий — католики и православные христиане, мусульмане и буддисты.

Наш рассказ о жизни, скорбном пути и учении одного из самых известных отечественных буддологов XX века — бурятском ламе Бидии Дандароне.

* * *

По легенде один из известных на начало XX века тибетских лам Джаягсы Гэгэн после своей смерти возвратился к новой жизни в облике Бидии Дандарона — сына ламы, философа и поэта Доржи Бадмаева. Когда тибетские монахи приехали в Бурятию, чтобы забрать мальчика в тибетские монастыри- дацаны, духовный учитель бурятских буддистов Лубсан Сандан Цыренов заявил им: «Он нужен здесь», (считается, что духовный учитель предвидел, сколь высокое предназначение уготовано этому недавно родившемуся мальчику). Эту легенду подтверждают и факты.

Бидия Дандарон родился 28 декабря 1914 года в одном из южных районов Бурятии. Первыми его учителями были два известных бурятских ламы — его отец Доржи Бадмаев и Лубсан Сандан, который как верховный лама бурят в июле 1921 года в присутствии сотен верующих, лам и почетных гостей, среди которых был известный русский буддолог Борис Иванович Панкратов, присвоил семилетнему Биди самый высокий и единственный в Бурятии титул Джармараджи, то есть Царя учения.

Еще в юности Биди Дандарон выучил монгольский и тибетский языки, а также основы буддийской религии и философии. Понимая, что их недостаточно, чтобы стать духовным лидером бурят, Дандарон едет на юг Бурятии, в Кяхту, где заканчивает среднюю школу и в 1933 году едет в Ленинград.

Город на Неве для дальнейшего образования выбран неслучайно. Там существовал первый в Европе Петербургский дацан. Его лама Агван Доржиев одобрил поступление Дандарона в Ленинградский институт авиационного приборостроения (ЛИАП) и дал письменную рекомендацию преподавателю тибетского языка восточного факультета Ленинградского университета известному тибетологу Андрею Ивановичу Вострикову.

Успешно начатое обучение закончилось быстро. 9 января 1937 года Биди Дандарон был арестован. Через полгода, 3 июня 1937 года Военный трибунал ленинградского военного округа за «контрреволюционную заговорщическую деятельность по созданию панмонгольского националистического движения с целью свержения советской власти в Монголии, Бурятии, Калмыкии и Туве «по статьям 58-10, часть I и 58-11 УК СССР приговорил Биди Дандарона к смертной казни, которая была заменена 10 годами лагерей с последующим ограничением в правах на 5 лет.

Лагерь стал своеобразным университетом для Дандарона. Там он познакомился со многими европейски образованными учеными, в том числе с известным философом-неокантианцем Василием Васильевичем Сеземаном, обучавшимся в Марбурге. Сидели вместе с Дандароном и буддистские ламы. Он не только слушал философские лекции, изучал немецкий язык, участвовал в беседах-семинарах, но и сам неоднократно объяснял слушателям основы буддийской философии. Главный результат этого первого лагерного заключения состоял в том, что «общение с учеными, воспитанными в европейской традиции позволило Дандарону преодолеть философскую ограниченность традиционного буддизма. Осваивая основы материалистической философии, кантианства и экзистенциализма, Дандарон постоянно сопоставлял их с буддийским учением и неизбежно убеждался в правоте последнего. Постепенно он пришел к той же мысли, что и Тейяр де Шарден: новейшие открытия ученых и философов не опровергают, а подтверждают традиционные истины. Например, дарвиновское учение об эволюции живых существ довольно точно отражает махаянистскую теорию о стремлении непросветленного сознания к Нирване» (Вандерххилл Э. Мистики XX века. М.1996, стр139).По свидетельству ученика Б. Дандарона, А. М.Пятигорского, он однажды сказал: «Буддисту полезно родиться в России». И добавил: «Буддисту, но не буддистам».

В 1943 году Биди Дандарона на короткое время освобождают из лагеря, и он пытается добровольцем уйти на фронт, но ему отказывают. Причин было много: открытая форма туберкулеза, застарелые, незаживающие раны на груди и шее, полученные на допросах еще в Ленинграде и тяжелейший груз обвинений «противника советской власти». Почти 5 лет он живет в родной Кашинге, изучает и переводит философские тексты буддийских ксилографов из богатой библиотеки отца, консультирует приезжающих к нему бурятских востоковедов, углубляет свои знания буддийской философии. И в этом же году он вместе с ламой Галсаном Хатдубом написал письмо Сталину с просьбой восстановить

бурятские монастыри (дацаны) Забайкалья. Уже в 1946 году был открыт Иволгинский дацан, а вскоре и Агинский.

Какое-то время Биди Дандарон переходит на нелегальное положение и скрывается в поселке Парабель, в десяти километрах от Нарына, где когда-то жил в ссылке Сталин.10 ноября 1948 года его вновь арестовали и 17 августа 1949 все по той же 58-10, часть I статье осудили на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Биди Дандарон был выпущен в декабре 1956 года на свободу и вскоре реабилитирован по первому, а затем и по второму обвинению. Для Дандарона начались годы поиска работы и практического применения своих уникальных познаний как в буддийской, так и европейской философии. Но ни в Ленинграде у академика И.А. Орбели в Институте востоковедения, ни у профессора Д.А. Алексеева на кафедре монгольской филологии Ленинградского университета ему не удалость устроиться. Не повезло Дандарону и в Москве, не оправдались его надежды найти работу в Московском отделении Института Востоковедения. Не имея московской прописки, он жил на квартирах и дачах своих друзей, пропадал в Ленинской библиотеке с открытия до закрытия, читая в подлиннике Хайдеггера, трактаты по космологии, восточной и европейской философии.

Работу Биди Дандарон нашел лишь в ноябре 1957 на родине в секторе тибетологии Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР. Переводит тибетские рукописи, участвует в диалектологических экспедициях, на отрогах Саян собирает лекарственные травы. В это время состоялась его вторая встреча (первая была в Москве) с Юрием Николаевичем Рерихом, приехавшим в Улан-Удэ специально, чтобы обсудить с Дандароном программу буддологических исследований. Совместная работа не состоялась, в 1960году Ю.Н. Рерих внезапно умирает, но Дандарон продолжает свои исследования и в 1963 году совместно с Б. В. Семичевым и Ю.М. Парфиновичем издает «Краткий тибетско-русский словарь» объемом 21 тысяча слов, на долгие годы ставший единственным в своем роде изданием. Кроме того, Дандарон издает собственный перевод буддийского терминологического словаря «Источник мудрецов».

С середины шестидесятых годов вокруг Бидии Дандарона группируется кружок интересующихся буддийской философией. К Учителю обращаются не только ученики из Бурятии, но из Москвы, Ленинграда, Эстонии, Литвы, Молдавии. Какой же тип буддизма проповедовал Дандарон? Уровень проповеди должен быть адекватен уровню спрашивающих, здесь тот же принцип, что в знаменитом «когда готов ученик, готов и Учитель». Европейцы 60-х востребовали максимально, так и просили, но не посвящения искали, а Учителя. Достойные получили правомочности высоких уровней, открывавшие возможность практик преображения сил и сознания. Этот рискованный, но быстрый путь реализации не случайно стал. Опытом духовной жизни европейцев-буддистов. Что характерно для распространения буддизма, так это то, что на острие его всегда идут тантрийские практики. Недаром Дандарон однажды воскликнул «Тантра – на Запад!».

Максималистские методы тантры помогли ученикам выжить в 70-е годы, после ухода Учителя, начать период развития в 80-е и создать на западе России и в странах Балтии буддийскую ситуацию достаточной интенсивности, чтобы в 1989г. буддийские общины обрели официальное признание « (Монтлевич В.М. Дхамараджа Бидия Дандарон // www.pravidya.ru). Опасаясь распространения буддизма КГБ спланировало «дело буддистов» и в 1972 году произвело обыски у всех, кто поддерживал контакты с Дандароном, и с кем он изучал буддийскую философию. Международное возмущение этой акцией КГБ привело к тому, что громкого процесса у органов безопасности не получилось, лишь четверых учеников Дандарона признали душевно больными, а его самого вновь, уже в третий раз осудили по трем статьям: за антисоветскую пропаганду и агитацию, причинение вреда здоровью граждан под видом отправления религиозных ритуалов и хищение (!) госимущества, (посчитали, что он украл собственный молитвенный коврик) к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Заключение Дандарон отбывает в лагере Выдрино на южном берегу Байкала. Там он пишет ныне изданную «Черную тетрадь», в которой излагает основные начала необуддизма. 26 октября Биди Дандарон прекращает свое земное существование, но по некоторым сведениям сознательным усилием воли в состоянии медитативного сосредоточения. Его могила неизвестна, но памятная буддийская ступа находится в одном из дворов эстонского Тарту.

Теоретическое наследие Биди Дандарона невелико.19 лет с небольшими перерывами, которые он провел за колючей проволокой лагерей, не дали в полной мере развернуться его удивительному таланту Учителя. Из крупных работ до нас дошли: своеобразная философская энциклопедия буддизма – «Мысли буддиста» (1970), которая, как утверждает один из его учеников А. Данелюс, станет «настольно книгой для каждого, кто интересуется буддизмом «, и так называемая «Черная тетрадь» – итоговая книга философа, которую он писал в лагере, но так и не закончил.

Для простого читателя, впервые взявшего в руки эти книги Биди Дандарона, сложной является терминологическая сетка буддийской философии, само же содержание книг поразительно просто, поражает глубина, содержащихся в них мыслей. Весь объем этих идей и мыслей необуддизма Дандарона может стать результатом большого монографического исследования. Мы же для иллюстрации идей необуддизма рассмотрим одну, первую главу «Черной тетради», названной автором «Первая Благородная Истина буддизма». Истина эта связана с законом Кармы – неумолимым законом причин и следствий. Для живых существ и особенно для людей закон действует иначе, чем в мертвой природе. Люди в борьбе за существование руководствуются *клешами* (неведением, страстями, эмоциями, гневом, гордостью, завистью и так далее). В этой борьбе карма проявляется отрицательно, индивиды в этом случае страдают. Из совокупности индивидуальных карм образуется общественная отрицательная карма, рождающая, в конечном счете, тиранов.

Опираясь не открытие бесконечно малых частиц с бесконечно большими скоростями и теории относительности Эйнштейна, он по-новому трактует общественную карму, утверждая, что «общественное сознание видоизменяется под действием *общественной* кармы и зависит только от нее. Другими

словами, человеческая природа развивается только по закону кармы, под влиянием клеш и на пути своего развития постоянно разрушает все препятствия, создавая новую общественную и индивидуальную карму «(Дандарон Б. Д. «Черная тетрадь»// Дандарон Б. Д. Мысли буддиста. «Черная тетрадь». СПб.,1997.С.154) .

Через несколько страниц эта новая для буддиста идея приобретает более четкое звучание: «*Общественная карма* – явление трансцендентное, неописуемое, поразительное и непостижимое для ума человеческого. *Общественная карма* есть причинно-следственный закон, созданный действием массы сознательных существ. Следствия, вызванные причинами деяний сознательных существ, видоизменяются, принимают бесконечное множество трансформаций, но постоянно сохраняет лишь основное русло – добро и зло. Следствия, вызванные действием добра, бывают добрые, блаженные, а следствия, вызванные действием зла, есть страдания и зло. Особенно карма сознательных существ, наделенных свободной волей, жестко не детерминирована. В мире сознательных существ случайное, непредсказуемое отклонение отдельных моментов общего процесса уничтожает слепую необходимость» (Там же .Стр.156).

Вывод этих и подобных утверждений Дандарона, полученных в результате анализа исторических реалий, прост: общественная карма и состояние общества соотносительны. Другими словами, диктаторский режим какого-нибудь диктатора не есть результат его личных наклонностей, а обусловлен, прежде всего, общественной кармой. То есть, если народ соглашается быть пассивным «материалом» в руках диктатора, то есть причина его появления в том умонастроении народа, который его терпит: диктатор – продукт общественной кармы, которую создали сами люди, страдающие от злой воли диктатора. Общественная карма изменяется от внутренних причин (образование, просвещение, появление харизматических подвижников) и внешних (войны, революции). Изменения, которые общественная карма претерпевает, как правило, проистекают медленно, пока общество не поймет причины зла и не направит свои силы на его удаление (Там же. стр.157-169. см. также: Гармаев Д. Человеческая судьба и философско-антропологические идеи Б. Д. Дандарона// Опыт историко-антропологических исследований. М., 2003).

Многие страницы «Черной тетради», написанной в период последнего лагерного заключения, поражают глубиной своего анализа тирании, царящей в советском обществе. Дандарон считает, что «духовные силы несвободного мира доходят до кульминации». В начале 40-х годов эта «кульминация» была реальностью. От социального взрыва страну спасла Вторая Мировая война. «Весь накопившийся в недрах народных масс гнев от деспотии, угнетения, репрессий обрушился на внешнего врага» (Там же. стр.177).

В 70-е годы ситуация изменилась кардинально «появились разногласия между социалистическими странами». Теория научного коммунизма, особенно ее экономическое учение, изменили себя и уже не могут считаться научной истиной. Социалистическое общество находится в глубоком кризисе. Выход из него, по-мнению Дандарона, в духовной силе религии. В кризисный период « в недрах народных масс могут появиться люди, которые будут искать спасения от деспотизма и реакции в мистике, в религии, искать защиту в божестве. Если это охватит широкие слои общества, то под напором этой новой силы деспоты могут сделать вынужденную уступку в сторону свободы и демократии. Здесь они найдут как бы временное спасение от жестокой и неминуемой кармической гибели. Только свобода и демократия в современном советском обществе могут позволить влить духовные соки новой религии в истощенное материализмом сознание общества» (Там же.стр.179) .Когда начались предсказанные им изменения, учитель не дожил.

Биди Дандарон был буддистом и ... современным платоником. Греческий философ был для него кумиром. В письмах к любимой девушке (сейчас они опубликованы как «Письма о буддийской этике») и в ряде произведений он воздает хвалу Платону. Для него «учение Платона отличается высоким полетом мысли, глубоким и проникновенным раскрытием сущности мира идей и мира явлений. Им была дана удивительно смелая по своему содержанию концепция общей картины двух миров и двух истин. Не мудрено, что к его идеям примыкали с полным сочувствием мистики разных эпох, отмеченные развитым умом и тонким эстетическим чувством. Великие умы верили в платонизм « (Там же.182-183).

Дандарон считает, что философия Платона и буддийская философия имеют много общего. Особенно в области этики, когда требуется определить сущность добра и зла. По мнению буддиста, в мире, где господствует материалистическая точка зрения, понятие добра всегда заземлено и требует ответной услуги в смысле «а что я буду за это иметь?». Рекомендации необуддиста Бидии Дандарона каждому из нас просты. Поскольку нет дуализма между материальным и духовным, а мир духа проявляется в материальном, материя как фильтр очищает невежественные проявления духа (они сгорают в пламени мудрости). И, наоборот, в очищенном духе сгорает низменность материального. В процессе этого двойственного очищения человеческое Я возвращается в свою первоначальную обитель – Нирвану.

Таковы лишь самые первые, в чем-то поверхностные откровения необуддиста Бидии Дандарона, сочетающие в себе основы двух – европейско-платоновской и восточно-буддийской – традиций постижения мира и человека.

О.Б. Ионайтис

МИТРОПОЛИТ НИКИФОР: ПУТЬ ИЗ ВИЗАНТИИ В КИЕВСКУЮ РУСЬ

Ольга Борисовна Ионайтис,
доктор философских наук,
доцент кафедры истории философии
Уральского государственного университета,
профессор Академии искусств
и художественных ремесел
имени Демидовых,
член-корреспондент Российской Академии
естественных наук,
член Союза художников России,
член международной ассоциации
изобразительных искусств –
АИАП ЮНЕСКО.

В XI-XII вв. Киевская Русь становится культурным центром славянского мира. Значимую роль в этом процессе играют тесные контакты с Византией: русские книжники переводят сочинения византийских авторов, на Русь приглашаются византийские иконописцы и архитекторы, в Константинополь едут учиться и не только сыновья князей, но и сыновья бояр и знатных людей. Процесс этот был многопланов, особую роль в нем играли митрополиты-греки, которые, приезжая на Русь, активно пропагандировали традиции византийской культуры. Примером тому может служить деятельность митрополита Никифора.

Митрополит Никифор прожил на Руси 17 лет (1104-1121). Биографических данных о нем сохранилось мало, но известно, что он происходил из Суры Ликийской (Малая Азия). Образование, по всей видимости, получил в Константинополе. Приехав на Русь, Никифор сразу же принял активное участие в религиозной, политической жизни страны. Он сыграл значительную роль в прославлении русских святых, что в те времена поднимало самосознание русских на новую высоту. Например, в 1108 г. он выступает инициатором почитания Феодосия Печерского. 2 мая 1115 г. Никифор возглавил русский епископат на торжественном прославлении князей-мучеников Бориса и Глеба. Это событие было весьма значимо для русского государства – как показатель культурной и религиозной самостоятельности. Никифор способствовал вступлению на престол Владимира Мономаха, роль которого в истории Руси трудно переоценить. Киевского митрополита Никифора и Владимира Мономаха связывали, судя по их переписке, доверительные отношения, оба оказывали заметное влияние на мировоззрение друг друга.

В целом можно отметить, что митрополит Никифор, прибыв в Киев, «окунулся» в русскую реальность. Он не был настроен отстраненно или «свысока» к исканиям отечественных книжников, более того – Никифор принял активное участие в развитии философского процесса в средневековой Руси. Необходимо отметить и то, что митрополит Никифор приезжает на Русь в то время, когда страна переживает духовный подъем, отразившийся во всех аспектах духовной жизни: создаются вторая и третья редакции «Повести временных лет», редакции «Жития Феодосия Печерского» и «Сказания о Борисе и Глебе», «Хождение игумена Даниила», «Поучение» Владимира Мономаха.

Митрополит Никифор – человек византийской образованности, писавший и на Руси по-гречески. Период ученичества Никифора совпал с культурным ренессансом в Византии эпохи Комнинов, что не могло не отразиться на его творчестве. И таким образом, приехав на Русь, «...в культурной среде того времени Никифор выступал фигурой, обеспечивающей посредничество не только в административном, но и в интеллектуальном взаимодействии Руси и Византии» (*Полянский С. М.* Богословско-философские взгляды митрополита Никифора // Древняя Русь. 2001. № 2 (4). С. 98). Наследие митрополита Никифора: два адресованных Владимиру Мономаху Послания («Послание о посте и о воздержании чувств» (около 1113 г., далее – «Послание о посте»), «Послание от Никифора митрополита Киевского к Владимиру князю всея Руси... о разделении церквей на восточную и западную» (около 1117 г., далее – «Послание на латин»)), одно Послание волынскому и муромскому князю Ярославу Святославичу («Написание на латыну к Ярославу о ересях»), одно Послание – неизвестному по имени князю и «Поучение митрополита русского Никифора в неделю сыропустную в церкви, ко игуменам, и ко всему иерейскому и диаконскому чину, и к мирским людем» (далее – «Поучение на неделю сыропустную»). Сочинения митрополита Никифора, как мы видим из названий, написаны в жанре церковного послания. В раннем христианстве послания были распространенной формой общения епископов друг с другом и со своей паствой. Данная тенденция получила развитие в Византии и была достаточна популярна. Киевская Русь переняла эту традицию.

Сочинения митрополита Никифора становились известными на Руси, активно обсуждались. Например, «Поучения на неделю сыропустную» Никифора было оглашено не только в киевском кафедральном Софийском соборе, но и заранее было разослано для обсуждения по приходам, следова-

тельно – знакомы с ним были многие. Подобная практика постепенно распространялась. «Послание о посте» отличается большей философичностью – вопрос о посте является лишь поводом для глубоких философских рассуждений на онтологические, гносеологические, философско-правовые темы, которые связаны с вопросом о посте в символико-аллегорическом плане.

В «Послании о посте» митрополитом Никифором дается характеристика природы духовного и материального начал бытия, при этом сфера плотского определяется довольно высоким онтологическим статусом. Например, утверждается, что состояние тела, дисциплинируемое постом, определяет душевные качества личности. В целом, в учении Никифора мы наблюдаем стремление к установлению гармонии сфер бытия через взаимовлияние плотского и духовного компонентов. Никифор указывает, что жизнь человека двойственна: разумная и неразумная, бесплотная и телесная. Далее он разъясняет, что разумное и бесплотное есть нечто божественное и чудесное, и касается бесплотного естества, а неразумное исполнено плотских, чувственных страстей и относится к сластолюбивому естеству: «...двойственна наша жизнь: разумная и неразумная, бесплотная и телесная. Разумное и бесплотное ведь есть нечто божественное и чудесное и касается бесплотного естества, а неразумное – исполненного [плотских] страстей (чувственного) и сластолюбивого [естества]» (*Никифор.* Послание о посте // Послания митрополита Никифора. М., 2000. С. 75). Из-за этой двойственности в человеке идет постоянная борьба – плоть и дух противятся друг другу. И только пост укрощает эту борьбу, так как пост есть «лекарство для душевного здоровья», он дает духу власть над плотью, обуздывая ее. Так покоряется низшее высшему – тело душе, и душа получает покой.

Митрополит Никифор указывает Владимиру Мономаху на источники, которые «наполняют благое и проистекают в людей». Они наполняют лишь тех, кто творит благо. Те же, кто поступают плохо, вступают на путь злобы. Как следствие – указание: «Внимай себе, внимай слову своему и делу своему». Человеку, по мнению Никифора, следует быть внимательным, чтобы не спутать где – зло, а где – добро. Для того же, чтобы понять, откуда происходит добро и зло, Никифор предлагает обратиться к рассмотрению сути души человеческой.

Вслед за неоплатонической философией, митрополит Никифор выявляет три части души, или силы: разум («словесное»), чувство («яростное») и воля («желанное»). И вновь Никифор указывает, что ни высшая часть – разум, ни низшая – чувство, не являются субстанциональными антагонистами. Оба начала присутствуют в человеке «сместно», проявляясь в различных сочетаниях.

Митрополит Никифор указывал, что разум старше и значительнее всех, он отличает человека от всего остального, сотворенного Создателем, и дает возможность человеку осуществлять свое предназначение – стремиться к Богу: «...им мы отличаемся от всех животных, с его помощью мы познаем небо и все остальное созданное и восходим к пониманию Бога...» (Там же. С. 77). Такова сила разума – заключает Никифор, но лишь в том случае, если познающий придерживается правды и ищет истину. Вместе с тем, разумом необходимо уметь управлять: он может приблизить человека к Создателю, а может сбросить в адскую пропасть (как произошло с дьяволом и язычниками, которые были разумны, но не по правде восприняли разумное и пали). Двойственность разума объясняется действием чувственных сил души, также двойственных, способных к добру и злу. Поэтому-то чувства дают неодинаковую информацию, «недостоверные припоминания». Все чувства (слух, зрение, осязание, обоняние, вкус) в одном – достоверны, в другом – нет, «грешны». Наиболее точно лишь зрение.

Для очищения от подобной двойственности и необходима воля. Она помогает разуму освободиться от лишних «припоминаний» и сосредоточиться на благих «помышлениях» (прежде всего – о Творце и своем предназначении). О воле митрополит Никифор пишет так: «...воля («желанное») – [заключается в том], что тот имеет добродетель, кто всегда думает о Боге (имеет желание к Богу) и забывает об ином, и заботится о таком просвещении, от которого бывает (исходит) сияние Божие и разрывается вретище, по пророку Давиду, сказавшему: «Ты обратил плачь мой в радость, снял вретище мое и препоясал меня веселием». Веселие же это рождается от тяжелого страдания (в тяжелых страданиях) за Бога. От веселия же этого растет семя жизни, от него чудеса творятся, от него предсказания будущего [бывают], от него человек к Богу по силе приближается, и бывает по образу и по подобию Божию, и, находясь на земле, [являет] образ создавшего его Бога» (Там же. С. 78). В результате правильного воспитания человека и направления воли к Богу, как считает митрополит Никифор, в душе человека наступает радость от познания и понимания мира, себя самого, от улучшения помыслов своих и очищения души (ее «выпрямления»). Обращаясь к Владимиру Мономаху, Никифор пишет: «...поминая Бога, будешь блаженным, сохраняя правосудие и творя справедливость во всякое время. И если будешь так поступать, то создашь дом душевного спасения и потрудишься не напрасно... И таким образом сохранишь град, которым является твоя душа... И изгонишь из нее злых советников, то есть злые помыслы» (Там же. С. 81). Да и пост, требующий усилий воли, Никифор трактует как регуляцию человеческой духовности путем дисциплинирования плоти.

Для гносеологических воззрений Никифора характерно утверждение о том, что разум («князь»), являющийся высшим качеством души, получает данные об окружающей действительности от чувств («слуг»). Подобное образно-символическое уподобление восходит к платонической традиции, но митрополит Никифор его конкретизировал, соотнеся с русскими социальными реалиями (князь, слуги). Но так же следует подчеркнуть, что Никифор рассматривает в целом человека по принципу иерархии, столь характерному для неоплатонических размышлений: «Узнай же и слуг ее (души. – *О. И.*), воевод и наставников, которые ей служат, поскольку она бесплотна, и от которых она получает сообщения. Эта душа сидит в голове, имея в себе ум, как светлое око, наполняя все тело силою своей. Как ты князь (Владимир Мономах. – *О. И.*), сидя здесь, в своей стране, действуешь по всей земле. Так же и душа по всему телу действует пятью слугами своими, то есть пятью чувствами: с помощью двух глаз, слуха, обоняния, то есть через ноздри, вкусом и осязание, то есть руками» (Там же. С. 78). Материальный мир познается через чувства, идеальная же сфера

познается «разумным оком». Так же митрополит Никифор указывает, что, познавая мир, человек познает Бога. Таким образом, он придерживается принципа – «по творению познай Творца». Но, что бы не познавал человек, он всегда познает Бога и только это делает познание истинным.

Часть «Послания о посте» митрополита Никифора посвящена рассмотрению социальных и историософских вопросов, в которых наиболее отражается его связь с русской действительностью. В «Послании о посте» создается образ идеального общества, уподобляемого антропоморфной модели: тело – государство, которое подчинено властной царствующей душе. Управляет государством («телом») князь («ум») через слуг, специализация которых отождествляется с органами чувств (глазами, ушами и т. д.). Из подобного заключения мы так же можем установить, что митрополит Никифор являлся представителем традиции неоплатонизма, для которого подобная логика типична. Принцип четкой иерархии во главе с правителем значителен для построения общественного идеала Никифора и он детально его прописывает. Государство предстает как механизм с четко функционирующими системами на основе гармонии плотского и духовного начал. А отсюда, пост исправляет и направляет не только отдельные души людей, но и деятельность князя. И митрополит Никифор переходит от теоретических рассуждений к оценке реальных событий, связанных с правлением Владимира Мономаха.

В оценке исторического происходящего митрополит Никифор демонстрирует определенный фатализм: описывая нравственное величие Владимира Мономаха, автор указывает, что оно есть следствие божественной предопределенности. В своем обращении к Владимиру Мономаху он пишет: «...к тебе... доблестная глава наша и [глава] всей христолюбивой земли, [обращено] слово это, [к тебе] которого Бог издалека предопределил и поставил, которого из утробы освятил и помазал, смешав царскую и княжескую кровь, которого благочестие воспитало, и пост вскормил, и святая христова купель с младых ногтей очистила...» (Там же. С. 76).

Важное место в «Посланиях» занимает вопрос о правителе. Он утверждает, что власть светская от Бога дана, соотносит царство земное с царством небесным. Никифор утверждает, что пример иерархии небесного царства должен стать образцом для иерархии царства земного. В обоих случаях власть должна быть незыблемой. В «Посланиях» митрополита Никифора отражается популярное в Византии и на Руси, начиная со «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, учение о симфонии светской и религиозной власти: «Подобает князьям, как избранным Богом и призванным Им на правую веру Его, хорошо понимать слова Христовы и твердую церковную основу. Дано тебе (князь. – *О. И.*) основание, которым является святая Церковь, для просвещения и в качестве наставления вверенным тебе на попечение людям от Бога. Един ведь Бог царствует над небесными [силами]. Вам же [князьям] дано с Его помощью царствовать над земными, над нижним (дольним) этим из рода в род» (*Никифор.* Послание против латин // Послания митрополита Никифора. С. 107). Нужно отметить, что позицию митрополита Никифора, по сравнению с митрополитом Иларионом Киевским и предшествующей традицией, отличает то, что правоверие князя четко определяется как православие. В данном случае сказалась Схизма 1054 г., и как результат – антилатинская направленность сочинений Никифора.

Никифор, вслед за митрополитом Иларионом, включает в рассуждения о князе родовую тематику. Митрополит Никифор отходит от византийского идеала правителя, строго регламентировавшего свое поведение в духе официального церемониала, проводящего четкую грань между собой и подданными. Для Никифора, как и для русских летописцев (образы Святослава и Мстислава Владимировича), идеал князя – полководец-спартанец. Никифор обозначает широкую церковно-религиозную компетенцию князя, и в первую очередь – князь должен соблюдать и хранить чистоту веры. По сравнению с указанием о «заботе о подданных» патриарха Фотия в послании к болгарскому князю Борису, в котором тот имел в виду лишь крещение подданных, а все остальное относил к деятельности церкви, митрополит Никифор указывает на необходимость для князя охраны государства от иноверцев. Никифор подчеркивает и судебно-правовые обязанности правителя: он должен сам принимать участие в судопроизводстве. Это может объясняться и слабым развитием бюрократии в начале XII в. на Руси.

Митрополит Никифор постоянно подчеркивает, что есть власть выше княжеской – это власть Бога, неизмеримо более справедливая, сильная, милостивая. Поэтому, обращаясь к князю, Никифор использует как образец библейского царя Давида. Да и в целом, для любого человека – главный судья есть Бог, так как «...человек ведь [исследует] видимое (на вид), Бог же смотрит в сердце» (Никифор. Послание о посте. С. 81), но ничто так не рассказывает о человеке как его сердце.

Рассматривая отношения князя и подданных, митрополит Никифор употребляет такие понятия как «благость», «человеколюбие», щедрость, «милости и отпущения»: «...как светильник в мире [будешь ты (князь. – *О. И.*)], обладая словом жизни и [имея] делами своими благую веру, правду, и суд праведный (нелицемерный), и милость, и прощение, и постоянное обращение к Царю царствующих...» (Там же) или «Подумай... князь мой, поразмысли о тех, кто был изгнан тобой, об осужденных тобой на наказание, об отвергнутых. Вспомни о тех, кто кого оговорил и кто кого оклеветал. И сам как судья рассуди их и, будучи наставляем от Бога, помяни всех, и так сделай, и отпусти...» (Там же. С. 80). Митрополит Никифор пишет о том, что власть в грехе проявляет себя как грубая, подавляющая сила, яростная мощь, сдержать которую может лишь вера.

Показателем истинной власти является то, что государство функционирует как отлаженный механизм. Помощниками правителя в таком государстве являются духовные наставники и Слово Божие. Митрополит Никифор так объясняет назначение своего «Послания о посте»: «...[это] для твоей (князя. – *О. И.*) правой веры... написал я для тебя как напоминание, ибо великие властители часто нуждаются в большом наставлении, ведь они многим пользуются, и многие изъяны имеют. И поэтому мы дерзнули [написать это]... Понимаем же, что мы и сами, как грешники в струпьях, истекающие гноем, начинаем исцелять других. Но во всем этом не один только вред. Пусть даже и мы

таковы, но слово Божие, которое в нас, здраво и непорочно. Оно учит, и подобает тем, кто учится от него, проверять его и принимать от него исцеление и не требовать иного» (Там же. С. 81). Подобные заявления соответствуют общему духу понимания мудрости, отношений философа и правителя в средневековой Руси.

Митрополит Никифор обогатил отечественную культуру византийскими и античными традициями по пути рационализации и философизации мышления, открытия широкого информационного поля при обосновании доктринальных положений. В сочинениях митрополита Никифора много ссылок на реальные события русской истории, свидетелем и современником которых он лично был. Из того мы можем заключить, что тексты для читателей представляли актуальный интерес. И вполне верно то, что «...творчество Никифора наглядно демонстрирует, как происходило врастание греческой культуры в отечественную, как пришлый грек-интеллектуал выступил в роли оригинального русского мыслителя» (*Макаров А. И., Мильков В. В., Полянский С. М.* Древнерусская мысль в ее историческом развитии до Никифора // Послания митрополита Никифора. С. 54). Более того – думается, что с полной уверенностью можно утверждать, что митрополит Никифор интересен для историка отечественной философии не только как пример отечественной мудрости, но и как представитель «общечеловеческой» культурной традиции в русской философии, традиции «из Византии в Киевскую Русь».

ЧЕЛОВЕК — «МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК» ИЛИ «ПУСТОЙ БАМБУК»? (БЛЕЗ ПАСКАЛЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ)

А.С. Гагарин

Анатолий Станиславович Гагарин, доктор философских наук

Что есть человек в мире бытия? Кто он, и что есть мир? Где его место – и есть ли оно вообще? Вопросы вечные, а ответы, которые предложил Блез Паскаль, удивительно современны, даже во времена господства постмодернизма. Впрочем, сейчас, похоже, и его времена прошли... Судите сами.

Блез Паскаль воспринимает бытие человека (и собственное бытие) как затерянность «*в глухом углу, в чулане Вселенной*» – в зримом мире, как балансирование на грани двух бездн – бездны бесконечности и бездны небытия. Сам человек по сравнению с бесконечностью, по мнению Паскаля, является «*средним между всем и ничем*». Человечество ограничено во всем, и человеку не выйти за собственные пределы, но до тех пор, пока он не обратиться к изучению самого себя, человек не поймет этого. Собственные пределы человека – это пределы части целого, границы данной нам в удел середины, которая одинаково удалена от обеих крайностей – *от бесконечности в большом и бесконечности в малом.*

«Уразумение» небытия, как и «уразумение» всего сущего» требует беспредельности разума, возможной только у Бога, в котором эти крайности только и могут соприкасаться и сливаться. В человеке же сочетаются неоднородные и противоположные субстанции – душа и тело, человек в состоянии познать до конца только однородные явления – телесные или духовные. Поэтому удел человека, не способного ни к всеобъемлющему познанию, ни к полному неведению – плыть «по безбрежности», метание из стороны в сторону, поиски опоры, попытки построить башню, уходящую вершиной в бесконечность, а основанием стоящую на земле, разверзающейся в бездну...

Человек тщетно пытается заполнить пустоту, бездонную пропасть суетным и преходящим, найти опору в непрочном и конечном, тогда как, по мнению Паскаля, эту бездонную пропасть способен заполнить лишь предмет бесконечный и неизменный – сам Бог, истинное благо.[1] Одним из ключей в поиске выхода из мировоззренческого тупика оказывается предложенное Паскалем понимание человечества как тела (целого), состоящего из «*мыслящих членов*». «...Человек любит себя, поскольку он – член Иисуса Христа; человек любит Иисуса Христа, поскольку Он – тело, в котором человек – член. Все – единое. Один в другом, как три лица Троицы».[2]

В отличие от своих современников, мыслителей Нового Времени, стремившихся к рационализации и натурализации всего человека – вместе с моральной, этической, экзистенциальной сферами его бытия, Блез Паскаль исходил из христианского постулата о двойственности человека, его «*величии*» и «*ничтожестве*». Человек – это «сгусток противоречий», междуусобица разума и страстей, и потому одновременно и «химера», «диковинное чудовище», «хаос» – и «чудо» Вселенной, выше которого только Бог.

Признаки «величия», согласно Паскалю, таковы:

онтологический признак – осознание человеком бесконечности Вселенной и собственного онтологического ничтожества, несчастья, что и возвышает человека над самим собой; *гносеологический* – человек носит в себе идею истины, познание бесконечно, но беспрестанно совершенствуется; *нравственный* – стремление к добру, данное человеку от природы, побуждает его любить в себе духовное начало, нравственный идеал, и ненавидеть пороки, связанные с чувственной, животной природой.

«Величие человека столь очевидно, что оно проистекает даже из его ничтожества», полагает Паскаль. «Ничтожество» еще более многолико, чем «величие». Это и *онтологическое* «*ничтожество*» человека – атома, песчинка, затерянная в бескрайней Вселенной; *гносеологическое* «*ничтожество*» человека, не могущего «все знать и понимать», и, прежде всего – «знать и понимать» самого себя, тайну рождения и тайну смерти. Это и *нравственное «ничтожество»* человека, погрязшего в пороках, в суетной, несчастливой жизни, в противоречиях желаний и поступков, в убожестве людских уз. Это и *экзистенциальное «ничтожество»* – «нехорошо быть слишком свободным. Нехорошо иметь все необходимое».[3] И, наконец, *ничтожество социального бытия*, социального пространства, в котором царит сила, а не справедливость, «империя власти» или гражданской войны. Человек не ангел и не зверь, но несчастье человеческой доли таково, что тот, кто хочет уподобиться ангелу, становится зверем. И Паскаль, осознавая всю трагическую абсурдность человеческого бытия, взыскует утверждения «величия» человека.

Знаменитый образ «мыслящего тростника», *roseau pensant*, был призван передать трагически парадоксальное бытие человека: величие этого самого слабого тростника в природе, во Вселенной – в его способности мыслить, осознавать себя несчастным, ничтожным. «Величие человека в том, что он сознает себя несчастным; дерево себя несчастным не сознает. Сознавать себя несчастным – это несчастье; но сознавать, что ты несчастен, – это величие».[4] Однако, именно потому, что *ничтожество* и *величие* вытекают друг из друга, одни люди настаивают на ничтожестве тем упрямее, что доказательство его видят в величии, а другие же – наоборот. Паскаль решительно укореняет это экзистенциальное противоречие в качестве фундаментального основания человеческого бытия.

Одна из ведущих тем «Мыслей» Блеза Паскаля – тема одиночества – предстает как тема заброшенности человека в бесконечности Вселенной. Еще в юности Паскаль, познавший одиночество, горячо протестовал против одиночества человека, и превыше всего ставил любовь: «Одинокий человек представляет собой нечто несовершенное, необходимо ему найти другого, чтобы стать счастливым».[5] Позднее, развенчивая *себялюбие (amonte-propre)* как единый источник всех бед, поражающих человека и светское общество (суеты, скуки, погони за развлечениями, непостоянства, неуемности), Блез Паскаль, следуя в этом Мишелю Монтеню, утверждал безусловную «прелесть уединения» (в отличие от одиночества), которое позволяет задуматься о смысле жизни, оценить свои поступки, что невозможно сделать в этой суетной и «зачумленной» жизни.[6] Люди любят «шум и движение», поэтому для них «тюрьма – ужасное наказание, а наслаждение одиночеством – вещь непонятная».[7] Уединение открывает глаза человеку на суету мира, позволяет ему увидеть собственную суетность, внутреннюю опустошенность, подмену себя (собственного Я) неким воображаемым образом, созданным человеком для других людей. Блез Паскаль находит неоспоримый признак *ничтожества* нашего Я именно в том, что «оно не довольствуется ни самим собой, ни своим выдуманным двойником, а часто меняет их местами, и, более того, воображаемое я (двойник) постоянно приукрашивается, холится человеком в ущерб настоящему Я».[8]

Человек, облеченный в материальную оболочку – тело, балансирует на грани двух бездн – бездны бесконечности и бездны «небытия».[9] Человек – «*середина между ничто и все*». И единственная надежда, спасение и счастье – «вне нас и внутри».[10] «Царство Божие в нас самих, всеобщее благо в нас самих, оно – и мы сами, и не мы».[11] Исходя из концепции *скрытого бога (deus absconditus)* Паскаль утверждал, что Бог открывается только тем, кто в него верит и любит его. Вера имеет три ступени: *разум, привычку и вдохновение.* Первые две не ведут к подлинной вере, вдохновение же является экзистенциальным, личностно-интимным общением с Богом. Ведь, согласно Паскалю, человек познает истину не разумом, но также и сердцем. Более того, у сердца есть свои основания, которых разум не знает. «*Порядок сердца*», интуиция, приобретает у Паскаля сенсуалистический и иррационалистический характер, в отличие от картезианской интеллектуальной интуиции. Человек способен интуитивно «ухватить» относительную истину, абсолютная истина доступна только Богу. И познавая самих себя, человек, пусть и не постигнет истину. Зато он наведет порядок в собственной жизни, а «это для нас самое насущное дело»[12].

Человек, затерянный в глухом чулане вселенной, отведенном ему под жилье (т.е. в зримом мире), и выглядывающий из этого глухого угла, должен начинать с размышлений о себе самом, о своем создателе и о своем конце. И тогда он увидит все «ничтожество» себялюбивого «Я», которое несправедливо по самой своей сути, ибо ставит себя превыше всего и всех и стремится подчинить себе близких.

Выход, предлагаемый Паскалем – в *ненависти к нашему Я*, источнику себялюбия, в «переключении» воли, сердечной привязанности с «ничтожного» Я как объекта высшей любви – на Бога, который поистине «вне нас и внутри». Паскаль трезво оценивает человеческую интенцию любви, направленной прежде всего «на себя, любимого» – то самое *себялюбие, amonte-propre («мы не можем любить то, что вне нас»)*, поэтому нужно любить существо, «которое *было бы в нас и не было бы нами*». А таковым может быть только «всецелое существо» – Царство Божие внутри нас, «Всецелое благо в нас, оно есть мы сами, и оно не есть мы».[13] Средствами «соединения» с

Богом, по мнению Паскаля, выступают *благодать и смирение* (а не природа). Паскаль трезво оценивает претензии человека: «Не достойно Бога соединяться с ничтожным человеком, но нельзя сказать, что достойно Его извлечь человека из ничтожества».[14]

Посредником между познанием Бога и познанием собственного человеческого ничтожества выступает познание Иисуса Христа, ибо познание Бога без познания своего ничтожества приводит к *гордыне*, а познание своего ничтожества без познания Бога приводит к отчаянию. Именно Иисус Христос, который «испытывает *страдание и одиночество в ужасе ночи*»[15] (именно «испытывает», поскольку Иисус терпит и сейчас и будет терпеть крестную муку до конца мира) может быть таковым посредником, поскольку он остается путеводной звездой для человека до конца мира, «источником противоположностей», т.е. амбивалентности человеческой природы, «мессией, попирающим смерть своей смертью».

Блез Паскаль тонко чувствует фальшь *настоящего* человеческого бытия. Собственно «*настоящее*» никогда не бывает нашей целью, замечает Паскаль. «Мы никогда не задерживаемся в настоящем», поскольку настоящее обычно нас ранит, удручает. И прошлое, и настоящее всегда лишь средства, и только будущее – цель. Паскаль не стремится остановить бег времени, он пытается разорвать покров неподлинного бытия (того, что позднее М.Хайдеггер назовет *Dasein*). Паскаль пишет о том, что люди вообще не живут, но лишь собираются жить. «Мы беззаботно мчимся к пропасти, держа перед собой какой-нибудь экран, чтобы ее не видеть».[16]

Паскаль справедливо считает, что смерть должна стать непременным объектом философского и шире – общечеловеческого пристального рассмотрения. Познание самого себя, и вообще бытийствование в «человеческом качестве», по мнению Паскаля, неразрывно связано с глубокой внутренней проработкой, прочувствованием проблемы смерти. Да, смерть неотделима от страха со всеми сопутствующими «атрибутами» страха смерти и вытекающими последствиями, но борение со смертью (и со страхом) есть собственно человеческое предназначение.

Смерть – самое неведомое, но для Паскаля несомненно одно: срок нашей жизни – всего лишь миг, смерть длится вечно, что бы ни ожидало нас после нее.[17] Вечность, несмотря ни на что, существует, и Паскаль приходит к выводу: смерть, которая откроет ее врата и которая грозит людям каждое мгновение, непременно поставит их вскоре перед ужасной неизбежностью либо вечного небытия, либо вечных мучений, а они не знают, что же им уготовано навеки. Таким образом, у Паскаля смерть, вечность, страх увязаны неразрывно в экзистенциальный узел, все эти сопряженности имеют топико-временные параметры – ими пронизан каждый миг человеческой жизни, врата смерти готовы распахнуться «сей момент». И смерть сильна тотальным человеческим неведением о человеческом уделе.

Корень всех наших несчастий Паскаль обнаружил в изначальном экзистенциальном основании человека, ибо «мы слабы, смертны и так несчастны, что для нас нет утешения ни в чем».[18] И вместе с тем Паскаль признает: «Я также не вечен и не бесконечен. Но я вижу ясно, что в природе есть существо необходимое, вечное и бесконечное».[19] Экзистенциальный стержень проходит сквозь человека и сквозь *Богочеловека – Христа*, проблемность человеческого бытия отзывается в судьбе Иисуса.

Выход, найденный Паскалем, как было отмечено выше, – в *ненависти к нашему Я*, источнику себялюбия, в экзистенциальном «переключении» воли, сердечной привязанности с «ничтожного» Я как объекта высшей любви – на Бога, который поистине «вне нас и внутри». И Бог оказывается повелительнее, чем разум, поэтому Паскаль парадоксально (и как притягательно!) отвергает всякие притязания разума на упорядоченность (установление порядка), поскольку порядок умертвит Я – ничтожное и великое, мятущееся и тоскующее, вечно взыскующее Бога. Непонятное, загадочное, хаотичное – закон лучшего бытия, по Паскалю. «Как я люблю видеть этот гордый разум униженным и умоляющим!», восклицает он. Отсюда и вытекало методологическое правило: «Искать, стеная».[20] Прелесть и ужас перед этой бездной лишают человека сна, ведь «*Иисус будет в агонии до конца мира, и нужно не спать*»[21], и, более того, нужно поглупеть, чтобы все самоочевидные истины (знание, разум, добро) были преодолены. Оглупление есть ничто иное как отказ от самочевидности, утверждаемой самодовольным разумом. Это не бунт против рациональности *вообще*, (как подчас приписывается Б. Паскалю – «певцу воинствующей иррациональности»), а протест против самодостаточности резонерствующей рассудочности.

Ненависть к собственному Я, и – как способ экзистенциально-парадоксалистского «лечения» – *оглупление* Я, у Паскаля отличается от стоического умерщвления Я ради самодовления добродетели. Паскаль вместо порядка, единства, гармонии, полученных ценой *умерщвления Я*, выбирает «искание со стенанием», вечное бодрствование. *Бодрствование Я* – и неуверенного, непрочного, покорного Богу, и одновременно мятущегося. Я, которое, всякий раз заново, всегда «*теперь*», континуально, иррационально-непостижимо, тождественно абсурдно балансирует на краю бездны. И сам Паскаль отчаянно смело стремился стать лицом к лицу с Богом. В трактовке Паскаля Иисус обращается к человеку: «Врачи не исцелят тебя – ведь, в конце концов, ты умрешь; но Я тебя исцелю и сделаю тело бессмертным».[22] В предсмертной молитве Паскаль взывал к Богу: «Сделай так, чтобы в этой болезни я сознавал себя как бы умершим, отделенным от мира, лишенным всех предметов моей привязанности, *одиноко предстоящим Тебе*», и как писал Л.Шестов, Бог посылает ему «обращение его сердца», о котором он мечтал.[23] Это и было последнее одиночество, при котором весь «этот» мир – позади, «тот» мир – впереди, а Я – отрешено ...

Блез Паскаль исходит из представления о «прописке» страха (наряду с другими страстями) сугубо в одушевленных предметах. Понимание и прочувствование проблемы страха сопряжено у Паскаля не столько с фиксацией связи страха с одушевленными телами, сколько с интерпретацией христианских догматов в духе экзистенциалистской топологии. Паскаль опирается на библейское предсказание о том, что Мессия придет заключить Новый Завет и поместит закон свой не вовне, но в сердце, и страх свой, бывший снаружи, поместит в самую глубь сердца (*Иер.23:5; Ис.63:16*).[24]

Паскаль уверенно избирает в качестве идеального *страхоборца* Иисуса – великого *страстотерпца*. Иисус, пребывая в сомнении и в страхе смерти, молится о том, чтобы проявилась воля Бога-Отца.

«Но, узнав Его волю, Он идет навстречу ей, чтобы принести Себя в жертву».[25] Поэтому Христос, согласно Паскалю, *испытывающий по сей день (и до конца мира)* страдание и одиночество в ужасе ночи, является примером для верующего человека, который не должен спать в это время.

Паскаль констатирует, что человек находится «в ужасающем неведении» о том, что такое мир, ни что такое я сам, по чьей воле я в этом мире. Человек видит пугающие пространства вселенной, которые его окружают. Но, полагает Паскаль, «нет для человека ничего важнее его участи; нет для него ничего страшнее вечности».[26] Именно смерть открывает врата ужасающей вечности, и угрожает этим каждое мгновение человеческой жизни. Ужас заключается и в сиюминутной возможности смерти (и вечности), и в неизбежности смерти, и в неведении о «содержательном» наполнении экзистенциальной вечности человека – «вечного небытия, вечных мучений». Но Паскаль не был бы Паскалем, если бы он не замахнулся на устои человеческого бытия. Без напряженного постижения собственной участи, преодоления страха смерти, и борения с самой смертью не может состояться подлинно человеческое бытие. Паскаль использует повторяющиеся эпитеты для описания последствий для несведующих о собственной участи, и для характеристики подобной беспечности – *«ужасные последствия», «чудовищная беспечность»*. Можно ли сказать, что Паскаль пугает читателя? Нет, он «всего лишь» экзистенциалистски резюмирует опыты человеческой истории, совершаемой каждый миг.

Отношение собственно к страху у Паскаля продиктовано религиозно-экзистенциальной диалектикой. К «*дурному страху*» Паскаль отнес страх, рожденный сомнением в существовании Бога. Дурной страх сопряжен с отчаянием, ибо «люди боятся Бога, в которого не веруют». «*Благой страх*» – проистекает от веры, он сопряжен с надеждой, ибо рождается из веры, и люди уповают на Бога, в которого веруют. Примером превращения у Паскаля негации страха в его позитивный «оборотень» может служить трансформация искуса из отрицательного момента (угрозы) в побудительный мотив веры. Таким образом, страх признается Паскалем необходимым экзистенциалом человеческого бытийствования.

Паскаль не настаивает на том, что человеку не нужно бояться смерти. Напротив, исходя из экзистенциалистского понимания человеческого бытия, он полагает, что нужно «бояться смерти, будучи вне опасности, а не подвергаясь ей, ибо надо быть человеком».[27] Можно ли говорить о каком-либо *подлинно человеческом* (то есть равняющемся на божественный пример) образце отношений со страхом в трактовке Блеза Паскаля? Сам Паскаль называет его «*благим страхом*», но из контекста понятно, что, по сути, есть то, что в Библии названо Страхом Божьим.

Идеал для Паскаля – это неразрывность и неслиянность умиротворения, радости и страха, рождаемых общением с Богом. Этот идеал воплощен Паскалем в следующей максиме: «Трудитесь для своего спасения со страхом». [28]

Но Паскаль не останавливается на этом, он идет дальше, экзистенциалистски заостряя вопрос о бытии и о его высшем, личностно-трансцендентном смысле. «Те, кто надеется на спасение, счастливы этим, но для них есть словно противовес страх перед адом. У кого больше оснований бояться ада – у того, кто не ведает, существует ад или нет, и твердо знает, что будет проклят, если существует; или у того, кто догадывается, что ад есть, и если так, надеется спастись?»[29] Правда, Паскаль не берет во внимание вариант тех, кто не ведает, существует ад или нет, и при этом не знает (не думает) о проклятии.

Перефразируя Паскаля, можно сказать: Ад один – и для грехов против любви, и для грехов против справедливости.[30]

У нашего современного читателя максима «Трудитесь... со страхом», даже «для своего спасения» вызовет или аллюзии с прошлыми, «советскими» временами, или недоумение, вызванное ложно понятыми принципами «якобы» либералистской свободы. Но следует помнить, что европейская цивилизация строилась не только лютеровскими «кирпичами» (так прославленные М.Вебером), но паскалевскими (как и кьеркегорскими) «цементными растворами». А иначе она развалилась бы как Вавилонская башня. Впрочем, и на нее находятся свои камикадзе а-ля «Бен-Ладен & Со». Но это уже другая история...

[1] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.425. М., 1996,1999. С.119.
[2] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.483 .С.175.
[3] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.379. С.92.
[4] *Паскаль Б.* Мысли. Фр. 397, 416. С.105, 107.
[5] *Паскаль Б.* Мысли. Фр. 379, 416. С.105,107.
[6] Цит. по: *Стрельцова Г.Я.* Блез Паскаль. М., 1979. С.179.
[7] Паскаль Б. Мысли. Фр.139. С.113.
[8] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.147 // Цит.: Суждения и афоризмы / Ф. Ларошфуко, Б. Паскаль, Ж.Лабрюйер. М., 1990. С.198-199.
[9] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.72 // Суждения и афоризмы. С. 163.
[10] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.465 // Суждения и афоризмы. С. 259.
[11] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.485 // Суждения и афоризмы. С.261.
[12] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.66 // Суждения и афоризмы. С.160.
[13] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.485. .С.247.
[14] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.510. С.144.
[15] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.553. С.331. (Выделено –А.Г.).
[16] Паскаль Б. Мысли. Фр.183. С.126.
[17] Там же. Фр. 194. С. 192-193.
[18] *Паскаль Б.* Мысли. Фр. 139. С. 113.
[19] *Паскаль Б.* Мысли. Фр. 469. С.112.
[20] Цит. по: *Шестов Л.* На весах Иова. // Соч. Т.2. М., 1993. С.286, 305.
[21] Цит. по: *Бердяев Н.А.* Древо жизни и древо познания // Путь. № 18. 1928. С.105. (Ср.: "*Иисус будет терпеть крестную муку до конца мира. Нельзя спать в это время*". *Паскаль Б.* Мысли. (в пер. Ю.Гинзбург). М., 1999. С.331).
[22] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.553, 791. С.333.
[23] Цит. по: *Шестов Л.* Т.2. С.323.
[24] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.735. С.171.
[25] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.919. С.331.
[26] *Паскаль Б.* Мысли. С.193.
[27] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.215. С.274.
[28] *Паскаль Б.* Мысли. Фр.514. С.361.
[29] Там же. Фр.239. С.281.
[30] Там же. Фр.961.С.325.

ГЕГЕЛЬ И ВОСТОК

А.А. Александров

А.А. Александров, начальник управления внутренней политики администрации губернатора Свердловской области, доцент, кандидат философских наук

В рамках гегелевского творчества восточное сознание не являлось предметом больших самостоятельных произведений. Тем не менее, посвящая свои труды философии истории и истории философии, Гегель не мог обойти вниманием такую тему, как Восток.

Так, в «Философии истории» одну из глав произведения он называет «Магометантство» и посвящает анализу восточного сознания.

Гегель отмечает, что «в то время как ... европейский мир принимает новую форму, народы поселяются в нем, чтобы создать всесторонне развитый мир свободной действительности; они начинают свою деятельность с того, что определяют все отношения, как партикулярные и со смутным несвободным чувством обращают в множество случайных зависимостей то, что по природе своей должно быть всеобщим ... одном словом, в то время, как на Западе начинает господствовать случайность, сложные отношения и партикуляризм, – в мире должно было обнаружиться противоположное стремление к интегрированию целого, и это произошло в совершившейся на Востоке революции. Эта революция уничтожила всякий партикуляризм и всякую зависимость, а также просветила и вполне очистила душу, она сделала лишь абстрактно Единого абсолютным предметом»[1].

Гегель, таким образом, обращает внимание на то, что исторический вектор развития восточного сознания оказался во многом противоположен своему европейскому «аналогу». Восточное сознание акцентрированно ориентировано на поиск целостности и единства.

Эту целостность оно нашло в Аллахе. Причем восточное сознание оградило свою истину от всякого проникновения уничтожающего влияния эмпирии. Гегель обращает внимание на то, что «предмет поклонения магометан чисто интеллектуален, Аллаха нельзя ни изображать, ни представлять»[2]. Тем самым высшее сущее восточного сознания вынесено из мира в некое совершенно иное пространство, где оно всегда сохраняет неизменность и неподверженность любым земным стихиям.

Гегель обращает внимание, что «магометанская религия возникла у арабов; здесь дух совершенно прост, и здесь распространена склонность к бесформенному, потому что в этих пустынях нет ничего такого, что могло бы быть формируемо»[3]. Сама пространственная природа аравийских пустынь предрасполагала к тому, чтобы религиозный идеал Востока сложился как в высшей степени абстрактный и отстраненный.

Все земное существование восточного сознания подчинено его религиозному идеалу. «Поклонение Единому есть единственная конечная цель магометантства, и содержанием деятельности для субъективности являются лишь это поклонение и намерение покорить Единому мирское»[4], – указывает Гегель.

Жизнь данного сознания сопряжена с рисками, причем не только для него самого, но и для окружающих. Принципом данного сознания Гегель называет «la religion et la terreur»[5] (религия и террор). Это сознание неизбежно «выплескивается» вовне, выплескивается в форме экспансии, в ходе которой оно стремится весь мир подчинить своему идеалу. Гегель приводит характерный исторический пример. Когда Омар уничтожал великую александрийскую библиотеку, он сказал: или в этих книгах содержится то же самое, что и в Коране, или их содержание оказывается иным; и в том, и в другом случае они излишни[6].

Гегель обращает внимание на то, что в восточном сознании индивидуальное и всеобщее не просто тесно связаны, а близки к тождеству. «В то время, как у европейцев существует множество отношений и они представляют собой комплекс сложнейших отношений, в магометантстве индивидуум оказывается лишь этим индивидуумом и притом в превосходной степени, жестоким – коварным, храбрым, великодушным в высшей степени»[7]. Включенность индивида в социальное действие осуществляется на повышенном уровне энергетики; индивид готов к реализации социальных целей, не отличает себя от социума, с которым он связан общей религией и целью.

В целом, отношение Гегеля к восточному сознанию было противоречивым. С одной стороны, он считал его застывшим в «покое и неподвижности»[8], с другой стороны, в полной мере воспринимал в своей философии восточное стремление к интегративности и целостности. Фактически вся гегелевская философия выполнена как единая картина мира, в которой акцент сделан не на партикуляризм, а именно на целостный взгляд на природу мира. В данном гегелевском подходе, несомненно, сказались те идеи и уроки, которые философ воспринял в ходе изучения всемирной истории, в т.ч. истории восточного сознания.

[1] Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.8. Философия истории. М.-Л., 1935. С.335.
[2] Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.8. Философия истории. М.-Л., 1935. С.336.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. С.337.
[6] См.: Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.8. Философия истории. М.-Л., 1935. С.338.
[7] Там же.
[8] Там же. С.339.

КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ КРАУЗЕ

Е.Н. Алдашова

Е.Н. Алдашова, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Башкирского института развития образования, кандидат исторических наук

С Уфой были связаны имена многих известных ученых. Одним из них был Константин Павлович Краузе. Его отец – Павел Федорович Краузе до 1865 г. проживал в Лепельском уезде Рижской губернии, откуда был выслан за участие в крестьянских волнениях и до конца своих дней состоял на учете в полиции[1]. Будучи агрономом по образованию, он с семьей обосновался в селе Ржавец Калужской губернии, где в 1877 г. родился К.П. Краузе. Закончив классическую гимназию в г. Калуге, К.П. Краузе в 1898 г. поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Он проучился 6 лет, так как в 1901/1902 учебном году принимал участие в студенческих беспорядках, за что и был исключен из университета с последующим восстановлением.

После окончания университета К.П.Краузе заявляет о своем желании работать в провинции. Это было достаточно неожиданным решением, так как он за время учебы проявил себя с лучшей стороны, являлся учеником известного ученого, физика, профессора О.Д. Хвольсона, много работал в лабораториях Физического института. Его выбор выпал на Уфимскую губернию. Центр губернии – г. Уфа и уездные города имели значительную прослойку лиц, занимавшихся интеллектуальным трудом (адвокаты, педагоги, врачи), а также чиновников различных ведомств. Можно говорить также и о значительном проценте дворянства среди жителей города[2].

Хотя Уфимская губерния была местом ссыл-

ки политзаключенных, это не свидетельствует о высоком уровне революционного движения на территории губернии в этот период, так как связь объединенной Уфимской организации РСДРП с Центральным большевистским комитетом была слабой[3]. То же касалось и деятельности других партий.

Вполне возможно, что К.П. Краузе являлся сторонником или членом одной из революционных партий, и с этим был связан его выбор будущего места работы.

В августе 1905 г. он был назначен преподавателем физики, математики и космографии II женской гимназии, в которой проработал 14 лет[4]. В 1908 г. при гимназии было организовано Общество по изучению края в естественнонаучном плане, имевшее связи с Санкт-Петербургским обществом по распространению естественно – научных знаний и Уральским обществом любителей естествознания. В 1909 г. был открыт Уфимский учительский институт, занимавшийся подготовкой педагогического персонала для высших начальных училищ Оренбургского учебного округа[5]. Центр находился в г. Уфе, в сферу обслуживания включались Оренбургская, Пермская и Уфимская губернии, а также Тургайская и Уральская области.

Организация Уфимского института и создания Общества по изучению края в естественнонаучном плане сыграли значительную роль в формировании будущих региональных научных и педагогических кадров в 20-х – начале 30-х гг. XX в.

Во время работы во II Женской гимназии К.П. Краузе приходилось много бывать как в Москве, так и в Петербурге. Так, в 1911 г. он принимал участие в работе II Менделеевского съезда по прикладной физике и химии, проходившего в Петербурге. В 1916 г. в течение 4 месяцев он находился на курсах преподавателей средних школ при Педагогическом институте в Москве.

Общественно-политическая жизнь в Уфе не могла не затронуть К.П. Краузе. В период между февралем и октябрем 1917 г. К.П. Краузе стал членом Уфимского общественного комитета. В частности, известно, что он принимал участие в снятии руководителей губернского учебного округа, «принципиально враждебных началам свободной государственности и свободной школы»[6]. Это событие относилось к концу марта – апрелю 1917 г. В 1918 г. К.П. Краузе на два года был избран Председателем Педагогического совета IV Советской объединенной (I и II ступени) школы (бывшей II Женской гимназии). В этом же году он стал членом Уфимского губернского комитета по народному образованию, а в октябре 1919 г. его избирают членом комиссии ГубОНО по преобразованию Уфимского учительского института[7]. При его участии были созданы Уфимский физический институт, директором которого он

являлся с 1 октября 1919 г., и Институт народного образования[8]. Таким образом, деятельность К.П. Краузе необходимо считать достаточно значимой: в губернии возникли два учреждения в области науки и педагогики и оба эти учреждения стали определяющими в научной и педагогической деятельности в Башкирии.

Период гражданской войны не только в масштабах Уфимской губернии, но и в целом по России, был периодом радикальной смены власти. Для данных мероприятий требовалось нечто большее, чем признание и сотрудничество с Советской властью. Можно сопоставить следующие факты. На IV съезде Советов Уфимской губернии, проходившем 1-4 июня 1918 г. в г. Уфе, было принято решение о составлении списков лиц – кандидатов в заложники, которые своей жизнью должны были обеспечить безопасность отступающей Красной Армии[9]. В сохранившемся списке уфимских заложников под №№ 19 и 29 значились Ница Александр Федорович – владелец и директор II Женской гимназии и Хитровская Софья Павловна – совладелица этой же гимназии[10]. Какая судьба постигла заложников – общеизвестный факт.

Естественно, что данные лица могли оказаться в списке по доносу любого жителя города. Однако, действительность такова, что падение одних обеспечивает взлет других. Нелояльность «старых» членов общества сменяется доверием и поддержкой новых членов. Можно предположить, что К.П. Краузе верил в реальность преобразования государства при новой власти. Реальность изменений он связывал с деятельностью двух учреждений: Уфимского физического института (УФИ) и Института народного образования (ИНО). Огромное значение для К.П. Краузе имело сотрудничество с будущим профессором, заведующим сектором физиологии нервной деятельности Государственного НИИ мозга им. В.М. Бехтерева (г. Ленинград) Л.Л. Васильевым. В мае 1921 г. при УФИ был открыт Институт опытных наук (ИОН), находившийся на самостоятельном финансировании, фактически же он зависел от УФИ[11]. В студии экспериментальной биологии под руководством Л.Л. Васильева изучались физико-химические основы физиологических процессов (возбуждение, торможение, сокращение), а также проблемы гипноза и физиология трудового процесса[12]. Исследовалось также влияние ощущений на мускульную силу. Процессы торможения и возбуждения Л.Л. Васильев и К.П. Краузе изучались путем постановки опытов по воздействию магнитного поля на мозг человека. Данные эксперименты, а также работы в области гипноза, ставились на пациентах психиатрической больницы г. Уфы[13]. Интерес вызывает вопрос об объектах данных опытов. Однако, ответ на этот вопрос пока не получен. Данные исследования продолжались до сентября 1921 г., когда Л.Л. Васильев стал научным сотрудником психологической лаборатории психоневрологического института в г. Петрограде. В декабре 1921 г. он пишет письмо к К.П. Краузе. Беспокоясь о судьбе института, ученый предлагает новую тему – передача мысли на расстояние. Участвовать в этой работе должны были «оккультивисты» – Ф.С. Рубецкой, А.Н. Тихомиров и А.И. Гадбельский[14]. Далее Л.Л. Васильев жалуется, что ему «никто не пишет» (из сотрудников УФИ и ИОН. – *А.Е.*), поэтому он считает, что Физический институт закрыли[15]. Таким образом, деятельность ИОН была необходима новой власти. Институт выполнил необходимые задачи в течение шести месяцев. При создании благоприятных условий для данной работы в Петрограде, ИОН прекращает свое существование. Письмо Л.Л. Васильева свидетельствует о сложности и непостоянном положении УФИ. Пожалуй, это единственное свидетельство о том, что деятельность института не совсем соответствовала установкам новой власти. Видимо, К.П. Краузе вынужден был искать «точку опоры», соответствовать новым порядкам и требованиям. Газетные публикации 20-х гг. XX в. свидетельствуют о достаточно значимой оценке деятельности УФИ. Это – и организация научно-популярных лекций по астрономии для населения, установка телескопа с целью изучения небесных светил, организация 24 августа 1924 г. Биологической и Геологической станций для школьников и студентов ИНО в целях изучения родного края[16]. О научно-исследовательской работе УФИ подробно написано в статье Ю.В. Ергина[17]. Необходимость института, его целенаправленная работа по организации занятий по физике и химии на базе существующих отделений УФИ получают высокую оценку научных кругов Москвы и Петрограда. О его деятельности писал известный ученый, основатель школы физиков Ленинградского университета, профессор О.Д. Хвольсон, а также профессор Ленинградского университета Б.А. Федченко. Их высказывания о результативности института и его руководителе К.П. Краузе публиковались в местной печати. Все это помогало ученому, подчеркивало значимость его работ, создавало востребованность для дальнейшей деятельности.

УФИ просуществовал до 1937 г., когда отпала острая необходимость в его работе. К.П. Краузе были созданы кафедры физики практически во всех вузах БАССР, имелись подготовленные кадры в области преподавания естественных наук, прежде всего физики, химии и математики. Основа новой образовательной системы была создана, а ее развитие могло осуществляться и без деятельности УФИ.

К.П. Краузе преподавал на кафедре физики Башсельхозинститута, уделял внимание общественной деятельности. В годы Великой Отечественной войны он оказывал помощь в решении многих проблем оборонного назначения подразделениям Академии наук УССР, эвакуированной в Уфу. В истории науки и образования Башкортостана К.П. Краузе был и остается выдающимся ученым и общественным деятелем. Его позиция складывалась под влиянием тоталитарной системы, когда жизненные принципы человека оказывались под жестким контролем государства.

[1] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИА РБ). Ф. 2875. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.
[3] Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. С. 29.
[4] Кучкин А.П. Путь к Октябрю. //За власть Советов. Уфа, 1961. С. 19.
[5] ЦГИА РБ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.
[6] Алдашова Е.Н. Первый педагогический институт Республики Башкортостан в 20-е годы XX века. // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы. Материалы научно-методической кон-

ференции. Омск, 2000. С. 204.
[7] ЦГИА РБ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 151. Л. 3-4.
[8] Алдашова Е.Н. Первый педагогический институт... С. 205.
[9] Егоров А.В. Уфимские заложники. //Башкирский край. Выпуск 5. Уфа, 1994. С. 88.
[10] Там же. С. 97.
[11] ЦГИА РБ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 61. Л. 76.
[12] Ямалов М.Б., Алдашова Е.Н. Из истории формирования деятельности первых научно-исследовательских учреждений Башкортостана. //Вестник АН РБ. 2001. Т. 6. № 4. С. 60.
[13] Там же.
[14] Там же. С. 61.
[15] ЦГИА РБ. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.
[16] Там же. Д. 53. Л. 9, 20.
[17] Ергин Ю.В. Один из первых физических институтов в России. //Вестник АН РБ. 1996. Т. 1. №№ 3-4. С. 41-47.

ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ ГОРЧАКОВСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

Т.Л. Боровкова
В.Н. Зуева

Павел Леонидович Горчаковский –эколог, чл.-корр. РАН (1990), доктор биологических наук (1953),профессор (1954), академик РАН (1994), Заслуженный деятель науки РСФСР (1981). Родился в семье служащего (03.01.1920, Красноярск).Окончил Сибирский лесотехнический институт (1940). В 1945-58 гг. – заведующий кафедрой УЛТИ; в1958-88гг. – заведующий лабораторией Института экологии растений и животных УФАН СССР, УНЦ АН СССР, УрО РАН, с 1989 г. – главный научный сотрудник.

Горчаковский – автор более 400 публикаций, в т.ч. 12 монографий по вопросам геоботаники, экологии растений, исторической фитогеографии, растительного мира Урала и его охраны. Под руководством Горчаковского подготовлено шесть докторов и более пятидесяти кандидатов биологических наук

Горчаковский – почетный член Российского ботанического общества, ботанических обществ Чехии и Словакии, Международного союза фитоценологов (Германия), ассоциации франкоязычных фитоценологов (Франция). В его честь названа одна из вершин Приполярного Урала и три новых для науки вида растений (астрагал, манжетка, ястребинка). Награжден орденом Почета.

Павел Леонидович – крупнейший специалист в области экологии растений и геоботаники. Выявление соотношения природных и антропогенных причин изменений, происходящих в растительном мире – важнейшая задача исследований ученого. Для того, чтобы оценить масштабы антропоморфной трансформации природных систем, в частности фитосферы, необходимо знать, каковы закономерности формирования и распределения растительного покрова нашей планеты. Достоверное значение нынешнего состояния растительного мира позволяет предвидеть его будущее и дает ответ на вопрос: «Способна ли природа собственными силами компенсировать вред, наносимый человеком.» Однако существуют пределы приспособляемости. Павлом Леонидовичем разработаны теоретические основы и методики мониторинга растительного покрова–постоянной службы наблюдения за его состоянием. Организация фитомониторинга дает возможность предотвратить многие негативные последствия хозяйственной деятельности человека. В результате многолетнего труда совместно с учеными–зоологами под руководством Горчаковского были подготовлены и опубликованы «Красная книга Среднего Урала» и «Определитель растений Среднего Урала». Каждый из биологов очень дорожит летними месяцами, когда стены Института Экологии растений и животных УрО РАН бесконечно раздвигаются и исследователей природы можно встретить в самых неожиданных уголках страны.

Т.Л. Боровкова, доцент кафедры естественно-научного образования ИРРО, кандидат медицинских наук

В.Н. Зуева, доцент кафедры естественно-научного образования ИРРО, кандидат биологических наук

Не менее увлекательная проблема, над которой работали сотрудники под руководством Павла Леонидовича – изучение растительности Уральской Горной Страны. Уникальность растительного мира этого региона обусловлена его географическим положением на рубеже Европы и Азии, протяженностью от арктической тундры до полупустыни, особенностями геологической истории, воздействием оледенения. Здесь сходились волны передвижения растений из Европы, Сибири, Арктики. В истории Земли были не только великие переселения народов, но и великие переселения растений. Горчаковский – автор оригинальной концепции структуры и хронологии растительного покрова Уральской горной страны, его динамики под влиянием природных и антропогенных факторов. Ранее ботаники полагали, что флора Урала – это комбинация растений европейского происхождения. На основе анализа эндемиков и реликтов Павлу Леонидовичу удалось представить Уральскую горную страну как центр видообразования в растительном мире. Именно эндемики – растения, встречающиеся только в пределах определенной территории, символ флоры того или иного региона.

В результате многолетних экспедиций охватывающих всю территорию уральского региона была подготовлена карта растительности европейской части и нечерноземной зоны Российской Федерации, включая Урал.

Под руководством Павла Леонидовича коллектив картографов работал по подготовке карты растительности Европы. Специалисты многих стран создавали ее более десяти лет, поскольку необходимо было согласовать существенно различающиеся методики и подходы европейских и отечественных ученых. Карта была издана в Германии.

По результатам научного труда сотрудников лаборатории Павла Леонидовича Горчаковского на тему «влияние человека на горные экосистемы» были разработаны рекомендации по оптимальным нагрузкам, которые обеспечивают равновесие экосистем к нормам рационального природопользования. За эти разработки награждены бронзовыми медалями ВДНХ руководитель лаборатории П.Л. Горчаковский, кандидаты биол. наук С.Г. Шиятов, Н.И. Андрияшкина, В.П. Коробейникова; младший научный сотрудник В.Н. Зуева – за выявление основных закономерностей изменения растительного покрова под влиянием деятельности человека, оценку экологических последствий этих изменений и за разработку методики оценки степени антропогенной деградации растительных сообществ по доле участия сопутствующих человеку видов растений.

Большое участие сотрудники лаборатории приняли в Международной программе научных исследований «Человек и биосфера» цель которой разработать научные основы рационального использования и сохранения природных ресурсов, систематическая наблюдение за изменениями, происходящими в биосфере, изучение взаимоотношений человека и окружающей среды, прогнозирование последствий хозяйственной деятельности людей. Были изучены последствия антропогенного влияния на горные системы.

В содружестве с Институтом «Уралгипрозем» проведена классификация лугов в Красноуфимском, Каменском, Ирбитском и Камышловском районах Свердловской области канд. биол. наук А.В. Абрамчук . Прямой выход в практику имела работа по составлению карты ресурсов лекарственных, пищевых и технических растений области, выполненная учениками Горчаковского: канд. биол. наук Н.Д. Мигель и В.Н. Зуевой. В районе Губерлинских гор, где разводится особая оренбургская порода коз, из шерсти которых изготавливают знаменитые пуховые платки сотрудник института М.Л. Морозова провела работы по рациональному использованию степных пастбищ и поиску путей их восстановления.

В монографии «Редкие и исчезающие растения Урала» П.Л. Горчаковского и Е.А. Шурова представлены результаты многочисленных исследований и ряда летних экспедиций.

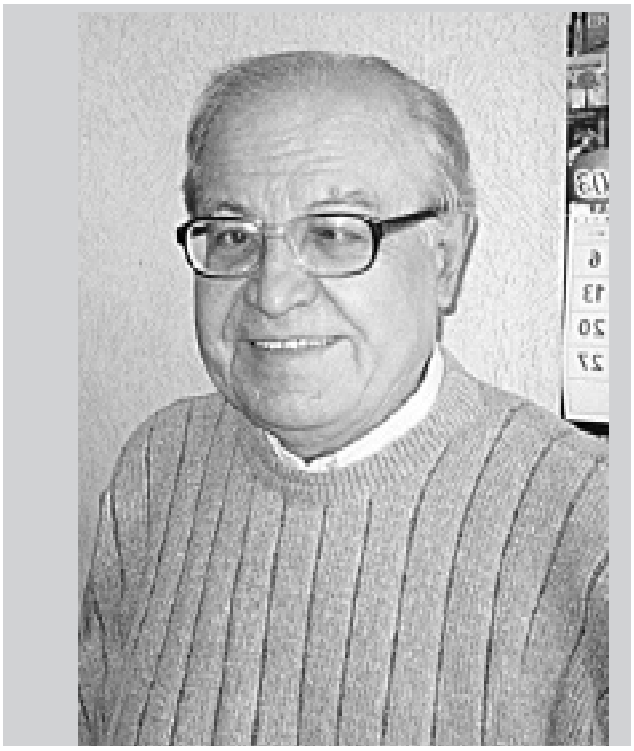
Многочисленные ученики и сотрудники Павла Леонидовича высоко оценивают одержимость творчеством, справедливость, строгость и мягкость, требовательность, сочетающуюся со способностью понимать людей – отличительные черты главного научного сотрудника института. Коллеги вспоминают, что Павел Леонидович приводил им в качестве примера слова Н.В. Тимофеева-Ресовского: « Если коллектив лаборатории без указаний сверху не знает, чем ему заняться, такую лабораторию надо немедленно разогнать». Большинство сотрудников современной лаборатории и охраны современного мира – ученики П.Л. Горчаковского. Подготовленные Павлом Леонидовичем ученые работают от Таллина до Магадана. В год юбилея института экологии Растений и животных УрО РАН – наши наилучшие пожелания Павлу Леонидовичу: здоровья, творческих удач и открытий.

«ФИЛОСОФИЯ — ЭТО МЫШЛЕНИЕ НА ПРЕДЕЛЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ!»

Интервью с Владиславом Александровичем Лекторским

И.Б. Фан

Материал опубликован при поддержке РГНФ: грант №04-03-83307 а/у



культурной «опосредствованности» как особенности познавательной деятельности; о взаимосвязи сознания внешнего объекта и самосознания субъекта в разнообразных формах вплоть до высших форм рефлексии; о существовании субъективной и объективной рефлексии; обоснование взаимосвязи и взаимопереходов рефлективных и нерефлективых измерений познавательной деятельности. В своих «мета-эпистемологических исследованиях» он развил социокультурную интерпретацию эпистемологии. В последние годы в центре его интересов проблемы теории сознания, связи деятельности и коммуникации, судьбы человека и его субъективности в «цивилизации знаний», типов рациональности, неклассической эпистемологии.

Свыше пятнадцати лет (заметим, особых лет в истории страны и отечественной философии) В.А. Лекторский — главный редактор журнала «Вопросы философии». С 1988 по 2003 гг. — член совета директоров Международной федерации философских обществ. В 1993-1998гг. был вице-президентом этой федерации. С 1990 г. — член руководства Международного общества по теории деятельности. С 2001 г. — член Международного Института философии (Париж). В.А. Лекторский неоднократно выступал на международных симпозиумах и конгрессах. Он пользуется признанием и авторитетом среди самых знаменитых современных философов — П. Рикера, Ю. Хабермаса, многих других.

Всесторонняя научная, преподавательская, организаторская деятельность В.А. Лекторского включает и контакты с философской общественностью многих регионов страны, в том числе и Екатеринбурга. Он активен и открыт новым идеям, философам, общению.

— Уважаемый Владислав Александрович, расскажите, как Вы пришли в философию и что повлияло на ваше профессиональное становление?

— Я решил поступать на философский факультет буквально за два месяца до окончания 10-го класса средней школы. Заканчивал школу я в 1950 г.. Я учился в хорошей школе, где работали прекрасные учителя. У нас преподавала жена известного историка С.Д. Сказкина, сама прекрасный историк. Под влиянием чтения Белинского, Писарева, Герцена, Чернышевского, во мне пробудился интерес к философии. Но в то же время я увлекался историей. Сначала хотел поступать на исторический факультет МГУ, даже ходил

Для российских и зарубежных специалистов в области теории познания, философии науки, философии психологии и смежной проблематики, книги и статьи В. А. Лекторского — необходимый и авторитетный источник знаний и творчества. Без опоры на них невозможно представить ни одно серьезное исследование в этой области. Несколько поколений философов — соискателей, аспирантов, студентов, преподавателей, учатся и учат других на основе его оригинальных идей и концепций.

Владислав Александрович Лекторский, — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования, с 1969 г. возглавляет отдел теории познания Института философии АН СССР (ныне РАН), с 1998 г. — заведующий Отделом эпистемологии и логики. Он — автор более 400 публикаций, из них 4 монографии. Многие из его работ переведены на английский, немецкий, французский, польский, чешский и другие языки.

В произведениях В.А. Лекторского развивается концепция деятельностного и культурно-исторического анализа познания. Оригинальным вкладом в науку стали многие идеи В.А. Лекторского: о специфически социально-

на истфак в День открытых дверей. За несколько месяцев до поступления, в процессе чтения естественно-научной и философской литературы (А. Эйнштейна, немного Гегеля) и общения с моим одноклассником и другом Г. Батищевым, увлекавшимся философией, после некоторых раздумий, я решил, что все-таки философия -именно то, что мне нужно.. Поскольку я окончил школу с золотой медалью, вместо вступительных экзаменов я прошел собеседование. С началом учебы на философском факультете все представлялось мне интересным и удивительным. Но постепенно какие-то вещи стали казаться странными, а что-то даже отталкивало. Скажем, биологию у нас преподавал некто Дворянкин. Вслед за своим учителем Т.Д. Лысенко он шельмовал западных и отечественных генетиков, и я со временем разочаровался в его лекциях, поскольку начинал понимать, что А. Вейсман – отнюдь не идиот. Даже в это время интереснейшие лекции у нас были по истории философии, просто блестящие лекции по психологии нам читал П.Я.Гальперин.

На третьем-четвертом курсе у меня утвердился устойчивый интерес к философии, появилась определенность в научных пристрастиях. Это было связано с деятельностью Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева, которые предложили философской общественности новые идеи и проблематику. Я понял, философия может быть чрезвычайно интересной. С тех пор и в течение последующей жизни я занимался анализом науки, проблематикой теории познания.

На мое самоопределение косвенно влияла и идеологическая ситуация в стране. Если бы Сталин был жив, вряд ли бы произошли такие изменения. В 1954 г. Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев только что опубликовали свои кандидатские диссертации. Оба занимались одной темой: «Анализ метода восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса», но решение общей для них проблемы они представили в двух разных философско-логических программах. Вокруг них сформировалось две школы, две группы учеников. Я был старостой спецсеминара, работавшего под руководством Э.В. Ильенкова. В свете анализа «Капитала» мы реконструировали проблематику теории познания. Эта работа и дала толчок моим собственным исследованиям. Некоторые из идей Э.В.Ильенкова я пытался развивать самостоятельно, потом я переосмыслил некоторые из его идей.

В 1957 г. я поступил в аспирантуру Института философии АН СССР. В это время философы интенсивно изучали проблемы мышления, теории познания, логики, осваивали традиции немецкой философии, штудировали И. Канта, Г. Гегеля, контактировали с математиками, психологами. В психологии шла интенсивная работа, связанная с психологическим анализом мышления. Издавались философско-психологические книги, в частности работы Л.С. Выготского. В философии в 1960 – 1970-е годы шел своего рода «бум» исследований в области логики, методологии и теории познания. Появилась масса новых идей. В этом контексте я и развивался как философ. Я открыл для себя символическую логику, изучил историю логики, труды представителей западной аналитической философии. Но и у нас были выдающиеся исследователи в области логики, например, В.А. Смирнов.

В 1953 г. в Москву в Институт философии был приглашен грузинский философ К.С. Бакрадзе. Он читал курс лекций по новейшей западной философии – феноменологии, неокантианству и другим направлениям. К.С.Бакрадзе в 1920-е годы десять лет учился в Германии, слушал лекции Э. Гуссерля. Идеи, с которыми он нас знакомил, были открытием для того времени. Это сейчас они считаются сами собой разумеющимися. Но в советской науке считалось, что после К. Маркса ничего хорошего в философии не было создано, и создано быть не могло. К.С.Бакрадзе детально анализировал тексты Г.Когена, П. Наторпа, Э. Кассирера, Э. Гуссерля, пытаясь не только понять их, но и развивать их идеи. Так мы пришли к осознанию того, что заниматься философией на современном уровне невозможно без знания и понимания западной философии конца XIX – начала XX вв., того периода в истории западной философии, который казался выпавшим из истории философии для советской науки. Я стал серьезно изучать современную аналитическую философию (работы Б.Рассела, Л.Витгенштейна, Р.Карнапа, Г.Райла и др.). Изучение этих философов оказало существенное влияние на мое философское становление.

— Как бы Вы охарактеризовали нынешнюю теоретическую ситуацию в философских науках на Западе?

— Тема эта необъятная, но можно выделить несколько важных моментов. В современной зарубежной философии происходят интересные явления. Во-первых, резкое разделение на те школы и направления, к которому мы привыкли, уходит в прошлое. Например, аналитическая философия. Центром ее развития были Англия и США. Влиятельной она была и в Скандинавии – Швеции, Финляндии, а также в Австралии и Новой Зеландии.

Но в континентальной философии превалировали другие течения. В Австрии и Германии работали отдельные представители аналитической философии, но они эмигрировали в США. В последние десятилетия XX в. в Европе аналитическая философия не пользовалась популярностью, хотя исторически зародилась там. В послевоенные годы в Европе, особенно во Франции и Германии, стали влиятельными экзистенциализм, феноменология, герменевтика, потом структурализм (во Франции) и постструктурализм. В Англии и США эти течения не были популярными. Между аналитической философией и этими направлениями взаимодействия не происходило. Но в последние пятнадцать – двадцать лет ситуация изменилась. Началось интенсивное взаимодействие между разными философскими направлениями. Аналитическая философия открылась для феноменологии, в них появилась общая проблематика. Примером могут служить исследования норвежского философа, логика Д. Фолесдаля или же швейцарского философа Г.Кюнга.

То же самое происходит и с герменевтикой. Аналитическая философия повлияла на немецкого философа К.-О. Аппеля. Его концепция стала возможной благодаря тому, что он синтезировал традиции немецкой философии и идеи американского прагматизма. Ю. Хабермас – еще один пример. При разработке собственной оригинальной концепции он использовал некоторые идеи

англо-американской аналитической философии. Другой популярный сейчас философ – П. Рикер, феноменолог, специалист по герменевтике, в то же время является знатоком аналитической философии. Что касается постструктурализма в его постмодернистской версии, то он не принимается аналитической философией. Между ними существует, скорее отторжение, чем взаимодействие. Хотя некоторые авторы (например, американский философ Р.Рорти) пытаются интерпретировать постмодернизм в духе неопрагматизма.

Второй момент. Сейчас происходит своего рода «обмирщение» философии. Возможно, это не совсем точный термин, постараюсь пояснить свою позицию. Философия всегда была и воспринималась как форма очень высокой культуры, имеющей дело с абстракциями высшего порядка. Это рефлексия над всеми формами культуры – наукой, нравственностью, искусством, религией, над человеческой жизнью в целом. Философия имела дело с анализом оснований познания, не совпадая при этом с наукой.. В XX веке на Западе, с одной стороны, философы стали более тесно взаимодействовать со специальными дисциплинами – математикой, физикой, с другой ученые (В. Гейзенберг, Н. Бор, А. Эйнштейн) начали обращаться к философской теории познания и даже писать философские книги. Актуальной проблемой стал анализ оснований математики, физики, других естественных наук, причем данные проблемы оказались одновременно и предметом философского размышления, и частью математики, физики и других наук. Сто или двести лет назад такое не очень практиковалось.

Сейчас наступает этап взаимодействия философии и ряда наук о человеке, которые приобретают новый смысл и значение. До недавних пор лишь естествознание считалось собственно наукой. Словом «наука» не называли отрасли гуманитарного знания. Теперь есть такой термин – Human sciences, гуманитарные науки. Именно в этой сфере начинается новый этап развития, связанный с новым уровнем взаимодействия между антропологией, психологией, социологией, историей, лингвистикой и т.д. Одновременно идет всплеск интереса к философии. Возьмем, к примеру, психологию. Поначалу, отпочковавшись от философии и оформившись в качестве самостоятельной науки, психология была наукой экспериментальной, образованной по типу естественных наук.. Начиная с того времени, психология долго развивалась в оппозиции к философии. Примером может служить бихевиоризм. Но такая направленность развития психологии уже в прошлом. Сейчас признано, что она – не только естественная наука. Главным для психологов становится понимание смыслов, которые человек вкладывает в свои действия, а не изучение исключительно поведения, реакций на какие-то внешние стимулы. Центральным становится анализ смысловых структур, анализ сознания, мышления.

В современной психологии существуют два направления. Первое – когнитивная психология, центральной ее проблемой является проблема ментальных репрезентаций реальности, проблема смысла, значения этих репрезентаций. В связи с этим психологи обратились к философской традиции, в частности, к традициям аналитической философии, феноменологии. Второе направление представлено культурно-исторической школой, изучающей проблемы взаимоотношения культуры, деятельности и личности. Для этого направления проблема смысла, проблема сознания, проблема субъективности в центре внимания. А это все философские проблемы. Таким образом, теоретическая психология сегодня все больше философствует. То же самое можно сказать о ситуации в социологии:. Ю. Хабермас, например, одновременно и социолог, и философ. На мой взгляд, речь идет о каком-то новом этапе в развитии гуманитарных наук и философии. Философия стала практически востребованной.

Получило развитие то направление современной философии, которое на Западе называют «прикладной философией». На первый план выдвигается этическая проблематика и связанные с ней темы. Бурно развивается политическая философия.. Есть некоторые политические партии, программы которых основаны на идеях К. Поппера, а ведь он философ-теоретик. Ю. Хабермас является советником Шмидта, нынешнего канцлера Германии.

В США развивается когнитивная наука, cognitive science. Это попытка некоторой интеграции ряда наук – психологии, лингвистики, математики, с одной стороны, и философии, с другой. Многие философы Америки работают в лабораториях, разрабатывающих проблематику искусственного интеллекта. Специалисты по искусственному интеллекту создают программы его конструирования. Перед ними стоит задача приблизить искусственный интеллект к естественному, человеческому, но для этого необходимо задать некий образ человеческого мышления и образ той реальности, с которой имеет дело познающий человек. Разрабатывающаяся в связи с исследованием проблематики искусственного интеллекта т.н. формальная онтология использует идеи философской метафизики, в частности, работы Н. Гартмана, У. Уайтхеда и др.

— А что Вы можете сказать о современной философии Востока?

— В отличие от западной философии с восточной я знаком очень поверхностно. Хотя что-то читал из современных восточных авторов, что-то узнал после посещения Китая и Южной Кореи.

В Китае я был два раза, при этом первый раз (в 1988тг.) провел там целый месяц, читал лекции, а второй раз был относительно недавно, спустя 14 лет после первого посещения. У меня немало друзей среди китайских философов. Сегодня в Китае довольно интересная философская ситуация.

Официальная идеология Китая – марксизм-ленинизм в определенной интерпретации. Но фактически среди китайских философов есть и сторонники аналитической философии, и феноменологии. Существует интерес к русской философии (в частности, к В.Соловьеву, Н.Бердяеву), к истории советской философии (публикуются работы, посвященные Б.М.Кедрову, И.Т.Фролову и др.). Китайские философы могут писать свои работы в духе разных философских направлений и публиковать их. Это не возбраняется. Нельзя только критиковать политику коммунистической партии. В 2002 г. я участвовал в Пекине в международной конференции. Среди докладчиков было примерно 6 китайцев. Все они прекрасно говорили по-английски.

Два доклада были сделаны в духе аналитической философии. Авторы прекрасно знали проблематику и последнюю литературу в этой области. Два других доклада были в духе ранних работ Маркса, при этом это было сделано на хорошем философском уровне, отнюдь не догматически. Наконец, два доклада были посвящены древней китайской философии. Один из докладчиков сказал примерно следующее: «я всю жизнь изучал западную философию и хорошо ее знаю (он говорит на трех западных языках). Я пришел к выводу, что западная философия находится в ситуации кризиса. Это выражение кризиса технологической цивилизации, которая не смогла решить проблему жизненных смыслов. Между тем, в древней китайской философии есть такое решение этих проблем, которое может оказаться актуальным именно сегодня, и не только для китайцев, но для всего человечества». Этот доклад, по моему мнению, выражает настроение, распространенное сегодня не только в Китае, но и в других азиатских странах, втянутых в процессы глобализации. Как соединить традиционные культурные ценности с ценностями современного информационного общества, как синтезировать идеи западной философии с идеями соответствующей восточной философии?

Я четыре раза посещал Южную Корею (последний раз в начале июня 2004 г.), участвовал там в разного рода международных конференциях. У меня немало хороших друзей среди южнокорейских философов. Все они получили прекрасное философское образование: учились в США или Германии (иногда в обеих странах). Но и для них острой и, возможно, главной является проблема соединения традиций западной и восточной философии. Для них это не академическая проблема, а проблема, связанная с судьбой их собственной культуры и с судьбой всей современной цивилизации.

— Читателям будет интересна и Ваша оценка состояния современной отечественной философской мысли

— Ситуацию в отечественной философии нельзя назвать однозначной. Когда-то во времена нэпа В. Ленин писал о многоукладной экономике. Вот и сейчас у нас «многоукладная» философия, в которой существуют разные философские движения. Некоторые из них продолжают разрабатывать идеи философии марксизма. Тех философов, которые делают это в духе принятой у нас раньше официальной «марксистско-ленинской» философии, осталось немного (хотя и раньше под общей шапкой марксизма в нашей философии развивались разные и при этом нередко интересные идеи: я имею в виду, в частности, Э.В.Ильенкова, В.С.Библера и др.).. Философы, пытающиеся развивать сегодня определенные идеи Маркса в современном контексте, есть, и некоторые из них работают плодотворно и на современном уровне, т.е. принимая во внимание идеи других философских школ (я могу, в частности, назвать последние работы Т.И.Ойзермана). Между прочим, сегодня в мире интерес к идеям Маркса вовсе не исчез. Во многих работах обсуждается проблема отношения к наследию К. Маркса. Речь идет том, чтобы освободиться от крайних установок в оценке его идей – и от взгляда на них как предмет поклонения, и на огульное их отрицание, и перейти к взвешенной оценке наследия Маркса и сохранению идей, имеющих актуальное значение. Не так давно я познакомился с работой американского философа Т. Рокмора «Маркс после марксизма», в которой содержится интересный вариант решения данной проблемы: в ней утверждается, что марксизм после Маркса во многом не понял глубоких идей Маркса, которые становятся актуальными именно сегодня.

В нашей философии представлены и другие направления. Ряд отечественных философов работает под влиянием аналитической философии, особенно те, кто занимается проблемами философской логики, эпистемологии, теории познания, эволюционой эпистемологии, философией когнитивной науки. В частности, в секторе теории познания Института философии РАН, который я возглавляю, мы обсуждаем и пытаемся развивать идеи аналитической философии, и, как мне кажется, небезуспешно. Есть группа последователей феноменологии, концентрирующихся вокруг журнала «Логос». У них также встречаются неплохие аналитические, исторические работы, представляющие добросовестный анализ идей Ж. П. Сартра, Э. Гуссерля, Г. Шпета, других философов. Но самостоятельного, оригинального творчества в этом русле я пока не наблюдал. Есть большой круг поклонников русской религиозной философии, специалистов, создавших прекрасные работы, посвященные В. Соловьеву, П. Флоренскому, Н. Бердяеву. Но людей, которые пытались бы оригинально развивать их идеи, пока мало. Один из них – С.С. Хоружий, он действительно пытается строить собственную религиозно-философскую концепцию.

Интересные работы делаются сегодня в области философии науки (я прежде всего выделю работы В.С.Степина), этики, политической философии, социальной философии, истории западной философии, истории восточной философии.

Большая группа молодежи захвачена постмодернизмом. Идеи, культивируемые этим направлением, дают чувство освобождения от груза философской традиции, возможность свободного писательского стиля, возможность самовыражения. Среди представителей отечественной постмодернистской литературы встречаются самые разные авторы. Я не все читал, но то, что я читал, вызывает противоречивые оценки. Есть такие работы, в которых есть и достоинства, и недостатки, есть определенные находки, но что-то и отталкивает. Такое же неоднозначное отношение сформировалась у меня и к французским постмодернистам. Среди них есть глубокие исследователи, а есть поверхностные. В работах М. Фуко, например, много чрезвычайно интересного, особенно для историка идей. О его интерпретации тех или иных явлений можно спорить. Но всегда его подход интересен. То же можно сказать о Ж. Деррида, – его стиль иногда раздражает, но постановка проблем дает импульс для размышлений. Что же касается Ж. Делеза, то я пытался читать его книги, но не мог. Я не понимаю и не принимаю такой способ рассуждения. Книги многих наших постмодернистов я просто не могу читать, хотя не раз пытался это делать.

Резюмируя мое отношение к постмодернизму, скажу следующее. То, что называется постмодернизмом – это общая «шапка», условное наименование. На самом деле под этой шапкой скрываются достаточно разные позиции. Постмодернисты и

поставили ряд реальных проблем, существующих сегодня в культуре и обществе, отразили ряд реальных явлений. Они утрируют определенные ситуации, обстоятельства, часто просто эпатируют публику, но вместе с тем обращают внимание на некоторые реальные и проблемы. Однако способ решения проблем, который они предлагают, не удовлетворителен, во всяком случае, для меня. Их программная установка состоит в том, что ничего доказать нельзя, поэтому деятельность философа может ограничиваться игрой со словами, выворачиванием смыслов: «мужское», «женское», «реальное», «нереальное» и др.. Часто неясно, что же они хотят сказать по сути. Я считаю, что то, о чем нужно и хочется говорить, надо осмысленно выразить. Необходимо четко выражать позицию и , приводить определенные аргументы в ее защиту. Для меня философия – это высший способ мышления. Если для постмодернистов философия – это лишь поток самовыражения, абсолютно непонятный для других, то я не могу назвать это способом мышления. Философия – это прежде всего дискуссия, это нахождение аргументов «за» и «против». Это мышление на пределе своих возможностей. Между тем, то, что невнятно сформулировано и не аргументировано, не может обсуждаться. Поэтому постмодернизм, с моей точки зрения, это отказ от философии и от мышления вообще. Это, как кто-то удачно сказал, «попкультура для интеллигенции». Это попытка сделать из философии эстрадное представление, массовое зрелище, шоу, привлечь к себе внимание. Я понимаю, что в культуре должен быть и балаган, и шоу, что есть массовая и элитарная культура, низкая и высокая и т.п. Однако в культуре как целом есть взаимодействие между разными ее слоями. Философия как рефлексия над основаниями культуры – это все-таки достаточно серьезная вещь. Культура не существует без оппозиций: доброго и злого, высокого и низкого, истинного и ложного, реального и нереального, правильного и неправильного. Оппозиции в культуре всегда, на каждом историческом этапе, были, есть и будут, их смысл исторически меняется, нормы культуры время от времени пересматривается. Но сами нормы должны существовать! Без них культура невозможна. Без них невозможен и человек как творец и продукт культуры. Постмодернисты пытаются снять оппозиции, растворить их. Однажды после просмотра текста одного постмодерниста я сказал ему: «Я Вас не понимаю, хочу понять, но не могу». Он мне ответил, что сам не понимает того, что написал, и посоветовал даже и не пытаться его понять. Такой позиции я не разделяю. Если текст не понимаем, он не может обсуждаться. А философия для меня – это способ коммуникации.

— Как Вы оцениваете участие россиян в работе международного Философского конгресса?

— Конгресс стал большим и интересным событием в философской жизни мирового философского сообщества. В нем участвовало около полутора тысяч человек, представляющих и западные, и незападные страны. Он состоялся в Стамбуле, городе на границе двух культур – христианской и исламской. Общая тема Конгресса: «Философия перед лицом глобальных проблем». Обсуждались очень острые современные проблемы в области социальной и политической философии и проблемы философии в целом. Ставилась проблема самоопределения философии в свете происходящих в мире процессов. Нас приветствовал президент Турции. На пленарном заседании с интересными докладом выступали Ю. Хабермас, А.Хеллер (ученица Д. Лукача), Дж. Ваттимо и др. Российских философов на конгрессе было более ста человек. Основная часть их прибыла на «философском пароходе» «Мария Ермолова». Было три приглашенных докладчика: академик А.А. Гусейнов делал доклад на симпозиуме, посвященном проблеме войны, мира и насилия; я и В.С. Степин участвовали в специальном заседании, посвященном теме «Интеграции естественных и гуманитарных наук». Восемь наших философов руководили секциями. Российские философы были председателями «круглых столов»: я руководил «столом», посвященном наследию В. Соловьева, другим руководил А.Н. Чумаков, третьим руководил он же вместе с американским философом В.Геем.. Состоялась презентация «Энциклопедии глобалистики» под редакцией А.Н. Чумакова и А.А.Мазура. Наша делегация организовала прием участников Конгресса на борту «Марии Ермолова». Наши философы были весьма активны: они были инициаторами ряда дискуссий, приглашая к участию в них американцев, немцев, представителей других стран. Особенность Конгресса в том, что российские философы стали центром внимания. Уже московский конгресс показал весомую роль российской философии, международный философский в Стамбуле это подтвердил еще раз. Значительную роль россиян на конгрессе отметила И. Кучуради, президент Конгресса и Международной федерации философских обществ, многие другие – и публично, и в частных беседах. Это тем более важно, что несколько лет назад, в 1992 г. на одном из заседаний Совета директоров Международной федерации философских обществ, членом которого я был пятнадцать лет, был задан вопрос: существует ли реально российское философское общество? В то время существовало мнение, что такового уже нет. Так можно было подумать, поскольку прекратил свое существование Советский Союз, распалось Философское общество, философы рассредоточились по регионам. Сейчас можно констатировать: философское общество в России есть. В последние годы оно воссоздалось и расширяет количество своих членов – сейчас оно насчитывает около 3000 человек. Это самое большое философское общество в мире, сопоставимое с соответствующим обществом США. В настоящее время начинается широкое взаимодействие между философами России. По инициативе Философского общества уже проводились конгрессы в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Москве. Мы регулярно посылаем информацию о событиях в жизни и деятельности российской философской общественности в Международную Федерацию философских обществ. В России проходит масса международных и российских конференций, симпозиумов, семинаров. На этом Конгрессе зарубежные философы мне не раз говорили, что они поняли: философия в России возродилась. Оценивая Конгресс в целом, можно сказать, что он был интересным, удачным и стал одним из этапных событий в философской жизни.

— Какая философская проблематика, на Ваш взгляд, является наиболее актуальной?

— Как мне представляется, философия в нашей

культуре востребована. Актуальных философских проблем множество. Общественная потребность в философии становится наиболее острой, когда общество и культура переживают переломные периоды. Когда все ясно – что хорошо, что плохо, что можно ожидать в ближайшем будущем – философы продолжают вести свои исследования, но остальным кажется, что философия не нужна. Но в переломные моменты истории переворачиваются все ценностные представления. В шутку можно сказать, что не от хорошей жизни люди начинают философствовать. Такую переломную ситуацию переживает не только наше общество, но и мир в целом. Наступил новый этап в развитии человечества, этап глобализации, этап столкновения с неизведанными проблемами. Приходится размышлять о глубинных основаниях человеческой жизни и деятельности. Меняются представления о возможностях и границах познания, о пределах и критериях человеческой деятельности. Меняется сам человек, соответственно и меняются представления о нем. Сейчас начинают писать и говорить о «постчеловеческом будущем». Ф. Фукуяма выпустил книгу «Наше постчеловеческое будущее», где утверждает о скором исчезновении человека в том смысле, который является для нас привычным.. Данная проблема существует на самом деле. Когда постмодернисты начали писать о смерти человека, субъекта, это казалось абсурдным. Но теперь само существование человечества как целого и человека как особого существа проблематично. Человек – существо естественно-искусственное. Преобразовав природу, среду своего обитания, человек взялся за изменение самого себя. Причем, диапазон изменений достаточно широк. Одну границу данного диапазона составляют изменения информационной среды, в которой фиксируется представление о человеческом «Я». Вопрос заключается в том, сохраняется ли «Я» человека? Что происходит с человеческой субъективностью? Что сохраняется в субъекте, что меняется? Другая граница этих изменений связана результатами генной инженерии, занимающейся проектированием человеческой телесности. Начаты генно-инженерные преобразования человека. Наука позволяет изменять человеческую телесность. Но в этой связи возникает вопрос о смысле этого процесса: к чему он может привести? Ведь вся наша культура предполагает ту человеческую телесnбость, которая существовала до сих пор. На самом деле мы имеем дело с новой утопией – утопией геннотехнологической. Популярное у нас представление о том, что мы избавились от всяких утопий – не что иное, как очередная утопия, чепуха. Пока люди живут, они будут придумывать утопии. Мы будем всегда жить с утопическим сознанием. История свидетельствует о том, что утопии иногда осуществляются! Как сказал Н. Бердяев, особенность утопии не в том, что они не существуют, а в том, что они могут осуществиться!

Этими проблемами занимаются в Институте философии: и специалисты по этике, и специалисты по философии науки и теории познания. Это проблематика, которой я сегодня занимаюсь. Более специально меня интересуют вопросы человеческой субъективности, искусственного интеллекта, я занимаюсь философской психологией. Через год мы будем проводить российскую конференцию «Философия и искусственный интеллект». Мы задумали провести «круглый стол» в журнале «Вопросы философии» под названием «Философия и когнитивные науки». Существует масса актуальных проблем, связанных с познанием, мышлением, сознанием. Проблематика сознания находится сейчас в центре больших дискуссий. Множество людей в мире работают над этой проблематикой, выпускается большое количество книг, статей. Раньше это была чисто философская, абстрактная проблематика, но в последнее время начался некий «бум» в этой области, поскольку данная проблема возникает на стыке целого ряда наук – психоневрологии, психологии, математики, физики и других.

Второй круг проблем, который я хотел бы выделить, это философский анализ синергетической парадигмы. Синергетика – это не только направление, или совокупность теорий, идей, а общий подход, применяемый к разным сферам, в том числе и к анализу познания, психики, и используемый разными науками – психологией, педагогикой и т.д. В этой области существует активное интеллектуальное движение, осуществляющее взаимодействие философии и других специальных наук. Это движение возглавляет отдел философии науки Института философии РАН. У этого движения есть значительные перспективы.

Еще один круг проблем – это относительно новая для нас проблематика политической философии. В советское время политика была священной сферой, которую официально представляли ЦК КПСС, чиновники, – люди, специально уполномоченные на это. Не было собственно политики, не было и субъектов политики. Политика как область деятельности возникла не так давно, с изменением идеологической и политической ситуации в стране. Политической философии не было, хотя выпускались книги о политике (например, посвященные диалектике политики), не имевшие практически никакого смысла. Сейчас данная проблематика интенсивно разрабатывается. Есть яркие имена в отечественной политической философии, есть новые идеи. Политология занимается теоретическим анализом политических процессов в обществе. Политическая философия представляет собой попытку анализа ценностей и норм политической жизни. Возникает множество новых проблем и сюжетов. Скажем, проблема социальной справедливости в постановке Дж. Ролза. Она возникает на стыке этики и политической философии. Ю. Хабермас и К. Поппер являются политическими философами (хотя Ю.Хабермас в то же время социолог, а К.Поппер – один из крупнейших в 20 веке философов науки).. Основные понятия, которые они выдвигают, – критицизма, коммуникации, коммуникативной рациональности и др., – это философские понятия, примененные к политическим сюжетам, это понятия и философии, и политическойжизни..

Одной из основных дискуссионных тем Конгресса была проблема демократии в современном мире. Год назад в Канаде был конгресс политологов, посвященный проблемам демократии. Большинство его участников пришло к мнению, что будущее демократии в опасности, порождаемой глобализацией и другими процессами. Демократия – отнюдь не абсолютно ясное понятие, это скорее, идеал-норма. Многие философы писали о демократии – Дж. Дьюи, Б. Рассел, в наше

время – К. Поппер, Ю. Хабермас, другие. Проблема гражданского общества также относится к этому ряду актуальных, но неоднозначных проблем. Гражданское общество – это не столько реальность, сколько идеал. Это реальность лишь отчасти, идеальное гражданское общество нигде не воплотилось, в том числе и в тех странах, где, казалось бы, оно должно существовать. В России – тем более.. Нельзя сказать, что Россия – полностью не демократическая страна, но и обратное утверждение может быть принято с существенными оговорками. Некоторые считают, что даже там, где гражданское общество в какой-то степени существовало (скажем, в США), оно постепенно исчезает. Это связано с противоречивыми информационными процессами, с глобализацией. Соответственно изменяющейся реальности происходит и размывание понятия «гражданское общество». Идет процесс атомизации индивидов, их уход в частную сферу. Эта проблема требует своего философского и политологического освещения, она представляет теоретическую значимость и актуальна в плане политической практики.

Наконец, проблематика социальной философии. Сегодня, как я уже заметил, старые границы между науками о человеке и обществе исчезают. Психология, культурная антропология, социология, история вступили в новую фазу взаимодействия. В этой связи многие представители этих дисциплин начинают философствовать. А социальная философия начинает играть новую и очень важную роль. При этом сама она меняется. Эта новая проблематика социальной философии начинает у нас рассматриваться. В этой связи я хотел бы специально обратить внимание на ту интересную работу, которая делается на кафедре социальной философии Екатеринбургского Университета.

— Владислав Александрович, познакомьте читателей с планами «круглых столов» вашего журнала на 2004 г.

— Сначала я скажу о материалах уже проведенных «круглых столов», которые будут опубликованы в первых номерах журнала в этом году. Первым я назову обсуждение книги Т.И. Ойзермана, патриарха нашей философии, которому в мае исполнилось 90 лет, «Марксизм и утопизм». Это человек, сохранивший исключительную работоспособность и силу философского мышления, несмотря на свой преклонный возраст. Книга представляет собой пересмотр ранних работ автора и критическое осмысление всего написанного о марксизме. Фактически состоялось не только обсуждение книги, но дискуссия на тему об утопии. Как я уже сказал, от утопий можно избавиться лишь частично. Вся цивилизация – процесс сочинения утопий и череда попыток их осуществления. Причем, некоторые из них частично осуществились,. как, например, идея правового государства, В ходе обсуждения книги мы вышли на тему природы философии. Очень важно было определить отношение к марксизму, дать критическую оценку его недостатков и достоинств. По этому вопросу существуют диаметрально противоположные позиции.

«Круглый стол» на тему «Философия в современной культуре» состоялся в 2003 г., но материалы его мы публикуем весной 2004 г. Философия должна время от времени смотреть на себя, критически осмысливать свои основания. Это мы и пытались сделать. В ходе острых споров выявились весьма разные позиции.

К лету будут опубликованы материалы «круглого стола»: «Философия и интеграция современного социального знания» (в этом круглом столе участвовали философы из Екатеринбурга). Была предпринята попытка анализа нового этапа развития социального знания, характера взаимодействия наук об обществе и человеке. Коллизии, возникшие в современном обществе, требуют нового структурирования социальных наук.

В декабре 2003 г. вышли материалы «круглого стола»: «Современные информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре». Судьбы рациональности, ее прошлое и будущее, существенное изменение ее роли в настоящее время, составляют острую и весьма злободневную проблему – особенно в контексте развития современной информационной цивилизации.

В июле должны выйти материалы «круглого стола»: «Молодежь и наука». Это практический и одновременно философский и науковедческий сюжет, посвященный анализу того, что происходит в российской науке. В ходе дискуссии поднимались проблемы преемственности в науке, отношения старших и младших поколений ученых. Речь шла об отношении поколений в философии, о проблемах воспитания, о подготовке молодых кадров для исследовательской работы. Значительные изменения, происходящие в этой области, требуют осмысления. Например, проблема привлекательности научной карьеры для молодежи. Не секрет, что здесь есть, о чем задуматься.

Планируется проведение «круглого стола» «Философия и когнитивные науки». Существует настоятельная потребность в анализе современного этапа взаимодействия философии и специальных наук, изучающих познавательную деятельность. .

Я ничего не говорил пока об этической и эстетической тематике, однако надо сказать, что этические проблемы встают перед обществом с новой силой. Самые острые дискуссионные темы в этой области – этика и политика, этика и биоэтика. Последняя тема актуальна и в мире, и в нашей стране. Появляются оригинальные работы по этике авторов, живущих в регионах, в частности, в Туле. Мы публикуем этих авторов.

Еще одно направление философских исследований – философские переводы. Переводы сейчас издаются не только в Москве, и это отрадный факт. Но в этой связи возникают и проблемы: возможности перевода текстов на русский язык, необходимость введения новых философских терминов и т.д. Эти проблемы мы тоже периодически обсуждаем в журнале.

История русской философии – еще одно бурно развивающееся направление. Мы печатаем и исследования по истории русской философии, и неопубликованные тексты русских мыслителей.

Наша философская жизнь стала сложнее, что имеет и позитивное, и, подчас, негативное значение. Появилось много центров философской жизни. Издается много любопытных книг в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Томске, Самаре... Правда, в связи с этим есть и проблемы: все же контакты между региональными центрами российской философии не до конца налажены (хотя они сегодня значительно лучше, чем несколько лет тому назад). Поэтому не всегда

о хороших книгах, выходящих в других городах, наши философы знают, эти книги не всегда обсуждаются так, как они того заслуживают. Но в целом тот факт, что появилось несколько центров философской жизни – это, конечно, позитивное явление. Так и должно быть!

— Владислав Александрович, а каковы принципы отбора статей для журнала?

— Существуют разные источники получения текстов для «Вопросов философии». Некоторые статьи приходят «самотеком»: автор сам присылает или приносит свою статью в журнал. Этот автор может быть известным философом, а может быть и человеком, который никогда у нас не печатался и вообще нам неизвестен. Среди текстов таких авторов могут быть и интересные. Каждый год мы таким способом «открываем» новых авторов, публикуем их. После этого они начинают печататься у нас и из неизвестных становятся известными. Некоторые статьи мы заказываем специалистам по определенной тематике, если считаем, что есть потребность обсудить данные проблемы. Наши редакторы заняты поисками новых авторов. Для этого они регулярно посещают разные конференции, семинары, слушают доклады, а затем предлагают дать статью для журнала тем докладчикам, которые их особенно заинтересовали. Этим занимаюсь и я, при этом не только в отношении отечественных авторов, но и авторов зарубежных. Нас может заинтересовать новая книга, и мы можем предложить автору дать статью в связи с тематикой книги. Наконец, как я только что говорил, мы систематически организуем «круглые столы» по тематике, которая представляется нам актуальной. Состав участников «круглого стола» мы подбираем сами: поскольку число этих участников ограничено, мы приглашаем в него только известных специалистов. Любой публикуемый нами материал читают члены редколлегии и высказывают свои суждения. Критерии для публикации у нас довольно высокие. Я читаю все материалы, предлагаемые в номер. Пока мы не можем пожаловаться на нехватку интересных текстов. К счастью, мы получаем их немало. И поэтому, к сожалению, некоторые тексты должны стоять в очереди на публикацию.

— Владислав Александрович, скажите несколько слов в адрес нашего альманаха.

— Я очень рад, что есть такое издание. Я несколько раз был в Екатеринбурге, встречался и общался с интересными философами, читал книги, изданные у вас, был на лекциях некоторых известных философов-свердловчан. У вас замечательный философский факультет в Университете, плодотворно работающий Институт философии и права Уральского отделения РАН, вообще происходит много нового. При малейшей возможности я хотел бы снова попасть в ваш город. Что касается вашего альманаха, хочу сказать, что журнальная форма – это живая форма, содержащая живую философию, отвечающую на насущные потребности общества, культуры, практической жизни. Я поздравляю вас с тем, что вы делаете, и желаю успешного продолжения альманаха, при этом в более частом режиме!

Подготовила и провела
И.Б. Фан.

Ирина Борисовна Фан,
кандидат философских наук,
научный сотрудник Института
философии и права УрО РАН

ФЕЙЕРБАХ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

К.Н. Любутин

К 200-летию со дня рождения Людвига Фейербаха (1804-1872)

Константин Николаевич Любутин,
Заслуженный деятель Науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института философии и права УрОРАН

Нет необходимости цитировать многочисленных авторов из числа «марксистов-ленинцев», однозначно оценивающих материализм Людвига Фейербаха как метафизический, в смысле антидиалектический.

Лишь немногие (Н.Горбачев, И.Нарский, Й.Элез) фиксировали высказывания философа насчет того, что на почве идеализма «истинная диалектика» невозможна, что развитие, взятое вне времени, равносильно «развитию без развития», что, наконец, диалектична фейербаховская концепция диалога между Я и Ты.

Слов нет, и материалистическое, и диалектическое видение мира Фейербахом несет печать своего времени. Еще Энгельс отмечал, что Фейербах отождествил материализм вообще с механистическим материализмом XVIII в. и заключил: истина – ни материализм, ни идеализм, истина – только антропология.

Фактическая же мировоззренческая определенность «философской антропологии» Фейербаха очевидна: «Вопрос о том, сотворил ли бог мир, вопрос об отношении бога к миру вообще, есть вопрос об отношении духовного к чувственному... Этот вопрос принадлежит к числу важнейших и в то же время труднейших вопросов человеческого познания и философии, что явствует уже из того, что вся история философии вращается в сущности говоря, вокруг этого вопроса[1].

Более того, пытаясь понять объективную обусловленность противоположных ответов на вопрос об отношении материального к духовному, Фейербах высказывает не лишенную истины мысль: «...Люди, отдающие больше времени практике жизни (подчеркнуто мной – *К.Л.*), чем кабинетным занятиям..., будут этот вопрос решать в духе номиналистов... люди противоположных занятий и качеств будут решать его в противоположном смысле, в духе реалистов»[2]

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП, ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОСТИ, ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ

Диалектико-материалистическая философия – единственно приемлемая для для автора данной статьи «точка отсчета» в понимании становления и развития философской мысли вообще. Она выступает и в качестве концепции материального единства мира, и в качестве концепции его развития. Место и роль «антропологии» Фейербаха, как одного из источников этой концепции хорошо известны. «Реформа философии», которую осуществил философ, заключалась, по его собственному убеждению, в создании «философии человека, то есть антропологии». Это положение Фейербах поясняет таким образом: «Новая философия превращает человека, включая и природу, как базис человека, в единственный универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку»[3]

Философ ясно понимает, что «реформирование» философии изменяет и ее методологическую направленность. Он пишет: «В чем же состоит мой метод? В том, чтобы посредством человека свести все сверхъестественное к природе и посредством природы все сверхчеловеческое свести к человеку»[4].

Речь идет не просто о том, что критикуя идеализм, гегелевский прежде всего, Фейербах ставит на место абсолютной идеи природу. Возвращение к природе опосредуется им выдвижением – и содержательно, и методологических – на первый план человека. Подобное опосредование, принятие человека за исходную точку философского анализа (антропологический принцип) выражает стремление философа преодолеть выявившиеся к тому времени недостатки предшествующих материалистических учений в обосновании принципа материальности мира. Недостатки и трудности были связаны, кроме прочего, с открытием того факта, что действительно научное понимание материального мира невозможно без понимания его развития. Принцип материальности и принцип развития возникали как два органически связанных момента «новой философии», которые только в их единстве могут служить надежной основой при решении вопроса об отношении духовного к материальному.

Используя известный афоризм Маркса, позицию Фейербаха можно интерпретировать таким образом: ключ к пониманию природы, материи вообще – в понимании человека. «Если только мы выясним самую удивительную и трудную для понимания материю мышления, то есть материю мозга, то мы скоро выясним и другие материи и

материи вообще»[5] – полагает Фейербах.

Он поясняет: «Человек – высшее существо природы, поэтому я должен исходить из сущности человека, положить ее в основу, когда я хочу выяснить происхождение и ход природы».[6]

Итак, «познавательный принцип» антропологического материализма предполагает в качестве исходного пункта исследования «действительное и цельное человеческое существо». «Практика», «жизнь» показывают, что деление человека на тело и душу относительно. Бытие и мышление едины. Гегелевская концепция тождества мышления и бытия давала мнимое выражение их единства, обосновывала поглощение бытия мышлением. «Единство бытия и мышления истинно и имеет смысл лишь тогда, когда основанием, субъектом этого единства берется человек».[7] Такова позиция Фейербаха.

Каковы же аргументы Фейербаха в пользу материалистической точки зрения, в пользу принципа материального единства мира? Философ полагает, что человек формируется «только в общении, в единстве человека с человеком». За диалектическим в сущности рассуждениями Фейербаха о «практическом единстве» Я и Ты, единстве человека с человеком кроется материалистическое обоснование принципа единства бытия и мышления. Фейербах совершенно справедливо настаивает на единстве «мышления и жизни» и доказательство этого усматривает в том, что оно основано на эмпирически данном единстве «головы и сердца», «человека с человеком». Отсюда и его известный вывод: «Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между Я и Ты».[8]

По существу, у Фейербаха важнейшим аргументом в пользу материализма оказывается принцип развития – признание им развития природы, выведенное им из наблюдений над жизнью человека и данных наук о нем. Фейербах, несомненно, оказался прав, когда от рассуждений о развитии человека переходил к рассуждениям о развитии земли, материи вообще. В этом смысле он и подчеркивал, что понимание развития природы относится к более позднему времени по сравнению с пониманием развития природы. Абстракция «развитие» применяется им сознательно. Он пишет: «Земля не всегда была такой, какова она в настоящее время; скорее она достигла своего теперешнего состояния в результате развития ряда революций».[9] Значит: «Если в силу собственной природы с течением времени земля дошла до той ступени развития и культуры, которые она приняла, так сказать, человеческий вид, то есть вид, совместимый с существованием человека, соответствующий человеческому существу, то она оказалась в состоянии собственными силами вызвать появление человека».[10]

Отстаивая идею единства материи, движения, времени, пространства, Фейербах иронизирует по поводу позиции Канта, превратившего «из любви к непознаваемой вещи в себе» время и пространство в какую-то «принудительную иллюзию». Философ заключает: «Время на самом деле совсем не является одной только формой созерцания, но существенной формой и условием жизни. Там, где нет следования друг за другом, где нет движения, изменения и развития, там нет и жизни, нет и природы; но время неотделимо от развития. Что развивается, то существует, но оно теперь не таково, каким некогда было и каким когда-нибудь будет... В действительности время представляет собой нераздельное единое с развитием, единое с природой, единое с временными вещами».[11]

Абстракция «развитие» позволяет Фейербаху объяснить появление сознания. Человек и возникает как сознательное существо. Сознание человека – продукт развития материи – основано на ощущениях, порожденных многообразием «элементов» природы, которые входят в состав человеческого тела. Философ пишет: «Существует необходимое взаимоотношение между органическим и неорганическим. Мало того, это взаимоотношение само есть основа, сущность жизни. Поэтому у нас нет никакого основания воображать, что если бы человек имел больше чувств или органов, он познал бы также больше свойств или вещей природы. Их не больше во внешнем мире, как в неорганической, так и в органической природе. У человека как раз столько чувств, сколько именно необходимо, чтобы воспринять мир в его целостности, в его совокупности. Подобно тому, как человек... обязан своим существованием и происхождением взаимодействию всей природы в целом, так и чувства его не ограничены определенными родами или видами телесных качеств и сил, а охватывают всю природу».[12]

Сознание, следовательно, формируется посредством деятельности органов чувств. Человеческая чувствительность – «не лишенная мысли чувственность», она пронизана мышлением, разумом. В целом познание отражает объект, оно «восходит от единичного и особенного ко всеобщему, от конкретного к абстрактному, от определенного к неопределенному».[13]

Таким образом, и бытие, и сознание, по Фейербаху, немыслимы вне изменения, движения, развития. «Там, где нет следования друг за другом, где нет движения, изменения и развития, – отмечает философ, – там нет и жизни, нет и природы».[14] Иначе говоря, развитие является универсальным свойством бытия. Фейербах подчеркивает не только наличие развития в природе, но и то, что это развитие, по существу, является саморазвитием. Никакой внешней причины развития природы нет и быть не может. «У природы, – пишет он, – нет ни начала, ни конца. Все в ней находится во взаимодействии, все относительно, все одновременно является действием и причиной, все в ней всесторонне и взаимно; она не упирается в монархическую верхушку; она – республика... Всего разумнее поэтому принять, что мир был и будет вечно, что он, стало быть, имеет в себе самом основу своего существования».[15] Согласно Фейербаху, «мир заключает причину в самом себе».[16]

Материю мира мы не должны мыслить как нечто единичное, не имеющее различий.

Такая материя – химера. Действительная мате-

рия сама в себе дифференцирована.

Фейербах точно подмечает антидиалектичность механистического материализма: «Всякая машина должна иметь начало; это содержится в ее понятии, ибо причина ее движения заключается не в ней самой...если мир есть машина, то разумеется, он не сам себя сделал, а сделан, то есть возник путем механическим».[17]

Вот почему философ полагал: крайне неправильно выводить немецкий материализм из «Системы природы» Гольбаха или из «трюфельного паштета» Ламеттри. Немецкий материализм имеет «религиозное происхождение», он начинается с Реформации.

[1] Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1855.Т.2.с.623.
[2] Там же..С.623-624
[3] Там же.Т.1.с.202.
[4] Там же. С.267.
[5] Там же.С.517.
[6] Там же. С.266.
[7] Там же. С.199.
[8] Там же. С.203.
[9] Там же.Т.2.С.435.
[10] Там же. С.436.
[11] Там же. Т.1.с.601-602.
[12] Там же.Т.2.С.632-633.
[13] Там же. С.603.
[14] Там же. Т.1. С.601.
[15] Там же.Т.2.С. 602-603.
[16] Там же.С.117.
[17] Там же. С. 227.

М.А. Малышев

АФОРИЗМЫ И ПАРАДОКСЫ

Михаил Алексеевич Малышев,
профессор Автономного университета,
Мехико (Мексика)

В издательстве «Дискурс-Пи» в ближайшее время выходит книга М.А. Малышева «Мысли по поводу и поводы для мыслей» (Екб., 2005).

■ Любимое детище бога, человек одновременно – пасынок природы.

■ Неумолимая истина: как однажды мы были заброшены в этот мир без нашего на то согласия, так в один прекрасный день нам придется его покинуть, и никто не спросить у нас на это соизволения.

■ С волками жить – по-волчьи выть, а жить с людьми – мечтать жить по-человечески.

■ Пока человек не умер – ему есть что терять и на что надеяться.

■ Человек раскрывается не столько в своих достижениях, сколько в своих неудачах, а еще больше в тех оправданиях, какие он дает последним.

■ Почему страдание является неотъемлемым атрибутом бытия человека? Наверное, потому, что почти каждый стремится иметь больше того, чем он обладает, а самое главное, больше того, чего он заслуживает.

■ Человек говорит себе: неужели я пришел в этот мир лишь для того, чтобы исчезнуть из него без следа? Куда больше ухода в небытие человека приводит в отчаяние одна лишь мысль о том, что он может умереть существом незначительным. Не иметь никакого значения для него, наверное, хуже тоски, порожденной мыслью о грядущей смерти.

■ В отличие от других живых существ человек наделен знанием предстоящей собственной смерти, но одновременно ему недостает достаточных интеллектуальных ресурсов, чтобы успешно противопостоять этому своему трагическому знанию.

■ Если человека не слишком беспокоит собственное несовершенство, пусть он утешается хотя бы отсутствием этого беспокойства.

■ Когда общество официально признает за человеком его высокие заслуги, что-то должно изнутри говорить его сознанию: «За работу, не расслабляйся, не снижай высокого уровня достигнутого!» Вероятно, поэтому в переживании признания, наряду с радостью торжества, иногда присутствует и некоторая доля смущения, ибо заслуженный человек боится опуститься ниже того, чего от него ожидают другие, заранее предвосхищает стыд, побуждающий его не отступать, а прилагать максимум усилий, чтобы удержаться на высоте однажды завоеванного.

■ Половину жизни мы проводим в разговорах о жизни, а в другую половину мы живем, но не совсем так, как мы мечтали, рассуждая о жизни.

■ Против выдающихся заслуг знаменитых людей нет иного средства спасения, как признания их знаменитыми.

■ Немало усилий требуется для того, чтобы всегда оставаться верным самому себе.

■ Кто наделен большим бесстрашием: тот, кто никого не боится или тот, кого все боятся?

■ Стремясь к осуществлению поставленной цели, человек нередко приходит к иному результату. Но потом он говорит, что этот результат и был той целью, какую он хотел достичь.

■ Человеку достаточно заглянуть внутрь себя и в зависимости от того, что он там обнаружит, выразить своему ближнему презрение или сочувствие.

■ Если ты чувствуешь себя одиноко среди людей и даже в собственном доме ощущаешь себя сиротой, значит, тебе не хватает признания.

■ Потерпевший неудачу может утешиться, ска-

зав, что смысл жизни – не в достижении цели, какой бы важной она ни казалась, а в самой жизни.

■ Мы поворачивается разными гранями в своих отношениях с людьми: наши свойства раскрываются в зависимости от того, с кем мы общаемся и что эти люди для нас значат. Обычно мы быстро распознаем эти значения и не испытываем больших затруднений в том, чтобы вести разговор о политике с одними людьми, беседовать об искусстве с другими или обмениваться шутками с третьими.

■ Страх смерти натолкнул наших предков на мысль о возможности бессмертия, а идея вечной жизни заставила их копать могилы.

■ Для кого смысл жизни заключен в самой жизни, тот не живет, а существует.

■ Хотя мы не несем вины за физиономию, которой нас наградили наши родители, однако не можем не нести ответственности за выражение своего лица.

■ Только человек твердого духа отказывается прибегать к «помощи» сверъестественного, и даже в безысходно-трагических ситуациях стоически противостоит ударам судьбы, не уповает на божественный помысел и не лелеет надежды на чудо.

■ Когда женщина влюбляется в очередной раз, то она бывает искренне убеждена в том, что ее жизнь началась заново, тогда как вновь влюбленный мужчина в меньшей степени склонен забывать свой прошлый любовный опыт.

■ Когда ничего не происходит и мы не замечаем скуки, – значит молодость уже ушла.

■ То что в старину называлось «кознями дьявола», сегодня именуется побочными эффектами применения науки и техники.

■ Все женщины, даже самые красивые, красятся. Это значит, что они хотят стать еще краше.

■ Далеко не каждый человек может сказать о себе: «я вытянул счастливый билет уже в силу своего появления на этот свет».

■ Когда человека постигает несчастье, то первое, что ему приходит в голову – обрести утешение в слове или забыться в вине.

■ Когда человеку причиняют небольшую боль, то у него не столько ноет тело, сколько «болит» душа. Но когда на человека обрушивают град сильных ударов, то он в начале должен утишить телесную боль, а затем только исцелить и душевные раны.

■ Никто не является полным хозяином самому себе. Когда человек стремится стать самим собой, он не так хочет глубже познать себя, сколько жаждет признания. Жажда признания замыкает человека в круге мнений о нем других. Разумеется, внутри себя человек может сколько угодно бунтовать против «кандалов» чужих суждений. Но он никогда, говоря словами Сартра, не сможет избавиться от ада других, чьи оценки, часто против его воли, формируют его образ и запирают его в нем.

■ Глобализация и непрекращающийся рост народонаселения сжимают пространство, и человек поневоле начинает чувствовать себя заключенным еще достаточно просторной тюрьмы, именуемой земным шаром. Если дело так и дальше пойдет, не исключено, что в недалеком будущем человек начнет жаловаться на клаустрофобию.

■ Близость смерти может заставить человека признаться в том, что он – отнюдь не центр мира, но жить, сознавая эту истину, ему, увы, весьма нелегко.

■ Всю возможную гамму отношения человека к человеку можно было бы поместить между двумя полюсами: «человек человеку волк» и «человек человеку бог».

■ Почти каждый неумеренный потребитель алкоголя прекрасно знает, что он разрушает свой организм, что для него алкоголь – это яд, а нередко он даже чувствует неподдельное отвращение к спиртным напиткам. И тем не менее он продолжает пить, ибо какую бы неприязнь ни внушал ему вкус вина, и и какие бы опасения время от времени он не испытывал за последствия своего неумеренного возлияния, иметь ясное представление о своей личности, видеть свой образ незамутненным – ему еще более отвратительно.

■ Человек стремится выйти за пределы добра и зла и превратиться в сверхчеловека. Но сверхчеловек презирал бы человека, как и сам человек презирал бы шимпанзе, если бы последний заявил о своем намерении стать человеком.

■ Свои успехи мы склонны объяснять собственными заслугами, а свои неудачи – происками недругов или перипетиями злосчастной судьбы.

■ Одно дело – потерпеть неудачу, другое, – объявить себя неудачником.

■ От печальных последствий нигилистического постулата: «Если бога нет, то человек смертен, а значит, не существует высшего смысла жизни», человека спасает лишь то, что он живет и не задумывается о смысле жизни.

■ Что случится, если человек ежедневно будет вынужден делать решающий выбор? Если он не умрет от инфаркта, то превратит риск в рутину.

■ Знаменитое изречение Теренция в парафразе феминистки: «Я женщина, а следовательно, ничто мужское мне не чуждо».

■ Кто способен смеяться на собой, тот не нуждается в алтаре для поклонения идолу чужого я.

■ Человек может стать самим собой только тогда, когда сумеет преодолеть в себе желание всем нравиться.

■ Есть люди, которых можно назвать нелюдями за их жестокость, варварство и садизм. И тем не менее мы бы уподобились им, если бы в свою очередь начали отрицать их принадлежность к человеческому роду, и это несмотря на то, что они отказывают своим жертвам в праве называться людьми и стремятся смести их с лица земли как ядовитых насекомых.

■ Если мы внимательно понаблюдаем за окружающими людьми, то вскоре заметим просительный оттенок во взгляде того, кто закончил какое-нибудь дело, завершил произведение или просто значительно продвинулся в своей работе: «И что? И как? Не правда, ли хорошо? – как бы говорит нам его вопрошающий взгляд.

■ Многие женщины – заложницы идеала красоты, ибо он накладывает на них обязанность везде и всегда выглядеть красивыми.

■ Ответ на вопрос: что представляет собой человек, в значительной мере зависит от того, в чем его призвание, а также от того, где и как он хотел бы добиться реализации своего признания.

■ Интересно сравнить подходы Камю и Чорана к идее самоубийства. Если для Камю акт самоубийства – это проявление малодушия, отсутствие решимости на действие без надежды на успех и приближение того, что само по себе неизбежно, то для Чорана между одержимостью самоубийством и

мыслью о смерти нет ничего общего. Смерть очень редко воспринимается как освобождение, тогда как самоубийство – это всегда «пароксизм спасения».

■ Желание бежать неведомо куда рождается из любопытства, от переизбытка нерастраченных сил, от одиночества или из страха перед собственной свободой.

■ Стон, вызванный болью, – это универсальный символ, взывающий к состраданию и к солидарности. Но с другой стороны, ничто так не обостряет сознание индивидуальности как переживание собственного страдания.

■ Когда я исполняю чью-то роль, то я представляю другого в себе, не забывая при этом и себя в другом.

■ Не один лишь человек может жить, не подчиняясь законам большинства, но только человек способен воспринимать эту непокорность как знак собственного отличия.

■ Признать заслуги человека – значит вдохнуть в него новую жизнь.

■ Только неисправимый игрок пытается в слепой случайности отыскать намек на будущую удачу.

■ Нередко доблестные поступки или необычайные похождения совершаются в расчете на будущие повествования о них. Когда мы становимся участниками или свидетелями необычайных событий, наше удивление подогревается тем, что мы воображаем себя в роли будущих рассказчиков необыкновенных историй.

■ Смерть коллеги ввергает меня в тоску, вызванную, в том числе и пониманием неизбежности прихода моей собственной смерти, хотя эта тревога отчасти компенсируется смутным удовлетворением: ведь умер-то Петр, ведь это он лежит в гробу, а я, его переживший, худо-бедно пребываю во здравии, а стало быть, наслаждаюсь сознанием того, что я пока еще жив. Несмотря на печаль, вызванную смертью коллеги, мы ощущаем особое желание жить тогда, когда другой, причастный к нашему бытию, навсегда «уходит» от нас.

■ От пастуха бытия к «роботу существования» – так можно вкратце охарактеризовать магистральное направление развития человека в истории.

■ У старости – лишь одна альтернатива, и это дает пожилому человеку право спокойно относиться к своему возросту.

■ Бескорыстному преклонению перед величием классиков минувших эпох мы обязаны верой в преимущество настоящего перед прошлым.

■ Случайность – это проявление хаоса или откровение судьбы?

■ Для хронического больного его жизнь – это история его болезней.

■ Пренебрежение будущим ведет к восприятию прошлого как чего-то завершенного, что искажает смысл истории.

■ Последнее слово о судьбе никогда не произносит ее носитель; это делает за него кто-то другой и, как правило, не всегда объективно.

■ Кого не может убедить разум, того, возможно, сумеет образумить время.

■ Существует два противоположных человеческих типа в восприятии исторического времени – «хронофобы» и «хронофилы». Если первые проклинают эпоху своих отцов и дедов, восторгаясь достижениями настоящего, то вторые идеализируют время своих предков и беспощадно обличают упадок современной жизни.

■ Когда человек стремится к осуществлению своих планов, он чаще всего не слишком задумывается об их возможных негативных последствиях. Надежда заслоняет собой зло, которого почти никогда и никто не ждет. Коварство судьбы подобно грому с ясного неба.

■ Если гении обгоняют свою эпоху, а таланты идут в ногу со своим временем, то остальные бегут за ним вдогонку.

Е.А.Гаврилова

РОМАНТИЗМ И ЖЕНЩИНЫ ВОСТОКА: МЕЧТЫ О ГЮЛЬЧАТАЙ В СЕГМЕНТЕ ИСКУССТВА

Евгения Андреевна Гаврилова,
выпускница факультета искусствоведения
Уральского государственного университета

Быть человеком полезным – вещь гнусная, – так относились к главному постулату буржуазной морали калькулятивных людей представители критической реакции на одномерность человека и бездуховность прозаизма жизни – романтики. Однако романтизм – не только дух противоречия, но еще и тотальная связь с обществом потребления: романтики могли позволить себе быть романтиками только в одном случае – когда на этот весьма затратный вид спорта были отложены соответствующие сбережения, появившиеся не как манна небесная, а путем долговременного вращения предков в ненавистном буржуазном обществе. Характеристики представителя романтизма: соответствующий внешний вид (помните, как переживал Грушницкий по поводу не слишком подходящего наряда к образу Денди), эстетическонепрактичная ориентация интересов, нескрываемый сплин, сплошная беспросветная ангедония и, конечно, путешествия. Покинуть проклятую Европу в поисках чистых и незапятнанных сверхприбылью истоков человеческой духовности. К

тому же, попутный ветер дальних странствий так впечатляюще развевает волосы, когда, погрузившись в думы о смысле жизни (и смерти), одиноко стоишь в живописной позе на носу корабля, как на краю Вселенной. Убежать от старого фальшивого мира с продажными политиками, друзьями и женщинами.

Экстенсивный путь поиска вылился в образ Чайльд-Гарольда Байрона, это источник вдохновения для жанра путешествий в литературе и кино (Горец Ламберта – отражение принципа «Чайльд Гарольд forever»). Несмотря на то, что советское литературознание записывает Героя Лермонтовского Времени в реалистические персонажи, Печорин слишком крупноформатный персонаж для реалистического романа. Думается, Михаил Юрьевич изобразил не назидательный образ, каким мальчику быть не надо, а для низкорослого и кривоного поэта Печорин был идеалом, которым он сам желал бы стать. Ареол антигуманистического масштаба личности, постепенное обнажение внутренней сущности Печорина, ладно скроенной из металлических конструкций индивида ницшеанского сверх-человека-еще-не-совсем-бога, но уже управляющего судьбами всех пересекающихся на нем судеб, фаталистического дуэлянта, вызвавшего на поединок рок, совсем не рыцаря, но без страха и упрека. Если Байрон – путешествие космополита, то роман Лермонтова – психоаналитическое путешествие в странную страну субъективного порядка. Гофман же разрушает мирный уклад правильности, мажорства и белых носков немецкого «общества просвещенных котов», находя за фасадом благопристойности гротески-фэнтези, неуместные, как мечи на космическом лайнере.

О женщинах... здесь действует принцип средневековых рыцарских романов: любовь должна быть невозможной, лучше с некрофилийским уклоном – ибо мертвая дама – идеальный тип женщины, как телевизор – высшая степень эволюции мужа. К тому же вид одинокого молодого и привлекательного человека в черном, с цветами, среди живописных развалин старого кладбища соответствует стратегии личного поведения. Чувствуете? Эгоизм буржуа против эгоизма романтика – столкновение одного гиперэгоцентризма с другим мегагиперэгоцентризмом. Особенно отчетливо тема невозможной любви читается в готике Эдгара По – уж он-то знал толк в безжизненных женщинах, а еще в сомнамбулах, восставших мертвецах и пр.

Был и другой – менее (или более?) экстремальный путь – здесь на передовую турбулентного потока любви выходит восточный мир с его представительницами прекрасного пола, не тронутым грязным миром выгоды и наживы. «Кавказская тема» русской литературы золотого века проникнута очарованием межкультурной коммуникации периода посткультурного шока. Чем же так притягательно личико за паранджой (Гюльчатай...) – во-первых, конкретно тем, что оно за паранджой, во-вторых, возможностью постижения нового, удовлетворением честолюбия героя-любовника и кругозора дилетанта-этнолога. А также возможность педагогической миссии – начать процесс окультуривания заново, стать «богом единственного мира». Восток открывал для романтизма горизонты великих географических открытий в области штудирования и усвоения. Открытая Америка жизненного уклада Востока не могла оставить равнодушным искусство, результатом этих штудий стало шизофреническое увлечение восточными мотивами всех отраслей искусства – от полотен великих Маэстро, до ковроткачества-шпалеропроизводства.

Для начала сходим в «Турецкую баню» Энгра, которая у нормального человека вызывает неловкость, а у вуайериста – восторженный масштаб желаний. Картина построена в порнографической манере «подглядывания в замочную скважину», несет дух «взгляда украдкой». Построение отражает тогдашнее отношение Запада к Востоку: атмосфера недосказанности, неверия, почти ксенофобия. Перетекание тел в круговороте вариативных типажей женской красоты, не совсем приличные ласки, свойственные эвристике гаремного события обще-жития, бесстыдность и, одновременно, целомудрие, возбуждение и нега, и чувство жара, и круговая композиция как отражение вечных смен и совершенства, и экстрагирование мужчины. Он – вне, он – созерцатель, более того – он жюри. Среди огромного числа тел на полотне ему, как в жизни, нужно выбрать свой тип идеальной женской красоты. Подобно ситуации в анекдоте: у меня в жизни была одна большая любовь, внученька, – моряки. Телесность «Бани» иного плана, нежели ню Ренессанса, это уже торится тропинка к «Олимпии» Мане – нагота как мотив бытового жанра, это уже стежка-дорожка к эротически пошлым календарям и открыткам, которые новобранцы берут с собой, дабы не отвыкнуть в армии от женских прелестей. «Одалиска и рабыня» руки Энгра чуть причесанней, но тоже несет оттенок невинного лесбийского откровения – предвкушающе-соблазнительная поза «белая дама ждет», развлекающая и ублажающая ее чернокожая музыкантша... не извращение – стереотипно- привлекательная для Запада норма: Восток – дело тонкое.

Для рождения мятежных мыслей, идущих дальше банальных фраз типа «бегство от обыденности в мир необычной тематики», Делакруа написал своих «Алжирских женщин» слишком колоритно и экзотично. Заманчиво, неглубоко, почти не сексуально. Намного перченее и несколько трагически перенапыщенно полотно Делакруа «Смерть Сарданапала». Восток здесь вновь характеризуется круговоротом человеческих тел, но нега Делакруа другого плана – это нега мук и насилия, очерченный движением ножей верных царю убийц Фрейдовский Танатос. Картина, безусловно, сексуальна, но это сексуальность, свойственная эпистеме Маркиза де Сада, визуальное потребление насилия ставит нас в дурацкое положение сообщников Сарданапала со своеобразным кодексом чести, сродни обычаям казаков пристреливать коней, дабы не достались чужакам. Почти слышен треск лопнувшего с досады буржуа – растрата! Бесполезная, неоправданная растрата... Делакруа нащупал в обществе, которое делает ставку на накопительство в счет завтрашнего дня, на обеспеченное, но не беспечное будущее, лагуну, где всеобщая матрица гаснет, – праздник смерти, обильное жертвоприношение, трата в счет «сегодня» всего, что можно было сохранить и приумножить. А как, черт побери, хороши погибающие наложницы царя! Но и они, увы, принесены в жертву восточному менталитету.

Тематика Востока разрабатывалась сотнями других авторов, но менее известных, поскольку менее талантливых – Декан «Улица на Востоке»,

Фромантен «Соколиная охота в Алжире». Особая парадигма этики, эстетики, затягивание в бездну и выныривание из бездны. Европейцы XIX века не учитывали того, от чего предостерегал Ницше – когда мы вглядываемся в бездну, бездна вглядывается в нас. Сегодня-то до нас этот тезис дошел, оттого-то мы звоним в полицию, обнаружив «ничейный» пакет на улице, боимся конвертов и без сибирской язвы, надеваем марлевые повязки при необходимости свидания с китайцами... и не без возбуждения смотрим танцы живота.

М.Потапова

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ И РАЗЛИЧИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Мария Потапова –
студентка Ростовского государственного педагогического университета
(Ростов-на-Дону)

Тема гендерных отношений наверно одна из наиболее популярных, если не сказать «заезженных», на сегодняшний день. Хотелось бы поговорить, в первую очередь, не о правомерности одной из существующих точек зрения. Проблема скорее в том, что существующее в нашем обществе противопоставление социальных ролей мужчины и женщины является одной из основных причин дисгармонии внутри этого самого общества. Сознательно или нет, но на всех социальных уровнях, внутри всех социальных групп так или иначе мужчине отводиться роль «главы», а женщина понимается, скорее, как существо зависящее. Сами женщины при этом скорее согласны с таким «зависимым» положением, поэтому следует сказать, что тут было бы неправильно говорить о каких бы то ни было «ущемлениях». Но все же причины такого распределения социальных ролей интересны, а поэтому необходимо их определить.

В прошлом о социальном равенстве между мужчиной и женщиной не могло быть и речи. Женщина изначально обладала ограниченной сферой деятельности, в которую входило выполнение определенного круга обязанностей: жены, матери, хозяйки дома. Для рассмотрения различения социальных ролей интересно обратиться к некоторым историческим источникам. Так, в Божественном Откровении для обозначения первочеловека, еще не расчлененного на мужчину и женщину андрогина употребляется слово «Адам». Но так же обозначается и первый мужчина, появившийся в результате расчленения райского андрогина. Женщина же, «Ева» априори не является равной «человеку» т.к. создана из его ребра, т.е. производна от «Адама» (человека). В Ветхом Завете так же можно найти интересные мысли по поводу социальных ролей женщины, там, например, существует такой «ценностный ряд»: «...не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его». В Индии, если муж умирал раньше, жена должна была сжечь себя на его погребальном костре, впрочем в этой стране женщины до сих пор молятся о двух вещах: чтобы умереть раньше мужа, и чтобы во всех последующих рождениях ей был дарован этот же мужчина. Но можно обратиться и к более «цивилизованной» с европейской точки зрения стране – Древней Греции. Древние греки воспевали женскую красоту в скульптурах, украшая ими свои великолепные храмы, но в реальной жизни приносили женщин в жертву, продавали, если они были лишними. Остальные были лишь безмолвными домохозяйками – не могли принимать участие в управлении городом, обладать собственностью, защищать себя в суде.

Испокон веков мужчина считался полноценным человеком, а женщина была объектом его власти. Пифагор писал: «существует положительный принцип, который создал порядок, свет, мужчину и отрицательный принцип, создавший хаос, сумерки, женщину». Аристотель так высказывался по этому поводу: «женщина – это самка в силу определенного недостатка качеств...женский характер страдает от природной ущербности...женщина – есть только материя, принцип движения обеспечен другим, мужским началом, лучшим, божественным». Христианство, бесспорно, показало множество иных, если можно сказать, «более прогрессивных» путей развития, по иному посмотрело на человека, на мужчину, женщину. Но в то же время, можно с уверенностью сказать, что земная женщина для христианства вовсе не ровня мужчине, она греховна, как греховна ее праматерь Ева «сообщница дьявола, орудие темных сил», обрекшая человека (мужчину) на изгнание из рая.

Если говорить о нашем обществе, то оно изначально развивалось как общество, ориентированное на мужчину, женщина – приложение. Нет, конечно, ей и цветы, и серенады, и «луну с неба» – но главное – знай свое место, дом, дети, их воспитание. Думается, что трудность и опасность этого дела никому доказывать не надо. На заре развития медицины женщина вела скрытую, но очень серьезную войну за выживание челове-

чества, рожая по 8-10 детей, из которых до совершеннолетия доживали 2-3.

Так было раньше. Сейчас жизненные условия сильно изменились, рождение детей перестало быть основным занятием женщины по многим причинам. Мы живем в эпоху, когда равноправие полов зарегистрировано в конституциях многих стран, но существует ли оно на самом деле? Здесь не имеется в виду избирательное право, право на образование и т.д. Официально, на бумаге, женщина имеет полностью идентичные права с мужчиной. Вопрос в другом – наделена ли женщина всеми этими правами в сознании общества? Относится ли общество, «ориентированное на мужчину», к женщине как к полноценному своему члену? Вопрос неоднозначный. Но можно сказать, что внутри общества сохраняется социальная дискриминация женщин, чему способствует устойчивое представление о том, что положено – «дозволено» женщине в рамках конкретного социума. Это является своеобразным «барьером» в сознании и поведении людей, причиной неравенства социальных позиций мужчины и женщины.

Кроме того, ни для кого не секрет, что в обществе существует множество стереотипов относительно женщины и ее социальных ролей. Самые распространенные из них: женское предназначение – дом и семья; женщина не может быть хорошим руководителем; женщина не должна погружаться в работу, строить карьеру, т.к. это может негативно сказаться на ее семье; политика – дело не женское и т.д.

Согласно статистическим данным, женщины составляют более 55% населения России, среди специалистов с высшим и средним специальным образованием женщин до 62%. Но социальное жизненное пространство, отводимое женщинам, непропорционально мало, ему отводится не более 30% (его размер определяется существующими в коллективном сознании стереотипами и ценностными установками).

Жизнь общества во многом подчинена «мужским» ценностным стандартам. Это можно заметить во многом: в «народной мудрости» – «баба с возу, кобыле легче», «болтлив как баба»; в устоявшихся социальных представлениях – «женщины ничего не понимают в политике, философии, вообще в науке», «женщина за рулем – обезьяна с гранатой»; в анекдотах – «в жизни я люблю две вещи – машину и жену...Да ты что, разве жена это вещь?...Да, наверно ты прав, какая же это вещь, вот машина – это вещь!». Анекдоты, как отражение социума, о многом говорят. Как их много, анекдотов про неверную жену, про тещу (но не про свекровь), про глупую школьную учительницу, которую ловко обманывает двоечник Вовочка. Но это тема для отдельного анализа.

Определение места женщины начинается с того момента, когда родители, ожидающие ребенка, задумываются о его поле. По результатам исследований оказывается, что только в 28% случаев хотя бы один из родителей хочет, чтобы на свет появилась девочка. Таким образом, еще до рождения женщинам отводится лишь треть от всего жизненного пространства.

Возвращаясь к стереотипам обыденного сознания, определяющим место и роль женщины и мужчины в жизни общества, следует отметить, что они находят свое отражение даже в школьных учебниках, т.е. в том контексте, в котором идет непосредственное воспитание новых членов общества. Таким образом, эти ориентированные на мужчину жизненные стандарты входят и утверждаются в сознании и подсознании ребенка и преследуют его на протяжении всей жизни. Для иллюстрации был рассмотрен один из учебников английского языка для младших классов. В этом учебнике новая лексика иллюстрируется простыми предложениями, с несколькими действующими лицами. Во-первых, лица женского пола упоминаются гораздо реже (где то в 30% случаев). Во-вторых, о женщине преобладают предложения с негативной оценкой, тогда как о мужчине – с позитивной. Например: «То, что она сказала, не представляло особого интереса» и тут же: «Его речь имела успех, аудитория слушала внимательно». Различаются даже способы подачи мужчины и женщины. «Он» фигурирует как: художник, рабочий, солдат, врач, мастер, писатель, учитель, хозяин, победитель, а так же как мальчик, человек. «Она» фигурирует как: девочка, мать, жена, бабушка и... библиотекарь! Таким образом, получается, что мальчик становится человеком, занятым в самых разнообразных сферах деятельности, он боец, он победитель. Девочка же, вырастая, становится женой, матерью, бабушкой и библиотекарем. Эта профессиональная ориентация, наверно, не случайна. В профессии библиотекаря заключен стереотип низкооплачиваемой, наименее престижной работы. И если некая женщина будет претендовать на лучший удел, то это может спровоцировать как ее внутренний разлад, так и непосредственный конфликт со средой. То же самое может произойти и с мужчиной, если он не сможет стать «бойцом и победителем».

Результатом массового распространения стереотипов является то, что даже если женщина и способна к карьере, отличной от той, которая задана стереотипом, ее мысль об этой карьере созревает относительно поздно, ведь прежде ей надо выйти замуж, «поставить на ноги детей». И поэтому она упускает порой самое ценное – время, а любые притязания на карьеру с ее стороны воспринимаются как мешающие выполнению ее основной функции – продолжение рода и поддержания домашнего очага. Хотя нормальная семья никак не может мешать карьере женщины, и тезис о том, что с появлением семьи у женщины снижается интерес к повышению профессионального мастерства является безосновательным.

Так же считается, что женщина – это воплощение статики, в то время как мужчина – воплощение динамики, деятельное начало. Подсознательно следуя этому стереотипу, женщина всю жизнь самостоятельно нарушает свою естественную динамику. Речь идет, конечно же, об одежде и макияже. Какую деталь одежды вы никогда не встретите у мужчин? Ответ прост – это высокий тонкий каблук, «шпилька», который зачастую является неотъемлемой частью женского образа (приближенного к идеальному) в социальном сознании. У редкой женщины в гардеробе нет хотя бы одной пары туфель на высоком каблуке. В то же время, эта деталь гардероба является мощным средством торможения двигательной активности женщины. Эта деталь костюма как бы говорит: «мне некуда спешить...самое главное не удобство, а то, какое впечатление я произвожу своим внеш-

ним видом». То же и с макияжем. Он скрывает естественные проявления динамики человеческого организма. И вот, женщина с макияжем боится проявить свои чувства, вспотеть и т.д. Кроме того, к естественным проявлением динамики человеческого организма можно отнести и его старение. В обществе почему-то считается, что женщине «неприлично» выглядеть старой, лицо должно быть загримировано, седина закрашена. Мужские же морщины и седины исключительно носят отпечаток благородности. Подвергаясь воздействию стереотипов, женщина изменяет себя и провоцирует столь же искусственное отношение к себе. Пока женщина носит маску стереотипа, мужчина тоже носит маску «джентельмена», но как только женщина пробует выйти за пределы того, что ей дозволено, мужчина сбрасывает маску почтения и ставит женщину на место в ее 30% жизненного пространства.

Обобщая, можно сделать следующий вывод о реальном распределении социальных ролей в обществе. Несомненно, существует некая установка на исключительность женщины, признаваемая как мужчинами, так и самими женщинами. Эта установка создает немало проблем, например, в трудовых отношениях («у меня дети, я могу и опоздать на работу») и в то же время является основой для дискриминации («я не хочу принимать на работу женщин, у них вечные проблемы с детьми»). Как показатель этой исключительности создаются «женские» журналы, программы на телевидении (например «Город женщин»), устраиваются «женские» форумы, появляются политические фракции. При этом основной мотив – исключительность женщины, ее «особость», уникальность характера и поведения. Суть массы текущей информации можно свести к простым фразам – «женщины это особые и даже загадочные существа», «прекрасная половина человечества» (при этом, наверно, подразумевается, что другая не только сильная, но еще и умная). Вся эта «женская индустрия» создает в женском и общественном сознании образ идеальной женщины, смысл и цель жизни которой понравиться мужчине, очаровать его и завлечь. Но такая установка не может служить гармонизации общества, которое изначально не предоставляет равноценных перспектив. Разрешима ли эта проблема? Кроется ли ее решение только лишь в системе воспитания, или же корни ее заложены в структуре ментальности? Может, ответив на эти вопросы, можно будет сделать значительный шаг в сфере распределения социальных ролей. Шаг на пути к гармоничному обществу счастливых людей, умеющих найти свое место.

И.И. Дмитриева

ГЕЙША — НОСИТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИЙ ЯПОНИИ

Знакомство с женщинами в Японии гораздо менее затруднительно, чем в других восточных странах. Там, где господствует ислам, женщин прячут и оберегают так тщательно, что ни один посторонний мужчина не может их видеть, в Индии они скрываются в «ценанах», в Китае женщины высших классов сидят за стенами своих обширных квартир, в Корее они, при приближении постороннего мужчины, закрывают себе лицо или убегают. Таким образом, путешественник имеет возможность познакомиться там только с одной половиной населения – мужской.

В Японии же все иначе. Там совсем незнакомы гаремы и «ценаны», и женщины у них не стеснены в своих движениях. Их лица не скрываются ни под покрывалами, ни под головными платками. Здесь даже происходит нечто совсем обратное: вместо того, чтобы скрываться, эти очаровательные особы иногда даже слишком бросаются в глаза, а общение с иностранцами им так же доступно, как с японскими мужчинами.(Все о Японии. М., 2001)

Жизнь здешней женщины доступна. И это вовсе не потому, что японцы сами, или их жены, чересчур откровенны, наоборот, они также необщительны, как и другие восточные народы. В уличной жизни, на празднествах, в чайных домах и театрах, в гостиницах, во время поездок женщины играют почти такую же роль, как мужчины.

Ни в одной азиатской стране они не появляются так открыто, как здесь, но зато нигде это не ценится, как в Японии.

Японцы поступают совершенно правильно в этом отношении, потому что именно их женщины придают этой восхитительной стране особую прелесть.

Ирина Игоревна Дмитриева,
студентка философского факультета
Уральского государственного университета

Оригинальнее всего то, что путешественник знакомится здесь, в сущности, с самым незначительным процентом японок. Как в других азиатских странах, так и здесь женщины высших классов живут вне общественной жизни. Они очень редко показываются на улице или в обществе, а те из них, с которыми знакомятся европейцы, занимают какое-нибудь официальное положение: это жены министров, аристократов и придворных сановни-

ков. Эти женщины, большей частью, примкнули к «европейской» Японии, они ходят в современных европейских нарядах, носят туфли на каблуках, говорят на иностранных языках и танцуют современные танцы.

Они принимают гостей, ухаживают за ними и развлекают их шутками, пением и танцами. В то время как мусмэ (выполняющие роль служанок) заботятся о личных удобствах посетителей, майко развлекают их танцами и драматическими представлениями.

С гейшами же можно очень приятно провести время в разговорах и шутках, так как они очень интеллигентны и получают классическое образование. Гейши составляют исключительную особенность страны – ее традиции, без них нельзя себе представить Японию.

Интересно, что первыми гейшами были не женщины, а мужчины. В XVII веке в больших городах Японии появились злачные районы, в которых отдыхали от повседневных забот японские мужчины. «Отдых» включал в себя роскошное застолье, светскую беседу и секс. Половые потребности удовлетворяли проститутки – юдзе, ну а культурные – гейся.

Первые гейся-мужчины немного напоминали наших массовиков-затейников из домов отдыха для трудящихся. Они пели, танцевали и рассказывали анекдоты для гостей и их веселых подруг. Первая женщина-заводила появилась в 1751 году, а еще через десять лет – первая профессиональная женщина-гэйся. Ею была Касэн из дома Огия, сначала работавшая юдзе, а затем начавшая самостоятельный бизнес.

Основным достоинством гейся было умение весело и остроумно поддерживать беседу. Они читали стихи, пели песни, танцевали, аккомпанировали мужскому пению, организовывали веселые игры. Основным музыкальным инструментом для гейся был трехструнный сямисэн. Вскоре женщины-гэйся стали так популярны, что полностью вытеснили с этой работы мужчин.

И вот к началу XIX века термин «гэйся» (или гейша) стал обозначением исключительно женской профессии. Кстати, первые женщины-гейши не были красавицами, да и одеты были скромно по сравнению с проститутками юдзе. Интимная близость с гейшей за деньги была делом исключительно редким, к тому же гейши не специализировались на каких-то особенных видах. А для того, чтобы сделать гейшу своей любовницей, мужчине было недостаточно хорошо заплатить – он обязательно должен был обладать ики – элегантностью и утонченным стилем поведения. В отличие от юдзе, гейши работали не только и не столько в «злачных местах». Они приходили по вызовам и на дружеские мужские вечеринки.» (Фоняков И. О. Япония в моем блокноте. СПб., 2003)

Для японцев XVII-XVIII веков секс с женой имел целью получение потомства, для удовольствия существовал секс с куртизанкой. Притягательность же чайных домиков заключалась в тяге к чему-то прекрасному. Из долгих часов, что мужчины проводят здесь, только краткие мгновения посвящены сексу, все остальное время отдается общению – дружеским застольям, поэзии, щегольству, пению, танцам. И в этих местах больший вес всегда имели не ступени социального положения, а деньги, личное обаяние и ум.

В XIX веке гейш могли посещать даже бедные студенты. Но чем теснее становилась связь гейш с театром кабуки, чем больше появлялось истинных ценителей, тем приобщение к обществу гейш становилось дороже, требовало особой утонченности вкуса и немалых средств. Клиентуру сегодняшних чайных домиков составляют в основном солидные и состоятельные люди, главным образом предприниматели из разных отраслей экономики. Некоторые из них смотрят на гейш просто как на атрибут и условие определенной атмосферы, создающей им нужный имидж. Между собой гейши называют клиента подобного типа «холодной рыбой». Настоящий же клиент – это тот, кто интересуется искусством гейши, кто умен и обходителен, может занять ее так же, как она его.

Районы, в которых располагались общины гейш, назывались «цветочными улицами» (ханамати). У гейш не было фамилий, а имена переходили по наследству от предыдущих гейш этого ханамати. Гейши не имели права выходить замуж, не «выйдя из бизнеса». Гейша, если находила себе содержателя, шла против закона и могла выступить в роли жрицы любви, но опять же, лишь по собственной воле и только в случае обладания мужчиной «ики» – элегантностью и утонченным стилем. Сделать гейшу своей «второй женой» было по карману только самым богатым, лишь наличие высокого социального статуса и большого достатка могло позволить мужчине такую роскошь. Содержать гейшу считалось особым шиком, престижем и не просто приветствовалось, но и почиталось. Руководили гейшами «матушки» – ока-сан. Гейши-ученицы назывались майко. Переход из майко в гейши обычно сопровождался потерей девственности. Особую популярность гейши получили в конце XIX и начале XX века, когда японское правительство начало активно бороться с проституцией. Поскольку гейши вы-

глядели более благопристойно, нежели юдзе, к ним отнеслись более снисходительно. Прошли те времена, когда семья из-за нужды продавала девушку в дом гейш – покорясь своей судьбе, бедняжка могла утешиться лишь тем, что исполняет высший дочерний долг. Сейчас родители специально устраивают наследниц в дом гейш, чтобы там в них воспитали самостоятельность и чувство уверенности в своих силах. В конце XX века выбор стал сознательным, и только незаурядные женщины решаются войти в «мир ивы и цветов»-кто-то по складу характера, кого-то влечет романтика профессии. Впрочем, грезы о романтическом облике гейши быстро проходят, и «разочарованные странницы» спешат вернуться к светской жизни, если под их сантиментами нет более солидной почвы: чувства долга, высокой требовательности к себе, самодисциплины, а главное – знаний в области искусства.

Слово «гейша» в русском языке появилось в результате неправильной транскрипции английского

написания слова «гэйся». Гэйся можно перевести как «человек искусства» или «человек, обладающий мастерством». Так или иначе, но все говорит о творческом характере этой профессии. (Большой энциклопедический словарь. М., 1991)

В этом легко убедиться, просто посмотрев на гейш вблизи. Весь их внешний вид, по сути, является маской, которая определена им традиционным положением в обществе. Нарядные, с высокими старинными прическами (сегодня это парики), они далеки от реальной действительности и напоминают скорее красавиц со знаменитых японских гравюр XVIII-XIX вв. Однако при более близком рассмотрении красавицами их назвать трудно – невероятно толстый слой пудры превращает даже молодые, хорошенькие лица в неестественно белые маски с вычерненными по старинной моде зубами. Мало того, нередко можно встретить гейш среднего и даже почтенного возраста. Хорошему вину время прибавляет крепости и аромата, гейшам – мастерства и умудренности.

В Киото сохранился целый квартал – Гион, где гейши живут уже более двухсот лет. Традиционные двухэтажные дома с четкой геометрией наружных решеток сегодня, в отличие от прежних времен, выглядят загадочно скрытными. Раньше этот квартал наряду с гейшами населяло множество мастеров художественных ремесел, которые обслуживали их. Они создавали кимоно, украшения, обувь, различные аксессуары, музыкальные инструменты, веера, предметы быта. Потомки некоторых из них продолжают здесь жить и работать для гейш, усиливая тем самым атмосферу заповедности этого района.

Гейши Киото – самые известные в стране. Они стали частью традиционной культуры, которая делает этот город столь привлекательным. Их можно увидеть на разных празднествах – они проводят чайные церемонии, дают небольшие представления и одним своим присутствием привносят аромат старины.

Каждый год в мае со всей страны в Киото съезжаются желающие полюбоваться танцами майко – учениц гейш. Внешне они выглядят как взрослые гейши – в таких же замечательных кимоно, только концы парчовых поясов оби не завязаны, а распущены сзади. Это красивое зрелище стало одним из фестивалей национальных традиций.

В настоящее время школы гейш находятся в Киото – древней столице Японии. В них принимают девушек с 16 лет, т.к. действует закон об обязательном девятилетнем образовании, майко может перейти в разряд гейш только после окончания второй ступени средней школы. Но для того, чтобы поступить в школу, одного желания мало. Девушка должна быть красивой, обладать музыкальным слухом, приятным голосом и хорошей памятью. Обучение продолжается пять лет. Ученицы (майко) проводят за уроками 12 часов в день и имеют один выходной в две недели. Их учат носить кимоно, делать традиционный макияж, петь, танцевать, рисовать, подавать напитки, посвящают в тайны чайной церемонии. Майко имеют право присутствовать на различных вечеринках, но лишь в качестве красивого фона для беседы. Они поют и танцуют, а разговор ведет опытная гейша, которая не обязательно бывает молодой.

После окончания школы девушка получает лицензию, позволяющую ей начать работу. Из Киото молодые гейши разъезжаются по всей стране. Каждая гейша прикреплена к определенному ресторану или чайному домику, через который поступают заказы на различные приемы и банкеты, также гейша может выступать на телевидении, играть в театре и кино. Считается, что одной из основных причин притягательности гейш для японских мужчин является их раскрепощенный разговор, естественное общение с ними и умение польстить мужскому самолюбию, что никогда не могли себе позволить женщины других социальных слоев, связанные традиционными условностями, которые сформировали, точнее, сковали женский национальный характер.

Нынешние гейши – своеобразный осколок старого феодального уклада жизни. Оказавшись в совершенно иной социальной и культурной среде, они как явление, безусловно, претерпели определенные изменения, но сохранили основное свое назначение – утонченно развлекать гостей. Известно, что сегодня вечер с гейшами стоит немалых денег, само их присутствие, даже весьма

краткосрочное, означает высокий уровень банкета. Развлекая гостей, гейши создают для них особую атмосферу комфортности, игровой занимательности и по мере потребности интеллектуального общения.

Последнее требует от гейш еще и образованности, особенно в области классической восточной литературы и поэзии. Но все-таки вряд ли стоит идеализировать мир гейш. В нем, как и в среде актеров, всегда существовали разные уровни – соответственно таланту и мастерству. Если гейши высокого ранга(Сегодня высшую ступень в иерархии занимают таю-сан, своего рода гейши-аристократки) появляются на банкете ненадолго и мало общаются с гостями, демонстрируя главным образом свое искусство, то их «коллеги» попроще весь вечер могут провести, непринужденно общаясь с клиентами, иногда не отказываясь принять от гостя и чашечку сакэ.

Своих жен и дочерей японцы прячут. Если вы приходите к японцу в гости, вас принимают исключительно мужчины. Если вы станете близкими друзьями, вам представят жену или даже дочь, но вновь вы увидите женщин только при прощании – они упадут перед гостем на четвереньки, отвешивая поклоны. Длинных бесед с ними вести не полагается, и если вы вздумаете сказать женщине комплимент насчет ее внешности или костюма, то это воспримется как оскорбление.

Впрочем, беседа с ними не принесла бы ничего, кроме разочарования, потому что японские женщины до недавнего времени были совершенно в стороне от общественной жизни. Они рождаются, учатся в детстве, обучаются вести хозяйство, составлять букеты из цветов, вышивать и готовить чай с «церемонией».

Затем выходят замуж, в двадцать пять лет отцветают и умирают верными, преданными женами и хорошими матерями, но ум у них остается неразвитым, у них нет никаких познаний, поэтому они не могут блистать в обществе разговорами и у себя дома удовлетворять в этом отношении мужей.

Этот-то недостаток и пополняют гейши. Они развлекают и увеселяют публику за определенную плату за час, днем или вечером. Если японец после работы захочет вечером развлечься, то он

приглашает гейшу, если он хочет устроить друзьям ужин, то в нем принимают участие не его жена и дочери или женщины из семьи, а опять- таки гейша. Японец приглашает за плату несколько гейш с их прислужницами и проводит вечер этим обществом в чайном доме.

Во время делового ужина она пьет, но не ест, угощает гостей сакэ и поддерживает беседу. В присутствии гейши любой мужчина, будь то директор фирмы или министр, превращается в ребенка, мечтающего о ее благосклонности, в которой ему, кстати, могут и отказать. Впрочем, нужно быть японцем, чтобы оценить сам факт приглашения в общество гейш. Хотя бы потому, что деньги здесь не имеют значения. Нужны рекомендации. Ведь визит к гейшам – своеобразный билет в закрытый клуб для почтенной публики.

Перед приемом идут многочасовые приготовления.Гейше моют голову, расчесывают волосы и сооружают из них идеально гладкий купол. Чтобы он выглядел «полнее», на затылок под волосы подкладывают несколько мягких волокнистых подушечек Это творение парикмахеры обильно смачивают черным лаком, чтобы все лежало волосок к волоску. Либо волосы укладываются на голове в три валика, чтобы открыть шею. Гейша носит шиньон, который даже высокому мастеру стоит долгих часов труда. Шиньон заставляет гейшу спать, опираясь шеей на деревянный валик. Для японцев шея и верхняя часть спины, так же как и запястья, – предмет вожделения.

Затем – макияж. Гейша покрывает лицо белой пастой (в религиозном синтоистском обряде белый цвет означает чистоту), делающей его мягче и позволяющей губам выглядеть более ярко, их искусно подкрашивают ярко-красной помадой , глаза подводят в направлении висков черным и красным цветом, – все в гейше напоминает куклу, призвание которой – быть женщиной.

Но интересно, что у японцев есть стандарты красоты и для человека: будь то японка или европейка. Чем белее кожа, тем девушка считается красивее. Поэтому исстари женщины наносили

на лицо белую мазь. Сейчас в арсенале японских женщин множество отбеливающих кремов, белоснежных пудр.

Мода пудрить лицо до мертвенно-белого пришла в Японию в VII – VIII веках из Китая. В Японии считают, что просветленная кожа является признаком правильного подхода к жизни. У человека с правильным мировоззрением кожа гладкая просветленная. Именно это качество всегда старались подчеркнуть гейши.

Нельзя представить гейшу на приеме без музыкального инструмента – сямисена. Сямисэн – буквально «три струны». Из века в век служит своеобразным символом ремесла – он был и остается главным инструментом гейши, несмотря на всякие причуды (вроде моды на гитару в 60-е годы). Большинство гейш учатся играть исключительно на слух, да пожалуй, исполнение по нотам и невозможно: гейша аккомпанирует своим гостям, а среди них далеко не часто случаются профессиональные певцы. «Солисты» и «хористы» вольно или невольно искажают вокальную партию, и дело аккомпаниаторши верно расставить аккорды и аккуратно вести сопровождение. Обычно музицируют гейши постарше, те, что помоложе, – танцуют. Драматическая ритмика танцев и мистическая мелодика аккомпанемента вызывают трепет у слушателей и зрителей.(Дэлби Л. Падшая женщина или украшение нации?)

Гейша носит на себе огромное количество разнообразнейших вещей.

Оби – нарядный пояс для кимоно. Женский оби изготовляют из парчи, шелка и хлопка. Носят его чуть выше талии. Мужской оби бывает двух видов heko-obi (в виде широкого шарфа из шелка) и kake-obi (более узкий и из хлопка) Его повязывают на бедрах, оборачивая несколько раз.

Хаори – вид верхней мужской и женской одежды, в виде длинной куртки с широкими рукавами, без пояса.

Канзаши – длинная шпилька для традиционной женской прически. Изготовлялась из дерева, лака, серебра, черепахового панциря. Такие украшения представляют собой ювелирную миниатюру с инкрустацией из перламутра, жемчуга.

Японский женский традиционный костюм не допускает наручных украшений и ожерелий, поэтому украшения причесок являлись главными аксессуарами, показывающими благосостояние и вкус владелицы. На гравюрах Утамаро и других авторов можно видеть как гейши используют в своих прическах до двадцати дорогих канзаши.

Доме – вид разъемной шпильки для поддержки волос на затылке. Затылок считался одним из наиболее привлекательных мест по канонам японской женской красоты. Поэтому доме также богато украшалось и изящно орнаментировалось.

Куши – японский женский гребень. Также как доме и канзаши являлся символом положения в обществе и представлял собою ювелирную миниатюру.

Учикаке – верхняя парчевая или шелковая накидка, очень дорогая, с ручной вышивкой или элементами ручной росписи по шелку. Носится поверх кимоно, без пояса оби. В настоящее время используется только в торжественных случаях и является элементом свадебного костюма.

Веер – как и много веков назад делается вручную. Раскрытый веер является символом жизненного расцвета, поэтому веера часто дарят друг другу и используют в качестве настенного украшения комнат.

Имея такой романтический облик, гейша не знает прекрасного чувства любви. Она не понимает значения поцелуя, и если какой – нибудь европеец хочет прикоснуться к ее губам, то ей кажется, что он сотрет с ее губ краску. Тут нет ни веселой пикировки, ни любовного воркования. В Японии нет объятий, нет поцелуев и рукопожатий. Любовь здесь не выражается словами. В японском языке нет ласкательных слов, как, например, «милая», «душечка», «голубушка» и т.п., которыми так изобилуют европейские языки. Даже интонация голоса не меняется у влюбленных, когда они вместе.

Но если Японии не знакома любовь со всякими нежностями, то почему же все европейцы, приезжавшие в Японию, так восхищаются гейшами? Чем они восхищают европейцев? Европейца подкупают не ее выученные познания, а ее природная естественность, молодость, нежность, красота. Если даже она не так красива, все же в ней есть какая-то притягательная сила.

Человеку с европейским мировоззрением трудно до конца оценить искусство гейши. Ибо тайна ее неразрывно связана со всей системой японского восприятия мира, и, чтобы разгадать ее, нужно сказать несколько слов об особенностях японской философии. Согласно ей, все в мире имеет единую душу. Она живет в каждой вещи, растении, человеке. Изначально эта единая душа божественна и прекрасна. Но у людей она обрастает страстями, обидами, суетными мыслями, которые мешают проявиться ее красоте. Когда людям удается раскрыть истинную душу друг друга, то возникает чувство родства со всем миром и человек уже не может ранить другого, так как ощущает его как самого себя.

Японцы с незапамятных времен привыкли делить женщин на три категории: жена – для домашнего очага, ойран – для тела и гейша – для души. Роль гейши как раз и заключалась в том, чтобы раскрыть истинную, прекрасную душу мужчины. И она была в этом непревзойденным мастером, прекрасно чувствуя мужчину и возвышая его.

Задача гейши – помочь проявиться красоте во всех ее проявлениях. Именно поэтому она олицетворяет собой образ идеальной женщины, ибо в понимании японцев высшее искусство женщины заключается в умении возвысить мужчину.

Ю.В. Чемякин

ЖУРНАЛИСТИКА СТРАН ВОСТОКА В СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Юрий Владимирович Чемякин,
кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры истории журналистики факультета журналистики Уральского государственного университета

Во время войны в Ираке в 2003 году катарский телеканал «Аль-Джазира» составил серьезнейшую конкуренцию ведущим западным службам новостей. Для множества людей из самых разных стран этот арабский телеканал служил важным или даже основным источником информации о развитии военных действий. Некоторые кадры, впервые показанные «Аль-Джазирой» (например, американские пленные и погибшие солдаты коалиции), впоследствии обошли весь мир. И, хотя американские военные обвиняли «Аль-Джазиру» в тенденциозности, есть все основания утверждать, что эта телекомпания освещала события более объективно, чем американские СМИ, которые долгое время представлялись образцами объективности и профессионализма.

Данный пример – лишь одно из наиболее ярких свидетельств того, насколько активно сейчас развивается журналистика стран Востока – журналистика самобытная, яркая, влиятельная и, несомненно, заслуживающая внимания российских исследователей.

Между тем, преподавание истории зарубежной журналистики на факультетах и отделениях журналистики зачастую ограничивается изучением развития прессы и электронных СМИ стран Запада. Даже в государственном образовательном стандарте высшего образования по специальности 021400 «Журналистика» курс «История зарубежной журналистики» включает в себя фактически лишь журналистику стран Европы и США.

На формирование такого западно-ориентированного подхода, очевидно, оказали влияние характерные для России еще с петровских времен европоцентристские тенденции. Безусловно, интерес к опыту западных стран является оправданным. В сфере развития журналистики опыт этих государств действительно может рассматриваться как представляющий наибольшую ценность для российских студентов-журналистов, исследователей и практиков СМИ. Ведь, начиная с XVI века, журналистика наиболее интенсивно развивалась именно в странах Западной Европы, прежде всего в Германии, Англии и Франции, а с рубежа XVIII-XIX вв. на лидирующие позиции выходят Соединенные Штаты Америки. Пресса именно этих стран являлась наиболее мощной, новаторской и во многих отношениях, передовой. Именно пресса этих государств раньше всего встала на путь технического прогресса, начала не только активно использовать новейшие научно-технические достижения, но зачастую даже активно способствовать их развитию (например, в развитии телеграфа выдающуюся роль сыграла американская «penny press»). Образцы журналистики стран Западной Европы и США зачастую принимались, да и сейчас принимаются в других регионах мира как пример для подражания. Азиатская, африканская и латиноамериканская журналистика долгое время носила преимущественно «вторичный» характер, развивалась под влиянием западной прессы, и это неудивительно, учитывая, что страны Азии, Африки и Латинской Америки раньше были колониями и полуколониями. Радио и телевидение в эти регионы так же, как правило, «пришло извне», из стран Запада, которые (особенно, Германия и США) сыграли ведущую роль в развитии электронных СМИ на ранних этапах.

Несмотря на то, что пристальное внимание к журналистике Запада представляется обоснованным, опыт журналистики стран Востока также заслуживает изучения, как минимум, по трем причинам. Во-первых, пресса этих стран развивалась зачастую в условиях жесткого контроля со стороны власти – так же, как и российская пресса. В этом отношении, например, китайская журналистика более близка нам, чем американская, которая развивалась в совершенно иных условиях. Во-вторых, как уже было сказано, за последнее время журналистика стран Востока добилась таких впечатляющих успехов, что ее опыт заслуживает изучения даже в чисто практическом плане.

Конечно, на журналистику практически любой страны сильнейшее влияние оказывают особенности государственной политики в области СМИ (поэтому исследование отношений прессы и власти может рассматриваться как важный аспект изучения истории журналистики). Есть все основания полагать, что эффективная государственная информационная политика является одним из факторов того, что современная пресса Японии, Китая и ряда арабских стран развивается быстрыми темпами.

Например, арабские страны, взяв курс на взаимное информационное сотрудничество, на создание собственных коммуникационных систем, на быстрое внедрение новейших технологий связи и обработки информации, сумели в исторически кратчайшие сроки добиться внушительных успехов в развитии спутникового телевещания. Арабские государства вступили в XXI век, имея в своем

распоряжении большое количество каналов спутникового телевидения, которые охватывают своим вещанием весь земной шар.

И третья причина, по которой журналистика, особенно современная журналистика, стран Востока, заслуживает пристального внимания, это то, что в условиях глобализации средствам массовой информации этих стран (Китая, Японии, Южной Кореи, Индии и др.) зачастую удается сочетать приверженность к новому передовому опыту в науке, технике, общественной жизни с почитанием национальных традиций, поддержание культурного, информационного обмена между разными странами с отстаиванием национальных интересов и ценностей собственной культуры. Возможно, такая позиция СМИ стала одним из факторов успешного развития ряда азиатских стран. Так же, как некритичное копирование российской журналистикой западных образцов, отказ от национальных ценностей и традиций, стали, очевидно, одним из факторов глубочайшего экономического и социально-политического кризиса, в котором оказалась Россия (и, конечно, сама российская журналистика) в начале 90-х годов прошлого века. Возможно, этого в какой-то мере удалось бы избежать, если бы работники российских СМИ изучили опыт стран Азии и особенности развития журналистики в разных странах.

Человек, хотя бы поверхностно знающий историю журналистики, уже вряд ли примет на веру, без критического осмысления слова Дэвида Рэндалла о том, что нет английской, французской, русской, шведской и т.д. журналистики, а есть только две журналистики – хорошая и плохая... Например, очерки Анатолия Аграновского – это хорошая журналистика или плохая? С точки зрения американского редактора подобные произведения, наверное, и вовсе не имеют отношения к журналистике. А для истории отечественной прессы эти очерки являются предметом гордости, частью «золотого фонда».

Все дело в том, что «хорошая журналистика» в трактовке ряда западных теоретиков и практиков СМИ, это не что иное, как журналистика, соответствующая традиционным западным представлениям о ней, журналистика, отвечающая определенным, чаще всего – американским, стандартам. Вся остальная журналистика, соответственно, плохая. Безоговорочное принятие журналистами не западных стран такой точки зрения, как уже было отмечено, может принести вред как национальной журналистике, так и обществу, и государству. Потому что все-таки, несмотря на утверждение Рэндалла, существует американская, французская, китайская, российская, индийская и т.д. журналистика со своими историческими особенностями и традициями, тесно связанными с национальным менталитетом. И изучение опыта, например, китайской журналистики, во многом не похожей на прессу западных стран, но успешно развивающейся в настоящее время, может быть не менее полезно для российских студентов-журналистов, чем изучение американского опыта.

Нельзя утверждать, что в России не изучается опыт журналистики стран Востока. Но, во-первых, эти исследования, как правило, недостаточно основательны и, во-вторых, некоторые регионы практически совершенно «выпали» из поля зрения российских исследователей. Так, например, если японской и китайской журналистике посвящено достаточно большое количество научных работ, то журналистика стран Ближнего Востока оказалась практически «обделенной» вниманием. Между тем, если мы хотим понять жизнь этих стран, преобладающие там тенденции в государственной политике и в общественном мнении, изучение журналистики этих стран представляется совершенно необходимым. А понять жизнь арабских государств для нас важно хотя бы по причине становящегося все более мощным «исламского фактора», оказывающего большое влияние на развитие всего мира, в том числе и России.

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ (на примере г. Мегиона ХМАО-Югра)

А.Д. Трахтенберг

Анна Давидовна Трахтенберг,
кандидат политических наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

За последние пятнадцать лет произошли резкие изменения в структуре российского информационного пространства, связанные с тем, что в России, вслед за Западом, начался очередной этап информационной революции. В настоящее время «информационной революцией» называют фундаментальные преобразования социальных отношениях и образа жизни, которые вызваны появлением новых информационных технологий и средств коммуникации.

Мы исходим из того, что информационная революция в российской школе, как и информационная революция в целом, идет и «сверху», и «снизу», и сопровождается информационным расколом.

Советская школа оказалась затронутой процессами информатизации только на самом последнем этапе своего существования. Следует признать, что из всех запланированных в позднюю советскую эпоху программ информатизации оправдало себя именно введение в школах программы «Информатика». Эта позволило познакомить тогдашних школьников с компьютерами как важнейшим составным элементом нового информационного и культурного пространства, дало им общее представление о процессах информатизации в современном обществе, а также привило им некоторые первоначальные навыки пользования новыми массовыми информационными технологиями (клавиатура, текстовый редактор, электронные таблицы и т.п.).

В постсоветскую эпоху началось оснащение школ персональными компьютерами и, до определенной степени, сопутствующей периферией, пик которого пришелся на 1990–1992гг. Новый шаг был сделан в связи с реализацией федеральной программы «Развитие единой образовательной информационной среды» (2002–2008 гг.), направленной на расширение и модернизацию компьютерного парка в школах.

Таблица 1. Наличие средств коммуникации в собственности семей старшеклассников

Средства телематики	Март 1997 г.	Сентябрь 2002 г.
1. видеомагнитофон	92,8/1	94,6/1
2. игровая приставка к телевизору	74,1/2	58,9/3
3. видеокамера	47,4/3	55,8/4
4. проигрыватель компакт-дисков	47,0/4	74,0/2
5. персональный компьютер	23,7/5	53,1/5
6. принтер	9,3	32,9
7. сотовый телефон	9,0	27,5
8. ксерокс	7,2	7,8
9. пейджер	4,7	13,2
10. факс	4,7	7,8
11. модем	2,8	32,6
12. затруднились ответить	1,9	1,6

Однако параллельно информатизации «сверху» шел стихийный процесс компьютеризации российских семей и развитие коммерческих форм приобщения к Интернету (прежде всего в форме Интернет-кафе), причем, что вполне понятно, в первую очередь этот процесс захватывал мегаполисы, где каждое следующее поколение молодежи приобщается к информационной революции быстрее и полнее, чем предыдущее[1].

При этом границы «информатизации снизу» за последние 10 лет обозначились достаточно четко: она охватывает в первую очередь мегаполисы и постепенно распространяется на менее крупные города. Именно поэтому ее и дополняют «информатизацией сверху», направленной на малые города и села, причем таким образом, чтобы они постепенно превращались в рынок и для «информатизации снизу».

Ханты-Мансийский автономный округ-Югра заметно опережает большинство регионов России по уровню информатизации средних школ. До-

[1] Приведем характерный пример: «Студенты пятого курса ... факультета журналистики [Московского государственного университета] хуже знают Интернет, и когда спрашиваешь, у кого есть компьютеры, руки поднимают единицы, а на первом курсе 70% студентов имеют компьютер»(*Засурский Я.Н.* Информационное общество и средства массовой информации // Развитие информационного общества в России. Т. 1. СПб., 2001. С.151). Мы также сталкивались с этим феноменом в наших исследованиях: среди учащихся девятых классов оснащенность компьютерами, как правило, выше, чем среди учащихся выпускных классов.

Таблица 2. Степень освоения старшеклассниками компьютера

Умеют...	Март 1997 г.	Сентябрь 2002 г.
1. играть в компьютерные игры	48,3	82,2
2. пользоваться оболочкой DOS	45,2	27,5
3. пользоваться оболочкой Windows	37,4	76,7
4. пользоваться редактором «Лексикон»	5,9	8,5
5. пользоваться редактором «Microsoft Word»	2,1	50,7
6. пользоваться редактором «Microsoft Excel»	-	47,7
7. пользоваться редактором «Paintbrush»	1,2	17,1
8. пользоваться другими редакторами	0,9	4,7
9. пытались самостоятельно писать программы	10,8	9,3
10. компьютер не освоен вообще	9,0	4,7
10. затруднились ответить	5,9	1,9

статочно указать, что в округе создан и активно развивается окружной Образовательный портал и создается централизованная библиотечная сеть. На базе компьютерных классов формируются пункты свободного доступа в Интернет. Одновременно ускоренными темпами осуществляется и информатизация «снизу»: постоянно растет число персональных компьютеров, находящихся в личном пользовании семей учащихся, как и оснащенность этих семей другими средствами коммуникации.

Для этого, чтобы проследить динамику освоения учащимися информационных технологий, Гуманитарный центр МОУ № 5 «Гимназия» г. Мегиона с 1997 года проводит социологические исследования гимназистов. В нашей статье мы рассмотрим некоторые результаты этих исследований, проведенных в марте 1997 и сентябре 2002 г., т.е. с интервалом в пять лет.

Во-первых, следует отметить скачкообразный рост числа персональных компьютеров, находящийся в личном пользовании семей учащихся – *см. Таблицу 1.*

Как видно из Таблицы 1, доля старшеклассников, в семьях которых имеется персональный компьютер, за пять лет выросла в два раза и достигла половины от общего числа гимназистов. При этом в 1997 году только каждый десятый пользователь домашнего компьютера имел в своем распоряжении и принтер, и только 2,8% имели возможность подключаться с сети Интернет через модем, то в 2002 г. модемы и принтеры имелись у трети опрошенных школьников.

Это означает, что пользование Интернетом приобрело достаточно массовый характер. Как и следовало ожидать, более активные, лучше успевающие школьники, родители которых имеют высшее образование и уровень доходов выше среднего, пользуются Интернетом более активно, чем те, кто учится на «удовлетворительно» и живет в семьях со сравнительно низкими доходами, где родители не имеют высшего образования. Иными словами, можно говорить об элементах внутришкольного информационного неравенства.

При этом решающую роль играет позиция родителей. Как правило, если родители используют информационные технологии в своей профессиональной деятельности, они рано или поздно приобретают домашний компьютер и поощряют своих детей становиться пользователями. И наоборот, если родители в своей профессиональной деятельности не сталкиваются с современными информационными технологиями, они откладывают приобретение домашнего компьютера, несмотря на просьбы своих детей.

В какой мере современные школьники владеют персональным компьютером? – *см. Таблицу 2.*

Как видно из Таблицы 2, подавляющее большинство пользователей умеют играть в компьютерные игры и пользоваться оболочкой Windows. Примерно половина опрошенных в 2002 г. указали, что умеют пользоваться редакторами Microsoft Word и Microsoft Excel, в то время как в 1997 году школьники имели некоторое представление о первом редакторе, и никакого – о втором. Иными словами, компьютерная компетентность школьников за пять лет резко возросла, хотя их «фаворитами» по-прежнему остаются компьютерные игры. Самыми популярными играми в 2002 г. в Мегионе оказались «Counter Strike», «Sims» и игры группы QTA (QTA-1, QTA-2, QTA-3).

Что касается самостоятельного программирования, то им занимается не более 10% школьников, что вполне объяснимо: такое увлечение и не может быть массовым, так как требует достаточно высокого уровня владения персональным компьютером.

В целом на примере МОУ № 5 «Гимназия» г. Мегиона можно сделать вывод о том, что современные российские школьники вполне успешно осваивают весь комплекс навыков, необходимых для того, чтобы пользоваться современными информационными технологиями.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

С.И. Глушкова

Светлана Игоревна Глушкова,
доктор политических наук, зав. кафедрой прав человека, зам. декана юридического факультета Гуманитарного университета

Систематизируя различные концепции прав человека, созданные в XVIII-XXвв., можно представить, на наш взгляд, следующую их классификацию: 1) цивилизационные; 2) национальные; 3) идеологические (либеральные, консервативные, радикальные, др.); 4) режимные (советская, фашистская, др.); 5) концепция поколений прав человека; 6) исторические; 7) политические; 8) эпохальные (глобалистские, например).

Из всего разнообразия названных концепций классической была и остается либеральная (западная) теория прав человека, очередной кризис которой, как и демократических институтов, в целом, мы наблюдаем сегодня, в современном мире. В условиях «серой войны», когда XXI веку грозит прослыть в истории человечества эпохой террора и попрания прав человека, подвергаются сомнению основные ценности классической (либеральной) концепции прав человека. В частности, речь идет о том, что под давлением действий террористических организаций институт прав человека начинает сдавать позиции правам общества и правам государства. Цена прав человека, диктуемая международным терроризмом, неизменно снижается и теряет стабильные позиции подобно ставке американского доллара.

Меняются и подходы к определению самой сути прав человека. Все более актуальным в условиях глобализации становится понимание прав человека как средства предотвращения катастроф, грозящих всему человечеству (Ф.М. Рудинский).

Исторический дискурс прав человека нашел свое развитие в концепции трех поколений прав человека, созданной французским правоведом К. Васаком в 70-е годы XX века. Данная теория, став хрестоматийной, требует, на наш взгляд, своего продолжения. Ибо концепция прав человека по-прежнему, как и отмечал К.Васак, развивается волнообразно, а не комплексно. Так, по нашему мнению, можно говорить о следующих новых поколениях прав человека: четвертое поколение (последняя четверть XX века) – закрепление в международных актах о правах человека и национальном законодательстве информационных и экологических прав человека; пятое поколение (конец XXв. – началоXXIв.) – развитие прав человека, связанных с биоэтикой. Это такие права, как право на жизнь, право на смерть (активная и пассивная эвтаназия), репродуктивные права (прежде всего, право на продолжение рода), право на здоровье, запрет на клонирование человека, соблюдение прав человека при трансплантации органов и/или тканей.

Биоэтические дискуссии о правах человека в настоящее время способствуют постановке проблемы личностных прав (А.И. Ковлер, В.И. Крусс). Их основанием является фундаментальная уверенность, в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию».[1] К личностным («соматическим») правам человека В.И. Крусс относит «право на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков или психотропных средств, право на искусственное репродуцирование, стерилизацию, аборт.., клонирование.., виртуальное моделирование..»[2] А.И. Ковлер (судья Европейского Суда по правам человека, избранный от Российской Федерации) считает личностные права особой разновидностью личных прав. К личностным правам он относит такие базовые личные права как «право на жизнь и достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность, свобода совести»[3] На наш взгляд, именно личностные права являются сутью пятого поколения прав человека. Несомненно, концепция поколений прав человека, в частности, и теория прав человека, в целом, нуждается в междисциплинарном развитии. Ибо именно теоретический (базовый) уровень прав человека, прежде всего, позволяет говорить об их универсальности, признании большинством государств, политических партий, международных организаций, др. Хотя апелляции к универсальным правам человека правительств ряда стран в последнее время все чаще завершаются не обеспечением, а ограничением и нарушением прав человека во имя прав государства, мирового сообщества. В то время как следующий уровень – практической реализации прав человека – становится камнем преткновения реформировании общества и государства, яблоком раздора политических сил или средством манипуляции, например, общественным мнением.

Российский исторический дискурс прав человека характеризуется следующими особенностями: 1) избирательное усвоение либеральной системы ценностей; 2) сочетание либеральных пристрастий, симпатий и идеологического преклонения перед имперской, советской, российской властью; 3) «ожесточенное столкновение», по мнению И.К. Пантина, демократического и либерального импульсов, которое привело к выбору и реализации в России не либеральной, а якобинской демократии[4]; 4) неоднократные «прививки» либерализма, инъекции которых способствовали трансформации российской культуры и истории, не сформировали устойчивый иммунитет российского общества – защиту от тоталитарного будущего; 5) ставшая традиционной для России XIX-XX веков политика расколов (на «врагов» и «друзей» народа, на правый

и левый уклон, на космополитов и патриотов и т.п.), противопоставления политических и общественных сил, которая препятствовала формированию в России терпимости к инакомыслию, толерантности, тормозила и продолжает тормозить утверждение идей правового государства, гражданского общества, демократических традиций.

Все это, как и неизбежная «логика истории», определяет тенденции развития современного российского дискурса прав человека, среди которых можно отметить такие, как: 1) кризис либеральных ценностей, в частности, либеральной концепции прав человека в целом (индивидуализации личности, толерантности к другим культурам, др.); 2) приоритет гражданских и политических прав в значительной степени в ущерб социальным и экономическим правам; 3) готовность граждан отказаться от ряда демократических свобод ради достойного уровня жизни, которая сочетается с готовностью власти отмежеваться от недавних, а потому неустойчивых демократических завоеваний ради обеспечения государственной и общественной безопасности, правопорядка. Избирательность и поспешность в освоении либеральных ценностей и демократических традиций оборачивается сегодня для российского общества бумерангом, что вызывает серьезные опасения. Исторический дискурс прав человека в мире (особенно в XXв., когда демократия более семидесяти раз терпела поражение)[5], свидетельствует о том, что такие тенденции вполне реальны и естественны для молодых демократий.

Противостоять этим негативным тенденциям, возможной трансформации демократии в авторитарный или тоталитарный режим должны прежде условия, которые благоприятны для развития демократических институтов: 1) демократическая культура; 2) «современная рыночная экономика и общество»; 3) «слабо выраженный субкультурный плюрализм»; 4) «отсутствие сильной зависимости от иностранной державы, враждебной демократии», 5) «контроль над армией и полицией, осуществляемый выборными должностными лицами»[6]. Наряду с этим « шансы на установление стабильной демократии увеличиваются в тех странах, где политические лидеры и рядовые граждане оказывают мощную поддержку демократическим идеям, ценностям и процедурам, ...страна обладает политической культурой демократии»[7].

Сегодня в России развитие политических событий зависит от того, способны ли демократические институты пережить кризис или нет. Огромную роль в этом, в придании имеющимся демократическим институтам стабильности и устойчивости, на наш взгляд, должны сыграть гражданские инициативы и гражданский контроль деятельности государственных, прежде всего, силовых структур. Среди гражданских инициатив нужно отметить в первую очередь два направления: 1) формирование новых общественных, в том числе, правозащитных организаций, профессиональных ассоциаций как базовых институтов гражданского общества; 2) увеличение числа граждан, стремящихся защитить свои права и свободы; так, статистика свидетельствует, что Россия уже вышла на первое место в мире по числу обращений российских граждан в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге (Совет Европы) и тем самым обошла Турцию, долгое время занимавшую этот «пьедестал». Рост гражданских инициатив, усиление авторитета гражданского контроля, на наш взгляд, являются базовыми основами успешной деятельности демократических институтов и главными векторами развития современного российского дискурса прав человека.

[1] Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: К постановке проблемы//Государство и право. 2000. №10. С.43
[2] Там же.
[3] Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. С.427.
[4] Пантин И.К. Историчекая драма русского либерализма//Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С.99, 105.
[5] Даль Р. О демократии. М., 2000. С.139.
[6] Там же. С.141
[7] Там же. С.150-151

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ВЛАСТИ А. ЗИНОВЬЕВА

Е.В. Катышевцева

Одной из актуальных тем философского анализа феномена власти является проблема ее «локализации», или проблема определения ее границ. В аспекте социально-институционального исследования названная тема реализуется в анализе механизмов разграничения публично-властных полномочий государства, классическим вариантом обоснования которых явилась концепция разделения властей, сформулированная Дж. Локком еще в XVII в.

В русской философско-правовой немарксистской традиции XIX – начала XX вв., представлявшей собой в целом синтез славянофильства и западничества, отводившей большое место социальной роли государства, последнее рассматривалось как высший и справедливый порядок. Это определяло достаточно прохладное отношение целого ряда отечественных мыслителей (Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, И.Л. Солоневич) к проблеме «сдержек и противовесов», функцию которых в от-

Елена Валерьевна Катышевцева,
кандидат исторических наук,
доцент, докторант УрГУ, г.Глазов

ношении центральной самодержавной власти могли, по мнению, например, В.С. Соловьева исполнять лишь первосвятитель церкви и пророк [1; 88-89].

Нет нужды специально говорить о том, что в рамках советского общественно-политического знания проблема ограничения коммунистического государства никогда не была актуальной. Значительный интерес на фоне обозначенных позиций представляет концепция власти А.А. Зиновьева, являющаяся оригинальным развитием обеих обозначенных традиций в отечественной философско-правовой мысли. Рассматривая власть как специфический, обеспечивающий доступ к социальным благам и гарантиям ресурс, Зиновьев говорит об экзистенциально-эгоистической природе власти, что определяет ее изначальное стремление к единству. В свою очередь, стремление власти к единству, считает философ, адекватно и экзистенциальным потребностям управляемого властью социума, заинтересованного в самосохранении в качестве единого целого. «Управляющий орган должен быть один, – пишет философ, – если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным» [5; 209].

Исходя из основополагающего для него принципа единства власти, Зиновьев определяет свое отношение к локковской теории, формирует свою концепцию «трех великих разделений властей». Последняя раскрывает историческое развитие власти как ее «вертикальную» динамику, связывая проблему пределов власти не столько с деятельностью функционально разделенных властей, сколько с исторической диалектикой иерархии управляющих и управляемых, а также с ее естественно-эволюционными пределами. (Первое великое разделение властей» означает, согласно гипотезе Зиновьева, двуединый процесс, представляющий собой «образование системы власти в сферах», сопровождающееся образованием в ходе «борьбы различных властей за власть над всем человейником, за доминирование в системе власти» [3; 198], ее нового структурного уровня – государственной власти.

«Второе великое разделение властей в истории общества» философ отождествляет с разделением власти на законодательную и исполнительную (в США данное разделение дополняется выделением судебной ветви власти). Анализируя данный историко-правовой факт применительно к XX, XXI вв., философ не склонен разделять энтузиазм создателей данной концепции (Локк, Монтескье) в аспекте ее основного компонента (системы «сдержек и противовесов»). Напротив, считает Зиновьев, разделение власти на ветви «можно истолковать не как средство ограничения власти, а как показатель единства власти, внутренне расчлененной в силу разделения функций. Об этом, по мнению философа, говорит тот факт, что «в правительствах многих западных стран доминирует одна часть, обычно – законодательная» [3; 318].

Размышляя таким образом, Зиновьев идет в русле русской философии права. Так, В.С. Соловьев по данному вопросу пишет буквально следующее: «Ясно, что эти три различные власти ...при всей своей необходимой *раздельности* (дифференциации) *не могут* быть *разобщены*..., так как они имеют одну и ту же цель: правомерное служение общему благу. Это их единство имеет свое реальное выражение в одинаковом их подчинении единой верховной власти» [1; 117]. «Единственность» государственной власти «несмотря на все свои разветвления» [2; 137] является, согласно И.А. Ильину, *второй аксиомой власти*. Обозначенный подход позволяет Зиновьеву говорить о «поверхностности» «западного плюрализма». «Он есть плюрализм в рамках единства власти. Тут имеются элементы власти, так или иначе делающие ее единственной в человейнике, несмотря на спектакли демократии» [3; 124]. Соответственно, «поведение Сталина, до сих пор вызывающее возмущение, – отмечает Зиновьев, – было закономерным и целесообразным с точки зрения интересов системы власти и страны» [3; 123-124].

Ограничение произвола власти философ усматривает «лишь вовне, а именно – в других властителях и в подвластных, в сопротивлении последних амбициям властителей» [3; 155]. В аспекте конкретных механизмов «сдержек и ограничения власти» это означает не «рутину» деятельности функционально разделенных властей, а «творчество» каждодневной социальной борьбы, перманентно воспроизводимой в мире социальных атомов. Вполне понятно, что гарантом равновесного состояния мыслимого таким образом общества становится, по Зиновьеву, *государство* как правовая форма механизма целостности и самосохранения социума.

Принципиально новым философско-правовым открытием Зиновьева является его концепция «третьего великого разделения властей». Осмыслив теоретически систему властных отношений в условиях глобализирующегося мира, Зиновьев квалифицирует ее как выделение над государством более высокого уровня власти, возникновение «власти над властью» или «*сверхвласти*» [3; 223].

Явление «сверхвласти», датируемое философом второй половиной XX – началом XXI вв., рассматривается им не как некий отрицательный, негативный тип власти, противостоящий положительному, позитивному типу власти, наподобие платоновского «отрицательного» типа государства (тимократия, олигархия, демократия и тирания), противостоящего государству идеальному, а как конкретный, обладающий сущностной определенностью социальный феномен. Соответственно категория «сверхвласть» не носит в контексте рассуждений философа эмоционально-оценочного, а имеет квалификационно-содержательный характер. «Сверхвласть», по Зиновьеву, – это конкретно-историческая форма существования власти, имеющая своего субъекта и обладающая конкретной пространственно-временной локализацией.

Философ выделяет основные обстоятельства, определившие возникновение феномена «сверхвласти». К ведущим среди них он относит закономерную эволюцию миров обществ (цивилизаций), с выходом их на новую эволюционную ступень в современном мире, характеризующуюся исчезновением «возможностей для автономной эволюции человеческих объединений в течении длительного времени» [3; 280] и приводящую к борьбе этих объединений за ресурсный потенциал и среду обитания.

Возникновение тенденции универсального миропорядка является, согласно Зиновьеву, следствием формирования особого специфического типа цивилизации, добивающейся «баснословного» социального прогресса, причем «на пути собственного уничтожения», [3; 280], а значит, и на пути уничтожения неких традиционных историко-культурных оснований вообще. Речь в данном случае идет о западной цивилизации, осмысливаемой философом в духе веберовской идеи западноевропейской «рационализирующей» культуры, добивающейся своей эффективности за счет ослабления механизмов «внутренней организации» социума (для Макса

Вебера – это означает «расчеловечение», «овеществление», «потерю личности», «утрату души» [6; 139]; для Зиновьева – это означает «деятельность по приспособлению менталитетных способностей людей к интересам» [3; 583] организующей их системы путем сверхрационализации человека и превращения его в «социобиологического робота» [3; 608]), а также за счет усиления механизмов его «внешней организации» (для Вебера – это тождественно «бюрократизации», «индустриализации», «интеллектуализации», «развитию рационального производственного капитализма», «овеществлению», «методизации», «секуляризации», «расчеловечению» [6; 137], для Зиновьева – это предполагает возникновение организующего все названные и многие другие процессы «сверхвласти»).

Интересно сопоставить оценки, даваемые обоими философами, конструируемому в рамках означенного социального «творчества» «человейнику». По Веберу, «рационализация иррационального» в западно-европейском социуме приобретает вид «иррациональности рационализации» [6; 139]. По Зиновьеву, возникающие здесь соответствующие социальные образования – «сверхобщества» – «сверхрациональны». «Они поглощают рационализм обществ, но организуются... уже не по законам рациональности» [3; 190]. Последнее обстоятельство позволяет философу уточнить концепцию «рационализирующей» культуры М. Вебера, выделив в ней этапы: «западноевропейскую культуру и культуру западнизма» [3; 381].

Возникновение «сверхвласти» за пределами «западнистского» социума обусловлено, по Зиновьеву, попытками иных социокультурных типов цивилизаций «защититься от претензий Запада» [3; 448], развив «конкурирующий вариант эволюции человечества» [4; 30]. Наиболее завершенную форму эти попытки, считает философ, получили в рамках советского коммунизма, где Советская власть сложилась как эталонный пример «единства государственных и сверхгосударственных элементов власти» [3; 438], где сама государственная власть формировалась «сверхвластью».Признавая факт того, что эпоха «сверхвластных» социальных структур «еще только наступает» [3; 283], Зиновьев определяет главный индикатор наличия в современном социуме сверхвластных образований. Таковым, согласно ученому, является сверхрациональная по масштабам и технологиям социально-инженерная практика коммунизма и «западнизма» («делание будущего» [3; 298]), предполагающая адекватный тип осуществляющей ее власти – «сверхвласть».

Исследователь обосновывает основные признаки, позволяющие идентифицировать явление «сверхвласти». К ним он относит: 1) Разрастание сверх всякой меры обычной (традиционной) государственности, обслуживающего ее политического класса и государственно-правовых механизмов. 2) Возникновение качественно нового уровня власти, властной надстройки над государством («сверхгосударства»), над экономикой («сверхэкономики»), над правом («сверхправа»), обладающей «негосударственными средствами» [4; 41] принуждения и управления нижестоящими уровнями власти. 3) Возникновение и утверждение «сверхидеологии» в качестве «могущественного инструмента формирования чувств и вкусов огромных масс людей» [4; 56], а значит, в качестве ведущего внутреннего механизма социального регулирования.

Анализ Зиновьевым феномена «сверхвласти» приводит его к выводу о том, что формирующаяся на наших глазах «+» система «не содержит в себе не крупицы демократической власти. Тут нет никаких политических партий..., преобладает принцип секретности, кастовости, личных сговоров... Тут вырабатывается особая «культура управления», которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества» [3; 239].

Обоснованная Зиновьевым концепция «трех великих разделений властей» позволяет философу осмыслить этапы всемирного процесса структурирования власти в рамках ее принципиального единства. Так, первый этап, означает возникновение адекватной обществу политической (государственной) формы власти, второй – ее структурную дифференциацию, специализацию и спецификацию и, соответственно, третий – «как бы слияние в единое целое подразделений и функций социальной организации человейника, которые имели место в недифференцированном или слабо дифференцированном виде в предобществе и достигли предела дифференцированности в обществе» [3; 597].

Обозначенная философом диалектика отношений власти свидетельствует о возрождении в современном мире «дообщественных», «догосударственных», «доправовых» ее форм, актуализируя профетическое предвидение В.С. Соловьева о возможности утраты социумом его «истинного единства» и утверждения единства «ложного, отрицательного», которые «подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою» [7; 552]. Это определяет неоперациональность изучения новейшего феномена власти сквозь призму государственно-институциональной политической традиции, девальвацию самих традиционных западных политико-правовых ценностей («правовое государство», «демократия», «разделение власти»), которые в условиях «западнистской сверхвласти» утрачивают какую бы то ни было действенность, превращаясь в «средство манипулирования массами» со стороны «совсем не демократического режима» [3; 631]. Идеологическим форматом целей и устремлений «западнистской сверхвласти» становится рафинированный популизм, маскирующий «практические меры к тому, чтобы помешать другим народам развить в себе качества, которые имеют существенное значение для цивилизации и благодаря которым они могли бы достичь уровня народов Запада и даже превзойти их» [3; 613-614].

Признавая закономерность рассматриваемой эволюции («без «вертикального структурирования» материи вообще немыслимо никакое развитие, никакой эволюционный процесс» [3; 308]) философ обращает внимание на то, что единственным реальным пределом претендующей на неограниченность «сверхвласти» все больше становится сам «механизм социальной эволюции человечества» [3; 304].

[1] Власть и право: Из истории русской правовой мысли. – Л., 1990.
[2] Ильин И.А. О сущности правосознания. – М., 1993.
[3] Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М., 2000.
[4] Зиновьев А.А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск. – М., 2000.
[5] Зиновьев А.А. Логическая социология // Феномен Зиновьева. – М., 2002.
[6] Немецкая социология. – С.-Птб., 2003.
[7] Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соч.: В 2 т. – М., 1988. Т.2.

МИФ И ЕГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ

Н.В. Белоножко

Н.В. Белоножко, кандидат философских наук

Когда погаснет свет рассвета золотого,
Живительная мысль в бессилии замрет,
Дух человеческий тогда мельчает снова
И гибнет в суете томительных забот.
И с ужасом глухим, полна бессилья злого,
Без цели и пути толпа во тьме бредет.
Александр Лукьянов.

Что собрало воедино души людей, одиноко бредущих по пустыне неведомо куда – сугубо объективная потребность в государстве или же божественное откровение на горе Синай? Кто открыл глаза вечным странникам жизни на новый свет, сияющий вдали, и позвал за собою; кто слепил из таких непохожих и сторонящихся друг друга мятежных душ единое целое – царь или пророк? Нет ответа. Лишь вера поддерживает в своем убеждении человека верующего или безбожника.

И люди шли по беспамятной пустыне, и лишь немногие видели Свет впереди, и звали они за собой в дивный сад, где вечное блаженство. Но многие не верили им, а других одолевали сомнения: «Где вы видите сад, безумцы? Это всего лишь мираж. Никому и никогда не достигнуть тех лучезарных далей». Так говорили они, но даже им порою не давало покоя какое-то тревожное чувство и смутное желание перемен.

Своеобразный Хаос многобожия, вносивший столько многообразия в жизнь язычника, похожую на комедию или трагедию, разыгрываемую на театральных подмостках, превратился в безрадостную пустыню безрадостных догм и обязательных чувств. Хоть и жаждет подспудно человеческая душа хаоса, но и он, в конце концов, утомляет, становится похожим на душное и мрачное подземелье, которое необходимо покинуть и вдохнуть хотя бы глоток свежего воздуха.

Подобно греческим богам, выросшим из Хаоса и воцарившимся на Олимпе, три мировые религии поднялись из хаотически нагроможденных, как песчинки в пустыне, культов и верований.

Люди, смеявшиеся над идеалистами, пошли за ними, когда почувствовали утомительную ненужность надоевших старых идолов, а главное – упоительную возможность обрести иной предмет для обожания и поклонения. Кроме того, предложена понятная и, видимо, истинная карта мира, открыты новые горизонты и указан путь к ним. Чего же еще желать? Можно шествовать по пустыне жизни, расцвеченной небывалым светом и не заботиться ни о чем.

Как в горьковской «Легенде о Данко», вдохновленные поиском новой жизни идут за пророком, но тяготы и невзгоды пути озлобляют и ожесточают их сердца, смятение и недовольство возрастают, но ... уж виден «дивный новый мир»; и как только он найден и лежит у них под ногами, певец его забыт и ни слова благодарности нет для него. А пламенное сердце, вырванное из груди и освещавшее долгий и трудный путь, выпало из рук и мягко горело, ожидая нового идеалиста и романтика, поднявшего и сохранившего его. Но нет, сердце Данко слишком ярко горит и пока живо – слишком явно высвечивает всю серость и пошлость. Всегда найдется человек с хмурым и тяжелым взглядом, что наступит каблуком на это сердце. Так угасают искры добра и света. Без них жизнь проще и спокойнее. А имя героя можно сохранить и использовать так, как это будет нужно.

Мир не меняется и люди в нем все те же. Великая идея вдохновляет немногих в своей первозданной чистоте и цельности, а до масс доходит в урезанном и упрощенном виде, который не может пробудить ни высоких чувств и стремлений, ни смелых идей и дерзких поступков. Слова героя можно тиражировать, имени его поклоняться, но сама идея умерла. И недаром Великий Инквизитор у Достоевского в «Братьях Карамазовых» говорил Христу, что он и его проповеди не нужны людям, но будут лишь смущать их. Особенно же опасно «Второе Пришествие» для власть предержащих, которые досконально знают способы держать в повиновении народ, а все неординарное и выдающееся им в этом препятствует.

Мир снова стал пустыней, и не заметили люди, как их обманули. Та пустыня, в которой жили мы несколько лет назад, самая безрадостная, беспамятная из всех, что были до нее. Наступает век мещанства. Сейчас более чем когда-либо ощущается потребность в мифе. Общество стремится вновь окунуться в расслабляющие волны океана под названием Новая Мифология, точно так же, как изнеженный благами цивилизации человек, волею судьбы и вопреки собственной воле оказавшийся наедине со стихией природы, мечтает о горячей ванне, тихой комнате, мягкой постели.

Человек не может жить без идеалов и целей, ему надо поклоняться какому-то герою или идее. А тут образовался вакуум, невыносимая пустота. Как не вспомнить слова: «честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!» Этот сон может быть спасением, ибо нарастает усталость от хаоса, которая может привести к взрыву. Очередной виток спирали, но вираж более опасен, чем раньше. Политические катаклизмы 90-х – тому наглядное подтверждение.

Смутная тоска по былому или будущему единению, некое тревожное и волнующее ощущение существования непостижимого для человека высшего совершенства во все времена было импульсом, побуждающим сделать зримым мир хрустального

совершенства, ниспосланный из мира призрачных явлений. Так появляются легенды о прекрасном золотом веке, об уже минувшем, грядущем или существующем где-то сейчас совершенном и гармоничном мире.

Всматриваясь в окружающий его мир, обеспечивающий жизнь, но в то же самое время таящий постоянную угрозу, человек вспоминал (или сам придумывал) красивые истории и отрешался с их помощью от меркантильных проблем и воспарял над преходящим, приобщаясь к вечному и неизменному. Так достигается ощущение свободы, немыслимой в мире вещей и потому так страстно желанной.

Но жить приходится здесь и теперь, а потому стоит подумать о том, как сделать более понятным и приятным свое земное существование. Необходимо ответить на очень сложные вопросы, например: как объяснить противоречия жизни человека и мира в целом, почему мир не гибнет, постоянно изменяясь, распадаясь на составные элементы, а существует в ожесточенном внутреннем единстве? Это один из главных вопросов, волновавших и мучивших людей многие тысячелетия, и найти ответ на них было жизненно необходимо, поскольку не только природа, но и мысль человеческая не терпит пустоты.

Человек не будет человеком, если свои скудные и отрывочные знания о мире не дополнит с помощью воображения до всеобъемлющей целостной картины, ибо и сознание и природа человека целостны по своей сути, и потому понятно человеческое стремление жить в целостном, сконструированном по особым правилам мире, в котором нет неясностей и противоречий, а простые и понятные идеалы указывают направление и помогают ориентироваться во времени и пространстве.

Интуитивное ощущение того, что окружающий мир органически целостен, что все в нем взаимосвязано и взаимообусловлено, что есть нечто, удерживающее мир в неустойчивом, но постоянном равновесии, издревле присуще человеку.

И во все времена находились незаурядные личности, просчитывающие свои и чужие действия, и поступки на несколько порядков вперед. Такие незаурядные личности брали на себя тяжкое бремя сотворения мира мечты. Достраивая разорванную повседневность, наполняя смыслом жизнь окружающих их людей, возвращая им ощущение полноты бытия, прозорливые и сами не оставались в накладе. Проповедуемые доктрины были лишь верхушкой айсберга, истинный их смысл оставался очевидным лишь для их создателей, да и то не в полной мере.

Н. Куделькин

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И КОММУНИТАРИСТСКАЯ ПАРАДИГМЫ

Н. Куделькин,
магистрант факультета
политологии и социологии
Уральского государственного университета

Чарльз Тейлор в своей статье «Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами» отмечает, что реальные расхождения между либералами и коммунитаристами существуют, но также имеется определенное пересечение целей, вносящее путаницу в эту полемику, что обусловлено смешением совершенно двух разных типов проблем, которые можно, соответственно, отнести к онтологическим вопросам и к вопросам отстаиваемых позиций. Онтологические вопросы относятся к тому, какие факторы вы хотели бы включить в свое понимание общественной жизни. Вопросы отстаиваемых позиций касаются нравственных принципов или приемлемой политики. Тейлор пишет, что в англоязычном мире существует некоторое семейство теорий либерализма, которые являются весьма популярными, которые он называет «процедурными». Они рассматривают общество, как ассоциацию индивидов, каждый из которых имеет собственное представление о добродетельной и достойной жизни и соответствующий план жизни. Функция общества должна заключаться в максимальном содействии этим жизненным планам согласно некоторому принципу равенства, то есть содействие не должно носить дискриминационного характера. Тейлор задается вопросом, что это значит: должно ли это содействие стремиться к равенству результатов, ресурсов, возможностей, способностей или чего-либо еще. Однако большинство авторов согласны в том, что принцип равенства или отсутствия дискриминации был бы нарушен, если бы само общество поддерживало ту или иную концепцию добродетельной жизни. Это было бы равнозначно дискриминации, поскольку допущено, что в современном плюралистическом обществе существует широкий спектр воззрений о добродетельной жизни. Любое воззрение, поддержанное обществом в целом, было бы воззрением одной части граждан. В итоге, другие граждане, воззрения которых не пользуются официальным признанием, были бы ущемлены по сравнению с теми, кто придерживается установленных взглядов.

Таким образом, либеральное общество не должно опираться ни на какое конкретное понятие добро-

детельной жизни. Этика либерального общества есть, скорее, этика права, а не блага, то есть ее основные принципы относятся к тому, каким образом общество должно регулировать и примирять конкурирующие требования отдельных индивидов. Эти принципы должны включать в себя отношение к индивидуальным правам и свободам, однако для любого либерального общества центральным должен быть принцип максимального и равного содействия. Он не говорит о том, достижению каких благ общество будет содействовать, какие блага достижимы при данных стремлениях и требованиях граждан – членов общества. Центральным пунктом здесь являются процедуры принятия решений, поэтому Тейлор называет эту ветвь либеральной теории «процедурной».

Основной идеей в критике Тейлора становится тема утраты: либеральное общество, в силу преобладания индивидуализма и социального атомизма, утрачивает свою способность поддерживать общественные ценности среди людей, такие, как патриотизм, без которого немыслимо существования республиканского строя. Это умаление роли социума и социальных связей приводит к тому, что либерализм в своем стремлении защитить и поддержать достоинство и автономию человека подрывает общественные связи и ассоциации, которые только и могут обеспечить человеческое процветание.

Одним из центральных моментов, который вызвал определенную дискуссию, является вопрос о природе ценностей. Наиболее важным и интересным результатом обсуждения природы ценностей было то, что оно поставило в центр внимания социальный аспект проблемы ценностей и столкнуло друг с другом две позиции, которые обобщенно можно было бы охарактеризовать как универсализм и контекстуализм в понимании ценностей. Благодаря этому столкновению было достигнуто более глубокое осмысление этих позиций, были осознаны их слабые и сильные стороны.

На первый взгляд может показаться, что противоположность между универсализмом и контекстуализмом выражается лишь в признании или, соответственно, отрицании общезначимости ценностей. Так, согласно универсализму, существуют ценности, которые присущи всем культурам, во всех частях света и во все времена, которые не зависят от специфики социальных, исторических и культурных условий. Однако универсализм, как правило, не утверждает, что все ценности являются таковыми, а лишь наиболее фундаментальные и важные из них. Наоборот, согласно контекстуализму, не существует ценностей, присущих всем культурам, поскольку каждая культура характеризуется своей, только ей присущей, совокупностью ценностей. Это означает, что ценности зависят от социальных, исторических и культурных условий, то есть, зависят от того контекста, в котором они сформировались и существуют.

Указанная противоположность между универсализмом и контекстуализмом в понимании ценностей схватывает лишь внешнее, не очень существенное различие. Значительно более глубокое расхождение между этими позициями обнаруживается, когда мы обращаемся к тому, как они трактуют источник ценностей. Дискуссия между либералами и коммунитаристами убедительно продемонстрировала, что принципиально разные подходы к решению именно этого вопроса и определяют специфику универсалистского и контекстуалистского понимания ценностей. Так, универсализм видит источник ценностей в человеческой природе (например, ценностное отношение к миру трактуется как особое свойство нашего разума или одно из условий нашей рациональности) или в Боге, которые и выступают гарантами их универсального характера. Для контекстуалистского подхода свойственно перенесение источника ценностей в социальную среду, в многообразие социальных практик, обычаев, традиций и так далее.

Коммунитарная критика обвинила либералов в приверженности к субъективистской концепции ценностей. Основанием для такого вывода послужили следующие рассуждения. Поскольку теория Ролза, да и вся либеральная политическая философия принимает, что человек свободен в выборе ценностей и сам решает, что ему считать достойной жизнью, то это означает, полагает М. Сэндел, что индивидуальные представления о благе и о жизненных целях являются не более как произвольным выражением предпочтений и желаний человека и потому не имеют рационального обоснования. По существу, они обоснованы не более, чем те желания и предпочтения, выражением которых они служат, а последние не являются интегральными и существенными атрибутами личности, поскольку в теории Ролза личность понимается как «чистый субъект», лишенный каких – либо конституирующих его свойств. Согласно Сэнделу, этот вывод подтверждается и либеральным принципом нейтральности, из которого следует, что ни одному представлению о благе нельзя дать более рациональное или объективное обоснование, чем любому другому.

Естественно, либеральные мыслители вступили в диалог с коммунитаристами, и наиболее развернутое и интересное обоснование универсализма в понимании ценностей было обосновано Т. Нагелем, который наряду с другими философами усматривает объективный фундамент ценностей и морали вообще в самом понятии рациональности. Выдвигая аргументы в пользу универсалистского понимания ценностей, Нагель опирается на разработанную им концепцию объективности. Согласно этой концепции, «объективность – это метод понимания». В первичном смысле объективными являются наши взгляды и позиции, а уже затем производным образом мы определяем как объективные истины, которые получены в результате объективного понимания. Для Нагеля является непреложным тот факт, что каждый человек занимает свое особое место в мире и обладает своим – субъективным взглядом на окружающий мир. Однако это не противоречит возможности объективного взгляда на мир, которую Нагель связывает с нашей способностью «сделать шаг в сторону от нашей первоначальной позиции и сформировать новое представление, которое в качестве объекта имеет наш первоначальный взгляд и его отношение к миру». При такой трактовке объективности различие между более субъективными и объективными позициями является лишь вопросом степени: более объективная позиция лишь в меньшей степени опирается на специфические черты индивида и его положение в мире. Так, «точка зрения морали является более объективной, чем точка зрения частной жизни, но менее объективной, чем точка зрения физики».

Итак, Нагель трактует моральные требования и ценности вообще как рациональные и объективные основания для человеческих действий, не зависящие от желаний, чувств, интересов и нужд человека и имеющие нормативный характер. Возможность таких рациональных и объективных мотивов человеческой деятельности он видит в том, что человек всегда может сделать шаг в сторону, выйти как бы за пределы самого себя и задаться вопросом: что мне следует делать, если я нахожусь в такой-то ситуации и если я испытываю такие-то желания, стремления, подвергаюсь такому-то давлению со стороны окружающей среды и так далее. Наиболее важным, отмечает Нагель, здесь является то, что, задаваясь таким вопросом, человек ищет правильный ответ, а не пытается уяснить некоторое свое желание более высокого уровня, то есть, человек «старается решить, что при данных внутренних и внешних обстоятельствах следует делать, и это означает – не что я должен делать, а что должен делать любой человек при таких обстоятельствах». Из этого следует, что моральные суждения, как правило, выражаются не в форме от первого лица, а являются безусловными и безотносительными по характеру.

Джон Ролз «Теория справедливости», 1971.
Ч. Тэйлор «Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами» 1980.
Д. Ролз, «Идея блага и приоритет права», 1988.
Nagel T. The Last Word.
М Сэндел «Либерализм и пределы справедливости», 1982.

М.Ю. Мирошников

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ

Михаил Юрьевич Мирошников,
аспирант Института философии и права УрО РАН

Современные события и процессы, происходящие в России, такие, как предложение Президента об изменении порядка выборов руководителей субъектов РФ, мировой терроризм и его проявление в Беслане, неминуемо пробуждают ряд вопросов. Каким образом политическая ментальность проявляется в политическом дискурсе? Как ментальные структуры того или иного народа отражаются на его дискурсивных практиках? Ответы на данные вопросы предполагают анализ соотношений таких весьма многозначных понятий как ментальность и дискурс.

Если под дискурсом понимать все то, что не только проговаривается, но еще и мыслится, и чувствуется во время коммуникации, т.е. то, что ведет в итоге к пониманию предмета, о котором идет речь, поскольку участникам коммуникации известны необходимые для этого культурные коды, то именно этот *невидимый и неслышимый план дискурса, называемый нами виртуальным, является репрезентацией феномена ментальности.*

Ментальность, актуализируясь в дискурсах текстов, речей, образов, символов, различных культурных и социальных практиках, тем самым обнаруживает себя, «всплывает на поверхность» определенной своей частью, «проговаривается».

Проговорившаяся в дискурсах ментальность не выставляет всю себя наружу, а показывает только «вершину айсберга». Разглядеть ее «подводную» часть – задача дискурс-анализа.

Но чтобы провести такой анализ, надо хотя бы в главных чертах представлять, в каком направлении следует проводить исследование, т.е. выяснить, что собой представляет эта виртуальная реальность под названием «ментальность».

Существует множество определений понятия «ментальность». Об этом множестве уже написано множество работ. Для нас главным источником в этом океане точек зрения является авторитетное мнение представителей французской школы исторических и социальных исследований, известной как школа «Анналов», благодаря которым данный термин вошел в широкий научный оборот.

Программа изучения ментальных структур определенных исторических эпох и народов является фирменным знаком школы «Анналов». Впервые ментальность как особый предмет исследования предстала в творчестве одного из основателей данной школы М. Блока. В своем фундаментальном труде «Феодальное общество» (1939), ставшем классикой медиевистики, Блок специально остановился на «особенностях чувств и образа мыслей» людей раннего средневековья. В сфере его внимания оказались отношения средневекового человека к природе и ко времени, коллективные религиозные представления, память, эпос, язык. Свойства человеческой ментальности рассматривались Блоком в тесной связи с характеристиками социальной структуры и материальной жизни.

Большой вклад в изучение конкретно-исторических ментальных структур внес другой лидер школы «Анналов» Л. Февр. В своем самом известном труде «Проблема неверия в XVI в.: религия Рабле» (1942) Февр приходит к важному выводу:

историк, чтобы понять духовный мир человека, должен обнаружить те интеллектуальные процедуры, способы восприятия, архетипы сознания, которые были присущи людям исследуемой эпохи и в которых они не отдавали себе ясного отчета, применяя их «автоматически», не задумываясь об их природе и содержании. Изучая «автоматизмы» сознания, можно пробиться к глубинным пластам, «подслушать» то, о чем люди «проговорились» независимо от своей воли[1].

Следующий этап в разработке теории ментальности связан с творчеством учеников Блока и Февра – Р. Мандру, Ж. Дюби и Ж. Ле Гоффа. Они обогатили методологию исследования ментальности методами психоанализа, антропологии, структурной лингвистики, семиотики, системного анализа. Вот как Дюби определял тот смысл, который он и Мандру вкладывали в понятие «ментальность»: «... Это система (именно система) в движении, являющаяся, таким образом объектом истории, но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно определяют поступки и поведение людей. Изучение этих не имеющих четких контуров и меняющихся с течением времени систем затруднительно, необходимые сведения приходится собирать по крохам в самых разных источниках. Но мы были убеждены, что все взаимоотношения внутри общества столь же непосредственно и закономерно зависят от подобной системы представлений (носителем которой выступает система образования), как и от экономических факторов. Вот почему мы предложили систематически изучать ментальность»[2].

По словам Ж. Ле Гоффа, ментальность – это не только мир понятий, но и мир представлений. История ментальностей – «...это история неясного, имплицитного»[3].

Ж. Ле Гофф склонялся к тому, чтобы трактовать ментальность как сферу воображаемого, как коллективное воображение. Воображаемое не сводится ни к идеологии, ни к интеллектуальному представлению, ни к осмысленному восприятию внешней реальности. Воображаемое не отражает, а пересоздает реальность, претворяет ее в образы, рожденные фантазией, вдохновением, поэтическим чувством. Изучать мир воображаемого значит проникать вглубь коллективного сознания общества.

Анализ мира воображаемого, считает Ле Гофф, очень важен для «антропологизации» самых разных наук, в том числе и политической истории. В своей работе «Политическая история – всегда ли это основной хребет истории?» Ле Гофф говорит о желательности интеграции в политическую историю проблематики символического и воображаемого. Темой этой ментальной политической истории могли бы, к примеру, стать политические литургии (церемонии миропомазания и коронования монархов), символика власти, интриги, символические стратегии правящих элит, воплощаемые в деятельности посольств, в празднествах и погребениях суверенов и т.п.

Особой точки зрения на предмет истории ментальности придерживался другой представитель школы «Анналов» А. Буро. В своей статье «Предложения к ограниченной истории ментальностей» (1989) Буро предлагает отказаться от понимания ментальности как коллективной психологии и создавать историю ментальности только как описание конкретных высказываний, образующих подоснову различных дискурсов.

Дискурсы, согласно Буро, это одновременно и процесс и результат в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо. В основе любого дискурса лежат коллективные высказывания, которые и выступают предметом истории ментальности. Функцию коллективных высказываний могут выполнять рассказы, легенды, элементы невербальной сферы. В книге «Простое тело короля» (1988) Буро показал, что эти элементы вовсе не являются простой иллюстрацией некой идеологии, но *очерчивают некое коллективное семиотическое пространство*, в рамках которого находили себе место и обряды погребения королей, и личное благочестие королей, и институциональное утверждение королевского дома. Иногда в качестве коллективного высказывания выступает художественное изображение. В заключении своей статьи Буро подчеркивает, что под коллективными высказываниями он подразумевает не господствующие дискурсы, не дискурсы большинства, а «диагональные» высказывания, лежащие в основе многих дискурсов и придающие значительную степень единства определенной эпохе, образуя общий фон различных социальных «регистров»[4].

В начале 70-х гг. прошлого века проблема ментальности оказывается предметом исследования отечественных ученых. Активной разработке данной категории мы обязаны прежде всего А.Я. Гуревичу – основателю российской историко-антропологической школы. Ментальность, по Гуревичу, – социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, неотрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков. Идеи на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет, искажает и упрощает. На этом уровне удается расслышать такое, о чем нельзя узнать на уровне сознательных высказываний[5].

На социокультурном и социально-психологическом уровнях ментальность, согласно Гуревичу, можно рассматривать как «видение мира», «модель мира», «картину мира», складывающуюся в сознании людей различных эпох, характерную для определенной социальной общности.

Одним из важных ракурсов изучения ментальности как социально- и культурно-исторически обусловленной картины мира является проблема специфики национальных образов мира. Наиболее глубоко данный аспект ментальности разработан отечественным культурологом Г.Д. Гачевым, опубликовавшим целую серию работ по данной теме («Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос», «Русская Дума», «Русский Эрос», «Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством» и др.).

В трактовке Гачева национальная ментальность выступает синтезом трех образующих ее начал – месторазвития нации (Космос или национальная

природа), души народа (национальный характер) и духа (язык, логика)[6]. В каждом из начал находят свое отражение два остальных. Так, например, язык рассматривается как голос национальной природы, Космоса: «В фонетике каждого языка имеем портативный Космос в миниатюре: именно – *переносимый*, так что можно и не ездить в чужую страну («ума искать и ездить так далеко!»), чтобы постичь ее менталитет, а надо вслушиваться в язык...»[7].

В последние годы появилось немало работ, посвященных политической ментальности как таковой и, в частности, российской политической ментальности[8]. В структуру политической ментальности (употребляется также близкий по содержанию термин «менталитет») ряд авторов включает такие компоненты, как политические представления, политические ценности и аттитюды, политические идеи и идеалы, политические верования и убеждения, габитус, стереотипы восприятия власти и политических феноменов, символические образы власти и их коды, массовые политические ожидания, настроения и чувства, приобретенные политические знания и др.

Все многообразие структурных компонентов политической ментальности Е.Б. Шестопал, известная своими исследованиями в области политической психологии, группирует следующим образом: первую группу представляют компоненты, представляющие *содержательную сторону* ментальности (взгляды, ценности, чувства и т.п., которые складываются в определенные идеологические «ярлыки»), вторую группу образуют *когнитивные компоненты* ментальности (стиль политического мышления, операциональный код, характер политических рассуждений, способ восприятия политической системы)[9].

При характеристике стиля политического мышления политические психологи обращают внимание на такие его стороны, как *понятийная сложность или простота, доверие или недоверие к партнеру, инструментальный акцент (ориентация на «дело»).* Отмечается, что низкая понятийная сложность чаще встречается у левых и правых радикалов, чем у либеральных политиков и их сторонников[10].

Важную методологическую роль в осмыслении взаимосвязи ментальности и дискурса играет применяемое в политической психологии *понятие операционального кода.*

Категория «операциональный код» применяется психологами для анализа связи ментального и поведенческого планов политических деятелей. Непосредственным источником анализа операциональных кодов является дискурс политика. «На основании вербальных проявлений политического сознания политический психолог может реконструировать и поведенческие характеристики личности. О тех или иных компонентах операционального кода мы можем судить по выражениям в речи политика чувств, оценок, прямых аппеляций к аудитории. Много могут сказать о ключевых представлениях операционального кода усиливающиеся наречия и риторические вопросы, отрицания, определения и другие вербальные формы проявления указанного элемента политического сознания»[11].

Таким образом, ментальность в рамках политической психологии рассматривается прежде всего как устойчивый набор мыслительных образов, ценностных установок, определенных стилей политических рассуждений, которые, будучи артикулированными в дискурсе, выступают в роли операциональных кодов для расшифровки поведенческой стратегии политика.

Одним из новейших методов исследования политической ментальности, вербализированной в дискурсах политических субъектов, является *метод построения семантического пространства.* Данный метод предполагает построение многомерной типологии сознания политических лидеров на основе анализа штампов и клише в их лексике[12].

Переходя к вопросу о национальном своеобразии политической ментальности, современные исследователи обращаются к таким понятиям и концептам, как политическая культура, габитус, национальная идея, национальный дух.

В современной отечественной политической мысли определились два ведущих подхода к осмыслению российской политической ментальности. Первый подход можно определить как *почвеннический.* В почвеннической трактовке главными национальными чертами российской политической ментальности объявляются соборность, коллективизм, сакрализация государственной власти, византинизм, идея сильного централизованного государства. Данный подход берут на вооружение консервативные общественные круги страны[13].

Второй подход условно называется *западническим или либеральным.* В западнической трактовке особенности российской политической ментальности рассматриваются через призму противоречивого характера российского политического процесса, в котором периоды либерализации и модернизации сменялись эпохами авторитаризма, политической реакции и контрреформ. В свете данного подхода, представленного прежде всего в фундаментальных трудах А.С. Ахиезера, отмечаются такие черты российской политической ментальности, как *инверсионность* (резкая смена политических настроений и системы политических ценностей), *гибридность социокультурного* и *политического идеала* (соединение идеала соборности с идеалом авторитаризма), *слабое развитие медиации,* т.е. склонности к политическому и социальному компромиссу и др.[14]

В настоящее время делаются попытки организации диалога между почвенниками и западниками, посвященного проблемам идентичности российской культуры и определения базовых ценностных ориентиров россиян в условиях глобализации, новых политических реалий[15].

На наш взгляд, данный диалог просто необходим. Его задача – выработать оптимальную для России национальную модель модернизации и интеграции в мировое политическое и экономическое пространство. Такая модель предполагает помимо изучения аналогичного опыта других стран, еще и глубокий анализ ментальных механизмов российской историко-политической динамики. Разгадку циклически повторяющихся срывов страны в авторитаризм и трудностей ее модернизации можно обнаружить в определенной *корреляции, существующей между процессами эволюции российской государственности и изменениями в российской политической ментальности.*

Корреляционный подход позволяет увидеть историко-государственные корни распространения в массовом политическом сознании россиян идеи необходимости для страны сильной централизованной власти, единственно способной навести

необходимый порядок. Данное массовое представление об идеальной модели российской власти культивировалось на протяжении многих веков самими государственными институтами страны, идеологами охранительного типа, представителями консервативных кругов. Реальные авторитарные политические практики, освещенные консервативной охранительной идеологией, сформировали соответствующий тип ментальности. В массовом сознании представления о сильной власти накрепко соединились с образами сильного единовластного правителя – царя, императора, генерального секретаря, президента. Подданнические установки в массовом политическом сознании россиян в эпохи либеральных реформ приходили в столкновение с другим типом ментальности – либеральным, опирающимся на иную систему ценностей, на идеал гражданского участия, на иной дискурсивно-идеологический комплекс.

Либеральный тип ментальности, в отличие от подданнического, сформировался значительно позже. Носителями данного типа ментальности являлись в основном аристократические круги русского общества и часть интеллигенции, чей голос слабо транслировался в подконтрольной властями системе политических коммуникаций. В связи с этим либеральная система ценностей и соответствующие ей поведенческие установки не получили в России статуса массовой политической культуры. Да и вся драматическая история российских либеральных реформ свидетельствует о незначительном влиянии либерализма на умонастроения и дискурсивные практики широких народных масс.

Современный процесс либерализации общественной жизни, интеграции страны в мировое сообщество сопровождается серьезными трансформациями национальных ментальных миров. Подданнический тип ментальности становится существенным тормозом для модернизации страны, и по логике вещей должен уступить место новому ментальному образованию, включающего либеральные установки на автономность и самодеятельность личности, на развитие гражданской инициативы.

Данный процесс сопряжен с большими трудностями, связанными с перестройками психологического, культурно-образовательного, воспитательного и прочего порядка. Противоречивость его протекания в современной политической жизни страны находит свое отражение и в характерном политическом дискурсе, где элементы подданической политической культуры сталкиваются с либеральными ментальными установками.

В качестве модели такого рода столкновения двух типов ментальностей, получивших отражение в современных дискурсивных практиках, может послужить предложение В.В.Путина об изменении порядка избрания первых лиц субъектов Российской Федерации. С одной стороны, трагические события в Беслане говорят нам о необходимости изменения структуры государственного управления. Необходимо усиление властной вертикали и административного начала при принятии управленческих решений. Причем, данная проблема существовала гораздо раньше и только обострилась в настоящее время. Действительно, целый ряд решений Президента по ныне существующему порядку вещей проходит не только правовое согласование представительного органа субъекта РФ но и «субъективное одобрение» того или иного губернатора. Из СМИ нам известен случай, когда решение президента о направлении силового подразделения одного из субъектов на федеральные цели прямо блокировалось губернатором.

С другой стороны, изменение порядка выборов первых лиц субъектов РФ по предложенной схеме рождает ряд мыслей. Во-первых, за антитеррористическую деятельность отвечают федеральные государственные органы и службы, руководимые на принципах единоначалия. Во-вторых, логическая связка «назначенный губернатор – нет терроризму» вызывает сомнения: действительно, почему выбранный губернатор не может быть хорошим борцом с терроризмом. В-третьих, упраздняя «выборность» губернаторов, народ отчуждается от непосредственного волеизъявления, тем самым неминуемо наносится удар по демократическим принципам и свободам. Чем закончится столкновение этих двух типов ментальности – остается только гадать.

[1] См.: *Гуревич А.Я.* Уроки Люсьена Февра // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1999. С. 509.

[2] *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991. С. 52.

[3] *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. М., 1991. С. 30.

[4] *Буро А.* Предложения к ограниченной истории ментальностей // История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 66-72.

[5] *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988, № 1. С. 67.

[6] См.: *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995. С. 22.

[7] Там же. С. 183.

[8] См.: Российская ментальность (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1994, № 1; *Мостовая И.В., Скорик А.П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1994, № 4; *Ануфриев Е.А., Лесная Л.В.* Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал, 1997. № 3; Ментальность россиян. (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997; *Козловский В.В.* Понятие ментальности в социологической перспективе // Социология и социальная антропология. СПб., 1997; *Иванов В.Н., Назаров М.М.* Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования // Социально-политический журнал. 1998, № 2; *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М. 2000; *Трофимов В.К.* Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск. 2000 и др.

[9] См.: *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. С. 158-159.

[10] Там же. С. 165.

[11] *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики. С. 166.

[12] Там же. С. 56.

[13] См.: *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М., 1999; *Начаткин М.Н.* Эволюция российской государственности (XIX – начало XX в.) и ее отражение в консерватизме. Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук. Екатеринбург. 2004; Коробков Ю.Д. Ментальные основы российской государственности// Россия в поисках национальной стратегии развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 2003. С. 81-84.

[14] См.: *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. Изд. 2. Новосибирск. 1997.

[15] См.: Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М., 2003.

ПЛЕХАНОВ И ЛЕНИН: СПОР О СОЦИАЛИЗМЕ

Я. Тюнякин

Ярослав Анатольевич Тюнякин,
магистрант,
факультет политологии и социологии
Уральского государственного университета

В последние годы вновь стал проявляться определенный интерес к исследованиям наследия Маркса. В России не только научные, но и общественно-политические дискуссии все больше и больше затрагивают основные принципы социализма, социал-демократии. Это можно увидеть хотя бы по результатам выборов в Государственную Думу последнего созыва, можно однозначно сказать, что симпатии электората явно форсировали влево по сравнению с началом 90-х годов XX века.

Учитывая данный факт, а также обращаясь к новой волне интереса по отношению к проблемам марксизма, социализма, социал-демократии и т. д., следует прежде всего заострить внимание на тех фигурах, которые могут быть смело отнесены к классикам не только российской, но и мировой общественно-политической мысли. Речь идет о Г. В. Плеханове и В. И. Ленине. Пожалуй, это самые колоритные фигуры истории российской социал-демократии и русского марксизма. Плеханов прежде всего знаменит как теоретик, Ленин в большей степени известен своей практической деятельностью.

На мой взгляд, понимание расхождений во мнениях ортодокса-марксиста Плеханова и большевика-Ленина может скрывать не только тайный смысл «социализма по-русски», но и в принципе можно говорить о загадках всей русской истории XX века.

Говоря о позиции Плеханова, следует подчеркнуть, что именно он пытался до последних дней отстаивать теорию Маркса по отношению к социализму и политическому развитию России после Февральской революции. Речь идет, в первую очередь, о поэтапном и плавном переходе от буржуазной революции к социалистической. Плеханов настаивал на том, что Россия просто не готова перейти от капиталистической формации к социалистической, поскольку капитализм как таковой еще не достиг стадии разложения. Более того, для российской экономики начала XX века было характерно наличие большого числа феодальных пережитков, особенно в сельском хозяйстве. Количество рабочих в процентном отношении составляло не более 1/10 от общей численности населения. Да и сам рабочий класс еще явно не был готов воспринять социалистические принципы. Плеханов выступил с резкой критикой в адрес Ленина, поскольку не принимал метода «подгонки» российской действительности под фундаментальные принципы Маркса.

Ленин был уверен, что Россия в 1917 г. уже готова к социалистической революции, поскольку в качестве социальной базы можно использовать не только рабочий класс, но и крестьянство. Характер грядущей революции оценивался Лениным прежде всего как государственный переворот, а не как естественная смена исторических формаций. Экономический фактор практически, не учитывался Лениным, поскольку для него как для практика и политика в первую очередь главным являлось действие, а не теоретический дискурс.

Поэтому совершенно однозначно можно развести позиции Плеханова и Ленина в отношении социализма. Плеханов практически до конца своих дней оставался сторонником концепции Маркса, Ленин же, в свою очередь, практически с самого начала научной и политической деятельности тяготел к тактике якобинцев. Данный подход сам по себе вовсе не является чем-то новым, такая идеология существовала давно, поэтому, во-первых, позиция Ленина не является чем-то из ряда вон выходящим, во-вторых, концепция социализма Ленина очень далека от марксистской. Именно поэтому некорректно считать государственный переворот 1917 г. попыткой установить в России социализм по Марксу, а советское общество – экспериментом идеологии марксизма.

Социалистическое государство, основанное на критериях Маркса, никогда не существовало в истории и вряд ли когда-нибудь появится, поскольку Маркс доводит многие положения до утопического сценария. Другое дело-это использование некоторых идей Маркса в формировании некой системы государственного устройства. Именно таким образом и формировалось советское государство, в котором лишь частично можно увидеть отблески социализма по Марксу. То же самое можно сказать и про вариант демократического социализма, где был реализован принцип социально ориентированной рыночной экономики.

По большому счету, как Ленин, так и Плеханов являются утопистами. Ленин, конечно, смог реализовать на практике свои теоретические наработки, но советское государство просуществовало недолго. Плеханов же, оставаясь ортодоксальным марксистом, просто продолжил традицию утопии знаменитого классика.

Очень важно отметить, что, говоря об идео-

логических разногласиях между Плехановым и Лениным, не стоит все сводить исключительно к борьбе двух личностей. Безусловно, этот фактор также стоит учитывать, но он не является определяющим. Сущность их спора выходит далеко за рамки полемики двух конкретных персон, это, пожалуй, дискуссия двух идеологических систем или мировоззренческих стратегий на тему будущего России.

Основным же корнем противоречия в подходах к проблеме социализма можно обозначить как переоценка тех или иных возможностей. С одной стороны, Ленин в определенной степени учел специфику России и ее народа, возможно, поэтому и одержал победу не только в Октябрьской революции, но и в Гражданской войне; но при этом он слишком сильно надеялся на проект «казарменного социализма», который потерпел крах в первые годы советской власти, поэтому пришлось реставрировать капиталистические отношения. Плеханов же, действуя строго по принципам Маркса, слишком сильно унифицировал его схему, под которую Россия с ее особой культурой и историей явно не попадала. Не случайно сам Маркс в принципе не думал о том, что в России в ближайшие двести, триста лет может произойти социалистическая революция.

Плимак Е. Г. Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. Москва. Издательство «Весь мир». 2000 г.
Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов, судьба русского марксиста. Москва. Издательство Росспэн. 1997г.
Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Москва. Госполитиздат. 1956г. Том II. Социализм и политическая борьба.

СОВРЕМЕННЫЙ КОРПОРАТИВИЗМ В РОССИИ: ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ

В.В. Гусельников

В.В. Гусельников

Данная статья посвящена основным особенностям современного корпоративизма в России и в ряде других стран. Под корпоративизмом мы будем здесь понимать систему согласования и представительства групповых интересов, то есть обозначенная тема тесно связана с проблемами лоббизма и гражданского общества, которые также будут затронуты.

Важнейшими аспектами изучения проблемы современного корпоративизма являются его институционализация и его «нестабильность». Речь идет о том, что примеры России и многих других стран показывают постоянное изменение, постоянную трансформацию корпоративизма. Меняются формы взаимодействия общественных групп, бизнес-сообществ и государства. Непостоянна эффективность влияния институтов гражданского общества и корпораций на органы власти. Кроме того, последние годы демонстрируют интересные тенденции в развитии отношений государства и групп интересов. Достаточно долгое время западные модели взаимодействия институтов гражданского общества и государства представлялись чрезвычайно эффективными. В известной мере они таковыми остаются, но в то же время мы можем говорить о тенденции к усилению роли государства во внутриполитической жизни той или иной страны.

Примеры США, Франции и России говорят о том, что экономические и политические интересы государства все чаще и чаще позволяют пренебрегать интересами общества. Так, последняя отставка французского правительства, сохранив ряд министров, привела к исключению из его состава представителей гражданского общества. Экономические реформы, активно проводимые во Франции, имеют своим следствием недовольство ряда слоев, категорий населения осуществляемой политикой (протесты театральных актеров, пенсионеров, работников некоторых отраслей свидетельствуют об этом). Поражение правящей коалиции на региональных выборах также свидетельствует о растущем недовольстве политикой правительства Раффарена.

Одним из последних примеров здесь является аннулирование Государственным советом принятого соглашения Unedic. Оно было подписано в декабре 2002 года между работодателями и профсоюзами CFDT, CFTC, CFE-CGC и имело своей целью социальное обеспечение безработных во Франции[1]. Тем не менее, проведение экономических реформ, практически превратившееся в идею фикс, продолжается и пожертвует интересами и крупного бизнеса и общественных ассоциаций, включая организации «третьего сектора». США демонстрируют пример подчинения всего политическим целям администрации. Скандалы с участием

крупных корпораций и абсолютное пренебрежение общественным мнением при проведении военных операций являются подтверждением этому. Все это вызывает особый интерес, если учесть, что совсем недавно очень многие говорили о наступлении эпохи «корпоративизации». Речь шла о широкомасштабном оформлении групповых интересов и об усилении роли таких групп. Таким образом, справедливо было бы говорить о новом витке в эволюции корпоративизма.

Россия, как любая другая страна, имеет свои особенности в том, что касается представительства групповых интересов, взаимоотношений государства с бизнесом и общественными объединениями. Обратившись к истории вопроса, мы вернемся к современным особенностям корпоративизма в России.

Первое, что хотелось бы отметить, рассматривая краткую историю проблемы, это прохождение Россией ряда этапов развития корпоративизма. Они отличались от этапов становления современного корпоративизма в Европе, имели свою специфику. Ключевым периодом для современного российского корпоративизма был двадцатый век. Здесь мы можем обозначить три важные вехи. Первая: дореволюционная Россия XX века. Это время отмечено становлением довольно прогрессивной модели корпоративизма. Появляются организации, которые официально или неофициально регулируют взаимодействие крупных промышленных компаний с государством. Так, И. Н. Шапкин говорит о том, что «к началу первой мировой войны уже сформировалась разветвленная сеть представительных организаций капитала: совещательные – полуофициальные, созданные с помощью государственных органов; предпринимательские, отраслевого, местного, всероссийского вида; союзы работодателей»[2]. Недостаточное внимание со стороны властей к рабочему вопросу, отсутствие представительских организаций трудящихся, диалога между трудом и капиталом было одной из ключевых ошибок власти, которая явилась одной из причин революции 1917 года. Корпоративизм в СССР стал одной из разновидностей государственного корпоративизма. Он был отмечен огосударствлением всех представительских организаций, созданием их «сверху», а также монопольной формой собственности, которая породила такое явление как «бюрократический» корпоративизм и стала одной из причин становления в современной России «олигархического» корпоративизма[3]. Таковы исторические причины проблем институционализации корпоративизма в современной России.

Последние несколько лет были отмечены недостаточной оформленностью представительства групповых интересов как общественного института. Мы видим это на уровне взаимодействия крупного бизнеса с государством, на уровне отстаивания мелким и средним бизнесом своих интересов, когда используются неправовые методы отстаивания своих интересов. Здесь речь идет прежде всего о том, что сегодня в России, когда отсутствует принятый закон о лоббизме, основными методами представительства групповых интересов становятся взяточничество, решение вопросов посредством личных контактов и т.д. Причинами отсутствия закона о лоббизме и соответствующих требованиям времени согласительных комиссий являются, с одной стороны, незаинтересованность в них представителей крупного бизнеса, способного добиться многих решений в сегодняшних условиях (слабость правовой базы, коррумпированность), с другой, незаинтересованность ряда чиновников в их наличии. Последнее обстоятельство объясняется тем, что ряд госдеятелей инкорпорированы во власть определенными финансовыми или промышленными группами, а также тем, мы можем предположить, что другие представители власти (главным образом, депутаты Государственной Думы) блокируют принятие законопроектов по личным или партийным соображениям.

Еще одной проблемой институционализации корпоративизма в современной России является недостаточный уровень развития представительских организаций. Объединения мелкого и среднего бизнеса недостаточно развиты и заняты, преимущественно, сугубо личными экономическими проблемами. Профсоюзы, благотворительные и иные организации «третьего сектора» часто экономически зависимы от различных уровней властей, стремящихся укрепить свою власть, ставя под свой контроль массовые организации. Возможности административного ресурса в России хорошо известны. Другой причиной является отсутствие традиций деятельности в стране подобного рода организаций. Как отмечает М.В.Жеребкин: «в современной России трансформируются как условия функционирования основных политических институтов, так и субъекты политического процесса, в том числе одни из наиболее влиятельных его акторов – группы интересов»[4].

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня в России корпоративизм принял различные формы в зависимости от своего уровня. Так, например, на уровне взаимодействия крупных компаний и государства он носит в основном неформальный, зачастую неправовой характер, что позволяет говорить о гипертрофированности представительства интересов крупных финансово-промышленных групп. Если речь идет о социальном партнерстве, то здесь нужно отметить, в первую очередь, неразвитость института, которая обусловлена, главным образом, низким уровнем общего экономического развития, недостаточной правовой базой, отсутствием традиций, абсентеизмом.

Тенденции к усилению роли государства и ослаблению роли других игроков, о чем говорилось раньше, актуальны и для России. Возможно, что в большей степени, чем для любой другой страны. Отчасти именно это позволяет заявлять о становлении авторитарного режима в стране. Во всяком случае, мы можем говорить о возведении в абсолют имеющихся у власти политических и экономических планов. Чрезмерное, необоснованное давление на крупный бизнес, непопулярные социально-экономические меры (обещанные в будущем, принимаемые сегодня и имевшие место в прошлом) дают повод говорить о том, что российский корпоративизм, по сравнению с концом 90-х гг., впал в другую крайность. Согласно одной точки зрения, «олигархический» корпоративизм сменяется государственным. С другой, руками государства производится передел собственности в пользу близких к власти экономических структур.

Лоббизм, как главный инструмент в руках групп интересов, также занимает сегодня интересное положение. Следствием получения «Единой Россией» необходимого большинства в парламенте практически стало исчезновение лоббизма в Го-

сударственной Думе. В этой связи можно предположить, что одним из аргументов в пользу столь мощной поддержки названной партии на выборах было именно стремление «отрегулировать» лоббизм на законодательном поле. Но не путем принятия закона о лоббизме, а путем ликвидации лоббизма в парламенте. Данное стремление вполне вписывается в укрепление вертикали власти и власти вообще. Когда администрация не может справиться с отраслевым, корпоративным лоббизмом в парламенте иным путем, то становится необходимым уничтожение самих предпосылок его существования.

Вполне возможно, что политические процессы последних нескольких месяцев будут иметь неожиданные последствия. Так, например, крупные корпорации, представители той или иной отрасли несколько лет назад были основными противниками принятия закона о регулировании лоббистской деятельности. Сегодня они могут стать теми, кто в первую очередь заинтересован в этом.

В целом, ослабление позиций корпоративизма, как эффективного взаимодействия государства и групп интересов, вызвано политическими мотивами и стремлением к модернизации. Первый случай представляет собой защиту интересов одной группы (например, политического руководства государства, стремящегося сохранить свою власть) в ущерб большинству других. Второй – стремление к общему благу, при этом забывают, что «общее» состоит из «частей», которые одна за другой оказываются в явном проигрыше.

[1] См.: Le Monde. 11.05.04

[2] Шапкин И. Н. Из истории лоббизма в России. Представительские организации российского капитала во второй половине XIX-начале XX веков. М., 1999. С. 7.

[3] См.: Перегудов С. П. Новый российский корпоратизм: от бюрократического к олигархическому? // Политические исследования. 1998. №4. С. 114.

[4] Жеребкин М. В. Группы интересов в трансформационном процессе // Власть. 2002. №3. С. 59.

Л.Г. Фишман

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ЛОЯЛЬНОСТЬ «ОБРАЗУ ЖИЗНИ»

Л.Г. Фишман,
кандидат политических наук,
старший научный ссотрудник
ИФиП УрО РАН

Три политических проекта, которые оказали наибольшее влияние на облик современного мира: Республика, Коммунизм и Демократия.

РЕСПУБЛИКА И ДОБРОДЕТЕЛЬ

Демократия и Республика – это разные идеи. Различие между ними идет со времен античности. Республика – это «общее дело», демократия – «власть народа». В чем разница? Когда речь идет об общем деле, подразумевается, что есть члены общины, которые лучше представляют нужды целого, а есть все прочие. Это не значит, что первые и вторые разделены непроходимой пропастью. Но это значит, что недостаточно быть просто гражданином, чтобы претендовать на участие во власти на всех уровнях. Нужно еще быть одним из наиболее компетентных, добродетельных, знающих. В Риме таковыми являлись патриции, из среды которых делегировался Сенат. В сущности, сенатор – это образец «совершенного» гражданина, стоящего выше остальных.

Демократия, в отличие от Республики, не подразумевает наличия слоя особо компетентных граждан или, по крайней мере, противится его институционализации. Афиняне, к примеру, могли сколь угодно уважать и почитать своих великих людей и выдающихся граждан, но в нормальных условиях они не учреждали для них ничего, подобного римскому Сенату. Это нередко осложняло управление делами полиса и вело к принятию плохо продуманных решений. С другой стороны, компетентные и просто влиятельные люди никуда не исчезают. Если слой этих граждан не имеет особых официальных институтов, которые он мог бы использовать для принятия угодных ему решений, то существует немало неофициальных и полуофициальных каналов воздействия – начиная от подкупа должностных лиц и народа и заканчивая искусной демагогией перед народным собранием. И это также не красит демократию в глазах ее современников, равно как и в глазах потомков.

Поэтому, если в античной истории мы обнаружим немало великих людей демократических убеждений (или лояльных демократическому режиму), то в античной политической мысли трудно обнаружить последовательных апологетов Демократии. Демократия для античных мыслителей – довольно сомнительная форма правления, которой бы неплохо найти альтернативу в виде аристократии, монархии или даже тирании, а еще лучше – смешанного правления, которое сочетало бы в себе достоинства всех известных «приличных» режимов.

Просвещение унаследовало этот античный скептицизм по поводу демократии и поэтому его исходным проектом был проект Республики.

Республиканский идеал, возникающий во времена Просвещения, отнюдь не во всех своих чертах является надуманным. Утверждение, согласно которому для республики от человека требуется добродетель (с чем соглашаются едва ли не все просветители от Мабли до Руссо и Монтескье), не было простой копией древнеримских и древнегреческих образцов. Речь шла о происходившем тогда замещении политических режимов и морали, характерных для традиционных обществ, политическими режимами и моралью, свойственным обществам Нового времени. Соответственно, происходило и замещение базовых для политических режимов ценностей и норм поведения. Считалось, что для политических режимов прошлого достаточны аффективные (как страх для деспотизма) или ценностные (как честь для монархии) регуляторы поведения, то для республики оказывалась необходимой добродетель. При этом не подразумевалась какая-то конкретная добродетель. Добродетель, в сущности, являлась синонимом этически регламентированного поведения, того, что сейчас мы, вслед за Вебером, называем ценностной рациональностью. Это означало, что в условиях распада традиционного уклада жизни (аналогичного распаду архаического общества в античности, когда и появилось впервые представление как о республиканском правлении, так и о рациональной этике), ни здравый смысл, ни обычаи прошлого уже не могут быть заложены в основание политического устройства. Теперь человек оказывался вынужден рефлексировать над унаследованным от предков здравым смыслом и привычками, сопоставлять их с меняющейся реальностью и выстраивать соответственно получаемому результату свое поведение.

На уровне политики это означало, что многие институты перестали быть «естественными», хотя риторические упражнения насчет разного рода «естественности» как раз тогда и переживали свой расцвет. В значительной мере они стали искусственными, т.е. чисто человеческими установлениями. Политические режимы, столетиями сохранявшиеся раньше как бы без участия человека, уступали место режимам, для поддержания которых от человека требовалось постоянное усилие, начиная от гипотетического заключения общественного договора с другими людьми и заканчивая реальным постоянным участием в политике, ставшей «общим делом» (республикой). Активное и осознанное участие в общем деле поддержания политического режима и, шире, общественного договора и было республиканской добродетелью.

Само собой разумеется, данный политико-моральный идеал со временем приобретал и все более явное «базисное» основание. Бурно растущий капитализм вообще был склонен к рациональной калькуляции экономического и политического поведения – по крайней мере, на уровне элит. «Простого человека» также методично и жестко приучали к необходимости смирять свои естественные порывы и отказываться от привычек традиционного образа жизни, если таковые шли в ущерб организации промышленного производства с его строго регламентированным рабочим днем. Его приучали точности как в манипуляции с инструментами, становящимися все более сложными, так и в оценке себя самого (как обладателя товара под названием «рабочая сила», имеющим на данный момент конкретную рыночную стоимость). В любом случае, человек научался «знать свою цену», осознавать свои интересы и потребности и объединяться с другими в процессе их отстаивания, планировать солидарные с другими представителями своего класса акции и т.д. Для этого требовалось, в первую очередь, осознание себя не изолированным индивидом и не абстрактным участником (чаще всего только формально) «общего дела», а представителем конкретного класса. По мере того, как идеал «общего дела» (республики) все меньше соответствовал практике, на уровне социальных низов, промышленного пролетариата республиканский идеал добродетели отчасти трансформировался в классовый идеал «сознательности».

КОММУНИЗМ И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Если для республики, согласно Монтескье, основополагающей ценностью является добродетель, для советского коммунизма таковой является сознательность.

Требование быть сознательным проистекло, по всей видимости, из двух источников.

Первый из них можно назвать идеологическим. В отличие от всех существовавших прежде политических режимов (и лежащих в их основе общественных формаций), коммунизм изначально предполагается как общественное устройство, возникающее не совсем «естественным» образом. Конечно, причиной его возникновения и торжества должны стать объективные предпосылки, весь ход человеческой истории. Однако коммунизм (и социализм как его первая стадия), в отличие от, к примеру, капитализма, не вызревает постепенно в рамках предшествующих ему общественно-экономических формаций. Вызревают только предпосылки – развитие производительных сил, рост пролетариата и осознания им своей всемирно-исторической миссии. Это понимание пролетариатом своей миссии наряду с готовностью ее осуществить является одним из важнейших компонентом сознательности. Коммунизм – до известной степени «искусственный» общественный строй, для воплощения которого необходим постоянный контроль со стороны разума, вооруженного правильной, но не дающей сразу всех ответов теорией. Что-то вроде «невидимой руки рынка» становлению коммунизма не помогает и, более того, коммунизм, на первый взгляд, противоречит некоторым «естественным» порывам человеческой природы, проистекающих из эгоизма, порожденного обществами с доминирующей частной собственностью. С такими порывами в процессе строительства нового общества необходимо постоянно бороться – и это еще одна составляющая сознательности.

На уровне формирования социальных структур советского общества сознательность в качестве основополагающей ценности была совершенно необходимой как для функционирования коллективов, так и для возникновения «советского человека». Воспитание республиканской добродетели на Западе осуществлялось применением к человеку разнообразных дисциплинарных практик – в работных домах, школах, тюрьмах, психиатрических клиниках и т.д. Воспитание коммунистической сознательности (как убедительно описывает этот процесс О.Хархордин в своей работе «Обличать и лицемерить») шло в разнообразных и многочисленных коллективах с применением столь же многочисленных и разнообразных дисциплинарно-

воспитательных практик – от партийных чисток до взаимного контроля за личной гигиеной в школе. В результате советский человек наряду с навыками социально приемлемого поведения приобретал и «просто» черты *личности* – ведь только личность могла быть сознательной и ответственной за свои поступки. Как и требование добродетельности, призыв к сознательности был обращен к новому человеку посттрадиционного общества. Это была личность, руководствующаяся в своем поведении не примитивными аффектами и не узкими представлениями о сословной чести, а долгом перед другими людьми и обществом, понимаемом как целое, как *образ жизни* в конструировании и воспроизводстве которого надо было *лично* участвовать. Правда, на практике, такое личное участие было нередко формальным и не слишком искренним. При всех преимуществах коллективной жизни, при всем даваемом ею чувстве защищенности, советский человек поэтому обычно жил двойной жизнью – личной для себя и общественной для начальства, отделяя свой конкретный частный интерес от туманного общего.

ДЕМОКРАТИЯ И КОНФОРМНОСТЬ

Проект Республики, как и коммунистический проект соответствовал эпохе индустриализма, но к началу ее заката он начал вытесняться проектом Демократии. С одной стороны, вытеснение Республики Демократией было следствием быстрого увеличения числа людей, вовлекаемых в политическую деятельность. Все-таки просвещенческий и античный проект Республики отнюдь не подразумевали, что в политику будут привлекаться все или почти все граждане. Именно сравнительно небольшое число активно участвующих в политике людей было причиной того, что это участие было интенсивным, требующим от человека высокой степени самоотдачи. Это было *личное участие* и именно потому времена республик являлись временами великих политиков вроде Клемансо, Черчилля, Гитлера, Рузвельта и т.д. Демократия, привлекшая в политику широкие массы, довольно скоро привела к своеобразной деполитизации политики, поскольку для большинства людей политика никогда не была и не будет главным объектом приложения личных усилий, сферой личной самореализации.

Торжество демократии в странах Запада пришлось как раз на ту пору, когда в их экономике стала приобретать все больший вес сфера услуг и все большая часть коренного населения оказывалась в ней занятой. Глобализация еще более усугубила этот процесс, поскольку вызванный ею приток иммигрантов в основном вливается в сферу материального производства, производства требующего малоквалифицированной рабочей силы. Но лицо, – в том числе и политическое – западных обществ пока определяют не иммигранты, а люди все еще западной культуры, которые сейчас преимущественно заняты в сфере услуг.

Какие требования предъявляет человеку сфера услуг, и чем они обусловлены?

Сфера услуг ориентирована на потребителя и сам ее рост есть следствие формирования пресловутого «общества потребления». Потребитель – это человек, которому, с одной стороны, надо всячески угождать (он «всегда прав»). С другой же стороны, потребитель – это человеческий объект, которого надо ненасильственно принудить приобрети какой-либо товар или услугу. Это достигается манипуляцией посредством рекламы и «сервиса» (т.е. буквально – прислуживания), причем навязывается в первую очередь не товар или услуга, а определенный образ жизни. В итоге потребитель должен совершить свой выбор так, как если бы он был следствием его личной убежденности.

Следовательно, индивид, работающий в сфере услуг, должен обладать качествами, позволяющими ему подлаживаться под запросы потребителя, а также качествами искусного манипулятора. При этом его личное отношение к тому, что он делает, равно как и к потребителю, должно быть тщательно замаскировано. Здесь нет места ни личным симпатиям и антипатиям, ни сомнениям в действительной полезности предлагаемого товара или услуги. Иными словами, работник сферы услуг вынужден постоянно лицемерить, поскольку его личные пристрастия и просто совесть слишком часто могут оказаться вредными для дела. Он обязан соответствовать чисто внешним требованиям, соблюдая верность предприятию и оставаясь толерантным потребителю. В сфере внутренних убеждений крайне желательно, чтобы он был *лоялен* сложившемуся «естественным образом» экономическому порядку, в котором он только и может заниматься своим трудом – свободному рынку и потребительскому обществу.

В более широком ракурсе трансформация основополагающих политических ценностей Республики в ценности Демократии выглядит как следствие смены индустриальной эпохи эпохой цифровых технологий. Если в индустриальную эпоху основными интегрирующими общество факторами были национализм и совместное солидарное участие в производственной деятельности, то в настоящее время равноценной им замены пока не обнаруживается. Очень существенное падение гражданской активности (например, в США на 30-40%, как отмечает Ч.Капхен в своей работе «Закат Америки») не в последнюю очередь обусловлено вытеснением необходимого для республики личного участия виртуальным общением.

Не удивительно, что с ростом числа людей, занятых в сфере услуг, с вытеснением индустриализма цифровой эпохой, политическая наука Запада начинает предъявлять гражданину требования, идентичные с теми, которые предъявляет ему работа. Это уже не добродетельность и не сознательность – это просто лояльность к политической системе в целом (или ее «поддержка») и толерантность к любым политическим убеждениям, которые ее не подрывают. Не важно, какими убеждениями и моральными качествами обусловлена лояльность, но она в любом случае должна быть. Это означает, что личность гражданина и его политическая система больше не связаны и что политическая система демократии (равно как и экономическая система рынка) в принципе, в личном участии не нуждается. Для выражения такого рода лояльности личностное участие не обязательно. Что и выражается во все растущем безразличии граждан к участию в выборах – система функционирует, и этого достаточно.

Все это отражается в политической и социальной теории. Формально человек все еще признается самоценным существом, но на самом деле он теперь нужен только для воспроизводства соци-

альных структур, а не для их творения. (Период творения закончился во времена республики). Человек более не познающий и преобразующий мир субъект, а бурдьевский «габитус», посредством которого воспроизводятся социальные структуры. Теоретическая проблематика общества постепенно смещается в сферу социальной онтологии, т.е. переводится под знак «вечности». Теперь интересно как функционируют социальные институты и легитимирующие их дискурсы, а не истинны они и или ложны. Само по себе то, что они действуют, уже означает их право на существование. Социальные институты же были всегда и всегда в области «надстройки» существовали какие-то представления, с помощью которых они функционировали. Представления эти формулировались на языке – таким образом, и язык превращен в часть социальной структуры и средство ее воспроизводства, т.е. отнят у автономной личности времен республики и коммунизма. Личности в политике теперь невозможно выразить себя, нельзя высказать слово одобрения или порицания без того, чтобы не заслужить упрека в том, что это не сама она говорит, а нечто посредством нее. Правда, у человека остаются частные интересы, вроде заинтересованности в благосостоянии, жизни и безопасности, которые были у всех и всегда и поэтому воспринимаются как нечто единственно подлинное. Но для познания этих интересов особых усилий не требуется, потому что они «вечные».

Таким образом, в период демократии общество, в известной степени, возвращается в «естественное» состояние, при котором для участия в политической жизни снова достаточны аффективные и ценностные регуляторы. Только теперь страх заменен на заботу о соблюдении базовых прав человека (вроде права на жизнь), а честь – на лояльное отношение к «естественным образом» существующему порядку вещей. Можно было бы назвать человека Демократии «лояльным», по аналогии с «добродетельным» или «сознательным» – но лояльности, в сущности, требуют все политические режимы. Кроме того, в условиях Демократии речь идет даже не столько о лояльности только политической системе, сколько о лояльности целому «образу жизни». (Это утверждение является верным уже для афинской демократии – вспомним знаменитую надгробную речь Перикла). Поэтому можно говорить скорее о конформности: человек Демократии – это человек «конформный». И это до некоторой степени сближает его с «сознательным» человеком времен «реального социализма», от которого также требовалось большее, чем простое принятие политической системы – принятие советского образа жизни.

ЛОЯЛЬНОСТЬ «ОБРАЗУ ЖИЗНИ» И НАШИ БУДУЩИЕ ЦЕННОСТИ

Процесс трансформации Республики в Демократию или Коммунизм и, соответственно, добродетели в сознательность и конформность, таким образом, может быть осмыслен как *вытеснение приверженности определенной политической системе как «общему делу» лояльностью чему-то более широкому, а именно – «образу жизни» со всей его экономической и культурной подоплекой*. Этот процесс означает нарастающее вытеснение сферы политики, как точки приложения личных усилий, заботами о частном благополучии и личной самореализации в самых различных областях деятельности. Как только к политике оказалось привлеченным большинство народа, быстро выяснилось, что политика ему не слишком интересна и никогда не будет интересной. Соответственно, потеряли свое влияние идеологии и утопии, которые были предназначены именно для привлечения в политику личностей – поскольку они давали ей ни много, ни мало, а целое мировоззрение. Поэтому на определенном этапе в США граждане смирились с превращением своей республики в «управляемую демократию», а в России – с коммунизмом.

Можно говорить о том, что в свое время Россия перескочила Республику с ее принципом лояльности только политической системе, построив первую политическую систему, основанную на лояльности «образу жизни». Что же происходит сейчас?

Сейчас России не хватает экономического и научно-технического потенциала для того, чтобы из уходящей эпохи индустриализма перейти в цифровую эпоху. Или же, что представляется более верным, таковой потенциал есть, но нет соответствующей заинтересованности у правящих элит. Поэтому с крушением старой политической системы, построенной на лояльности образу жизни («сознательности»), мы не можем перейти к демократической «конформности» как лояльности новому образу жизни. Такового просто нет.

В результате, в течение последних лет мы стали свидетелями и участниками попытки создать в России что-то вроде помеси Республики с нежизнеспособными политическими партиями и с интеграцией на националистической основе (за неимением лучшей) и «управляемой демократии» с чисто формальным участием народа в управлении. Иначе говоря, от нас требуется добродетель, от которой мы уже давно отказались и, в то же время конформность, которая отрицает эту добродетель и для которой у нас нет, так сказать, «материальных оснований». Эти требования режима никогда не будут удовлетворены.

Мы не сможем построить свою политическую систему на принципах добродетели или сознательности – возврата в прошлое нет чисто по технологическим причинам. В глобализирующемся мире у нас нет и основания для того, чтобы построить ее на принципе конформности, потому что ниша соответствующего «образа жизни» уже занята Западом. Да и мир с долговременной перспективой главенства такой ниши представляется весьма далеким от совершенства.

Наш прошлый опыт «сознательности» и современный западный опыт «конформности» говорят нам, что, возможно, будущее не оставит места политическим режимам, базирующимся на лояльности только политической системе, а не «образу жизни». Это не значит, что в будущем и настоящем политическое преобразование невозможно. Оно возможно как часть широкого социального преобразования, подобного, например, сапатистскому эксперименту в Мексике, опирающемуся не на партию с жесткой идеологией, не на военную силу и не отжившие политические мифы, а на согласие обычных людей относительно желаемого образа жизни, для которых политика сама по себе не является высшей ценностью. Возможно оно и для России, когда у нее найдется сил совершить свой скачок в будущее и найти свой «образ жизни».

И. Фан

«Я – ПРОФЕССОР ПО КАФЕДРЕ ЭТИКИ. ТЕМ И ИНТЕРЕСЕН»

Беседа с академиком РАН А.А. Гусейновым

Весной этого года в Институте философии и права состоялись общественные слушания. Вниманию научной общественности города была предложена «Новая философская энциклопедия». Академик А.А. Гусейнов познакомил присутствующих с замыслом, концепцией, ходом работы над исследовательским проектом энциклопедии. По итогам обсуждения ученый совет Института постановил: считать авторский коллектив в составе академика Степина В.С., академика Гусейнова А.А., д. филос. н. Огурцова А.П., д. полит. н. Семигина Г.Ю. – достойным присуждения Государственной премии РФ в области науки и техники 2003 г. за работу «Новая философская энциклопедия». Живая беседа с одним из ведущих специалистов по этике позволила дополнить заочное знакомство с его книгами, обсудить актуальные проблемы, немного приблизиться к личностной стороне творчества ученого.

А.А. Гусейнов – доктор философских наук, профессор, действительный член (академик) РАН. Окончил философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова (1961) и его аспирантуру (1964). 1965-1987 гг. – старший преподаватель, доцент, профессор МГУ имени Ломоносова. С 1987 г. – зав. сектором этики, отделом, зам. директора (с 1994г.) Института философии РАН. Член президиума Российского философского общества; отв. ред. ежегодника «Этическая мысль»; член редколлегий журналов «Философские науки», «Вопросы философии»; зам. председателя научно-редакционного совета «Новой философской энциклопедии». Канд. дисс. «Условия происхождения нравственности» (1964); докт. дисс. «Социальная природа нравственности» (1977). Автор многочисленных научных работ, в том числе «Золотое правило нравственности» (1979); «Введение в этику» (1985), «Великие моралисты» (1995); «Античная этика» (2003).

Материал опубликован при поддержке РГНФ: грант №04-03-83307 а/у

– Абдусалам Абдулкеримович, как случилось, что именно проблемы этики стали предметом Ваших научных интересов?

– Стараясь быть честным, я не могу дать ни Вам, ни себе ясный ответ на вопрос о том, как и почему моя жизнь, в том числе мои научные интересы, сложились так, как они сложились. Может быть, в силу мечтательности натуры, может быть в силу общего идеологического пафоса победной послевоенной эпохи мои первые сознательные устремления были романтического свойства. Это была коммунистическая романтика всеобщего братства, героического служения народу. Она питалась произведениями Горького, Маяковского, Островского, Симонова. Образы Рахметова, Павки Корчагина, молодогвардейцев, Александра Маресьева воспринимались очень лично и безусловно. Особо в этом ряду стоит «Овод» Э.Войнич, позже – «Отверженные» В.Гюго. Я вырос в мусульманской среде, но воспитание получил исключительно советское. Сейчас говорят о коммунистическом идеологическом зомбировании населения в те годы. Не уверен, что это правильный термин. Но правда в моем случае состояла в том, что я самым естественным образом воспринимал эту идеологию как собственную, поскольку она окутывала меня со всех сторон и ни о какой другой я просто не знал. Следует назвать еще одну причину: сама эта идеология так полно и гармонично расширяла детское и юношеское сознание, что просто нельзя было представить, чтобы что-нибудь могло быть лучше. Что бы ни говорили о советско-коммунистической романтике, она, по крайней мере не была отупляющей. Более того: она не оказывала ослепляющего воздействия в том, что касается самой действительности. Совсем наоборот. Я видел, что жизнь вокруг, в том числе в ее официальных формах, не соответствует идеалу. Это, с одной стороны, настраивало на, я бы сказал, деятельно-критическое отношение к тому, что делается. А с другой стороны, толкало к более серьезным раздумиям. Так, я стал читать доступную мне марксистскую теоретическую литературу, начиная с «Краткой истории ВКП (б)» и других работ такого типа.

На меня сильное впечатление произвела мысль, что все в мире развивается благодаря противоречиям, о чем я впервые прочитал в брошюре, выпущенной «Обществом по распространению научных и политических знаний». Я задумался: « А каково противоречие, которое движет человеком? Не есть ли это противоречие между его сердцем и умом?» Если человеку органично, что желания его сердца превышают возможности его ума, то отчего это происходит, и насколько сильным может и должно быть расхождение, чтобы оно оказалось продуктивным, возвышало, развивало человека, а не парализовала его волю, не разрушило его? Так определилось мое желание пойти учиться на

философский факультет, каковых тогда было два – в Московском университете и в Ленинградском. Москва была ближе к дому и она – столица.

Поступив на факультет, я почти забыл об интересовавшем меня вопросе и окунулся в изучение философии, которая оказалась совершенно иной, чем это изображалось в популярных брошюрах, она представляла собой особый, очень странный мир. Так, на первой же лекции доцент (позже известный профессор) В.В.Соколов рассказывал об апейроне Анаксимандра. Когда я учился, очень большое внимание уделялось естественно-научной подготовке философов (мы, например, сдавали три экзамена по физике). Кафедры этики не было вообще, она была учреждена к моменту окончания мной университета. Тут я вспомнил о том, что первоначально привлекло меня в философию и что до того момента не нашло адекватного выхода в целенаправленной работе. Во всяком случае, я понял, что именно эта кафедра как раз то, что мне нужно. Получив возможность учиться в аспирантуре, я выбрал именно ее. Тут у меня не было сомнений. Начав заниматься этикой, я, что называется, ушел в нее с головой. Наверняка, каждый человек любит дело, которое он делает, подобно тому, как каждый человек любит своих родителей, малую родину. Я никогда не сожалел, что связал судьбу с философией, а внутри философии – с этикой.

– Расскажите, пожалуйста, о наиболее интересных событиях в Вашей жизни в последнее время.

– Видите ли, я – профессор по кафедре этики и, как говорится, тем и интересен. В этом смысле самые интересные и, надеюсь, достойные публичного внимания события в моей жизни за последнее время – это пришедшая мне в голову идея об особой роли сослагательного наклонения и негативных поступков в морали. В предварительном варианте я ее изложил в статьях, опубликованных в «Вопросах философии» (№ 5 за 2001 г., № 3 за 2003 г.), и надеюсь развернуто изложить в книге, над которой работаю.

– Известно, что Вы первым в советской философии обратились к «золотому правилу нравственности». Познакомьте читателей с этим правилом.

– Немножко истории – как я к нему обратился. Кафедра этики была создана как единая вместе с кафедрой эстетики, и первые 10 лет она, руководимая профессором М.В.Овсянниковым, функционировала как кафедра эстетики. В этической своей части она оставалась номинальной – до такой степени, что два преподававших этику доцента и мы, несколько аспирантов, вскоре были переведены на кафедру исторического материализма. В 1969 году этика выделилась в самостоятельную кафедру. Я получил приглашение на нее в качестве доцента (до этого я пять лет преподавал диалектический и исторический материализм на факультете журналистики МГУ) и сразу осенью 1970 года поехал на 10-месячную научную стажировку в Берлинский Университет им. Гумбольдтов. Приехав в Берлин, я обнаружил, что в области этики в ГДР сделано не так много. Я нашел всего несколько стоящих книг. Работая в каталоге, я наткнулся на ряд работ о золотом правиле нравственности, о котором, если я вообще могу доверять своей памяти, до этого ничего не знал. Тогда, чтобы не терять впустую время, я поставил перед собой две задачи: а) возможно лучше овладеть немецким языком, для чего разработал специальную программу, в частности, включив в нее совсем не обязательный для меня специальный сертифицированный экзамен (замечу кстати, является ошибочным мнение, будто одного пребывания в стране достаточно для овладения языком, я знал русских коллег, которые жили в ГДР по 3-4 года и совершенно не знали немецкий язык); б) овладеть темой золотого правила нравственности (западная научная литература в библиотеках ГДР была представлена полно, до спецхранов там не додумались). Оба пункта были выполнены. По возвращении в Москву я написал статью «Золотое правило нравственности» и предложил ее в журнал «Вестник Московского Университета», серия «Философия». Редколлегия засомневалась, усмотрев в статье, как было сказано, «пропаганду евангельского учения»! Об этом мне в полном смущении сообщил мой заведующий кафедрой С.Ф.Анисимов. Ситуация была нелегкая: не мог же Вестник университета отказать в публикации своему доценту. Ведь это означало выражение профессионального недоверия ему. Так далеко относительно меня заходить руководство журнала (оно же и руководство факультета) не собиралось. Мне в мягкой форме предложили дать какую-нибудь другую статью. На это я не согласился. «А как Вы сами относитесь к статье?» – спросил я Анисимова, которого высоко ценил как специалиста и уважал как человека. «Я считаю ее хорошей, поддерживаю, но они не понимают», – ответил он. «Раз не понимают, им надо объяснять, их надо просто учить, – сказал я. – Скажите им, что золотое правило нравственности появилось до Евангелий, что его мы находим и в нехристианских культурах». Кроме того, я предложил пойти на хитрость, которая однажды уже меня выручала. Когда я публиковал свою первую статью «Происхождение нравственности» в журнале «Философские науки», которую поддержал и двигал член редколлегии профессор А.Г.Харчев, то мне пришлось ее многократно переделывать по замечаниям рецензентов и членов редколлегии. Но и после всего статья уже в верстке вызвала возмущение главного редактора М.Т. Иовчука тем, что в ней говорится о равенстве в первобытном стаде и тем самым якобы дискредитируется или, по крайней мере, бросается тень на идею равенства, которая для коммунистической идеологии является программной. Он потребовал снять статью. Благоволившие ко мне работники журнала сказали ему, что типография за переверстку номера сделает большой денежный начет и журнал окажется в трудном финансовом положении. Тогда кто-то (может быть, даже сам Иовчук) предложил в тех случаях, когда речь идет о первобытном стаде, слово равенство взять в кавычки. Вспомнив эту историю, я предложил заключить слова «Золотое правило» в кавычки. Так, с кавычками статья и вышла, хотя в данном случае было совершенно непонятно, что они означают, то ли то, что это – не правило; то ли то, что это – не золото; то ли то, что это – собственное имя.

– Вам тоже приходилось преодолевать препоны идеологической цензуры?

– Я бы не стал так обозначать трудности, о которых я говорил. Я просто бесхитростно рассказал историю своей статьи. Это небезынтересно, так как то была, насколько я знаю, первая русскоязычная статья о золотом правиле нравственности. И я скажу: для первой статьи, открывавшей такую важную тему, она даже прошла легко. А последую-

щая судьба ее и вовсе оказалась счастливой. Статья была замечена и, я бы сказал, подхвачена. Золотое правило в этической литературе тех лет во многом стало отправной точкой для осмысления нравственности в ее институциональной специфике и общечеловеческой перспективе.

Что касается «идеологического гнета», то это большой и самостоятельный вопрос. Он не является таким однозначным, каким его стараются изобразить либеральствующие пошляки. Одно время у нас стало модным (и мода эта, кажется, не прошла) говорить о страданиях и преследованиях в условиях «коммунистического тоталитаризма». Я лично к числу таких страдальцев и преследовавшихся никак не принадлежу. И к социалистической идеологии отношусь скорее положительно, чем отрицательно. Более того: мой личный опыт можно считать аргументом в пользу советского жизнеустройства, включая и присущую ему идеологическую дисциплину. Возьмите такой факт: я родился в многодетной семье сельского учителя, школу окончил в маленьком дагестанском городке, живя в интернате, и приехал поступать в Московский государственный университет, первый вуз страны, приехал без лишнего гроша в кармане, не имея абсолютно никаких зацепок в Москве, ни одного знакомого. И поступил. Как вы думаете, сейчас такое было бы возможно в качестве нормы, а не святочного рассказа?! Вернемся, однако, к золотому правилу.

– Да, надо вернуться. О самом правиле ведь Вы еще ничего не сказали.

– Наиболее развернутая и адекватная формулировка Золотого правила нравственности действительно является евангельской: «Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (М.ф.,7,12). Но известно оно значительно, этак лет на пятьсот-шестьсот, раньше. Его мы находим у Конфуция, у Будды, у двух из семи греческих мудрецов – Фалеса и Питтака, у Хилела. Позже у Мухаммеда. Золотое правило – называться так оно стало значительно позже, уже в европейское Новое время, входит в совокупность тех представлений, которые обозначили духовную революцию так называемого «осевого времени» и заложили гуманистические основы современных культур. Во многих источниках из приведенных выше, в том числе и в Евангелии от Матфея, оно формулируется как итоговое правило, которое в лапидарной форме суммирует всю нравственную мудрость.

Ницше считал, что мораль за всю историю прошла три больших этапа. На первом, ценность поступка связывалась исключительно с его последствиями. На втором этапе поступок стали оценивать по его причинам, т.е. намерениям. (Третий этап Ницше связывал со сверхчеловеческой идеей, но не об этом сейчас речь). Золотое правило знаменовало переход ко второму из обозначаемых этапов, зафиксировало субъективное углубление и личностную выраженность нравственности. В этом качестве оно противостояло талиону с его формулой: око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь.

К сожалению, часто Золотое правило воспринимается как простая житейская мудрость типа «не рой другому яму – сам в нее попадешь», мудрость уровня пословиц: «Чего в другом не любишь, того сам не делай». Иногда оно низводится до уровня затасканной монеты, которую можно потерять, подать нищему, украсть, заплатить за кусок хлеба и т.д., но за которой тот, кто владеет ею, не видит ничего, в том числе, великой освободительной роли денег как всеобщего эквивалента, опосредующего обмен деятельностью между людьми. Золотое правило можно считать элементарной мудростью, но только в том понимании элементарности, которую имели в виду первые философы, выделявшие один или несколько элементов в качестве начал или кирпичиков космоса. Оно элементарно в смысле основы, а не в смысле грошовости.

Мы не можем в этой беседе рассмотреть золотое правило во всей глубине и всесторонности. Подчеркну только один момент, который в своей выпуклости открылся мне только в последнее время. Если Вы вчитаетесь в формулировку Золотого правила чуть более внимательно, Вы обнаружите там два наклонения – сослагательное и повелительное.

хотели бы. Повелительное: «Поступайте и Вы...». Эти два наклонения выражают две модальности, которые существенны для морального решения (выбора поведения). Самое главное, они выражают ту конкретную связанность этих модальностей поведения, которые специфичны именно для морали (нравственности).

В сослагательной модальности определяется нравственное качество предстоящих поступков. Это можно сделать, поскольку речь идет о предстоящих (будущих) поступках, только мысленно. Для этого выясняется, мог ли бы этот поступок состояться в неком идеальном мире – мире, который действующий индивид сам учредил бы, будь он тем, кому дано учреждать его. Иначе говоря, желал бы он, будь на то его воля, жить в мире, в котором имеют место такие поступки. Именно этот смысл заложен в сослагательной части золотого правила: «Как хотите, чтобы с Вами поступали люди». Взвешивание предстоящих поступков на идеальных весах нравственности нужно для того, чтобы знать, как поступать, чтобы отсечь, отбросить те поступки, которые не выдержат такой проверки. Такая обязательность, категоричность именно нравственных поступков задается повелительной модальностью: «Поступайте и Вы».

Еще на две вещи следует обратить особое внимание. Во-первых, заложенный в золотом правиле механизм нравственной экспертизы касается всех поступков и по отношению ко всем людям. Сказано, что так надо поступать « во всем» и всегда, когда мы хотим поступать как «люди». Во-вторых, золотое правило нужно не для того, чтобы определить, какие требования мы должны предъявлять другим, а для того, чтобы установить, как вести себя нам самим. Его своеобразие состоит именно в этой разнонаправленности модальностей поведения: сослагательной – на поступки других, и по-

велительной – на собственные поступки действующих индивидов. Относительно других мы можем только хотеть, чтобы они вели себя так, а не иначе. Себе же мы можем твердо приписать тот способ действия, который мы находим нравственным. Это не значит, что мы не можем предъявлять другим или даже предписывать определенные моральные требования. Можем, но только в очень специфической форме – форме собственных поступков. Во всяком случае, об этой и только об этой форме деятельного участия в совокупной общественной жизни и, тем самым, морального влияния на других говорит золотое правило нравственности.

– В статье «Этика» в «Новой Философской энциклопедии» Вы писали о конфликте или кризисе ценностей, о ситуации двусмысленности притязаний. Относится ли данное суждение к состоянию морали в современной России?

– Двусмысленность притязаний – термин, навеянный Кантом. Кант имеет в виду конфликт долга и склонностей и говорит об этом в конце первого раздела «Основоположения к метафизике нравов», обосновывая переход от популярной нравственной философии (повседневного разума) к практической философии. Более адекватно эту мысль выражает Гегель (в «Лекциях по истории философии»): источник не только этики, но и философии в целом он видит в разладе между внутренним стремлением и внешней действительностью, в разложении нравственной жизни. Именно в такие эпохи, считает Гегель, дух ищет прибежища в мысли. Здесь речь идет о социокультурных основаниях философии и этики, выраженных в самом общем виде. Данное соображение нужно всегда иметь в виду как некий методологический принцип, но оно само по себе не объясняет ни одной конкретной философско-духовной ситуации, в том числе и нашей современной.

Что касается характера связи философии и действительности в настоящее время в мире в целом, и в России в особенности, то надо иметь в виду один принципиально новый момент. Если брать все предшествующие эпохи, то конфликт ценностей разрешался в философии таким образом, что философия уводила людей из запутавшегося в противоречиях, не устраивавшего их действительного мира в царство мысли. Она предлагала некую духовную программу, которая намечала выход и давала людям перспективу. В любом случае философия критиковала действительность с точки зрения принципа, идеала. Своеобразие современной духовной ситуации состоит в том, что все перевернулось. Сомнению подвергается не дурная действительность, а идеалы, принципы. Под вопрос ставится сама философия. Говоря языком Гегеля, дух не ищет пристанища в мысли. А что иное означает так называемое постмодернистское разрушение философии, отрицание языка Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля?! Я понимаю дело таким образом, что те, кто готовы отказаться от философии, снимают с повестки дня вопрос о смысле, об идеально-возвышающих целях, полагаясь на технологические решения, на всесилие прагматизма. Как бы они не ошиблись! А может быть, все проще: современный западный мир, к которому привязаны и мы, еще удачлив на раз избранном пути, еще не запутался в своих проблемах настолько, чтобы обращаться к помощи философии. Пока обходятся политтехнологами, психиатрами, юристами и менеджерами, к философам никто обращаться не будет.

– Скажите, пожалуйста, этические проблемы, стоящие перед сегодняшней Россией, имеют какие-то принципиальные отличия от соответствующих проблем стран Запада или Востока? Назовите наиболее острые и актуальные проблемы.

– Я не уверен, есть ли общие моральные проблемы отдельно у Востока (какого Востока?), Запада (какого Запада?) или даже России. А если есть, то отличаются ли они друг от друга? К примеру, если существует некая общая моральная проблема у Востока, охватывающего много культур, миллиарды людей, сотни стран, то наверняка она будет значима и для Запада, и тем более для России, которая сама часто является Востоком. Взять к примеру такую особенность современной нравственной жизни в нашей стране, как вседозволенность, которая касается не только фактического поведения, что в той или иной форме было всегда, а поднята на нормативный уровень. Одно из несомненных проявлений такой вседозволенности – ксенофобия; факты дискриминации людей по национальному признаку были всегда, даже в советское время, но такого, чтобы ксенофобию возвысили в принцип, доходя до открытой пропаганды фашистских установок, это что-то новое.

Спрашивается: принципиальная вседозволенность – это сугубо российская проблема? Вряд ли. Если взять то, что Х. Арендт по итогам своих наблюдений над процессом Эйхмана назвала банальностью зла – типичный пример в наши дни – будничность заказных убийств. Разве это не всеобщая проблема? Разве мы не сталкиваемся с той же банальностью зла, когда американские солдаты идут на войну с максимумом комфорта, чуть ли не с фитнесс – клубами, или когда террористы взрывают автобусы с детьми едва ли не так же буднично, как один мой сокурсник ездил зайцем.

Выделенные Вами культурно-цивилизационные континенты – Запад, Восток, Россия, отличаются между собой не столько разделяющими их моральными проблемами, сколько формами (механизмами) моральной жизни. В этой связи я могу высказать одно соображение, предварив его опять-таки рядом оговорок. Во-первых, речь может идти о самых общих характеристиках, которые касаются некой преимущественной доминанты моральной культуры. Во-вторых, сами эти общие характеристики больших культур фиксируются как различия только при их сравнении друг с другом. В – третьих, то, что я собираюсь сказать, основано на личном опыте, поскольку я, будучи россиянином, приобщен и к Востоку (вырос в мусульманской среде), и к Западу (жил два года в Берлине и год в Праге). Так вот, мысль моя состоит в следующем. Моральные культуры Востока, Запада и России не отличаются друг от друга на уровне общих принципов (типа требования «не убий» или того же Золотого правила) и на уровне непосредственных мотивов поведения (люди в своих стремлениях к собственной выгоде, как и в желании примирить их с чувствами благожелательности и справедливости, везде одинаковы).

Они отличаются между собой (в той мере, оговорюсь еще раз, в какой отличаются) средним звеном, характером связи между общими принципами и конкретными поступками. На Востоке это

среднее звено имеет форму клишированных схем поведения в типовых отношениях между индивидами, недопустимого в отношениях старшего и младшего, отца и сына, учителя и ученика, мужа и жены, соплеменников и т.д.; как следует приветствовать, выражать траурное соболезнование, устраивать свадьбу детей и т.д. На Востоке общественные нравы максимально упорядочены в их особенных проявлениях.

На Западе основным механизмом, переводящим общие моральные принципы в конкретные действия, является рационально аргументированная целесообразность. Сошлюсь на такой пример. У моего немецкого друга умерла мама в рождественские дни, которые в Германии, как и во многих других западных странах, имеют особый статус и являются временем узкосемейного сосредоточения. И если бы он стал хоронить ее в эти дни, то, с одной стороны, родственники не смогли бы приехать проститься с умершей, а с другой стороны, он поставил бы их в стрессовую ситуацию, когда они должны выбирать между вещами, между которыми им бы не хотелось этого делать. Мой друг перенес захоронение умершей более, чем на месяц, дав возможность родственникам (а заодно и себе) без излишнего напряжения отпраздновать Рождество и так спланировать свое время, чтобы те из них, кто собирается проститься с ней, могли это сделать.

Согласитесь: все это очень рационалистично. Рационалистичность западных нравов выражается в том, что они во многом предстают как кодифицированная, юридически оформленная практика, в отличии от восточных нравов, имеющих форму обычая. Особенность российской моральной культуры состоит в том, что она индивидуализирована. Здесь нет устоявшихся механизмов опосредования, моральные решения каждый раз принимаются заново – один и тот же человек может в одном случае, например, заступиться за коллегу, а в другом случае сделать нечто противоположное. Точно также здесь нет каких-то нравственно санкционированных итоговых решений. К примеру, что должен сделать муж, которому изменила жена? Можно высказать с десяток разных реально практикуемых вариантов поведения мужа в такой ситуации, которые считаются нравственно приемлемыми. Я бы сказал так: если восточные нравы клишированы, западные нравы рационализированы, то российские нравы эстетизированы, имея в виду не особую их внешнюю красоту, а стремление для каждого случая найти свою собственную меру.

Могу проиллюстрировать это различие на одном малюсеньком примере. Когда гость приходит в дом, например, в Вашу городскую квартиру, то в Берлине он обувь не снимает, в Махачкале он обувь снимает. А в Москве? В Москве нет стандартного решения даже для такой стандартной ситуации: в одной квартире снимают, в другой нет; одни снимают, другие нет; одни и те же лица иногда снимают, иногда нет; в одной и той же квартире иногда снимают, иногда нет, словом, решения каждый раз принимается заново и применительно к каждой отдельной ситуации.

– А что лучше?

– Ничего не лучше. Для одних лучше одно, для других – другое, для третьих – третье. Во всяком случае, одно несомненно: русско-российский -индивидуализированный, творческий, вольный,

Академик РАН А.А. Гусейнов в Институте философии и права УрО РАН; гл.редактор альманаха «Дискурс-Пи» О.Ф. Русакова, директор института В.Н. Руденко.

способ организации общественных нравов является не менее жизнеспособным, чем иные способы. А в чем-то он является даже более привлекательным. Не заключена ли в этом, в частности, одна из причин того, что русские слывут в мире людьми непредсказуемыми, а их душа загадочной.

– Абдусалам Абдулкеримович, как Вы оцениваете состояние разработки этической проблематики в отечественной науке? Какие направления Вы считаете наиболее перспективными? Назовите наиболее интересных философов – этиков.

– Дать общую характеристику состояния этики в стране непросто. По каким критериям оценивать и в сравнении с чем? Две вещи можно сказать совершенно определенно. Во-первых, уровень и интенсивность этических исследований у нас вполне сопоставили с уровнем и интенсивностью исследований в других базовых направлениях философии, таких как онтология, теория познания и др. Во-вторых, у нас есть работы мирового уровня. Например, «Понятие морали» О.Г. Дробницкого. Могу назвать еще вышедший в 2003 году коллективный труд «История этических учений», который вообще не имеет аналогов в мире по полноте охвата учений философской этики. И, конечно, энциклопедический словарь «Этика» (2000 г.), которым вполне можно гордиться.

Направления? В последней трети XX века в развитии западной этики произошел качественный сдвиг в сторону прикладных исследований. Речь идет о чем-то более существенном, чем просто расширение прикладной проблематики в рамках этики, быть может, даже об изменении самого предмета этики, равно как и способа ее существования в культуре. Разумеется, мы не можем остаться в стороне от этих био-эко-бизнес– и всяких иных этик. Но вряд ли здесь мы стяжаем себе славу. Все-таки наше, заданное всей интеллектуальной традицией амплуа – этическая теория. Нерешенных проблем в этической теории – уйма, начиная с конкретизации понятия морали с целью охватить те самые открытые моральные проблемы типа эвтаназии, в ходе деятельного осмысления которых и возникла прикладная этика. Или взять такую исключительно важную и невероятно трудную проблему, как соотношение этики и аксиологии.

Имена? Сейчас в этике работают исследователи, по крайней мере, четырех или даже пяти поколений. Профессора В.Г.Иванов из Санкт-Петербурга и Ф.А.Селиванов из Тюмени представляют ту заме-

чательную генерацию, которая в начале 60-х годов прошлого века положила начало развитию в нашей стране этики как самостоятельной философской науки и университетской дисциплины. Их учебники по этике были одними из первых и лучших. За ними идет мое поколение, среди представителей которого прежде всего следует назвать прекрасный тандем профессоров В.И. Бакштановского (Тюмень) и Ю.В. Согомонова (Владимир), профессора В.П. Фетисова (Воронеж). Следующее поколение наших учеников, 50-летних. На нем сейчас главным образом отечественная этика и держится. Это первоклассные исследователи и профессора: Р.Г. Апресян (Москва), А.П. Скрипник (Саров); В.К.Шохин (Москва), В.Н. Назаров (Тула), Е.Л. Дубко (Москва), В.О.Лобовиков (Екатеринбург), Е.Д. Мелешко (Тула), О.С. Соина (Новосибирск) и др. Из представителей следующего поколения (условно говоря, сорокалетних) можно назвать профессоров А.И. Бродского (Санкт-Петербург), О.С. Пугачева (Пенза). Наконец, есть сравнительно молодые, но уже очень хорошо заявившие себя ученые, например М.Л. Клюзова (Тула), А.В. Прокофьев (Тула-Москва). Разумеется, я назвал не всех и заранее извиняюсь перед теми, кого не упомянул. Но уже этот небольшой примерный перечень имен показывает, что наша этика обладает очень хорошим интеллектуально-человеческим потенциалом. Беда, я бы даже сказал, большая беда состоит в том, что наши этики работают разрозненно, вне систематических контактов между собой, не составляют единого в масштабах России научного сообщества. Нет общих научных конференций, дискуссий, периодических изданий. Это касается, конечно, не только этики. Но и этики тоже. Надо что-то делать.

– Как Вы относитесь к росту влияния Русской православной церкви на политическую и общественную жизнь? Если исходить из того, что роль и заслуга христианства состоит в пробуждении в человеке индивидуальной нравственности, моральной автономии личности, то можно ли сказать, что православие справилось с этой задачей? Какова роль религии в становлении нравственного человека?

– Ваш вопрос состоит из трех частей. По существу это три вопроса. Они являются сложными и плюс к тому требуют особой деликатности. Постараюсь быть кратким и осторожным. К влиянию Русской православной церкви, как и любой другой церкви, на политическую жизнь отношусь отрицательно, потому что политическая жизнь – не дело церкви. Что касается общественной жизни, то это более сложный вопрос, так как церковь сама является частью (элементом) общественной жизни. В этом вопросе, мне кажется, лучше всего руководствоваться принципом об отделении церкви от государства. И церкви не следовало бы пытаться через окно проникать туда, куда она не может попасть через двери. В частности, в систему государственного образования. Общее правило состоит в том, что церковь не может вмешиваться в общественную жизнь, поскольку последняя опосредована государством, протекает в государственно организованных формах. Словом, церкви должны быть включены в общественную жизнь таким образом, чтобы конфессиональная разделенность людей не мешала их гражданскому единению. Вполне достойный подражания, адекватный существу демократического государственного устройства пример подала Франция, запретив носить в школе видимые знаки религиозной принадлежности (знаменитое дело о платках). Публичное пространство государства, а школьное образование несомненно является частью этого пространства, принадлежит всем, оно не может подлежать приватизации ни в каком виде. Трудная и очень важная и для общества в целом и, в особенности, для самих церквей задача состоит в том, чтобы церкви нашли себя, свою нишу, свое дело в современном обществе. Церкви, как известно, апеллируют к небесам, но живут они по земным законам. И не нужно делать вид, что это не так.

Вы предполагаете (вторая часть вопроса), что «роль и заслуга христианства состоит в пробуждении в человеке индивидуальной нравственности, моральной автономии личности». Моральная автономия личности – исторический процесс (в известном смысле даже незавершенный), детерминированный многими факторами, какую-то роль здесь играло и христианство, но не думаю, что она была особой. Ведь моральная автономия личности обрела зрелые формы и достигла масштабов, оказывающих решающее влияние на общественные нравы, в Новое время, тогда, когда общество начало секуляризоваться, а религия и церковь лишились положения господствующей духовной инстанции. И теоретическое осмысление моральной автономии личности мы находим отнюдь не в религиозно-философских учениях. Христианство, если я правильно понимаю, акцентирует не автономное выражение нравственной жизни, а ее соборное начало и основу. В этом отношении православие вполне точно выражает пафос и суть христианства, может быть, даже точнее, чем другие его версии.

Наконец, «какова в целом роль религии в становлении нравственного человека?» Ну и вопрос! Десяти томов не хватит, чтобы ответить на него. И где тот мудрец, который напишет эти тома?! Прежде всего, надо понять, что религия и церковь – не одно и то же, хотя развести эти понятия крайне сложно. Религия имеет тенденцию оформляться в церковь. Всякая церковь ищет своей легитимности в религии и создает свою религию. Что означает религия вне церковной догматики и всей разъясняющей ее богословской премудрости? Является ли Богом бог Спинозы? Является ли религией религия Фейербаха? Является ли религиозно верой вера Толстого? Обычно считается, что религия есть вера в Бога. Но что значит верить в Бога? Когда кто-то говорит «я верю в Бога», то он исходит из того, что Бог существует. Но как можно верить в существование того, кто существует? Может быть, в этом случае человек хочет сказать следующее: хотя неизвестно, существует Бог или нет, я тем не менее исхожу из предположения, что он существует, т.е. я верю в его существование. Но если так, то за религиозной верой скрыто эпистемологическое сомнение. Ответ на вопрос о соотношении религии и нравственности решающим образом зависит от того, что мы понимаем под религией. Я не могу сегодня сказать на эту тему ничего лучше и больше, чем сказал Л.Н.Толстой в статье «Религия и нравственность». Мне кажется, что возможно такое осмысление данной проблемы, когда верующие типа Торквемады, Кальвина или Распутина не будут считаться верующими, а неверующие типа

А.И. Герцена или Николая Островского, напротив, будут считаться верующими. Такое возможно в том случае, если мы вместо того, чтобы мерить нравственность религиозными критериями, будем религиозность определять по нравственным качествам. Мне лично такой подход ближе.

– Вопрос о соотношении этики и политики. В нынешней России зачастую моральные призывы к политикам оказываются достаточно абстрактными и не находят ответа, иногда политику сводят к технологии, которая рассматривается как стоящая вне морали. Главным регулятором политики считается прагматизм. Есть ли какие-то более действенные и конкретные пути и средства обратить субъектов политики – государственную власть, политических лидеров, к их главной функции – защите прав и свобод граждан? Не слишком ли абстрактна этика ненасилия – предмет Ваших научных интересов?

– Если я правильно понимаю Вас, Вы спрашиваете о том, как мораль воздействует на политику. А знаем ли мы, что такое политика? Что мы понимаем под политикой? Вот Вы говорите, что основная ее функция – защита прав и свобод граждан. Я в этом не уверен. Свобода граждан – непосредственная основа политики, с нее политика начинается. Политика, разумеется, должна уважать, оберегать свободы и права граждан, но это ее элементарная и самоочевидная предпосылка. Сама же политика – публичное пространство, учреждаемое свободными гражданами. Она представляет собой совместную, общую жизнь людей, поскольку они являются свободными и хотят раскрыть себя в этом качестве. Собственный предмет политики – общее благо свободных граждан, справедливое распределение выгод и тягот совместной жизни в качестве свободных граждан. Именно общее благо и справедливость являются опознавательными знаками политики. В этом смысле она есть продолжение морали. Политика в рамках публичного пространства делает то же самое, что мораль делает в рамках индивидуальной жизни. Они дополняют друг друга в том смысле, что политика начинается там, где кончаются возможности и компетенции морали. Я бы сказал так: политика есть «мораль» публичной (общественной) жизни, мораль есть « политика» индивидуальной жизни. Таково самое общее решение вопроса о соотношении морали и политики. Из него следует целый ряд очень важных следствий. Одно из них, в частности, состоит в том, что нравственную добротность политики нельзя связывать с чистотой нравственных мотивов политиков. В.И.Ленин говорил, что в личном смысле разница между предателем по умыслу и предателем по глупости является огромной, а в политическом смысле этой разницы не существует. Лучше мысль нейтральности политики по отношению к моральным мотивам не выразишь.

Принято думать, что политики являются особо аморальными людьми. Такое мнение само по себе, скорее всего, является неверным. Просто политики кажутся такими, поскольку они на виду, их просвечивают со всех сторон. Если также просветить другие категории лиц – тех же бизнесменов, хозяйственников, даже преподавателей и др., то может оказаться, что они ничуть не лучше политиков. Правда, в случае политиков есть одна очень существенная особенность. Так как политики выступают от имени общего блага, призваны защищать и обслуживать его, то от них требуется более строгое и тщательное, чем от людей других категорий, разведения личных (семейных) интересов и интересов дела, которое они делают. Одну из самых оригинальных теорий политики развивал Л.Н.Толстой в четвертом томе «Войны и мира». В рамках этой теории предназначение политиков состоит в том, что они становятся козлами отпущения за коллективные преступления. Здесь схвачена уникальная особенность политики – здесь человек отвечает не за свои действия. Но это как раз означает, что в этой сфере индивидуальные моральные качества людей играют значительно меньше роли, чем в какой бы то ни было иной сфере общественных отношений. Политиков можно, конечно, назвать бессердечными людьми, но их бессердечие сродни бессердечию хирургов, которые спокойно, энергично, умело, деловито работают с кровоточащей раной том, где многие сердобольные падают в обморок.

Я не хочу выступать адвокатом политиков. Смысл моих рассуждений совершенно иной. Я не хочу, чтобы они могли легко отделаться, сославшись, например, на то, что они не воровали, не устраивали на теплые места своих родственников и т.д. (коррумпированного государственного деятеля надо просто отправлять в тюрьму – в этом случае вообще речь не может идти о политике). Политик должен отвечать за нечто неизмеримо большее, чем личные качества (поэтому-то он и является политиком, а не просто нравственным индивидом) – за качество политики, которую он проводит. Полководец, проигравший сражение, подлежит суду, даже если он проявил личностное мужество и был, например, ранен. Политик, проводящий преступную политику, является преступником и также подлежит суду, даже если он лично вел аскетический и по критериям индивидуальной морали безупречный образ жизни. Он остается политическим преступником даже в том случае, если его политическое преступление было обусловлено моральной чистотой, скажем, нежеланием испачкать свои руки.

«Не слишком ли абстрактна этика ненасилия?», спрашиваете Вы. Совсем нет. Даже наоборот. Она не то, что «не слишком абстрактна». Она вообще не абстрактна. Она конкретней, чем все другие соразмерные моральные программы. Более того, она предельно конкретна. Конкретней не бывает. Этика ненасилия намечает не просто линию поведения. Она точно называет поступки, которые нельзя совершить – поступки, относительно идентификации которых невозможно ошибиться. Чего проще и конкретней – не убивать, не убивать никогда и никого. Не навязывать свою волю другому путем прямого физического принуждения – не грабить, не наносить увечья, не угрожать пистолетом и т.д. Одна из самых замечательных особенностей этики ненасилия как раз состоит в том, что едва ли не в максимально возможной степени свободна от внутренней фальши, которая сопровождает все абстрактные моральные программы.

Беседу вела И.Б. Фан.

PR-ОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА И АВТОРСКОЕ ПРАВО

К.В. Киселев

Константин Викторович Киселев,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Института философии и права УрО РАН.

Представляется, что постановка проблемы о качестве PR-литературы и о ее наличии в магазинах страны, т.е. о насыщенности рынка, своевременна, ибо на самом деле эта проблема есть оборотная сторона вопроса о качестве подготовки PR-специалистов, их профессионализме и перспективах профессии. Особенно актуальны все эти проблемы сегодня для тех людей, которые профессионально занимаются политическим консалтингом, ибо после завершения электорального цикла и антидемократических предложений по реформированию избирательной системы, озвученных Путиным в сентябре 2004 г., в очередной раз пришло время задуматься о «судьбах, этапах, тенденциях, перспективах». На некоторые из наиболее обсуждаемых в этой связи вопросов постараемся поискать ответы.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА PR-ЛИТЕРАТУРУ

Очевидно, что за всю литературу судить нельзя. Это было бы чересчур самонадеянно. Речь пойдет лишь о видимых без специального исследования тенденциях в развитии литературы по проблемам политических технологий, PR-а в политике, политической рекламы, политических коммуникаций.

Содержательный уровень имеющихся изданий весьма специфичен. Значительное количество учебников всех времен и народов. Другими словами, это книги обо всем и ни о чем. Причем, учебников по политической рекламе, по политическому PR-у не сильно много (а существующие серьезной критики не выдерживают). Политическая проблематика либо включена в учебники общего характера, либо представлена учебниками на тему «как сделать избирательную кампанию». Второе место по представительству на прилавках – описание тех или иных политических PR-кампаний, примеров, «кейсов». Чаще всего это «из серии» саморекламы под видом обучения технологическому процессу: «как-то раз мы с друзьями», «эй, товарищ, посмотри на меня, делай как я» или «клиент, отзовись, я здесь». «Кейсы» и учебники могут сочетаться в пределах одной обложки, но сути дела это не меняет.

Стоит отметить практически полное отсутствие научных, глубоких теоретических работ, отражающих не только опыт автора в проведении сотни-другой кампаний, но и результаты научных исследований, научных изысканий. И это уже не проблема магазинов, а особенности того периода в развитии, который переживает политический PR как научная дисциплина. Сегодня, с одной стороны, у высококлассных специалистов просто нет времени (вариант, не выгодно) писать научные труды. А потому многие мэтры политконсалтинга предпочитают писать популярные книги рекламного характера, а не сугубо научные работы. С другой, практически нет авторов, которые бы занялись разработкой научной проблематики данной направленности. Теоретики мало что понимают в реальной деятельности и потому банальны и скучны. Практики, потешаясь над теоретиками, либо не способны к теоретическим обобщениям, либо предпочитают не тратить время на занятия, не приносящие доход. Сочетание того и другого, теории и практики, времени и денег – редкость.

Если говорить об Уральской школе политического консалтинга, то и здесь, несмотря на наличие ярких имен (Э. Абелинскас, Г. Гаврилов, А. Гагарин, И. Горфинкель, В. Дубичев, Е. Дьякова, В. Житенев, М. Коробельников, А. и И. Кузнецовы, В. Куликов, В. Новиков, О. Матвейчев, С. Мошкин, Е. Потапов, А.Трахтенберг, С.Тушин, А. Франц, С. Чернаков и другие) многие из потенциальных авторов, потенциальных исследователей предпочли популярный жанр и практическую работу теоретическому языку. Сочетание случается, но не так часто, как могло и хотелось. Я бы отметил работы в сфере политического консалтинга и политической коммуникативистики О.Матвейчева с соавторами, Е.Дьяковой и А.Трахтенберг, которые резко контрастируют своей оригинальностью, глубиной анализа проблем, теоретичностью с основной массой «стандартной» литературы.

Кстати заметим, что «учебниковый» период, период описания ситуаций может длиться достаточно долго. Пример тому – современная российская политическая наука, которая почти через 20 лет с начала «времени свободы» (если считать с апреля 1985 г.) может «похвастаться» несколькими точками роста научных школ, сосчитать которые можно с помощью пальцев одной руки. И если аналогичные сроки потребуются для науки «связи с общественностью», то первые ростки научных

школ Россия получит примерно лет через десять. И где они появятся со стопроцентной вероятностью уже видно: Москва и Екатеринбург. Возможно (с разной долей вероятности) их возникновение в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Саратове, Перми, Красноярске, Владивостоке и других городах с продвинутой гуманитарной средой.

Заметим также, что даже на «Серебряном лучнике» большинство книг среди номинантов, дипломантов и даже лауреатов – учебники по своему стилю, характеру и заявке. Но это уже другая проблема, проблема зрелости сообщества, которое само вырабатывает критерии оценки и продвижения того или иного номинируемого литературного продукта и его автора.

PR-ЛИТЕРАТУРА В РЕГИОНАХ

В большинстве случаев вся литература в магазинах регионов привезена из Москвы, либо издана в столице. Реже на титулах фигурируют питерские издательства, совсем редко провинциальные. Это не удивительно. Во-первых, столичные издательства престижнее. Во-вторых, столичные издательства имеют разветвленные сети распространения, которыми не могут похвастаться большинство региональных издательств. В-третьих, крупные столичные издательства имеют больше возможностей для издания. Они более продуктивно могут работать с авторами, в том числе зарубежными. Их мощности не сопоставимы с мощностями региональных издательств. К тому же, сильные издательства имеют больше прав на ошибку. Наконец, в столицах просто-напросто больше издательств, плотнее, насыщенней издательский рынок.

Едва ли ситуация изменится в ближайшее время. И к ее изменению едва ли нужно стремиться, ибо она просто нормальна.

Авторы книг о политическом PR и политической рекламе. Кто они?

Большинство авторов Екатеринбурга – практикующие политконсультанты, вышедшие из академической научной среды и сохранившие связи с наукой. В их арсенале не только книги по PR, но и работы по философии (А.Гагарин, В.Куликов, О.Матвейчев, А.Франц и др.), политологии (Э.Абелинскас, Г.Гаврилов, В.Дубичев, С.Мошкин и др.), социологии (В.Житенев, Е.Дьякова, А.Трахтенберг и др.), психологии (В.Куликов, В.Танаев и др.) и иным гуманитарным дисциплинам.

Значительно меньше среди авторов представлены вузовские преподаватели, несмотря на то, что, например, в Екатеринбурге открыты и работают около десятка отделений, факультетов и лицензированных курсов, готовящих специалистов по PR, в том числе в сфере политики.

Почему так? Казалось бы, что сам Бог велел преподавателям исследовать, писать книги. Причин несколько, назовем две наиболее принципиальные. Во-первых, большинство наиболее инициативных и пишущих преподавателей из ВУЗов в тяжелые годы ушли. Потери не восполнены до сих пор. Во-вторых, как правило, преподаватели – теоретики, а не практики. График учебной работы таков, что он не позволяет длительных отлучек «в поле», на выборы. А потому материал для исследований для них есть проблема. Научные изыскания «теоретиков», таким образом, предметно объективно ограничены. И вновь все ограничивается «теорией PR», которая создается путем переложения уже известных текстов.

Что может помочь? Только возвращение в ВУЗы ушедших преподавателей, ставших практиками. И эта тенденция уже намечается. Пример тому – кадровый состав соответствующих подразделений Государственного университета – Высшей школы экономики. Отмеченную тенденцию, на наш взгляд, нужно всячески культивировать руководителям образовательных учреждений и их подразделений. Пусть исследователи-практики привлекаются для чтения спецкурсов, для проведения мастер-классов, просто для внеаудиторного общения. Иначе может получиться так, что профессиональные дисциплины будут читать люди, которые «в поле» ни разу не были. В связи с этим вспоминается случай, когда курс по «уголовному процессу» долгое время в одном из юридических вузов преподавал человек, который в процессе не был ни разу.

КАКИХ АВТОРОВ СТОИТ ЧИТАТЬ СТУДЕНТАМ

Единообразия в программах, которые реализуются в различных ВУЗах на соответствующих факультетах и отделениях, не существует. И это хорошо. Соответственно, каждый преподаватель рекомендует литературу по своему выбору и вкусу. И это нормально. Исходя из приоритетов преподавания, комплектуются и вузовские библиотеки. Все это в порядке вещей и качеству образования не вредит.

Принципиально другое – отсутствие в программах тех фундаментальных курсов, при изучении которых ставится профессиональное мышление. Например, на юридических специальностях мышление ставится при изучении курсов «Теория государства и права» и «Уголовное право». Затем уже в расписании появляются гражданское право, гражданский процесс и т.п. На философских факультетах учат профессионально мыслить при изучении истории философии. Когда-то таким фундаментальным курсом был «диалектический материализм», после которого изыски классиков схоластики казались не более, чем игрой досужего ума. Политологии и PR-у не повезло. Сегодня оба учебных плана, рекомендованные всеми инстанциями, не могут похвастаться наличием структурирующих «девственные студенческие мозги» дисциплин. О качестве читаемых в реальности курсов из числа рекомендованных и обязательных просто умолчим. И это не слова стороннего наблюдателя.

С отсутствием у подавляющего большинства студентов политологов и пиарщиков навыков профессионального мышления приходится сталкиваться каждый раз, когда по тем или иным причинам все-таки приходится согласиться с поступившим предложением и прочитать некоторые специальные дисциплины по политическому консалтингу на 4-5 курсах различных ВУЗов. Причем, ситуация с отсутствием профессионального мышления может быть описана только в красках фильмов ужасов. Также тяжело с методологической рефлексией. Имена Хайдеггера, Соссюра, Бодрийяра и Барта воспринимаются как названия половых извращений. Не более, но и не менее. Разговор о метаязыковых моделях, реализующихся в политической рекламе, – «как об стенку горох».

И т.д., и т.п. Массовая литература, учебники и описание «случившихся случаев», восполнить такие пробелы не смогут по определению.

Я далек от намерения «как следует» поругать современное образование и современных студентов. Высшее образование есть самообразование – этот принцип доказывал и доказал свою истинность на протяжении тысячелетий. Но если заставить лошадь пить из источника нельзя, то подвести ее к воде – задача и преподавателей, и авторов профессиональных текстов.

Правда, сегодня я не вижу причин, по которым профессионалы-политологи, профессионалы-консультанты могли бы отказаться от любимой работы, бизнеса, денег и неплохо проводимого свободного времени и встать к доске в учебной аудитории не для того, чтобы показать себя, а для методичной, кропотливой ежедневной работы, или сесть за подготовку текстов, которые не принесут известности, денег и славы ни сегодня, ни завтра.

А что касается послезавтра, то оно наступает только после того, как будет прожито и пережито настоящее, что трудно, практически невозможно в рамках одного поколения. Тем более, что это поколение еще совсем недавно, десять лет назад, стояло у самых истоков профессии.

Авторское право и прогресс общества

Любое (или почти любое) произведение имеет автора. И авторы всегда ревностно относились к тому, чтобы те произведения, которые они создавали, «не ушли на сторону». Авторы всегда хотели получать деньги, славу, почет за то, что они создали. Рядом с авторами всегда находились люди, которые сами создать ничего особенного не могли или не хотели, но умели договариваться с авторами, умели тиражировать, обнародовать, опубликовывать их произведения, получать за это деньги, делившиеся впоследствии с создателями.

Все эти люди, и авторы, и, назовем их условно, «продюсеры», были заинтересованы в том, чтобы никто иной помимо их воли не мог воспользоваться «их» произведением, не мог его бесплатно публиковать, тиражировать и т.п. В результате возникло авторское и смежные права. Суть авторского права, таким образом, в том, чтобы дать возможность изобретателю, автору, рационализатору получить некое материальное благо с того творения, которое он изобрел, придумал, нарисовал, спел и т.п. С помощью авторского права, другими словами, произведения интеллектуального труда включались в товарно-денежные отношения, а автор-творец получал права производителя некоего вещного товара.

Понятно, что авторское право, защищая автора и наделяя его правами по ограничению оборота его произведения, препятствует свободному распространению нового, новых знаний, оригинальных технологий, новых произведений культуры. Таким образом, авторское право фактически препятствует общественному прогрессу. Авторство этого утверждения идеи нужно искать еще в прошлом веке. Идея не нова, но современна.

Представим себе, что изобретатель колеса, будучи в своем праве, запретил бы его использование или потребовал бы за каждое производимое колесо некую значительную сумму. Что тогда сказало бы общество об авторском праве? И такие же точно проблемы возникают всюду. Попробуйте запретить использование «ломаных» компьютерных программ в России. Остановится все! Какая школа или какой отдельный студент, получающий стипендию в 10 долларов, смогут купить лицензионную версию какой-либо современной программы?! И лишь благодаря тому, что большинство пользователей просто плюет на авторское право, программная модернизация и вообще компьютеризация России идут вполне приличными темпами. Кстати, несмотря на это Гейтс особо не бедствует.

Аналогично с культурой. Мне безразлично, какую копию какого-нибудь «Ночного дозора»: лицензионную или пиратскую, – смотреть в кинотеатре или дома. Было бы качество. А будет все лицензионное, да по бешеным ценам? Большинство людей останутся «не одозоренными», не приобщенными. Конечно, в последнем случае Лукьяненко с Эрнстом получат больше денег, но, думаю, что с точки зрения задач развития культуры общества (прости, Господи!) дополнительные капиталы Эрнста – проблема третьестепенная.

Или другой вариант. Я бы с большим удовольствием дочитал недописанную «Жизнь Клима Самгина». И даже если бы на обложке одной книги стояли имена Максим Горький и Владимир Сорокин, а на другой значилось: М.Горький, С.Наровчатов и М.Шагинян, – меня бы это не смутило. Прочитал бы обе. Еще интереснее было бы со вторым томом «Мертвых душ». Кстати, сегодня классические произведения действительно дописываются. Например, продолжение получила история Скарлетт, дописаны продолжения к «прогрессорскому» циклу Стругацких и т.д. И ничего не случилось. Все счастливы.

ЗАКОН

Закон пытается найти границу между интересами автора и интересами общества, очерчивая достаточно точно, например, объект авторского права (ст.6-8 Закона РФ «Об авторском и смежных правах»). Однако, общий дух закона – в пользу автора, а не общества.

Отметим лишь то, что касается перечня исключений. В ст.8 указанного закона установлено, что не являются объектами авторского права:

официальные документы (законы, судебные решения, иные тексты законодательного, административного и судебного характера), а также их официальные переводы;

государственные символы и знаки (флаги, гербы, ордена, денежные знаки и иные государственные символы и знаки);

произведения народного творчества;

сообщения о событиях и фактах, имеющие информационный характер.

Однако, гораздо большее значение для решения проблемы «авторские права в политконсалтинге» имеет п.4 ст.6 Закона, в котором значится, что авторское право не распространяется на ИДЕИ, МЕТОДЫ, процессы, системы, СПОСОБЫ, концепции, принципы, открытия, факты.

ПОЛИТТЕХНОЛОГИИ

Правом, как уже понятно, политтехнологии не охраняются, ибо они суть методы и способы, в основе которых лежат идеи. А если признать, что значительная часть политтехнологий (прежде всего, электоральных) способствует развитию демократических институтов, то распространение на них авторского права просто нецелесообразно.

К тому же весьма сложно бывает ответить на вопрос о том, кто придумал ту или иную технологию. Например, кто придумал «двойников», распространение рекламной продукции «от двери к двери», «договоры о покупке голосов» или лотерею в день голосования? Подозреваю, что все это было еще до «начала демократии» в России где-нибудь в Нью-Йорке или Мичигане.

Поэтому, мне иногда просто смешно читать или слушать некоторых политконсультантов, которые рассказывают о том, что это они придумали первыми ту или иную технологию. В подавляющем большинстве случаев я вспоминаю примеры применения этой технологии из далекого прошлого. Иногда бывает так, что идея, технология придумывается, а затем ее обнаруживаешь, читая о кампании Бог весть какого года где-нибудь в Шлезвиг-Гольштейне. В этих случаях остается повторить классическое: «Мысли великих обычно сходятся».

Хотя, конечно, бывают и абсолютно оригинальные находки. Например, работая достаточно много на выборах в самых разных консалтерских командах, я иногда был свидетелем того, как продуцировались великолепные идеи, которые затем успешно закреплялись на технологическом уровне. Мне, возможно, повезло, но те люди, с которыми довелось работать, никогда «не кричали» о своем авторском праве, но при случае всегда ссылались или упоминали об авторстве своего коллеги. На процент отчислений и дополнительное финансирование никто из них не претендовал.

ЧТО МОЖНО ОХРАНЯТЬ?

Если технологии не охраняются и их можно использовать всем и всюду (был бы толк!), то текст охране подлежать может. Правда, текст не всякий. Например, обнародованный слоган едва ли можно защитить. И полно случаев, когда удачные слоганы кочуют из команды в команду, от кандидата к кандидату, от кампании к кампании. Это нормально. Вот, например, слоган очень успешной кампании «Сила в правде». Почему бы его не тиражировать и за пределами двух-трех областей, где он применялся? Тем более, что сама фраза вполне «народна». А что касается «Брата», который, как кажется на первый взгляд, может претендовать на авторство, так он весь построен на архетипах массового сознания, соответствующей семантике и речевых «заимствованиях» у масс избирателей. Нет автора, нечего охранять.

Сложнее с листовками. Авторство на них не значится. Более того, в большинстве случаев подразумевается, что их автор – сам кандидат. Результат – кому нужна эта охрана? Объективно охранять листовку нужно лишь ее автору-консультанту, но только в том случае, если он тиражирует ее текст на многих своих кампаниях от имени Иванова, Петрова, Сидорова. Тогда он гипотетически может столкнуться со своим же текстом, но распространяемым от лица противника. Но это лишь гипотеза, на практике я о таких случаях даже не слышал.

Другое дело, развернутый текст: статья, книга, авторская аналитическая записка. Эти объекты правовой охране формально подлежат. Однако, общее правило, на мой взгляд, одно. Использовать текст, публиковать его, распространять можно, но ссылка на источник и автора обязательна. Умные тексты должны тиражироваться. О них должны знать, или они умрут. Жизнь текста и автора – в постоянных публикациях. И дело не в гонорарах за текст.

Современные тексты живут, как правило, месяцы. Хорошие тексты, два-три года. И, наконец, самые замечательные – лет пять. Более того, в культуре постмодерна с неизбежностью исчезают критерии определения «классности» текста, его «шедевральности». Умирают музеи, смысл многолетнего коллекционирования, ценность стиля и пр. Шедевры перестают существовать, но каждое произведение становится шедевром. А потому: Да здравствует мгновенное, массовое тиражирование любопытных, интересных, «шедевральных», маленьких и объемных, всех текстов! И пусть автору будет приятно. Слава приносит деньги и подвигает на новые творческие подвиги.

При этом, присваивать чужой текст грешно. Плагиат не просто сродни воровству, плагиат это еще и обман, непрофессионализм, леность мысли. Плагиатора нужно гнать взашей с любой кампании, ибо он «не дорабатывает», ленится, обманывает. Наконец, в следующий раз он «кинет» своего клиента, украдет у него что-то нужное.

ОПЫТ

На практике, участвуя в избирательных кампаниях, сталкиваться приходилось и с санкционированным, и с несанкционированным тиражированием идей, технологий и текстов (и слоганов, и листовок). Это не смущает. Это нормально. Гораздо реже доводилось встречаться с плагиатом. На моей памяти всего два таких случая. Оба были связаны с заимствованием чужих научных текстов политконсультантами, которые изображали из себя авторов оригинальных книг. Отношение к этим «товарищам» понятно.

Как бороться с плагиатом? Первое, повышением уровня профессионализма в работе. Консультант-профессионал должен знать большинство умных текстов. Второе, опять-таки массовым тиражированием, обеспечением доступности текстов, ибо плагиатчик всегда старается использовать текст неизвестный, малотиражный. И те авторы, которые запрещают тиражировать свои произведения, подвергают себя гораздо большему риску быть обкраденными, чем те, чьи тексты хорошо известны. Понятно, что это правило распространяется только на оригинальные, интересные мысли, идеи, тексты, ибо кража банальностей, хотя кражей быть не перестает, но особого ущерба обществу не наносит, так же, как не приносит и славы вору.

А.И. Башук

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

(На примере украинских предвыборных проектов «Великі перегони» и «Семья Грищенко»)

Алла Ивановна Башук, кандидат филологических наук, доцент Киевского национального университета

Во все времена манипулятивные средства информационного воздействия, в том числе информационно-психологические операции и пропаганда, активно использовали разнообразные культурные формы. Можно смело утверждать, что вторая половина 20 века отмечена доминированием визуальной культуры, что обусловлено научно-техническим прогрессом: возникновением и развитием телевидения, появлением новых форм коммуникативного воздействия – электровизуальных технологий. При этом особенности данных коммуникационных каналов определяются не столько их технологическими характеристиками, сколько тем, что они образуют особый социальный институт. Указанные инструменты, являясь, в том числе, и средством политического влияния, способствуют социализации пользователя. Зависимость людей от телевидения давно стала всеобщей – это самый доступный и популярный канал передачи информации. Но относительно недавно у телевидения появился «достойный соперник» – стремительно развивающаяся отрасль компьютерных сетей (в частности, Интернет), которая постепенно, но уверенно меняет природу коммуникационных привычек избирателей, завоевывая все большее число приверженцев. В силу того, что Интернет еще не получил такой широкой доступности, как телевидение, – и не только на просторах бывшего СССР, но также и в развитых странах Запада, в том числе и в США, – можно говорить об отличительных признаках Интернет-аудитории [1, 226-227]. Она моложе и имеет более высокий имущественный и образовательный уровень, чем население в целом, т.е. это высококачественная, достаточно влиятельная аудитория, что важно при учете специфики коммуникативной ситуации в Украине – высоком авторитете межличностного общения в процессе общественной коммуникации [2, 57].

Текст на экране (под текстом понимаем связное соединение различных семиотических систем и кодов) обладает огромным потенциалом воздействия на аудиторию за счет подключения дополнительных коммуникативных форм (движения, цвета, музыки и т.п.) – по сравнению, например, с печатной продукцией. Большие возможности в данном аспекте присущи мультипликации, которая обладает, пожалуй, самым широким набором средств моделирования «невозможного». С. Эйзенштейн, отмечая способность Уолта Диснея увлечь своими мультфильмами всех, приходит к понятию «плазматичности», определяющему особую магию мультипликации, – это способность образов динамически принимать любую форму. С возникновением компьютерной анимации процесс создания мультфильмов значительно упрощается и удешевляется, при этом, получив возможность использовать все культурное богатство смежных искусств почти в полной мере.

Рассмотрим два украинских мультсериала – телевизионный проект «Великі перегони» («Большие гонки», 1999 г.) и интернет-проект «Семья Грищенко» (2003 г.), которые являются первыми опытами комического освещения политической жизни страны (далее соответственно «ВП» и «СГ»). «ВП», используя технологию анимации, работает с реальными портретами политиков – апеллирует к политическому жанру *кукол*. Важными элементами популярности сериала, который транслировался по «1+1», являлись также *озвучивание* – точная имитация голосов политиков, персонажи которых играют фактически самих себя, и *литературный эксперимент* – использование известных литературных, кинематографических, социальных и т.п. контекстов. «СГ», распространяющийся через интернет-издание ForUm, выполнен с помощью новейшей техники – Flash-анимации, которая работает с простыми графическими образами, делая акцент на содержательности [3]. Сопоставление указанных проектов дает возможность проанализировать тенденции развития общественно-политических процессов в Украине в период между президентскими избирательными кампаниями 1999 г. и 2004 г.

Несмотря на то, что жанровая специфика «ВП» определяется как *политическая сатира*, а «СГ» позиционирует себя как *социальный юмористический* проект, оба проекта объединяет несколько общих характеристик: во-первых, объектом и основной темой является развитие процессов в *электоральном поле*, во-вторых, и «СГ», и «ВП» следует рассматривать в рамках дискурса политической пропаганды. В данной статье остановимся на характеристике типажей героев.

В первую очередь обратим внимание на языковое пространство мультфильмов – *это синтез русского и украинского языков* – так называемый суржик, что является речевой характеристикой персонажей. Притом суржик возводится в ранг государственного языка, т.к. на нем говорят политики («ВП»), примечательно, что «авторитетный»

«Велик□ перегони» (1999г.) *Таблиця 1*

Персонаж	Політик	Политическая сила	Идеолог. ориентация
Чучма Вирволков Остопустенко Глинтвин	Л. Кучма А. Волков В. Пустовойтенко В. Литвин (первый помощник Президента Украины, а после ноября 1999 г. - Глава АПУ)	Президент Демсоюз НДП беспартийный*	Пропрезидентская – проплатно ориентированные – центристы Постсоветская партия власти
Отмороз Ткаченище Марчук Олифник	А. Мороз А. Ткаченко Е. Марчук В.Олейник*	СПУ КПУ Правый и националист, одновременно социал-демократ СДС	Левоцентристы и правоцентристы
Тайфунчиха	Н. Витренко	ПСПУ	Протестная сила левой ориентации
Симон Петренко	П. Симоненко	КПУ	Ностальгические левые
Удавченко	Г. Удавенко	НРУ	Национал - демократы
Костылько	Ю. Костенко	УНР	
	*т.н. «киевская четверка»	*на период парламентских выборов все входили в блок «За единую Украину»	

закадровый голос вещает на русском языке («СГ»). С первых эпизодов голос за кадром обращается к зрителям: «Граждане і співвітчизникі, виборці і елЄкторат, дивіться і смотрітЄ...» (мы попытаемся здесь и далее письменно воспроизвести речевые особенности), представляя семантические эквиваленты на двух языках. В данном ряду особую смысловую нагрузку несет слово «электорат»: оно выделяется из контекста, являясь англицизмом. Подобные слова отражают «синдром заимствований» (по выражению писателя В. Белова), который, как считает С. Кара-Мурза, – представляет необходимую часть манипуляции общественным сознанием. «Слова-амебы», – по утверждению ученого, – запутывают наше представление о мире, подменяя сущностные критерии вещей [4]. Именно «электорат» и выступает главным объектом социополитических проектов. Поэтому вполне обоснованной представляется типологизация героев сквозь призму электоральных интересов, которые мы условно обобщим посредством категории «идеологическая ориентация»; она же будет отражать и основные направления политического спектра соответствующих сил.

Схематически типологическую характеристику персонажей можно проиллюстрировать с помощью таблиц 1 и 2.

Отметим, что среди 5 лидеров избирательной президентской кампании 1999 г., получивших достаточную поддержку электората, – абсолютно все представители левые – 3 (из общего количества 13), а во второй тур вышли соответственно Л. Кучма и П. Симоненко.

Проект «ВП» продолжал выходить на канале «1+1» и после президентских выборов, отвечая на текущие политические проблемы страны. В этот период появились новые действующие лица. В частности, представители наиболее влиятельной на тот период партии СДПУ(о), имеющей устойчивую репутацию олигархично-клановой группы, – В. Медведчук (Ведмедчук) и Г. Суркис (Чуркис). Их задача в сложившихся общественно-политических условиях – сохранение и накопление капитала, других, в том числе и политических ресурсов. Отметим, что данные персонажи не представлены в сериях, посвященных предвыборной гонке 1999 г., но сценарии «Куколок-2», которые публиковались накануне выборов в газете «Вечерние вести» (Ю.Тимошенко, ВО «Батьківщина» (Родина) правый аналог Н. Витренко, ПСПУ), апеллируют отчасти к современной предвыборной ситуации:

Футбольный матч «Динамо» (Китеж). Беседа Чуркиса и Ведмедчука:

Ч. Слушай, Витя, мы уже имеем почти все – команду, фракцию и должность вице-спикера. Может, и страну поиметь? В смысле – двинуть тебя в президенты?

В. Нет, Гриша, сейчас не мой отборочный цикл. А вот в 2004 году я стану президентом в первом круге. <...> ...мои самые доверенные социологи провели массовый опрос населения по одному, но самому ключевому вопросу: «Станет ли Ведмедчук президентом Окраины в 2004 году?»

Ч. (заинтриговано). Ну?

*В. (таинственным шепотом). 93 процента ответили «Какая в ж*** разница!»*

Ч. (восхищенно). Вот это рейтинг! [5, 85-86].

Главная тематика послевыборных серий «ВП» – формирование и деятельность нового Кабинета Министров во главе с В. Ющенко. Появляются такие персонажи, как Юльчатай (Юлия Тимошенко, на тот период – вице-премьер-министр по вопросам ТЭК), однако, безусловно, основной – Гривнющенко. Последний предстает во всем ироническом многообразии литературных ролей: Калиостро, Мюнхгаузен, Гамлет, Крупский, Малыш, Пророк и др. (подчеркнем, что «1+1» считается каналом, контролируемым СДПУ(о)).

Парламентские выборы в марте 2002 г. определили лидеров по партийным спискам: предвыборный барьер преодолели 6 партий и блоков – блок Виктора Ющенко «Наша Украина», КПУ, блок «За единую Украину», блок Юлии Тимошенко (БЮТ), СПУ и СДПУ(о).

Тенденции расстановки политических сил накануне выборов 2004 г. отражает таблица 2. Социальный характер интернет-проекта «СГ» определяет действующих лиц, представляя на примере конкретной семьи фактически все стереотипные электоральные группы, имеющиеся на сегодня в Украине. Их суммарный образ репрезентирует модель украинского народа и, соответственно, ведущих политиков и значимые политические силы.

Как мы видим, общественно-политические ориентации основных слоев населения по сравнению с 1999 г. несколько изменились: силой, противостоящей власти, в первую очередь выступают национал-демократы – правая часть политического спектра, поэтому можно предположить, что именно они на предстоящих выборах получат значительную поддержку избирателей. Т.е. активный электорат условно разделен на три группы: коммунисты (левые), «за власть», «против власти» (правые). Существуют даже мнения экспертов, утверждающих, что на выборах оппозиционные силы будут представлены по формуле 3+1, т.е. коммунисты пойдут отдельно, а от 3-х сил будет единый кандидат, соответственно – и от власти [6], что, впрочем, маловероятно. (Съезд по выдвижению единого кандидата от правых сил – «Наша Украина», БЮТ и СПУ (А. Мороза) – должен был состояться в декабре, но мероприятие перенесено на неопределенный срок). Отчетливо подобное разделение электорального поля демонстрирует мультсерия «Дума про рейтинг».

Остановимся на краткой характеристике персонажей «СГ».

«Семья Грищенко» (2003г.) *Таблица 2*

Персонаж	Политик	Политическая сила	Идеолог.ориентация
Галина – хозяйка дома	На данный момент единый кандидат не выдвинут. Возможные претенденты – Л. Кучма (? – А.Б.), В. Янукович, В.Литвин, С.Тигипко. (Самостоятельную политич. силу представляет В.Медведчук)	Действующая власть	Пропрезидентски-ориентированные – центристы
Петр – муж	В. Ющенко	Наша Украина	Правоцентристы (оппозиция, которая является основным противником власти)
Нина Ивановна – мать Галины	Ю. Тимошенко	БЮТ	
Степан Петрович – отец Петра	П. Симоненко	КПУ	Крайне левые (коммунисты)
Витя – сын Галины и Петра, 12 лет	____	Подростковая субкультура, основанная на новых ценностных моделях	
Оксана – дочь Галины и Петра, 18 лет	____	Молодёжная часть электората, абсолютно равнодушная к политическим процессам в стране	
Гриша – сосед	____	Неопределившиеся избиратели, доверчивые, подверженные влиянию манипулятивных технологий	

Галина олицетворяет собирательный образ существующей власти. В серии «Представление» знакомство с хозяйкой дома осуществляется с помощью графических указателей, что выражает некий официоз. При этом обозначаются следующие параметры: стоимость косынки – 35 грн., IQ – 131, рост – 162, объем груди – 2 шт., обхват бедер – 7 л. Интерпретация последних двух параметров коннотирует образ «дойной коровы» (7 литров – это хороший количественный показатель дачи молока). Указанный образ визуально дополняет форма косынки, которая завязана таким образом, что ее концы образуют «рожки» – традиционный фольклорный образ украинской хозяйки (параллельно отметим, что «рожки» также атрибут нечистой силы). Разнородность параметров задает основную характеристику власти – неоднородность, но в то же время и адекватность существующей социокультурной ситуации.

Галина деятельна – принимает решения и организовывает процесс (серии «Потоп», «Пространство и любовь», «Гордиев тузел», «Пропала собака»), при этом сама всегда занята работой: готовит, стирает, ходит в магазин и т.д. Ее слово является решающим в каждой ситуации, и никто ей не перечит, наоборот, без хозяйки дома не предпринимают какие-либо активные действия, даже если в этом есть необходимость («Потоп»). В ряде ситуаций именно Галина оказывается в выигрыше: после встречи с родственницей из России она и Степан Петрович получают в подарок икру – «российские витамины, здоровье укреплять», тогда как Петр по нелепой случайности избит и, по его словам, здоровье у него как раз и пошатнулось. Показательно в данном примере, что расположенностью со стороны России пользуются действующая власть и коммунисты. (Ср. подарок от львовского кума Петра – старые часы, которые «отстают на 60 лет»; икра представляется более «полезным» подарком, отметим также, что на уровне культурно-семиотических кодов это «русский продукт».) На правах хозяйки дома Галина распоряжается имуществом, притом не только собственной семьи – она конфискует телевизор у соседа («Потоп»), именно у нее сын просит деньги «на освіту» – у зауча женится племянник. Обратим внимание на аргументацию Вити – он хочет стать олигархом, но «не простым, а украинским», поэтому наличие образования представляется важным. «Простого олигарха», т.е. спекулянта морскими свинками, на глазах героев «СГ» и зрителей арестовывают. Вздохнув, Галина дает деньги, принимая позицию сына («Держи олигарха!»). Политические деятели, которых упоминает Галина, – Л. Кучма («Пространство и любовь» и др.) и В. Янукович («Дума про рейтинг»), соответствующие эпизоды свидетельствуют, что она является их приверженцем. (Отметим, что многие журналисты находят в мультсериале воплощение кланово-семейных интересов В. Януковича, что обусловлено, возможно, причастностью к его созданию донецкой группы – компания «Общественный диалог» [7]).

Петр является представителем национально-демократических сил. Его образ апеллирует к политическому персонажу Виктора Андреевича Ющенко, что проявляется, в частности, в символизме визуальных форм: например, при знакомстве герой предстает в желто-голубых тонах (цвета украинского национального флага), его челка вызывает ассоциации с традиционным «оселедцем» – неизменным атрибутом украинского казачества. Уже в эпизоде «Представление» в адрес лидера оппозиции звучит ироническое замечание, позиционирующее его как незрелого политика: «Петр – глава семьи. Гордится своей прозорливостью: назвал сына Виктором, когда Виктор Ющенко не знал еще, где находится *наша Украина*» («Наша Украина» – название блока В. Ющенко). В образе Петра прослеживается романтическая натура, в отличие от деятельной Галины он склонен к высокопарным воззваниям – «А у мене одна надія – на Віктора Андрійовича!» (рус. – а у меня одна надежда – на Виктора Андреевича) (характерен при этом экспрессивный жест призыва). Любит рассуждать на политические темы, что проявляется в политизации бытового языка: например, бытовой потоп в его речи приобретает масштабы политической акции – «Це, доню, *невідомі вороги України* нас заливають» (рус. – это, дочка, *неизвестные враги Украины* нас заливают) (здесь наблюдается употребление языкового манипулятивного стереотипа, переводящего политику в виртуальную плоскость). Петр мечтателен: надеется на «олигарха-патриота», который сделает евроремонт и – «Ми будемо перша українська сім`я з нашого дому, яка *увійде в Європейський дім*». Так в эпизоде «Потоп» подчеркивается ориентация национал-демократических сил на поддержку Запада в осуществлении реформаторского курса. Но это также и сила, которая пытается апеллировать к общественной сознательности при решении внутренних и внешнеполитических вопросов: «Бувають хвилини, коли всі громадські сили повинні об'Єднатися» (рус. – бывают моменты, когда все общественные силы должны объединиться) («Гордиев тузел»).

Политические симпатии *Нины Ивановны* на стороне Юлии Тимошенко, что подчеркивается и внешним обликом персонажа, который апеллирует к образу политического лидера БЮТ – прическа,

худощавое строение тела. Обратим внимание, что коса как символ украинской женственности, которая является неотъемлемым атрибутом имиджа Ю. Тимошенко, с помощью визуальной метафоры, основанной на корреляции омонимов, представляет противоположные варианты развития украинского общества. Так, Нина Ивановна считает, что «Украину может спасти *женщина с косой*... или с отбойным *молотком*». При этом в ассоциативном воображении Степана Петровича возникает мифологический образ смерти в виде человеческого скелета с косой – орудием сельхозпроизводства, к которому косвенно отсылает и сама Нина Ивановна, т.к. в стереотипном сознании бывших советских людей символы молота и серпа (в данном случае мы имеем вариант косы) тесно связаны («Представление»). Основная поведенческая линия героини отличается конфликтностью – она всегда всем и всеми недовольна, что отражает политическую позицию собственно Ю. Тимошенко: ориентация на постоянную массированную критику других политических сил, особенно действующей власти (черта характерная и для коммунистов). Это не мешает, впрочем, Нине Ивановне постулировать идею объединения национал-демократических сил для возрастания рейтинга их кандидата, т.к. реальные шансы женщины на пост Главы государства на данный момент невелики: «А если Виктор Андрийович объеднаеться з Юличкою!» («Дума про рейтинг»).

Герои, олицетворяющие нелевые оппозиционные силы, – Нина Ивановна и Петр, избирательно лояльны к такой группе политической элиты, как олигархи, дифференцируя их на «олигархов наших и совсем не наших», что неоднократно передают визуальные метафоры. Например, Нина Ивановна, листая календарь, говорит о «симпатичных олигархах» – на картинке теннисистка с характерной прической-косой (к тому же, и теннис позиционируется как элитный вид спорта политиков и бизнесменов) – и «очень неприятных людях, хуже олигархов» – на календаре чудовище, вызывающее визуальные ассоциации с действующим президентом. Отца и бабушку поддерживает также «герой нашего времени» – Витя, мечтая стать украинским олигархом (российский опыт представляется здесь более опасным в связи с политикой В. Путина, направленной на усиление политического и экономического контроля в стране и соответственно на отстранение от механизмов власти «олигархов», о чем свидетельствует арест Михаила Ходорковского).

Степан Петрович, «папа Петра и майор в отставке», представляет коммунистов, апеллирующих к советскому прошлому. Юмористически этот момент обыгрывается с помощью речевых штампов советского времени, традиционно выполняющих не столько номинативно-информационную функцию, сколько подчеркивающих ритуально-идеологический характер псевдототалитарного дискурса. Например, герой «уверен, что *дело Ленина живет*... только временно не побеждает» («Представление»); по-своему интерпретирует Степан Петрович вопрос Тузлы, выражая в речи оценку событий: «Тузла – это такое место, где *дружественное государство* выравнивает свою береговую линию» («Гордиев тузел») и т.п. Символическое значение в данном контексте приобретают детали: так, горшок под кроватью может подчеркивать несоответствие коммунистической идеологии современной ситуации, ее устарелость и т.п.

Политическая позиция Степана Петровича базируется на сплошной критике – как существующей власти, так и национал-демократических сил. Его образ соотносится с лидером КПУ Петром Симоненко. Отметим, что социальные психологи подчеркивают несоответствие психологического типа П. Симоненко коммунистической идеологии в целом [8]. Проводятся параллели с Михаилом Горбачевым. Т.е. это силы, которые взывают к людям, но на практике отказываются от какой-либо политической ответственности, что ведет, соответственно, к деградации коммунистической идеи. Они идеальны для разрушения существующего режима, но не способны принять на себя ответственность за создание и функционирование нового типа общества, что метко отражается в эпизоде «Держи олигарха!». Степан Петрович оживленно и с одобрением вспоминает рассказ деда о том, как мельницу раскулачивали: «Налетели всем селом – кто вал схватил, кто – колесо...». Галина его перебивает: «А млын (рус. – мельницу) кому?» – «А мельнице – гаплык (рус. – конец)», – вскользь замечает отец Петра. Здесь главное процесс борьбы, в данном случае «раскулачивания», а не результат. Вспоминает этот факт Степан Петрович в контексте международных новостей – «прижали хвост олигарху Ходорковскому», что вызывает у него бурю радостных эмоций, т.к. он продолжает связывать политическую жизнь Украины с бывшим «центром»: «В Москве за них уже взялись – может, и у нас возьмутся» (кого нет в депутатском корпусе КПУ, так это так называемых олигархов). Еще раз акцентируем внимание на том, что Степан Петрович – бывший военный, и до сих пор он хранит пулемет, ждущий, возможно, своего часа («Подарок со Львова»). Отметим также, когда визуально с помощью крупного плана фиксируется *балкон*, имеющий в контексте мультсериала символическое значение, на нем среди прочих старых вещей выделяется пулемет (более подробно см.: [9]). Даже процесс созидания герой осмысливает посредством военного дискурса: «А мы *в штыки: строили и будем строить*» (символично, что речь идет о Тузле) («Гордиев тузел»).

Оксана олицетворяет молодежную часть электората, абсолютно равнодушную к социально-политической жизни. Знакомство зрителя с героиней происходит в ее комнате, интерьер которой представляет мини-дискотеку, что выражает ценностные ориентиры молодежи, и якобы не соотносится с пространством квартиры в целом, являясь чужеродной ее частью. Однако это только на первый взгляд: Оксана и та субкультура, которую она представляет, – неотъемлемый и достаточно органичный атрибут общего социокультурного пространства Украины. Круг интересов героини очерчен поп-культурой и гастрономическими потребностями (даже за праздничным столом – она с плеером). Соответственно ее словарный запас определяется цитатами из хитов российской эстрады, которыми она, как правило, и реагирует на происходящие события: например, припев «Нас не догонят» под воздействием внешних раздражителей (капающая с потолка вода вызывает у Оксаны только лишь восклицание «О как! – Холоденькая!») трансформируется в припев «Нас заливают» («Потоп»). Реакция на слова Галины о пропаже

Ляли-девочки, как ласково ее называют, – «Девочки бывают разные – синие, зеленые, красные» («Пропала собака»). Стимулы для Оксаны – следующие ситуации: хочу кушать, торт принесли, Ляля – звезда шоу-бизнеса. Т.е. она представляет замкнутый на своих интересах субстрат современной молодежной культуры, ориентирующейся на российский массовый продукт, что возможно в ситуации, когда украинская культурная деятельность во многом сводится к ретрансляции готовой продукции соседней страны.

Витя – ровесник независимой Украины: ему 12 лет. Цифра «13» на футболке в данном контексте может фиксировать новый важный этап для развития государства (на сегодня 2004 г. остается годом президентских выборов). К тому же, цветовая гамма футболки сине-желтая. Образ Вити ярко иллюстрирует ценностные ориентиры нового поколения, выросшего уже в независимом государстве. При этом обращает внимание тот факт, что он русскоязычный. Но в отличие от сестры Витя «политически подкован»: «знает, что *Буш* президент Соединенных Штатов и у него вкусные жареные *ножки*». Омонимия в указанном примере создает комический эффект, подчеркивая ограниченность и мозаичную структуру современных знаний, – в противовес целостности классического образования. Во многом это результат манипулятивных стратегий репрезентации информации, т.к. возникновение мозаичной культуры тесно связано с ЗМК, в частности – дробление и немедленность подачи материалов. Ведь подросток интересуется тем, что происходит в мире, смотрит новости, при этом проявляя любознательность: просит объяснить, что такое Тузла («Гордиев тузел»). Подобная «ориентация» в социокультурном контексте времени определяет детскую мечту: Витя хочет стать очень богатым, т.е. олигархом. Отметим, что мозаичность подчеркивается и с помощью визуальной формы: в тетрадке тема школьного сочинения записана следующим образом:

Ким я хочу стати?
Коли виросту? («Держи олігарха!»)

Показательно также, что Витя требует у отца 3 гривны за информацию о том, кто является виновником потопа, т.е. «продает» информацию (можно рассматривать как метафору зависимости масс-медиа от экономических структур) [9]. Таким образом, Витя представляет постсоветский вариант субкультуры, отражая отчасти социально-идеологическую традицию индивидуалистической модели.

Гриша олицетворяет «идеальный электорат»: он является активным потребителем продукции СМИ, но при этом не способен к критическому анализу информации – «верит всем». Представляя ту часть электората, на которую в первую очередь рассчитаны политтехнологии, именно персонаж Гриши оказывается задействован в работе «под выборы»: занимается опросом избирателей на дому для составления рейтингов кандидатов. При этом искаженная информация – каждый канал представляет нужную точку зрения, умалчивая альтернативные – его ничуть не смущает, а воспринимается как норма. (Символично, что противоположные политические рейтинги представляет один и тот же ТВ-аналитик – прототип популярного украинского политического обозревателя Вяч. Пиховшека.) Возмущенным членам семьи Грищенко сосед возражает: ведь три канала заказывали рейтинг, предлагая в качестве моральной компенсации торты, которые, отметим, с радостью были приняты, в первую очередь – Галиной. Сладости здесь выступают символом значительных капиталовложений в предвыборную гонку, что подчеркивает визуальная метафора: картинка с мешками денег возникает в воображении Гриши, когда он констатирует – (рус.) «Чем ближе до выборов, тем больше конфет» («Дума про рейтинг»). Лишенный определенных политических убеждений Гриша воспринимает предвыборную кампанию в качестве возможности заработать: еще пример – продает для выполнения «политической диверсии» – поедания рыб дамбоедов, которые, по мнению Петра, могут стать «биологическим оружием» украинской стороны в тузлинском конфликте, – кота Тузлика (кстати, похожего на В. Путина) («Гордиев тузел»).

Интересен образ собаки *Ляли*, любимицы семьи. Логично будет предположить, что он коррелирует с определенными политтехнологиями. Так, в эпизоде 6 «Пропала собака» прототип известного украинского шоу-мена – ректора Университета культуры, а также депутата М. Поплавского – в считанные минуты делает из Ляли звезду шоубизнеса. Спонтанно рождается и «оригинальный, запоминающийся автограф» (Ляля справляет нужду), вызывающий восторг у публики, – имидж создан: будь-то эстрадный или политический, или совмещающий и то, и другое, как в случае с самим М. Поплавским. Визуально узнаваемый герой утверждает: (рус.) «Национальную культуру должны поддерживать не только люди, но и животные», что может также отсылать внимательного зрителя к слабым, а порой и сомнительным, программно-идеологическим установкам политических сил. При таком положении дел симпатии электората определяются личностью лидера и использованием манипулятивных избирательных технологий, что характерно для Украины на сегодняшний день. Так, сосед Гриша замечает: «З поганим рейтингом хазяин и собаку не висуне!» («Дума про рейтинг»). В контексте эпизода 6, с одной стороны, следует вспомнить о широком распространении как неполитических проектов, которые в нужное время очень эффективно «выстреливают» в нужных направлениях (например, деятельность шоу-мена М. Поплавского – соответствующие клипы, апелляция к хитам 70-80-х гг. – способствует его популярности среди целевой электоральной аудитории). С другой, в манипулятивной практике известен метод отвлечения или «копченая селедка» (red herring). Суть его заключается в следующем: чтобы сбить собаку со следа, достаточно протащить через след копченую селедку (отсюда и термин). Применяется данный метод с целью отвлечения внимания аудитории от важной, но неугодной информации: в максимально сенсационной форме подается другая информация, которая создает отвлекающую эмоциональную доминанту.

Обращает на себя внимание также факт неодинакового отношения Ляли к членам семьи, в частности к Галине и Петру, что интересно рассмотреть во взаимосвязи понятий *власть – политтехнологии – оппозиция*.

Говоря о *речевой характеристике* персонажей, подчеркнем ее зависимость от той социальной группы, которую воплощает герой. Так, Петр и Нина Ивановна говорят на почти чистом укра-

инском языке. При этом Нина Ивановна широко использует диалектные и просторечные формы, что наиболее ярко проявляется на фонетическом уровне: например, «скока», «шо такое», «зовуть ii» и т.д. Речь Гали и соседа Гриши наиболее близка к такому языковому феномену как суржик, Степан Петрович говорит на русском языке с «вкраплениями» украинских слов, дети – на достаточно чистом русском.

Итак, на примере одной украинской семьи иллюстрируется неоднородность социокультурного пространства современной Украины, соответственно ценностных установок, что определяет, в свою очередь, разновекторность политических ориентаций, как конкретных членов семьи, так и населения страны в целом. К тому же, различия между возрастными субкультурами усугубляются их соотнесенностью к разным социально-идеологическим традициям, в частности к советской и постсоветской. Отметим, что функционирование той или иной субкультуры, как правило, обусловлено региональными особенностями. Но для Украины характерна слабая унификация пространства городов [2, 48]. Киев, например, как столица, куда съезжаются со всех регионов, и большой город, где можно заработать деньги, отличается наличием в его пределах ареалов различных субкультур и различных укладов жизни. Поэтому можно утверждать, что в «СГ» представлена именно киевская семья.

На сегодня тенденции развития общественно-политических процессов в Украине по сравнению с периодом избирательных кампаний 1999 и 2002 гг. отражают активное смещение с левого полюса – идейных противников реформ – в сторону поддержки реформаторского курса проевропейского направления, который реализуют национально-демократические силы. Данные тенденции отчетливо иллюстрируют масс-медийные проекты «ВП» и «СГ». Они подчеркивают связь между реальными социокультурными слоями населения и существующими политическими партиями и объединениями, которых персонифицируют, апеллируя к образам политических лидеров. При этом программно-идеологическое наполнение политических сил становится не столь существенным, заменяясь противостоянием политических имиджей. Таким образом, анализируемые проекты иллюстрируют традиционную ориентацию политической пропаганды на театральный дискурс, который умело воздействует на эмоции зрителя, в данном контексте отражая реальную обусловленность политических симпатий избирателей личностными характеристиками лидеров. «ВП» и «СГ» представляют ситуацию де-факто, когда основным избирательным ресурсом политических сил, как правило, выступает политическая фигура лидера, часто в силу недостаточно убедительной идеологической основы.

[1] Справочник по политическому консультированию / Под ред. проф. Дэвида Д. Перлматтера: Пер. с англ. – М., 2002. – 330 с.
[2] Паламарчук В.М., Литвиненко О.В., Янішевський С.О. Трансформації демократії та пошук стратегії суспільно-політичного розвитку України. – К.: НіСД, 2003. – 120 с.
[3] www.7ya.org.ua
[4] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – К.: Оріяни, 2000. – 448 с.
[5] Джангиров Д., Зайцев В. У нас в Окраине: Сборник сценариев и пьес – Винница: ГЛОБУС-ПРЕСС, 2000. – 240 с.
[6] Выборы в Госдуму РФ и украинско-российские отношения // Круглый стол от 9 декабря 2003 г. // Понедельник. – 2003. – №44 (15 дек.). – С.13.
[7] «Бесплатный сыр» из рук... Шендеровича? // http://www.telekritika.kiev.ua/comments/?id=10866
[8] Пивоваренко О. Психологія українських політиків. Портрети відомих політичних діячів України крізь призму соціоніки // http://www.pravda.com.ua/vybory/?20325-w1-print
[9] Башук А. И. Реализация коммуникативного воздействия в формате флэш-мультфильма («Семья Грищенко») // Наук. зап. ЛНПУ: Зб.наук.праць. – Серія «Філологічні науки» – Вип. 4. – Т. 2: Структура представлення знань про світ, суспільство, людину: у пошуках нових змістів. – Луганськ: «Альма-матер», 2003. – С. 30-40.

КАК УСТАНАВЛИВАЕТСЯ ПОВЕСТКА ДНЯ НА ВЫБОРАХ ПО ПАРТИЙНЫМ СПИСКАМ?

Е.Г. Дьякова

Общепризнанно, что установление повестки дня является весьма эффективной электоральной технологией в условиях выборов по мажоритарным округам, когда конкурируют между собой кандидаты, каждый из которых является человеком с определенным набором личностных качеств, конкретной политической позицией и тем или иным набором реальных дел. В этих условиях политические технологи научились весьма эффективно воздействовать на процессы установления повестки дня с целью обеспечить нужный эффект – формирование у избирателя осознания важности тех проблем и тем, которые наиболее выгодны тому или иному кандидату и могут способствовать формированию его позитивной репутации. Однако насколько эффективная данная технология в условиях выборов по партийным спискам, когда кон-

Елена Григорьевна Дьякова,
доктор политических наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

куренция осуществляется прежде всего на уровне политических програм, и затем уже – отдельных представителей партий и их реальных дел. Можно ли сформировать у избирателей личностную повестку дня, благоприятную не для отдельного кандидата, а для партии?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим основные положения теории установления повестки дня. Как известно, создатели теории установления повестки дня М. Маккоумз и Д. Шоу утверждают, что средства массовой информации, хотя и не могут предопределить отношение аудитории к той или иной теме или проблеме, могут ранжировать эти темы и проблемы в сознании аудитории по степени важности, так что медиа-повестка задает публичную повестку.

Исследования механизмов установления повестки дня развиваются в двух основных направлениях: исследования *эффекта* установления повестки дня и исследования *процессов* установления повестки дня. В первом случае изучается, каким именно образом средства массовой информации формируют представления аудитории о том, что важно, а что не важно на текущий момент, т.е. исследуется становление публичной повестки. Во втором случае изучается, каким образом в процессе функционирования СМИ как социального и политического института происходит отбор тем и проблем, которые считаются важными, т.е. исследуется становление медиа-повестки. И те, и другие исследования весьма интересны для ответа на интересующий нас вопрос.

Что касается первого направления исследований, то в его рамках был сделан вывод о том, что средства массовой информации эффективно воздействуют на аудиторию только, когда работают с «ненавязанными» проблемами и сюжетами. В теории установления повестки дня «навязанными» называются те проблемы, «относительно которых люди имеют непосредственный и постоянный опыт, такие как инфляция и безработица, и которые приобретают общественную значимость вследствие личного опыта», а «ненавязанными» – те, по отношению к которым у людей нет личного опыта, и «средства массовой информации выступают в качестве единственного учителя и источника сведений об этих проблемах»[1]. В своей основе данное разделение базируется на оппозиции «неопосредованный опыт» – «опосредованный опыт» и представлении о средствах массовой информации как о посреднике между этими двумя видами опыта. Только когда данное разделение было произведено, было обнаружено наличие «сильных позитивных корреляций в отношении ненавязанных проблем и слабых и в основном негативных корреляций в отношении навязанных проблем»[2]. Иными словами, *эффект установления повестки дня принципиально ограничен*: средства массовой информации весьма успешно ранжируют в сознании аудитории не навязанные, но значимые проблемы, но не могут скрыть действительно существующие проблемы, знакомые каждому по личному опыту, и не могут задавать приоритеты и стандарты на пустом месте.

Данный тезис в полной мере подтвердился в ходе последних думских выборов 2003 г., который принес успех именно тем партиям и движениям, которые обращались к проблемам, волнующим людей на повседневном уровне. Именно этим объясняется успех блока «Родина», апеллировавшего к вполне реальному факту резкого социального расслоения общества и стремившегося превратить проблему социального неравенства в повесткообразующую (что им, до определенной степени, и удалось). Этим же объясняется и провал правых партий, которые вели пропагандистскую кампанию исключительно в сфере «ненавязанных» проблем. Не менее характерен и явный, хотя вызвавший заметно меньшей резонанс провал партий «православного направления» («Народная партия», общероссийская партия «Русь», «Русь святая» и др.), которые попытались сделать повесткообразующими религиозные темы, однако потерпели очевидную неудачу.

Таким образом, еще раз подтвердилось, что возможности манипуляции электоратом далеко не безграничны, и публичная повестка дня в значительной мере формируется самостоятельно.

Выборы в Государственную Думу по партийным спискам выявили и устойчивость процессов, связанных с временной динамикой эффекта установления повестки дня. Как в свое время показал М. Маккуомз, данный эффект сильнее всего проявляется в начале кампании и существенно ослабляется к ее концу, что вполне объяснимо: в начале кампании у людей еще нет никакого мнения по большинству ненавязанных проблем, поэтому средствам массовой информации легко привлекать к ним внимание – срабатывает эффект новизны. По мере развития кампании у избирателей формируется личная повестка (по подсчетам М. Маккоумза, временной лаг, необходимый для того, чтобы она установилась, составляет примерно два месяца с момента начала кампании). К концу кампании ненавязанные проблемы приобретают в сознании избирателей такую же устойчивость, как навязанные, а вся иерархия проблем в целом – жесткость и однозначность. Последний факт неоднократно фиксировался социологическими исследованиями, занимавшимися изучением динамики общественного мнения в ходе думских выборов.

Как известно, М. Маккоумз попытался эмпирически установить, какой тип средств массовой информации сильнее влияет на установление повестки дня – газеты или телевидение. Он пришел к выводу, что в то время как печатные СМИ задают избирателям общую иерархию проблем или базовую повестку кампании, телевидение, ориентируясь на эту базовую иерархию, привлекает внимание то к одной, то к другой теме. Маккоумз даже предложил различать повесткообразующую функцию печатных СМИ и «высвечивающую» функцию телевидения, которое действует во время предвыборной кампании подобно лучу прожектора. Поэтому влияние печатных СМИ на личную повестку дня является кумулятивным и проявляется только после достаточно большого промежутка времени, в то время как телевидение оказывает более краткосрочный и непосредственный эффект. При этом чем ближе к концу предвыборной кампании, тем сильнее воздействие телевидения, поскольку к этому времени иерархия проблем, как правило, устанавливается окончательно и средства массовой информации занимаются в основном высвечиванием ее составляющих.

Данный вывод также в полной мере подтвердился в ходе думских выборов, поскольку влияние телевидения в ходе выборов вряд ли можно преуменьшить. Однако подчеркнем еще раз, что

кампания, которая не касалась «ненавязанных» тем, действительно волнующим аудиторию, даже при активной поддержке телевидения была обречена на провал, в чем и имели возможность убедиться политические консультанты «Союза правых сил».

Чрезвычайный интерес представляет вопрос о том, как выглядели при этом процессы формирования медиа-повестки. Напомним, что данная проблема стала изучаться в теории установления повестки дня сравнительно поздно, и поэтому отличается меньшей степенью разработанности.

Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что решающее влияние на формирование повестки дня оказывают те средства массовой информации, которые имеют особый, повесткообразующий статус и выполняют роль «спускового крючка» по отношению ко всем остальным. Однако только тогда, когда количество средств массовой информации, освещающих определенную тему, позволяет преодолеть порог публичного внимания (К. Нейман), происходит реальное установление повестки дня. Очевидно, что в условиях последнего электорального цикла роль «спускового крючка» выполняли «Общественное российское телевидения» и «РТР». Именно они «высвечивали» повесткообразующие темы и определяли направления деятельности всех остальных СМИ.

В теории установления повестки дня активно изучается, как повесткообразующие СМИ взаимодействуют с другими социальными и политическими институтами. При этом особое внимание уделяется тому, какую роль играют органы исполнительной и законодательной власти и особенно – президент США. Например, Дж. Коген показал, что президент в качестве фигуры, постоянно находящейся в центре внимания средств массовой информации и фактически доминирующей в информационном пространстве, обладает способностью реструктурировать повестку дня путем привлечения внимания к одним проблемам и отвлечения его от других. Для достижения подобного эффекта ему даже не требуется подробно обосновывать свои приоритеты – достаточно их символического называния в ходе публичных выступлений, чтобы общественное мнение сдвинулось в нужную сторону.

Думается, тезис о способности главы исполнительной власти путем символического называния структурировать публичную повестку дня в полной мере подтвердился в ходе думской избирательной кампании. Собственно, победа на выборах партии «Единая Россия» во многом была следствием именно такого рода деятельности Президента РФ. Без публичных выступлений В.В. Путина, игравших ключевую роль в формирования повестки дня выборов, успех «Единой России» вряд ли стал бы возможным.

Обобщая результаты многочисленных исследований установления повестки дня, Дж. Диаринг и Э. Роджерс построили модель, показывающую, как взаимодействуют между собой несколько конкурирующих повесток: политическая повестка дня, которую устанавливает государство; медиаповестка, которую устанавливают средства массовой информации; публичная повестка дня, которая формируется в общественном мнении под влиянием двух предыдущих повесток, а также под влиянием личного опыта, который, будучи «индикатором реальности», существенно ограничивает возможности манипуляции общественным мнением со стороны государства и средств массовой информации[3].

Эта «трехполюсная модель», описывает основные типы повесток дня и их взаимодействие между собой. Нетрудно заметить, что в условиях последних думских выборов цикла политическая повестка во многом определяла медиа-повестку, а не наоборот, как было в ходе предыдущего электорального цикла.

Данное соотношение политической повестки и медиа-повестки не только не означает, что средства массовой информации утратили свои основные функции, но является вполне нормальным. Для сравнения укажем, что когда Дж. Кингдон в свое время занялся изучением того, каким образом формируется проблемная повестка органов исполнительной власти в США, он обнаружил, что средства массовой информации играют при ее формировании минимальную роль.

Дж. Кингдон рассматривал процесс установления политической повестки дня как результат конкуренции. По Кингдону, конкуренция на политической арене носит еще более анархический характер, чем конкуренция на публичной арене, поскольку между собой одновременно и совершенно хаотично конкурируют не только проблемы, но и возможные решения проблем, сами функционеры и случайные возможности для привлечения внимания к той или иной проблеме. Политическая повестка зачастую формируется самым парадоксальным образом в силу того, что решения генерируются и обсуждаются не в результате реакции на те или иные проблемы, а потому, что функционеры заинтересованы в таких решениях по собственным организационным мотивам (чтобы обеспечить себя или свое подразделение работой или мотивировать необходимость его расширения). Иными словами, не проблемы порождают решения, а существующие решения ищут проблемы, к которым они могли бы быть приложены: «решения и проблемы имеют равный статус в качестве самостоятельных потоков внутри системы, и популярность определенного решения в определенный промежуток времени часто влияет на то, какие проблемы станут предметом рассмотрения»[4]. То, какие проблемы в результате все-таки будут решены, зависит от того, насколько совпадут между собой проблемы, решения, функционеры и случайные возможности.

Нетрудно заметить, что этот взгляд на процесс формирования политической повестки дня является взглядом изнутри, взглядом «инсайдера», который вместе со своими любимыми решениями или проблемами маневрирует в неподвластных его контролю правительственных информационных потоках. Неудивительно, что «инсайдеры», непосредственно участвующие в принятии решений, неоднократно заявляли Дж. Кингдону, что при решении вопроса о том, какие социальные проблемы подлежат включению в политическую повестку дня, они не нуждаются в подсказках масс-медиа и опираются на другие, независимые источники. В лучшем случае средства массовой информации обеспечивают коммуникацию по поводу проблемных приоритетов между различными слоями правительственной элиты и усиливают воздействие уже установившейся политической повестки дня на общественное мнение. Из-за того что средства массовой информации ориентированы на сенсационные и драматические сюжеты, происходит резкое

уменьшение их воздействия на правительственную политику, «поскольку такого рода сюжеты обычно появляются в самом конце процесса принятия политических решений, а не в его начале»[5]. Так, с точки зрения правительственного чиновника, такое медиасобытие, как драматичное слушание в Конгрессе, является не более чем тщательно подготовленным и отрежиссированным спектаклем, сценарий которого был написан заранее и без всякого влияния средств массовой информации.

Сделанный Дж. Кингдоном вывод о минимальном воздействии средств массовой информации на формирование политической повестки в условиях американской политической системы, естественно, не может быть механически перенесен на отечественную политическую систему, однако он позволяет предположить, что по мере достижения этой системой зрелости в ней начинают происходить процессы, типологически сходные с американскими. Тогда можно сделать вывод, что формирование политической повестки под сильным влиянием медиа-повестки, типичное для предыдущего электорального цикла, свидетельствовало прежде всего о незрелости и неустойчивости существующей системы власти.

В целом анализ выборов в Государственную Думу по партийным спискам показывает, что технология установления повестки дня вполне применима и к политическим партиям, а не только к отдельным кандидатам.

[1] *McCombs M., Eyal Ch., Graber D., Weaver D.* Media Agenda-Setting in the Presidential Election. N.Y.: Praeger Scientific, 1981. P. 155.
[2] *Ibid.*
[3] См.: *Dearing J., Rogers E.* Agenda-setting, Where Has It Been, Where Is It Going? // Communication Yearbook 11. L.A., 1987.
[4] *Kingdon J.W.* Agendas, Alternatives and Public Policies. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1984. P. 91.
[5] *Kingdon J.W.* Op. cit. P. 63.

СИМУЛЯТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ
(РЕФЕРЕНДУМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА ПОЛНОМОЧИЙ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА)

В.Н. Руденко

Виктор Николаевич Руденко,
директор Института философии и права УрО РАН

Конституции всех государств, образовавшихся после распада бывшего СССР, учли опыт державы, чье конституционное законодательство на протяжении всех лет ее существования, за исключением двух последних, не предусматривало ограничений по количеству сроков замещения должности главы государства. В текстах конституций новых независимых государств были закреплены традиционные для стран развитой демократии нормы, согласно которым одно и то же лицо не может избираться на должность главы государства более двух раз подряд. Следуя опыту стран развитой демократии, срок исполнения полномочий главы государства во вновь образовавшихся странах также был ограничен четырьмя – пятью годами.

Между тем, за истекшие с момента распада Союза ССР годы в ряде стран (государства Центральной Азии, Казахстан) выявилась ярко выраженная тенденция развития государственного строительства, состоящая в продлении срока полномочий главы государства. Обозначенная тенденция находит свое выражение, во-первых, в увеличении количества сроков полномочий главы государства, во-вторых, в продлении самого срока полномочий; в-третьих, в увеличении количества сроков полномочий с одновременным продлением их продолжительности. Отличительной особенностью этого процесса является следование установленным конституционным правилам, приверженность законодателей общепризнанным демократическим ценностям. Продление полномочий главы государства осуществляется посредством реализации одного из наиболее известных институтов современной демократии – института референдума. В период с 1992 года по настоящее время в указанных странах имели место следующие всенародные голосования, на основании которых было осуществлено продление срока полномочий главы государства: референдум, проведенный 15 января 1994 года в Туркменистане; референдум, проведенный 28 апреля 1995 года в Казахстане; референдум, проведенный 30 января 1994 года в Кыргызстане; референдумы, проведенные 26 марта 1995 года и 27 января 2002 года в Узбекистане; референдумы, проведенные 26 сентября 1999 года и 22 июня 2003 года в Таджикистане.

Продление срока полномочий главы государства посредством конституционного института референдума осуществлялось следующими способами:

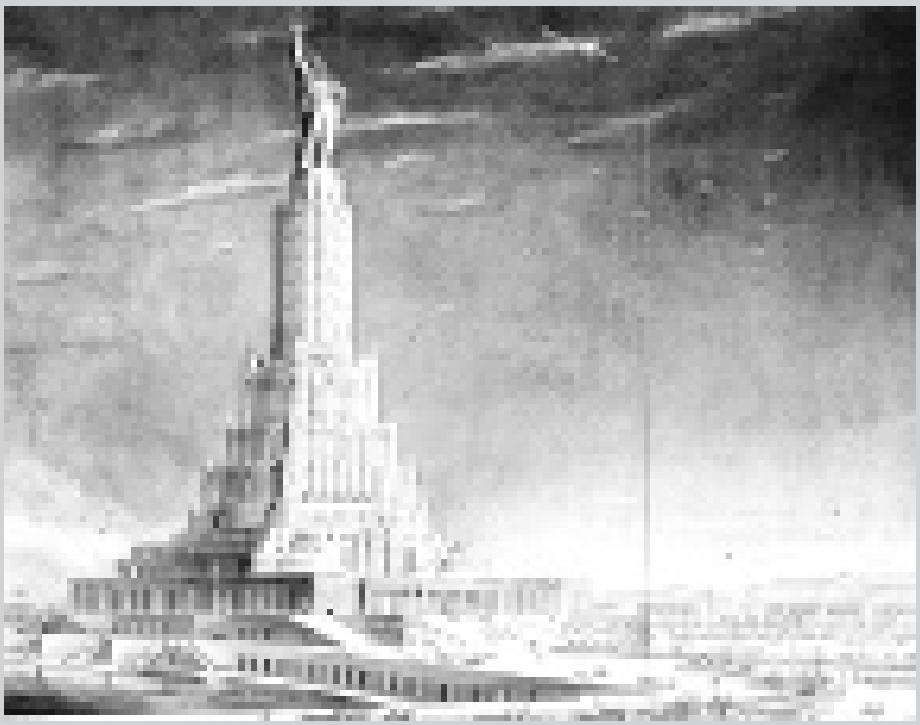
1. *На всенародное голосование после принятия новой Конституции страны выносился вопрос о продолжении исполнения полномочий главы государства лицом, избранным на должность главы государства на основании прежней Конституции и только по истечении этого срока проводились выборы, причем считалось, что лицо, одержавшее победу на выборах, согласно новой Конституции замещает должность главы государства впервые.* В частности, посредством всенародного референдума, проведенного 26 марта 1995 года, были продлены до 2000 года полномочия президента Узбекистана И. Каримова, всенародно избранного 29 декабря 1991 года и в 2000 году И. Каримов «впервые» был избран президентом страны на пятилетний срок. Путем народного голосования, проведенного 30 января 1994 года, были подтверждены полномочия президента Кыргызстана А. Акаева, всенародно избранного 12 октября 1991 года и в 1995 году А. Акаев «впервые» был избран на должность президента Кыргызстана на пятилетний срок. По итогам республиканского референдума, состоявшегося 29 апреля 1995 года в Казахстане, срок полномочий президента Казахстана Н. Назарбаева, всенародно избранного 1 декабря 1991 года был продлен до 1 декабря 2000 года. Постановлением Парламента Республики Казахстан от 8 октября 1998 года № 103-1 срок полномочий Президента, установленный упомянутым республиканским референдумом, был сокращен до вступления в должность нового Президента Республики Казахстан, избранного на выборах 10 января 1999 года. Одержав победу на выборах, 20 января 1999 года Н. Назарбаев «впервые», согласно Постановлению Конституционного Совета Республики Казахстан от 20 июня 2000 года № 12/2, официально вступил в должность Президента Республики Казахстан, теперь уже на семилетний срок.

2. *На всенародное голосование выносился вопрос о внесении ряда изменений и дополнений в действующую Конституцию страны, при этом одно из изменений предполагало увеличение продолжительности срока полномочий главы государства.* 27 февраля 2002 года на национальном референдуме, проведенном в Узбекистане, было принято решение о продлении полномочий президента страны с пяти до семи лет, тем самым очередные выборы президента, избранного в 2000 году, автоматически были перенесены с 2005 года на 2007 год. Подобным же образом 26 сентября 1999 года решением, принятым на национальном референдуме в Таджикистане, срок полномочий президента Таджикистана был увеличен с пяти до семи лет без возможности повторного переизбрания. После принятия данного решения И. Рахмонов, всенародно избранный президентом Таджикистана 6 ноября 1994 года на пятилетний срок, 6 ноября 1999 года «впервые» был избран президентом теперь уже на семилетний срок в соответствии с внесенными в Конституцию изменениями.

3. *На всенародное голосование выносился вопрос о внесении ряда изменений и дополнений в действующую Конституцию страны, при этом одно из изменений предполагало увеличение числа конституционных сроков полномочий главы государства.* По итогам референдума, проведенного 22 июня 2003 года в Таджикистане, было принято 56 поправок Основного Закона. Согласно одной из них число конституционных сроков полномочий президента страны было увеличено с одного семилетнего срока до двух. Учитывая, что Конституция претерпела существенные изменения, президент Таджикистана И. Рахмонов получил возможность баллотироваться на должность президента Республики «впервые». Так как текущий срок полномочий президента истекает в 2006 году, И. Рахмонов имеет реальную возможность продлить срок своих полномочий до 2020 года.

4. *На всенародное голосование выносился вопрос о продлении срока полномочий действующего главы государства задолго до истечения первого срока его полномочий, предусмотренного Конституцией.* Согласно решению, принятому на референдуме, состоявшемся 15 января 1994 года в Туркменистане, полномочия президента С. Ниязова, всенародно избранного 21 июня 1992 года, были продлены до 2002 года, а президентские выборы, которые должны были состояться в 1997 году, отменены.

Практика проведения всенародных голосований, на которых были приняты решения, имевшие своими последствиями продление срока полномочий главы государства в странах Центральной Азии и Казахстане в период с 1992 года по настоящее время, свидетельствует о том, что целью данных голосований было укрепление власти выдвинувшихся после распада СССР национальных харизматических лидеров и недопущение нарушения сложившегося баланса политических сил. Симптоматично, что одними из самых весомых аргументов в пользу продления полномочий действующих глав государств являлись и являются тезисы о достигнутой демократической стабильности и необходимости ее сохранения, о необходимости довести до конца начатые положительные преобразования. Следуя этой цели, находящиеся у власти политические группы с легкостью шли и идут на изменение Конституции своей страны, а органы конституционного правосудия, в случае необходимости, давали и дают необходимое толкование конституций. В итоге в указанных странах сложилась парадоксальная конституционно-правовая ситуация. С одной стороны, конституции всех без исключения стран содержат демократическое требование об ограничении сроков пребывания у власти одного и того же лица. С другой же стороны, пребывающие у власти руководители, следуя нормам конституций и конституционному законодательству о референдуме, фактически имеют и чаще всего реализуют на практике возможность пожизненного пребывания на занимаемой должности. Таким образом, с помощью демократических институтов достигаются цели, противоречащие современным представлениям о демократии и о ее основных принципах. Ситуация выглядит еще более парадоксально на фоне показателей явки избирателей на участки референдума и показателей поддержки избирателями вынесенных на референдум предложений. Во всех рассмотренных случаях явка избирателей превышала 90% и составляла в Казахстане – 91,20% избирателей (1995 г.); в Кыргызстане – 96,20% (1994 г.); в Таджикистане 92,53% (1999 г.) и 96,39% (2003 г.), в Туркменистане – 99,90% (1994 г.), в Узбекистане – 99,34% (1995 г.) и 91,58% (2002 г.). Выдвинутые предложения поддержали соответственно в Казахстане – 95,46%, в Кыргызстане -97,02%, в Таджикистане – 75,31% и 93,82%, в Туркменистане – 99,99%, в Узбекистане -99,64% и 93,75%. избирателей, принявших участие



в голосовании.

Каким же образом, в таком случае, можно оценить рассмотренный институт референдума? Какую социально-политическую роль он выполняет в системе нового политического устройства. Позволяет ли эта роль характеризовать институт референдума в качестве демократического конституционно-правового института? Как согласуются со столь разительными практическими результатами демократические по содержанию конституционные нормы и недемократические по своей сути действия политиков, которые строго придерживаются установленных конституционных норм? Является ли высокая активность избирателей показателем действительного участия граждан в решении важнейших публично-правовых вопросов? Наконец, как может быть охарактеризована сформировавшаяся система референдумной демократии в рассматриваемых странах?

Обобщая сказанное, можно отметить, что конституционный институт референдума в странах Центральной Азии и в Казахстане в рассмотренных выше случаях по существу является симулякром – правдоподобным образом института демократии. Институт референдума, служащий инструментом достижения целей авторитарного руководства, оказывается не инструментом декларированного народовластия, а побочным явлением, эпифеноменом действительной конституционно-правовой системы, не оказывающим на нее никакого существенного влияния. Роль всенародного голосования здесь – выдать отсутствующее народовластие за присутствующее, а на деле – облачить политическую волю руководства в форму всенародного волеизъявления. Конституционно-правовой институт референдума в таком случае оказывается искаженной копией, муляжом института референдума, воплощенного в современной теории демократии и в конституционном законодательстве развитых демократических государств. Но при этом он является муляжом, копией, подделкой, имитацией, притворством, обладающим значительным манифестационным потенциалом. Всенародное голосование и почти единодушная поддержка вынесенных на голосование предложений всегда внешне эффектны. Они заставляют на некоторое время приглушить неудобную критику оппонентов, не смотря на то, что поразительно высокая явка избирателей и почти безоговорочная поддержка ими выдвинутых предложений, вероятно, является свидетельством не столько толерантности, сколько восточной традиции трепетного отношения к власти, желания избирателей идти на встречу любым решениям, выработанным и предложенным властью.

В таком случае практикуемая референдумная демократия в рассматриваемых странах в целом приобретает симулятивный характер. Конституционные нормы о референдуме симулируют идею демократии и маскируют реальную действительность. В последние годы симулятивный эффект референдумной демократии в рассматриваемых странах усугубляется стремлением власти придать решениям граждан решающее значение. Так, согласно законодательству Республики Казахстан и Республики Таджикистан, противоречия между решениями, принятыми на референдумах и Конституцией, конституционными законами, законами и другими нормативными правовыми актами должны решаться путем изменений Конституции, конституционных законов и т.д. для приведения их в соответствие с решениями, принятыми на референдумах. Можно предположить, что подобные конституционные нормы открывают значительные возможности для развития симулятиной демократии: например, «решение народа» о закреплении пожизненного срока полномочий главы государства должно найти отражение в Конституции и законах...

Конституционное законодательство государств Центральной Азии и Казахстана в рассмотренном аспекте не является исключением на постсоветском пространстве. В Российской Федерации и в других государствах, образовавшихся после распада Советского Союза, также время от времени возникают дискуссии о перспективах развития института главы государства, в ходе которых выдвигаются предложения о продлении срока полномочий действующих лидеров. На момент подготовки настоящей статьи вопрос о возможности баллотироваться на третий срок, сверх предусмотренного Конституцией срока, был поставлен президентом Республики Беларусь. А. Лукашенко так же, как и его азиатские коллеги, апеллирует к народу.

Продление срока полномочий главы государства – только один аспект более широкой крупной проблемы симулятивной демократии. В относительно непродолжительной истории развития новых независимых государств имеются и другие примеры имитации демократии с использованием механизма референдума. В частности, народным голосованием, проведенным в Азербайджане 24 августа 2002 года, среди прочих поправок к Конституции Азербайждана была одобрена поправка, согласно которой в случае досрочной отставки президента его полномочия переходят к премьер-министру, что фактически означало передачу власти по наследству от Г. Алиева его сыну Э. Алиеву. В свете вышесказанного представляется, что проведение подобных референдумов в какой бы то ни было стране хотя и будет способствовать временному укреплению власти действующих глав государств или доминирующих элит, в конечном итоге нанесет ущерб ценностям современного конституционализма и, прежде всего, дезориентирует избирателя, который вынужден будет ориентироваться на конкретного руководителя страны, а не укрепляться в доверии к конституционному институту главы государства как таковому.

Симуляция демократии, оригинал которой никогда и нигде не существовал – явление общераспространенное и в этом плане любая модель демократического устройства в каждом конкретном государстве является симуляцией идеи демократии. Но современные развитые страны мира, относящие себя к демократическим государствам, пытаются вырабатывать и придерживаться общепринятых стандартов свободных выборов и других демократических институтов. Ориентируясь на эти стандарты, можно сказать, что в современном мире симулятивная демократия начинается там, где исчезает подобие с указанными стандартами.

ТРАНСГРЕССИЯ ПРИЕМНИКА И ПЕРЕДАТЧИКА В ДИСКРЕТНОЙ МОДЕЛИ ЛОББИСТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.Б. Белоусов

Александр Борисович Белоусов,
аспирант Института философии и права
Уральского отделения РАН

Первое правило эффективной коммуникации гласит, что если в каком-то взаимодействии вы встречаетесь с сопротивлением, это признак недостатка раппорта. Власть можно либо заставить сделать что-либо, либо убедить в необходимости принятия единственно правильного решения. Последнее невозможно без близости к власти. Попытки заинтересованных лиц сблизиться с властью, внедриться во власть, всегда были и всегда будут. С точки зрения дискретной системы лоббистской коммуникации, подобные стратегии заключаются в трансгрессии «передатчика» и «приемника». Трансгрессия происходит в одном из двух направлений: либо элементы передающего устройства внедряются в приемник, либо передающее устройство организуется так, что начинает выполнять функции приемника. Закономерным следствием трансгрессивных процессов выступает трансформация коммуникативных устройств. В отдельных случаях трансгрессивные процессы способны произвести деформацию коммуникационной системы, приводя к ослаблению роли властных структур.

В первом случае мы имеем дело с, так называемым, встроенным лоббизмом, когда представители власти фактически являются делегатами экономических структур. В наиболее явном виде встроенный лоббизм на федеральном уровне представлен в Совете Федерации РФ, чему в немалой степени способствовал принятый летом 2000 года закон «О порядке формирования Совета Федерации». Согласно этому закону, все главы исполнительной и законодательной власти регионов покинули сенат, а на их место пришли делегированные представители: один от губернатора или президента республики в составе РФ, второй – от региональных законодателей. На деле получилось, что значительную долю сенаторов составляют как представители отраслей, так и представители конкретных экономических структур: ТЭК («Сибнефть», ЮКОС, ТНК, «Славнефть», «Роснефть», «ЛУКойл», «Газпром»), энергетики (РАО «ЕЭС», «Ленэнерго», «Костромаэнерго», «Иркутскэнерго»), металлургии («Сибал», «Русал», «Норильский никель», «Евразхолдинг») и т.д.[1]

Впрочем, превращение Совета Федерации в лоббистский орган отнюдь не способствовало усилению его роли как органа власти. Более чем взвешенное поведение лоббистов способно привести к тому, что из институциализированной площадки для консолидации губернаторской оппозиции Совет Федерации рискует превратиться в российский аналог Палаты лордов – статусный, но не слишком влиятельный государственный орган[2]. Между тем, деформация Совета Федерации как органа государственного власти уменьшает

влияние данного органа на законотворческий процесс, что в свою очередь существенно ограничивает его лоббистские возможности. Факт установления трансгрессивных пределов лоббистской коммуникации с трудом поддается эмпирической верификации, и, тем не менее, снижение эффективности коммуникации зачастую является прямым следствием подобного рода выходов за рамки разумного.

Трансгрессия "передатчика" и "приемника"

Трансгрессивный процесс, обратный тому, что имеет место во встроенном лоббизме, связан с введением в состав менеджмента корпораций лиц, которые либо работают в органах государственной власти, либо работали в них, либо в силу личных связей поддерживают постоянный контакт с ее представителями. В результате внедрения в состав руководства таких лиц субъект лоббистской коммуникации не просто получает дополнительные сведения об устройстве приемника, а внедряет в передающее устройство «детали» таких приемников, получая в распоряжение «аппаратные возможности» и настраивая систему коммуникации на уровне ее носителей таким образом, что сопротивление влияниям обращается в самосопротивление.

Наиболее показательными в этом отношении являются лоббистские стратегии группы «Альфа», на которую в разное время работали и работают Петр Авен (бывший министр внешнеэкономических связей), Леонард Вид, (бывший 1-й зампред Госплана), Владислав Сурков (бывший заместитель руководителя администрации президента) и т.д. К такому способу трансгрессии стоит отнести участие представителей власти в координационных наблюдательных органах экономических структур, нередко подкрепленное участием государства в уставном капитале таких компаний. В Свердловской области данные стратегии реализует ОАО «СУАЛ-холдинг», пост сопредседателя координационного совета которого по состоянию на март 2002 года занимал Виктор Якимов (глава г. Каменск-Уральский Свердловской области, председатель Палаты Представителей Законодательного собрания Свердловской области), а 14% акций принадлежат «Алюминиевой компании Урала»[3].

Различие направлений трансгрессивных процессов можно продемонстрировать на примере национальных систем рекрутирования элит. Так, во Франции получило распространение явление «пантуфляжа» (франц. pantouflage – надевание домашних туфель) – перехода государственных чиновников на работу в частный сектор (это же явление в других странах иногда называется «золотым парашютом»). Костяк французской элиты всегда составляли государственные служащие, там и до сих пор существуют династии чиновников, которые, одно время, считая предпринимательскую деятельность «второсортной», дистанцировались от буржуазных династий, владевших семейными предприятиями. Разделение правящего класса на чиновников и буржуазию подкреплялось идеологией государственного управления, согласно которой частные интересы несводимы к всеобщему интересу государства, и только независимость государства от общества обеспечивает ему роль справедливого арбитра.

Попасть в ряды чиновников было далеко не легко, так как рекрутинг был монополизирован элитными учебными заведениями – открытыми Наполеоном «большими школами»[4]: прием в них еще сто лет назад производился только при наличии соответствующих рекомендаций, и до сих пор финансовая состоятельность родителей абитуриента – далеко не главный фактор успешного поступления. Однако со временем все больше чиновников по завершении службы на государство переходили в частный сектор. Во второй половине XX века наблюдалась стойкая динамика оттока кадров из государственного сектора в частный. Так, из чиновников завершивших работу в 1954 г. 20% перешло в частный сектор, в 1964 г. – 21%, а в 1974 – 28%[5]. В финансовом секторе динамика еще более наглядная: 13% в 1954 г., 23% в 1964 г. и 44% в 1974 г.[6] Пантуфляж стал частью карьерной стратегии французской элиты, многие представители которой рассматривали работу на государство в качестве подготовки плацдарма в частной кампании.

В США, напротив, основной костяк элиты – представители бизнеса, поскольку корпоративный дух и культура стали там своеобразной современной религией. Именно бизнес обеспечивает политические партии и высшее чиновничество кадрами. Бизнесмены не любят надолго задерживаться ни в законодательной, ни в исполнительной власти. Наиболее точно их тактику можно определить как набеги. Известный адвокат или партнер крупной нефтяной компании может на несколько лет, но не более одного президентского срока, стать министром, а затем снова возвращается в свою компанию[7].

Дискретный характер субъекта лоббистской коммуникации, порождающий трансгрессивные сдвиги между «передатчиком» и «приемником» лоббистской коммуникации, указывает на то, что в ходе трансгрессии ни субъект, ни объект не являются автономными и самодостаточными. Власть и капитал на то и существуют, чтобы выступать инициаторами коммуникаций. Коммуникация, мобильность, взаимозаменяемость – вот, что на теоретическом уровне характеризует отношения между властью и экономическими структурами в настоящее время. Поэтому эффективность стратегий «близости к власти» имеет одно очень важное следствие для лоббистской коммуника-

ции: она становится системной в том смысле, что коммуникация происходит в замкнутой системе, а субъект и объект неотделимы от системы. Смысл автономности субъектов и объектов таких коммуникаций сводится к тому, чтобы поддерживать определенные демократические мифы, создавая правила игры, по которым в дальнейшем будут разыгрываться ресурсы и полномочия. Каковы бы ни были эти мифы, когда дело доходит до вполне конкретных коммуникаций, обнаруживается, что никакого смысла в автономности нет, наоборот, субъект целенаправленно отказывается от своего автономного положения.

[1] О корпоративном лоббизме в Совете Федерации см.: Макаркин А. Совет Федерации и отраслевые лобби. 25.01.2002. http://www.politcom.ru/2002/aaa_c_econ5.php; Михайлов Р. Кто управляет Советом Федерации: Кремль, ФПГ, КПРФ или региональные элиты? 12.03.2002. http://www.smi.ru/02/03/12/254052.html; Михеев С. Совет Федерации между прошлым и будущим. 31.01.2003. http://www.politcom.ru/2003/zloba1744.php.

[2] Михеев С. Указ. соч.

[3] О лоббистских стратегиях «Альфы» и «СУАЛа» см.: Макаркин А. «Альфа-Ренова»: коллективный портрет лоббистов. 13.03.02 http://www.politcom.ru/2002/aaa_c_econ5.php

[4] В настоящее время наиболее престижными из них являются Национальное административное училище (Ecole nationale d'Administration обеспечивает кадрами Государственный Совет), Политехнический Институт (Ecole Polytechnique), Парижский горный институт (Ecole des Mines является поставщиком кадров «технической бюрократии»), Высшая Нормальная Школа (Ecole Normale superieure) и др.

[5] Бирнбаум П., Барук Ш., Беллэш М., Марие А. Французский правящий класс. М.: Прогресс, 1981. С. 82.

[6] Там же. С. 100.

[7] См.: *Квателадзе И., Гордиевских В.* Основы моделирования // БОСС. 2003. №12.

А.И. Зверев

ФАЗОВЫЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕДИА-РИЛЕЙШНЗ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Одной из основных функций государства в современном демократическом обществе является, пожалуй, охранительная функция, которая заключается в обеспечении безопасности жизни и имущества граждан. Государство должно обеспечить правопорядок в обществе, блюсти права и свободы своих граждан. К сожалению, далеко не всегда наша собственная жизнь и жизнь наших близких остается в безопасности. Возникают ситуации, когда безопасность гражданина кто-то или что-то нарушает. Ежедневно в мире происходит масса подобных событий: падают самолеты, тонут корабли, рушатся дома, поезда сходят с рельс, весенние реки смывают города, землетрясения уничтожают кварталы. Преступность растет, терроризм и экстремизм давно стали профессиональной деятельностью. Люди гибнут из-за халатности строителей, случайно, от рук убийц, от смертельных болезней. Кто-то называет такие ситуации катастрофическими, кто-то – критическими, кто-то – чрезвычайными. Мы придерживаемся мнения, что это разные стороны одной медали. В любом случае все такие происшествия являются ситуациями нарушенной безопасности. Если посмотреть на них с точки зрения происхождения, то можно называть их авариями, если это взрыв на химическом заводе, бедствиями, если это лесной пожар или наводнение, терактами. С точки зрения последствий, которые такие события способны вызвать их называют катастрофами, если масштаб разрушений превосходит обычные представления, скандалами, если последствия приобретают политическую окраску, и наконец чрезвычайными ситуациями, если происшествие напрямую связывать с системой и вопросами государственного управления, как например утечка отравляющих веществ на государственном оборонном предприятии. При таком подходе очевидны две вещи: во-первых, все ситуации нарушенной безопасности (не только граждан, но и самого государства тоже) – являются по своей сути критическими, то есть такими, в которых порог адаптации

Алексей Игоревич Зверев,
аспирант Уральской академии
государственной службы

гражданина и или государственной машины к возможным негативным воздействиям внешней среды превышен. Например вы «готовы» к тому, что вашу машину могут угнать из гаража, ведь вы поставили железные ворота, установили новый надежный замок и сигнализацию, знаете телефонный номер милиции. Но готовы ли вы к тому, что землетрясение разрушит не только ваш гараж вместе с машиной, но обратит еще и пол-города в руины, возможно вместе с вашим новым домом, который вы, кстати, тоже защитили от воров... Или например массовые гражданские волнения, беспрецедентная засуха, взрыв в министерстве или убийство президента – готова ли к этому государственная власть? Вот что мы понимаем под кризисами.

Во-вторых, если посмотреть на кризис с политической, государственно-управленческой, технической точек зрения, то мы увидим, как одна и та же ситуация является чрезвычайной для системы государственного управления, катастрофической

для общества, скандальной для власти.

В сферу наших интересов входят чрезвычайные ситуации – то есть критические ситуации в сфере государственного управления. Соответственно, государственные медиа-рилейшнз в подобных ситуациях – это, по сути, процесс взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации в чрезвычайных ситуациях.

Зачастую, органам власти трудно сориентироваться в подобных ситуациях, так как совсем нет времени и достаточной для принятия управленческого решения информации, особенно если ситуации неожиданные и вызывают сильный резонанс в обществе. Потому очень важно представлять архитектуру процесса кризисной коммуникации со СМИ.

Руководствуясь такой необходимостью, в данной статье мы подробнее остановимся именно на фазах чрезвычайного взаимодействия власти и СМИ, выделим их и подвергнем анализу. Как уже ранее говорилось, взаимодействие органов власти и СМИ интересует нас главным образом в неожиданных чрезвычайных ситуациях.

Именно такие ситуации вызывают наибольший общественный резонанс, динамично развиваются и требуют от органов власти подготовки и высокого профессионализма. С.Катлип, А.Сентер и Г.Брум в своей книге «Эффективный Паблик Рилейшнз» так описывают неожиданные чрезвычайные ситуации: «это наиболее ужасный тип кризисов, которые происходят настолько внезапно и неожиданно, что остается очень мало или совсем не бывает времени для подготовки и планирования. Они требуют заблаговременного согласования между основными руководителями плана действий, который позволил бы избежать недоразумений, препирательств и неоперативности реагирования»[1]. Учитывая такую специфику, а также наши собственные выводы, сделанные в процессе изучения данного круга вопросов, можно выделить такие характерные признаки и свойства неожиданных чрезвычайных ситуаций, как: локальность, неожиданность, непредсказуемость и динамичность развития (склонность к эскалации). Бытует мнение, что нельзя быть готовым к тому, чего никогда не происходило и не известно где и когда произойдет, да и произойдет ли вообще. Мы принимаем такую точку зрения и согласны с тем, что неожиданные ситуации никто не ожидает.

Вместе с тем, несмотря на то, что место и время возникновения такого рода ситуаций предсказать нельзя, все же возможно выделить некие общие черты и фазы развития, так называемый сценарий чрезвычайной ситуации. Ведь все ситуации в теоретическом плане схожи. В общем виде существует несколько фаз чрезвычайной ситуации: задержка, нарастание, пик, спад, стабильное состояние, снятие напряжения. Подчеркнем, что данные фазы развития можно выделить не только у рассматриваемых нами, но также у большинства природных, социально-экономических, физических и иных явлений.

Графически динамика чрезвычайной ситуации выглядит следующим образом (*см.: Рис. 1.*):

Как видно из схемы, ситуация практически сразу, без задержки (время между непосредственно началом ситуации и ростом) начинает развиваться, расти подобно снежному кому. Достигнув пика своей активности, она некоторое время сохраняет пиковую интенсивность, затем интенсивность падает, но не до конца, а до определенного стабильного значения, в котором сохраняется некоторое время. Как правило, фаза стабильности, наиболее результативна. Здесь есть достаточно времени для принятия управленческих решений, существует гораздо меньше неопределенностей внешней среды, чем, допустим, во время роста (особенно) и пика активности, ясна диспозиция и пик уже миновал. Это «рабочая» фаза чрезвычайной ситуации. Далее динамика плавно угасает, напряжение снимается. Фаза снятия напряжения, как правило, самая продолжительная.

Из практики можно заключить, что чрезвычайная ситуация может иметь несколько пиков в развитии, динамика и продолжительность той или иной фазы могут меняться, но в целом форма кривой динамики чрезвычайной ситуации остается такой же.

Естественно, что взаимодействие органов власти и СМИ обусловлено динамикой развития той или иной чрезвычайной ситуации. Например, если рассматривать динамику журналистской активности (*см. Рис. 2.*), то здесь мы найдем много общего с динамикой развития чрезвычайной ситуации.

Главное различие заключается здесь в том, что всегда существует фаза задержки между началом развития событий и возрастанием журналистской активности, появлением публикаций. Это объясняется тем, что журналистская активность – это реакция на чрезвычайную ситуацию, которая не может быть мгновенной. В таком случае, у органов государственной власти есть в запасе немного времени, для того, чтобы оперативно собрать информацию о происшествии, подготовить сообщения в прессу, активизировать штаб чрезвычайной ситуации, поставить всех необходимых лиц в известность о случившемся и т. д.

Также, одной из самых важных фаз во взаимодействии со СМИ, наряду с задержкой ростом и пиком, является фаза снятия напряжения. Неверно построенная коммуникация в этой фазе способна надолго обеспечить чрезвычайной ситуации общественный резонанс. Здесь мы можем говорить о долгосрочном публицистическом кризисе[2].

Иными словами, сама чрезвычайная ситуация может быть уже ликвидирована, но еще долгое время, по тем или иным причинам, обсуждается в прессе. Со стороны СМИ это приведет к новому всплеску активности масс-медиа по обсуждению чрезвычайной ситуации. В этом случае речь идет о социально-политических последствиях чрезвычайной ситуации, которые, к слову, не закреплены ни в одном нормативно-правовом акте и до сих пор не рассматриваются органами власти среди иных последствий чрезвычайных ситуаций, таких как, например, загрязнение окружающей среды, материальный ущерб и т.д. А ведь именно социально-политические последствия наиболее опасны для действующей власти, ее имиджа и легитимности. Поэтому, с политологической точки зрения, стратегически важными являются не только фазы задержки роста и пика, но и снятия напряжения. Многие чиновники, представители пресс-служб забывают об этом. Необходимо же заботиться не только о решении сегодняшних, насущных проблем, но и о благополучии в будущем. Например, тот факт, что в ситуации с АПЛ «Курск» представители власти так и не предоставили общественности свою офи-

циальную точку зрения по поводу причин и общей картины случившегося, породил новую волну общественного недовольства, слухи, различные, порой противоположные точки зрения. В результате не власть, а СМИ объясняли общественности, что произошло, порой не всегда честно и правильно.

Итак, в связи с рассмотренными нами графиками динамики чрезвычайной ситуации и активности СМИ, необходимо определить общий характер действий органов власти в подобной ситуации.

Очевидно, что рассматриваемые нами неожиданные чрезвычайные ситуации труднее всего прогнозировать. Например, как можно прогнозировать тот или иной террористический акт. Ведь, по сути, каждый дом в России потенциально может быть заминирован, каждое публичное место подвержено опасности, каждый человек может стать мишенью. С другой стороны, практически все теракты происходят по одному общему сценарию:

* без захвата заложников – это, как правило, взрыв, выброс отравляющих веществ, выведение из строя тех или иных объектов;

* с захватом заложников – это захват, далее переговоры, потом те или иные действия террористов и, наконец – штурм.

В таком случае при взрыве, например, или при захвате заложников через некоторое время представители пресс-служб местной администрации и федеральных исполнительных органов власти, силовых ведомств попадают в зону пристального внимания прессы и телевидения. От них требуют разъяснить, что произошло. К этому надо быть готовым. Подчеркнем – не к каждому теракту в отдельности, а к активности журналистов через некоторое время после теракта.

Для этого необходимо оперативно и по возможности точно собирать и передавать информацию, сведения, для того, чтобы в максимально короткие сроки успеть как можно лучше прояснить для себя картину произошедшего, оценить шансы заложников, выяснить подробности и т.д. К приходу журналистов пресс-служба должна иметь официальную точку зрения на происходящее, ответы на главные вопросы. По этому поводу американский специалист по коммуникациям Д.Хантер отмечает следующее: «четкое и своевременное реагирование (органов государственной власти – *А.З.*) на инициативы СМИ, а также на чаяния людей, перед которыми специалист по связям с общественностью несет ответственность, – все это позволяет сохранить незыблемой репутацию и целостность органов власти на долгие годы[3].

Почему неожиданные чрезвычайные ситуации так сильно привлекают журналистов? Видимо, это происходит по той причине, что неожиданные чрезвычайные ситуации вызывают широкий общественный резонанс в силу своей природы. А, как известно, освещение такого события привлекает читателя, и, следовательно, повышает популярность того или иного издания или телеканала. Основными критериями общественного резонанса являются:

(1) опасность жизни каждого человека;

(2) отсутствие у государства возможности защитить гражданина (террористические акты), или несостоятельность, халатность, недееспособность органов государственной власти в различных сферах государственного управления, приводящая к смерти людей или значительным материальным потерям (обрушение здания аквапарка в Москве).

Рис.1. Кривая динамики чрезвычайной ситуации

Неготовность органов власти бороться с возникшей ситуацией, отсутствие сочувствия, объяснения произошедшего, комментария чрезвычайной ситуации, отстраненность государства от произошедшего – все это также вызывает общественный резонанс.

Таким образом, взаимодействие со СМИ в каждой фазе чрезвычайной ситуации важно по-своему. Поэтому необходимо учитывать специфику каждой фазы развития чрезвычайной ситуации и активности СМИ. На основе этого можно определять характер взаимодействия для каждой фазы, а затем, строить механизм взаимодействия органов государственной власти и СМИ.

Сразу оговоримся, что действия органов власти в той или иной фазе чрезвычайной ситуации должны быть заранее спланированы и обдуманы. В связи с тем, что самым недостающим и ограниченным управленческим ресурсом в данной ситуации будет являться время, в чрезвычайной ситуации представители властных структур должны задумываться не над тем, что делать, а над тем, как более эффективно достичь уже заранее поставленных, разработанных целей исходя из тех или иных уникальных обстоятельств. Для каждой фазы взаимодействия со СМИ нужно определять свои цели и задачи и с учетом условий и специфики происшествия оптимизировать процесс их выполнения и максимизировать результат. Кроме того, необходимо производить постоянную целевую корректировку. Без предварительной подготовки эффективное взаимодействие со СМИ невозможно.

Итак, рассмотрим пять фаз взаимодействия органов государственной власти и СМИ в чрезвычайных ситуациях: 1. фаза роста (эскалации); 2. фаза пика; 3. фаза спада; 4. фаза стабильности; 5. фаза снятия напряжения.

Фаза задержки не включена в данный список по той простой причине, что органы власти и СМИ на протяжении этого отрезка времени не взаимодействуют между собой. Это время органы власти могут использовать для корректировки целей и задач, а также для сбора и обработки информации о произошедшем и дальнейшего предоставления ее СМИ.

1. Фаза роста. Фаза эскалации самая напряженная с точки зрения взаимодействия со СМИ. Еще не до конца определен статус чрезвычайной ситуации, масштаб и нет детальных, подробных сведений о произошедшем. Кроме того, события постоянно и необычайно быстро развиваются, нарастает общая напряженность. СМИ также не знают подробностей произошедшего. Они только начинают анализиро-

вать ситуации и сразу же выдвигают альтернативные, новостные, «громкие» версии. СМИ стараются представить события в более ярком свете. Необходимо предоставить им свою, официальную версию того, что произошло, чтобы избежать неразберихи. Нужно сразу же привлекать «официальные» федеральные телеканалы, такие как Первый канал, канал «Россия» к освещению официальной точки зрения органов власти. Посредством телевидения можно не только рассказать, но и показать общественности, что происходит.

Одним из главных моментов, на который органам власти стоит обратить внимание, является демонстрация открытости, уверенности, сострадания и соучастия перед СМИ и общественностью. Если государством с первых минут чрезвычайной ситуации будет принята оборонительная, осадная тактика в отношении СМИ, то успешно наладить коммуникацию, взаимодействие в этом случае не удастся. Потому эффективность взаимодействия власти со СМИ в фазе эскалации во многом зависит от результативности мероприятий, проведенных органами государственной власти в фазе задержки. В противном случае пресс-службы окажутся информационно неподготовленными к напору СМИ в фазе роста и не смогут удовлетворить их потребности в сведениях. Отсюда ясно, что именно в этой фазе определяется тон и характер взаимодействия со СМИ в течение всей ситуации. Открытость, оперативность органов власти в первые, самые тяжелые минуты чрезвычайной ситуации будет говорить СМИ и общественности о профессионализме, легитимности действующей власти.

Рис. 2. Кривая динамики журналистской активности

2. Фаза пика. Пик активности органов государственной власти при взаимодействии со СМИ может приходиться на разные этапы развития чрезвычайной ситуации. Стоит отметить, что взаимодействие государственных органов и СМИ на протяжении всей чрезвычайной ситуации само по себе является пиком активности по отношению к штатному, рабочему взаимодействию. Все же, в ходе той или иной чрезвычайной ситуации можно выделить возможные наиболее критические периоды в отношениях между органами власти и СМИ, которые, по мнению автора, и стоит считать пиковыми. Таким образом, получается, что во взаимодействии, в коммуникации между пресс-службами и СМИ в период одной чрезвычайной ситуации может существовать как один, так и несколько пиков. По сути, автор определяет пики, как точки наибольшей напряженности в чрезвычайных ситуациях, связанные с неожиданным поворотом событий, решающими, переломными моментами, внезапно возникшими подробностями и фактами, слухами, «утками» в прессе и т.д.

В такие моменты власть должна вести себя наиболее спокойно и профессионально, быстро и четко принимать решения, разъяснять, комментировать любые свои действия, приводить только факты (не догадки), демонстрировать благоразумность и проявлять заботу об общественности. Важной задачей здесь будет не усугублять и без того тяжелую ситуацию лишним резонансом.

3. Фаза спада. Фаза спада, то есть снижения активности, динамики взаимодействия органов власти и СМИ следует после фазы пика активности, который, предваряет фаза роста и предшествует фазе стабильности. То есть, динамика взаимодействия снижается во время этой фазы с пиковой до «рабочей», стабильной. Иными словами, это временной промежуток между пиками или между пиком и снятием напряжения во взаимодействии органов государственной власти и СМИ. Характеризуется, соответственно, ослаблением активности СМИ, но на протяжении всей фазы активность СМИ все равно более высокая, чем в фазе стабильности (см. Рис. 2.). Поэтому, несмотря на то, что критический период уже миновал, органам власти необходимо своевременно и в необходимых объемах предоставлять СМИ информацию о происходящих событиях. Одним из главных принципов взаимодействия органов государственной власти и СМИ в этой и других фазах является соответствие содержания и объема предоставляемой органами власти информации о ситуации, потребностям СМИ. Если этот принцип будет нарушен, то СМИ будут вынуждены самостоятельно, из своих источников пополнять информационный дефицит. Поэтому органы власти должны ориентироваться прежде всего на динамику активности СМИ, которая в свою очередь во многом предопределяется динамикой и характером развития чрезвычайной ситуации.

4. Фаза стабильности. Она, пожалуй, самая спокойная, если так вообще можно назвать какую-нибудь фазу чрезвычайной ситуации. В данный отрезок времени, который обычно совпадает с фазами стабильности в развитии чрезвычайной ситуации и в активности СМИ, происходит оперативная работа по взаимодействию со СМИ. Она так же, как и в других фазах, заключается в своевременном, систематическом предоставлении СМИ в разных формах оперативных данных о ситуации. Важным, по нашему мнению, является то, что в этот период у органов государственной власти есть достаточно времени для того, чтобы, проанализировать сложившуюся ситуацию и в зависимости от результатов анализа скорректировать свои действия по взаимодействию со СМИ.

5. Фаза снятия напряжения. Как уже отмечалось выше, от взаимодействия власти и СМИ в фазе снятия напряжения зависит то, насколько эффективно в общественно-политическом плане разрешится чрезвычайная ситуация. Опасность этой фазы для органов власти кроется в том, что события уже не развиваются с необычайной быстротой, нет такого ажиотажа вокруг ситуации, внимание со стороны СМИ практически исчезает. И представители органов власти либо пытаются «замять» случившееся или же просто прекращают взаимодействие со СМИ. На этом этапе необходимо подвести итоги:

количество жертв, масштаб и число разрушений, стоимость поврежденного имущества. Нужно разобраться в причинах случившегося, установить виновников, выразить соболезнования семьям погибших. Эту итоговую информацию и нужно предоставить СМИ, чтобы не осталось вопросов, на которые власть не дала ответы. Тогда у СМИ не будет лишнего информационного повода снова возвращаться к той или иной ситуации.

Фазой снятия напряжения заканчивается информирование общественности о чрезвычайной ситуации. Но не прекращается оперативная, повседневная работа со СМИ. Кроме того, к другим возможным происшествиям надо также быть готовым, иными словами, «ждать» неожиданную ситуацию в любой момент. От эффективности такого «ожидания» будет зависеть эффективность дальнейшей коммуникации, в том числе и чрезвычайной.

Естественно, что рассмотрев фазы работы органов власти со СМИ, мы не ответили на вопрос, как с успехом выйти из кризиса в неожиданной чрезвычайной ситуации. Но такая цель и не ставилась. Мы хотели лишь показать, что управлять информацией и коммуникациями можно даже в самой критической ситуации. А начинать надо с моделирования, структуризации процесса взаимодействия в общем и целом. Таким началом, на наш взгляд, и может стать фазовый анализ.

[1] Cultip S. M., Center A. H., Broom G.M. Effective Public Relations: 7th ed. – N.J., 1994.

[2] M. Knill «Krisenkommunikation und Medien», Muenchen 2000.

[3] Общий курс по коммуникациям в кризисных ситуациях, подготовленный специалистами Университета штата Оклахома (Dan Hunter, Darren Berry, Rebecca Goodrich-Hinton, Bill Lincicome) для Министерства обороны США: перевод с англ. Л. И. Пигнастой // http://www.pr-club.com.

«БИЕННАЛЕ» ДЛЯ МУНИЦИПАЛИТЕТА: 2+2=5

А.В. Бочаров

Каждая местность имеет свой идеал...
И.В. Вернадский

Чего недостает современным территориальным образованиям для эффективного использования своего потенциала и интенсификации развития? Почему, оказавшись вне условий централизованного планирования и относительно равномерного распределения социально-экономических ресурсов, практиковавшихся в рамках доминировавшей в СССР политико-экономической концепции, российские города и веси до сих пор не могут выстроить эффективную парадигму политического, экономического, наконец, культурного самосовершенствования?

Еще Макс Вебер в своей работе «Город» отмечал: «Так, в нынешней России есть «деревни» со многими тысячами жителей, которые значительно больше ряда старых «городов» (например, в области поселения поляков на востоке нашей страны), население которых едва составляет несколько сот человек».[1] В рамках данной статьи, нацеленной на выявление сущности понятия «муниципальный маркетинг», связанных с ним дефиниций и путей их практического применения, речь идет не только о городах как об «экспериментальных площадках» апробации муниципального маркетинга, поскольку классификация муниципальных образований намного шире и, помимо городов, может включать в себя, например, целые районы и отдельные поселки. Но замечание Вебера относительно «деревень» и «городов» само по себе показательно: роль населенного пункта далеко не в первую очередь зависит от численности проживающего в нем населения – гораздо важнее умение как самих жителей, так и формируемых им органов местного самоуправления понимать и применять на практике адекватные современным вызовам концепции, к которым относится и муниципальный маркетинг.

Алексей Васильевич Бочаров, управляющий Фонда «Малая Родина»

Муниципальный маркетинг, если анализировать разные стороны этого термина, по своему понятийному содержанию неоднороден в силу того, что неоднозначно рассматривается исследователями. Выделяется понятие «территориальный маркетинг», причем ошибочно полагать, что он идентичен маркетингу территорий. Среди отечественных исследователей наиболее близко к разноаспектному изучению фундаментальных принципов территориального маркетинга и их реализации в реальных условиях подошел доктор экономических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, научный руководитель Гильдии маркетологов Александр Павлович Панкрухин. Согласно его исследовательской позиции, «территориальный маркетинг – это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория».[2] Территориальный маркетинг подразделяется на маркетинг терри-

торий (объект внимания – территория в целом, осуществляется как внутри территории, так и за ее пределами) и внутритерриториальный маркетинг (объект внимания – отношения по поводу товаров и услуг, производимых на территории). Оговоримся сразу, что территориальный маркетинг объектом своего воздействия может выбрать не отдельный город или другое поселение, а регион (субъект федерации, их группу) или страну в целом, и по критерию масштаба территории исследуется отдельно.

Существует мнение, что к муниципальному маркетингу следовало бы отнести лишь ту разновидность территориального маркетинга, которую преимущественно органы местного самоуправления адресуют внутренним потребителям муниципального образования – гражданам и предприятиям. Но тогда возникает риск неоправданного сужения указанного понятия. Не учитывается, что вообще территориальный маркетинг крайне редко рассматривается в отрыве от работы органов муниципального управления, ведь именно их деятельность институционально основана на принципе территориальной ограниченности. Правовые акты при трактовке дефиниций «муниципальное образование» и «органы местного самоуправления» также акцентируют в них значение территориального аспекта.[3] Муниципальные органы и должностные лица наделены правами и обязанностями, несут ответственность за состояние дел на территории в целом, представляют ее в отношениях с субъектами, расположенными за границами курируемой местности. Из чего следует, что определение «муниципальный» по отношению к понятию «маркетинг» релевантно во всех случаях: при налаживании коммуникаций вовнутрь территории или за ее пределы, когда объектом внимания выступают локальные товары и услуги и (или) образ территории. При единственном условии, что эти коммуникации осуществляются целенаправленно по инициативе структур местной власти.

Кроме неразделимой связи с территориальным маркетингом, муниципальный маркетинг имеет и свою внутреннюю классификацию: маркетинг услуг (деятельность органов местного самоуправления связана с оказанием услуг), маркетинг организаций (муниципалитеты являются организациями и учредителями других организаций), маркетинг отдельных лиц (в деятельности органов местного самоуправления проявляют свои лидерские качества определенные должностные лица), маркетинг территории (муниципалитеты заинтересованы привлекать капиталы на территорию), маркетинг идей (муниципальным лидерам и организациям необходимо нести свои идеи в массы для получения и удержания местной власти)[4].

Муниципальный маркетинг в качестве комплекса теоретико-практических инструментов возник на стыке, казалось бы, изначально во многом антагонистических сфер: политики (в разрезе государственного и муниципального управления) и бизнеса. А в России противопоставление власти и бизнеса традиционно велико, так как на протяжении практически всего прошлого столетия рыночной экономике у нас места не было, зато монополизированная политическая власть имела в своем распоряжении такое количество ресурсов, которые позволяли государству занять положение «главного рулевого» социальных трансформаций. Таким образом, с одной стороны, муниципальный маркетинг возник на зыбкой почве противоречивых по сути направлений.

С другой стороны, при анализе понятия «муниципальный маркетинг» мы имеем дело с закономерным вектором развития неклассического и постнеклассического научных знаний. Неклассическое представление о действительности рассматривает ее как вероятностный мир, лишенный ясных детерминистских начал и состоящий из сложных саморегулирующихся систем. В этом мире появляется новый субъект, непосредственно включенный в познаваемую и преобразуемую им реальность, возникает плюрализм познавательных философско-методологических концепций и повышается роль междисциплинарных исследований. И под муниципальным маркетингом подразумевается именно междисциплинарная система взглядов и идей.

Зарождение этой системы в значительной степени созвучно актуальным научным тенденциям, бросающим вызов «узкодисциплинарным направлениям, барьерам между гуманитарным и естественнонаучным знанием».[5] Эти задачи призвана решать синергетика – наука, изучающая законы самоорганизующихся систем. Синергетика – есть один из ведущих мировоззренческих базисов постнеклассической социальной реальности. «По законам синергетики, малое возмущение в определенной точке может привести к возникновению новых структур, хотя большая сила ведет лишь к хаосу».[6] Сказанное по смыслу вполне соотносится с принципами «точечного» и при этом комплексного применения маркетинговых технологий.

Синергия – «совместное действие; взаимодействие различных потенций или видов энергий в целостном действии... В социологии – совместный труд во всех областях человеческой жизни как основа общности».[7] Синергетический эффект – это эффект взаимосвязи и взаимодействия. Синергизм – это эффект повышения результативности за счет использования взаимосвязи и взаимоусиления различных видов деятельности. Рабочая концепция синергизма была предложена в 1960-х годах для оценки взаимосвязи различных видов деятельности внутри какой-либо фирмы. По первоначальному замыслу, эта концепция представляла собой переход от принципа экономии, достигаемой за счет масштабов производства, к более широкому принципу стратегической экономии, источником которой является взаимная поддержка различных сфер деятельности или хозяйствования.

Иначе говоря, преимущество синергии заключено в формуле «2+2=5». Приоритетной целью муниципального маркетинга является достижение аналогичного эффекта за счет налаживания органами местного самоуправления непрерывных маркетинговых коммуникаций с субъектами социально-экономической и политической деятельности. «Перед российскими муниципалитетами стоит труднейшая задача выбора стратегии развития и разработки комплекса мер по ее реализации. Для этого просто необходимо определиться с выбором методологии. И достоинство синергетической парадигмы не в том, что она говорит известные вещи, используя иной терминологический аппарат, а в том, что ее использование приводит к, в общем-то, небанальным выводам».[8] Результативность таких выводов прямо пропорциональна нахождению от-

вета на вопрос: каких участников и в каких формах целесообразно объединять в синергетическое сотрудничество на основе принципов муниципального маркетинга, чтобы динамика развития территории обрела уверенный позитивный тренд?

Однако сначала уместно уточнить: первичное звено теории маркетинга – организация и проведение маркетинговых исследований. Валидность исследований, достоверность получаемых результатов впоследствии ложатся в основу маркетинговой стратегии и плана ее реализации. Сегодня во многих муниципальных образованиях практикуются регулярные опросы общественного мнения, более глубокие социологические исследования. Хотя излишний (особенно, непрофессиональный!) интерес к социологическим срезам выводит из поля внимания специалистов муниципальных органов другие источники репрезентативной информации о муниципальном образовании. Имеются в виду статистические данные, получаемые официальными способами. Низкое внимание к таким сведениям можно объяснить тем, что органы государственной статистики осуществляют свою деятельность по своим централизованным ведомственным правилам, которые шаблонны и не адаптированы к специфике конкретного муниципального образования. Закономерно, что часть исследователей ставят вопрос о формировании муниципальной статистики с правом муниципалитетов самостоятельно устанавливать наблюдаемые показатели. «Система показателей муниципальной статистики разрабатывается с учетом особенностей местного сообщества как объекта статистического изучения и задач, которые ставит практика управления муниципальной территорией... Система показателей муниципальной статистики должна включать относительно небольшое число показателей, но в то же время оно должно быть достаточным для глубокого изучения муниципальной территории, для проведения сравнительного анализа и управления муниципальным образованием».[9] Статистические данные, как минимум, могут сыграть роль качественного материала для построения гипотез маркетинговых исследований в муниципальном маркетинге либо вовсе – аналога результатов таких исследований.

Что касается муниципального маркетинга внутри территории, то маркетинговые технологии продвижения управленческих решений и удовлетворения потребительских нужд имеют актуальное значение в коммуникативной системе местного самоуправления. При этом муниципальное образование выступает в роли корпорации: «Стратегическое направление всего территориального маркетинга – маркетинг нового имиджа. Поняв новую уральскую идею, уральский брэнд, менеджмент корпорации в первую очередь должен донести его до населения».[10] Реализация такого подхода может стать составляющей формирования атмосферы социального оптимизма в муниципальном образовании. Более того, ясно выраженная миссия территории задает стратегический ориентир ее пространственному развитию. Населению, локальным инвесторам становятся понятнее приоритеты и «точки роста», с которыми выгодно связывать свои планы и перспективы. В конечном итоге, опора на концепцию муниципального маркетинга предоставляет дополнительные преимущества для кластерного развития территории.

Для большинства муниципальных образований (особенно с учетом колоссального износа зданий и сооружений, инженерных сетей) на сегодняшний день актуальной задачей является разработка и претворение в жизнь крупных инфраструктурных проектов, которые неразрывно связаны с уровнем инвестиционной привлекательности территории. Как правило, к инфраструктурным проектам общетерриториального значения относится строительство дорог, газификация удаленной местности, обустройство инженерных коммуникаций для расширения девелоперами жилищного строительства, расширение спектра образовательных, информационных, консультационных услуг и ряд других. Чаще всего органам местного самоуправления, под эгидой которых и под ответственность которых происходит реализация указанных направлений, ограниченные бюджетные возможности не позволяют заполнить большое количество инфраструктурных «брешей» одновременно. Инструментарий муниципального маркетинга способствует преодолению проблемы дефицита внутренних инвестиционных ресурсов посредством нестандартного включения рекламно-просветительской и информационной составляющих. Муниципалитет с помощью такого инструментария доводит до активных субъектов хозяйствования внутри муниципального образования иллюстративные послания, чтобы убедить основных экономических игроков в необходимости сотрудничества «для пользы общей (и своей)», и обеспечивает оптимальные организационные формы этой ресурсной кооперации. Тем более, что действующее нормативно-правовое поле наделяет местное самоуправление вариативными механизмами организации своей деятельности. На фактах остановимся подробнее – эмпирический «уклон» в муниципальном маркетинге побуждает к апостериорному анализу.

Автор данной статьи не понаслышке знаком с конкретными примерами консолидации инвестиционной деятельности местных администраций с внутренними центрами экономической активности. В роли последних зачастую выступают градообразующие предприятия, поскольку до сих пор весьма сильна инерция советского периода, когда населенные пункты эволюционировали по схеме «город-завод». Так, например, в городе Верхняя Пышма Свердловской области градообразующим предприятием является ОАО «Уралэлектромедь», а в городе Новый Уренгой Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области – ООО «Уренгойгазпром» (примеры взяты автором не случайно: в обоих городах приходилось жить и работать, занимаясь реализацией медиа-проектов).

В муниципальном образовании «Верхняя Пышма» для маркетингового решения трудностей инфраструктурного развития муниципалитет не задействует какие-либо специфические формализованные каналы инвестиционной кооперации с градообразующим предприятием. Субъекты (местная администрация и АО «Уралэлектромедь») находят общий язык по вопросам обустройства территориального пространства, в основном, в рамках текущего пополнения доходной части муниципального бюджета налоговыми отчислениями крупнейшего металлургического предприятие.[11] Кроме того, само АО «Уралэлектромедь» выдвигает под свою ответственность отдельные социальные инициативы (возведение филиала УГТУ-УПИ,

Спортивно-оздоровительного комплекса, строительство жилья). Тогда как в муниципальном образовании «город Новый Уренгой» из-за того, что львиная доля инфраструктуры и жилья находится на балансе ООО «Уренгойгазпром» (их запланированная передача в ведение местной администрации чревата социальными катаклизмами), муниципальные власти и газодобытчики применяют иные варианты. В городе функционирует некоммерческая организация «Фонд развития города», призванная аккумулировать инвестиционные средства предприятий и местного бюджета для реализации проектов инфраструктурного развития (в частности, решения проблем водоочистки и ресурсоэнергосбережения, особенно актуальных для районов Крайнего Севера).[12]

Важно заметить, что эффективный менеджмент указанных направлений осложняется слабым регулированием обращения земельных ресурсов – основной ценности любого муниципального образования. «Для того чтобы вновь приобрести город – социальный институт, утерянный историей России, необходимо заново понять совокупность возможных связей такого института с землей. Частью эти связи некогда существовавшие, но утерянные, отчасти – не успевшие сложиться, но, судя по всемирному опыту, необходимые».[13]

Выявляя пути практического воплощения идей муниципального маркетинга, нельзя не сказать о местном политическом маркетинге, область конвергенции которого с муниципальным маркетингом довольно широка. Политические маркетологи разрабатывают новые технологии доставки мессиджей – посланий, выражающих те или иные политические идеи. В первую очередь, речь идет о доставке мессиджей избирателям в период предвыборных кампаний. Рассматривая функционирование местного самоуправления на определенной территории, важно учитывать, что осуществляющие его органы (должностные лица) в основе своей формируются посредством прямых выборов путем всеобщего тайного голосования. Но исключительно предвыборно-конъюнктурное использование технологий политического маркетинга в муниципальном управлении всецело не исчерпывает политическое звено муниципального маркетинга. Политический маркетинг может быть задействован в продвижении долгосрочных микрополитических проектов. Акцентировать внимание на этом теоретикам и практикам муниципальной службы следует в свете проходящей реформы местного самоуправления, когда динамика развития конкретной территории во многом будет зависеть от того, насколько ее жителями осознаны и приняты законодательно установленные перемены. Таким образом, муниципальный маркетинг служит прикладной основой в деле повышения общественной легитимности проводимых органами местного самоуправления преобразований.

[1] Вебер М. История хозяйства. Город. М., 2001. С. 335
[2] Панкрухин А.П. Муниципальное управление: маркетинг территорий. М., 2002. С. 5
[3] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 6 окт. 2003г. № 131-ФЗ. Статья 1.
[4] Васильев А.А. Муниципальное управление: Конспект лекций. Н. Новгород, 2000. С. 104
[5] Лесков С. Чего в науке больше – истины или нравственности? // Известия науки. 2004. 26 марта.
[6] Там же.
[7] Философский энциклопедический словарь. М, 1999.
[8] Старцев Ю., Иванов Е. Синергетические основы муниципального маркетинга // Городское управление. 2002, № 3. С. 27.
[9] Ловать Л. Государственная и муниципальная статистика: проблемы взаимодействия и перспективы развития // Муниципальная экономика. 2003. № 4. С. 8-9
[10] Пермяков О. Имидж – магнит капиталов // Эксперт-Урал. 2003. № 48. С. 44
[11] См.: Козицын А.А. Экономическая безопасность территории с градообразующим предприятием. Дис. канд. экон. наук. 08.00.04, 08.00.05. Екатеринбург , 2000.
[12] Бочаров А. Подчиняя общей логике // Деловой Ямал. 2003. № 5. С. 38
[13] Городская среда. Технология развития: настольная книга. // Академия городской среды. / Под ред. В.Л. Глазычева. М., 1995. С. 125.

С.Н. Березин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЕРАТОР

Березин Сергей Николаевич,
магистрант УрГУ

Термин «политический оператор» в политической аналитике возник в связи с принятием закона о федеральных партиях, согласно которому только федеральные партии и их блоки могут проводить по своим спискам депутатов в законодательные и представительные органы, как федерального уровня, так и уровня субъекта федерации и муниципалитета. Член СПС Борис Надеждин в интервью «Новой газете» заявил, что «большинство цивилизованных стран пришли к тому, что источником власти является народ, а его политическим оператором – политические партии» («Новая газета», 28 августа 2003). Политолог Михаил Афанасьев считает партии политическими операторами властных группировок, которые «получая финансирование от олигархов, торгуя своими брэндами, местами в списках и региональными структурами, обеспечивают «современные» формы конкуренции внутри российского правящего класса» («Эксперт», №34(389) от

15 сентября 2003). Эти два подхода показывают, что партия может быть политическим оператором как для элит, так и для населения.

Политический процесс можно представить как развертывание политики в пространстве и времени. Политика же представляет собой согласование интересов индивидов и групп в процессе выработки политического решения. Таким образом, политический процесс выступает в качестве воздействия среды на политическую систему через артикуляцию и агрегирование интересов индивидов и групп.

Отсюда, политический оператор можно определить как функциональную единицу политического процесса, посредством которой политические игроки принимают участие в политическом процессе. Или, *политический оператор – это участник политического процесса, определенный законом и политической культурой, опосредующий участие индивидов и групп в политической жизни общества*.

Здесь можно говорить о двойном опосредовании. С одной стороны, политический оператор опосредует участие не-элит в политике, с другой, элиты могут использовать его как проводника своих властных интересов. Например, «Единая Россия», выступая политическим оператором определнной части населения, голосуя за законопроект о монетизации льгот, выступила политическим оператором властной группировки, пролоббировавшей этот законопроект, но никак не людей, голосовавших за эту партию. В этой ситуации политическими операторами противников этого законопроекта выступили профсоюзы, устроившие многочисленные акции протеста по всей стране, что повлияло на итоговую формулировку закона в аспекте увеличения компенсационных выплат.

Региональные общественно-политические движения теперь не могут принимать участие в выборах. В Свердловской области, например, это движение Э.Росселя «Преображение Урала» и движение А.Чернецкого «Наш дом – наш город» (НДНГ). Тут и встает вопрос о выборе политического оператора, обеспечивающего возможность участия в такой форме политического процесса, как выборы. Белым Домом была использована партия «Единая Россия» в качестве политического оператора. Для Серого Дома работа по поиску оператора оказалась проваленной. Выбранный в качестве политического оператора блок «Союз бюджетников Урала» во главе с А.Бурковым получил всего одно место из 14. Хотя победа «Единой России» – это общероссийская тенденция.

Как уже было показано, политические операторы – это не только партии, это также могут быть и группы интересов. За примером обратимся к выборам мэра Екатеринбурга 2003 года. А.Чернецкий и Ю.Осинцев на начальном этапе выборов обратились именно к таким операторам. За участие А.Чернецкого в выборах мэра «высказывались» и учителя, и ветераны, и директора предприятий. Поддержка осуществлялась в форме собраний. За выдвижение Ю.Осинцева «высказались» рабочие Уралмашзавода, где он когда-то работал. Затем Юрий Валерьевич заручился поддержкой такого политического оператора, как «Единая Россия». Доверие ему было оказано руководством регионального отделения партии. Интересно, что А.Чернецкий воспользовался этим же политическим оператором. Его поддержала часть депутатов Гордумы Екатеринбурга и Облдумы от «Единой России». Справедливости ради нужно отметить, что ни один из отмеченных выше кандидатов не был выдвинут партией (ни один из них не заручился поддержкой партии к началу выдвижения), но использование оператора на лицо.

Использование термина «политический оператор» позволяет говорить о программировании политического процесса. Это прекрасно иллюстрируют обозначенные выше примеры, связанные с выборами мэра Екатеринбурга. Было выбрано 2 типа политических операторов – группы интересов и партии, через которые программировалась артикуляция и агрегирование индивидуальных и групповых интересов. Нужно отметить один очевидный момент, чтобы использовать политический оператор в своих целях, элитам необходимо иметь влияние на его организационную структуру либо ее части.

Недавние инициативы В.Путина по изменению системы формирования исполнительной власти регионов можно рассматривать в этом же ключе. Бесспорно, что здесь политическими операторами выступят федеральные партии. Благодаря партийной дисциплине контролировать законодательные органы, а, следовательно, и избрание глав регионов можно будет из Москвы. Таким образом, партии – политические операторы выступят в качестве проводников воли Кремля.

ЦЕННОСТИ ВОСТОКА ИЛИ ЛОГИКА ЗАПАДА?

В.О. Лобовиков

ЛОГИЧЕСКИ ПРОТИВОРЕЧИТ ЛИ САМ СЕБЕ РАБ БОЖИЙ ЛЕВИЙ МАТВЕЙ, УТВЕРЖДАЯ, ЧТО ОН НЕ РАБ?

(АЛГЕБРА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА КАК СРЕДСТВО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЛОГИЧЕСКОЙ НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОЛОГИИ)

Владимир Олегович Лобовиков,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
ИФиП УрО РАН

Строго говоря, альтернатива «ценности Востока или логика Запада» абсурдна в отношении христианства, представляющего собой своеобразный синтез упомянутых компонентов. Вообще относить логику к западной цивилизации, а ценности – к восточной неверно. И, тем не менее, в некоторых частных случаях, на некоторых конкретно-исторических этапах развития человечества пропорции (указанных компонентов) и акценты (доминанты) могут образовывать некоторую (случайную, временную) тенденцию. Именно такого рода преходящую культурно-историческую тенденцию и представляет собой, на мой взгляд, альтернатива «ценности Востока или логика Запада». По моему мнению, знаменитый принцип взаимной автономии оценок и фактов, т.е. аксиологии и логики, не означает необходимость взаимной автономии культур Востока и Запада. Эти культуры глубоко взаимопроникают друг в друга, образуя человеческую цивилизацию как единую систему. Противопоставление логики и ценности преодолевается в идее ценности логики и в системах логики ценностей. Однако этой явной тенденции к общечеловеческому (общекультурному) синтезу нередко противостоят контр-тенденции типа альтернативы «ценности Востока или логика Запада?». Эти контр-тенденции тоже существуют реально, и, значит, могут быть объектом научного анализа. Именно такого рода анализом мы и займемся в данной статье. Абстрактным объектом исследования будет расщепление единой культуры человечества на части, например, логическую и аксиологическую, научную и религиозную, западную и восточную (и абсолютное противопоставление их друг другу, доходящее до антагонизма). Конкретным объектом исследования будет вопрос: «Логически противоречит ли сам себе раб Божий Левий Матвей, утверждая, что он не раб?». Этот отнюдь не простой вопрос расщепляет единую культуру человечества на упомянутые выше части так, что для обратного воссоединения их в систему необходимо серьезное научно-теоретическое исследование. Прежде чем мы начнем его, рассмотрим следующую, цитату из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова:

- Я не буду с тобой спорить, старый софист, – ответил Левий Матвей.

- Ты и не можешь со мной спорить, по той причине, о которой я уже упомянул: ты глуп, – ответил Воланд и спросил: – Ну, говори кратко, не утомляя меня, зачем появился?

- Он прислал меня.

- Что же он велел передать тебе, раб?

- Я не раб, – все более озлобляясь, ответил Левий Матвей, – я его ученик.

- Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, – отозвался Воланд, – но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются [1, с. 350].

Воланд здесь дьявольски точно подмечает, что проблема взаимопонимания (точнее, взаимонепонимания) в данном вопросе является лингвистической. Я бы даже усилил это, назвав ее логико-лингвистической. Естественный язык постоянно вводит нас в опасные заблуждения. Одним из эффективных средств борьбы с такой опасностью служит логический анализ естественного языка, систематически использующий искусственные языки и методы современной символической логики. В данной работе мы как раз и применим математический аппарат элементарной логики для прояснения и разрешения вопроса, помещенного в заглавии.

С некоторой точки зрения совершенно ясно, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Почему? Потому, что словосочетание «Раб Божий» имеет в христианской теологии положительное нравственное значение, а слово «раб», взятое само по себе, выражает в обычном естественном языке отрицательную нравственную оценку, а именно, противопоставление такой положительной ценности как «свободный». Проблема заключается в том, что, если подвергнуть христианскую теологию формально-

логическому анализу, то у некоторых людей возникает устойчивое иллюзорное ощущение ее формально-логической противоречивости. Для искренне верующего христианина ясно, что это впечатление – иллюзия. Но как ее рассеять, как убедить неверующих в том, что на самом-то деле логического противоречия нет? Да и для верующего проблема вполне актуальна, если он не пренебрегает логикой как учением об истине. Актуальность проблемы заключается в необходимости поиска рационального выхода из следующего затруднительного положения. Согласно логике, раб Божий есть раб (разновидность раба), т.е. не свободный, но, согласно христианской религии, человек имеет истинную свободу именно как раб Божий и, следовательно, он не есть раб, а есть существо свободное, так как раб Божий является свободным именно потому, что он – раб Божий. Получается якобы логическое противоречие (ощущение путаницы). Оставаясь в рамках интуиции, житейского «здравого смысла» и естественного языка, преодолеть эту «путаницу», не отрекаясь от логики (ведь логика – учение об истине, а Истина – одно из имен Бога), очень трудно, практически невозможно, что отнюдь не способствует торжеству христианской религии, а наоборот, создает для этого преграду.

Поэтому, на мой взгляд, очень важным является то, что алгебра поступков (алгебра естественного права) дает возможность строго обосновать на уровне искусственного языка математической модели ригористической нравственности тезис о логической непротиворечивости христианского учения о рабах Божьих как о свободных существах. Чтобы убедительно продемонстрировать сказанное, определим некоторые основные понятия алгебры поступков. Эта алгебра точно определена и подробно рассмотрена в монографии [2]. В данной небольшой работе мы ограничимся лишь несколькими абсолютно необходимыми дефинициями. Алгебра поступков (или, что то же самое, алгебра естественного права) – дискретная математическая модель формальной этики и юриспруденции. Она исследует *ценностные функции*, имеющие множество {x, п} в качестве областей своего определения и изменения. Символы x и п обозначают, соответственно, *ценностные (или оценочные) значения*: «хорошо»; «плохо».

Введем в язык алгебры поступков следующие унарные морально-правовые операции (ценностные функции от одной переменной – a, принимающей значения из множества {x, п}): La – «свобода (для) a»; Fa – «свобода (от) a»; Sa – «рабство (чье) a»; Pa – «рабство перед (кем, чем) a»; Ca – «служение (кому, чему) a»; Ya – «служение (чье) a»; Эa – «раб (кто) a»; Ka – «раб (кого, чего) a»; Za – «слуга (кто) a»; Ma – «слуга (кого, чего) a»; Ga – «господин (кто) a»; Ha – «господин (кого, чего) a»; Oa – «господство (чье) a»; Ча – «господство над (кем, чем) a»; Ba – «власть (чья) a»; Ra – «власть над (кем, чем) a»; Ea – «владение (чье) a»; Да – «владение (чем, кем) a»; Иa – «имение (чье) a»; Ua – «имение (чего) a»; Aa – «собственность (чья) a»; Za – «собственность на (что) a»; Va – «распоряжение (чем) a»; Яa – «распоряжение (чье) a»; Ба – «Бог (кого, чего, чей) a»; Та – «бытие (чего, кого) a»; Na – «небытие (чего, кого) a»; Wa – «противоположность (чему) a»; Ха – «разрушение, уничтожение (чего, кого) a»; Ja – «счастье, блаженство, наслаждение (чье) a». Ценностно-функциональный смысл перечисленных выше операций определяется в алгебре поступков следующей ниже таблицей, состоящей из 3 частей (*см. таблицу*).

Пусть символ «a=+=в» обозначает отношение «морально-правовые формы a и в формально-этически равноценны». По определению, a=+=в истинно, если и только если морально-правовые формы a и в имеют одинаковые оценочные значения при любой возможной комбинации оценочных значений нравственных переменных, входящих в эти формы. При этом отношение «=+=» выражается в естественном языке связкой «есть». В результате слово «есть» оказывается омонимом, ибо от традиционного (логического) значения этого слова аксиологическое отношение «=+=» принципиально отличается. Игнорирование этого отличия чревато недоразумениями (иллюзиями парадоксов).

Согласно построенной математической модели, «путаница» (иллюзия парадокса) неизбежно возникает тогда, когда абсолютно отождествляются аксиологически противоположные понятия (ценностные функции) внутри следующих пар концептов: 1) «свобода (для) a» и «свобода от a»; 2) «рабство (чье, кого) a» и «рабство перед (кем) a»; 3) «служение (кому, чему) a» и «служение (чье, кого) a»; 4) «раб (кто) a» и «раб (кого, чего) a»; 5) «слуга (кто) a» и «слуга (кого, чего) a»; 6) «господин (кто) a» и «господин (кого, чего) a»; 7) «господство (чье) a» и «господство над (кем, чем) a»; «власть (чья) a» и «власть над (кем, чем) a»; 8) «владение (чье) a» и «владение (чем) a». Внимательно изучив приведенную выше таблицу, нетрудно заметить, что элементы пар 1)-8) суть противоположные друг другу ценностные функции. Согласно рассматриваемой математической модели естественного права, оказываются совершенно обоснованными следующие формально-аксиологические уравнения (справа от каждого уравнения дается его перевод на естественный русский язык):

1. PБa=+=NSa: рабство перед Богом (чьим) a есть небытие (отсутствие) рабства (чьего) a.
2. PБa=+=WSa: рабство перед Богом (чьим) a есть противоположность рабству (чьему) a.
3. PБa=+=La: рабство перед Богом (чьим) a есть свобода (для) a.
4. PБa=+=Ja: рабство перед Богом (чьим) a есть счастье, блаженство (чье) a.
5. FБa=+=NJa: свобода от Бога (чьего) a есть несчастье (чье) a.
6. FБa=+=Sa: свобода от Бога (чьего) a есть рабство (чье) a.

Если элементы внутри упомянутых выше пар понятий 1)-8) абсолютно отождествить, а слово «есть» истолковать как общеизвестную логическую связку, то уравнения 1-3 предстанут как явное безумие, как бред, как циничное попрание элементарных логических норм. Некоторым кажется, что единственно возможным выходом из такого положения является противопоставление логики и веры, ведущее к отказу от логики. Ярким примером такого отношения является сентенция Тертуллиана (между прочим, еретика): «Верую потому, что нелепо». Однако, в сущности, логика и вера едины. Истинная вера логична,

Часть 1

a	La	Fa	Sa	Pa	Ca	Ya	Эа	Ka	За	Ma
x	x	п	п	x	x	п	п	x	п	x
п	п	x	x	п	п	x	x	п	x	п

Часть 2

a	Га	На	Оа	Ча	Ва	Ra	Еа	Да	Иа	Ua
x	x	п	x	п	x	п	x	п	x	п
п	п	x	п	x	п	x	п	x	п	x

Часть 3

a	Аа	Za	Va	Яа	Ба	Та	Na	Wa	Ха	Ja
x	x	п	п	x	x	x	п	п	п	x
п	п	x	x	п	п	п	x	x	x	п

безупречная логика не может ей противоречить. Следовательно, логика рассуждений, ведущих к ощущению логической противоречивости истинной веры, не является безупречной. Значит, долг искренне верующего – вскрыть недостатки такого рода рассуждений и убедительно продемонстрировать их, эффективно защищая тем самым свою веру. Возможности для этого, на мой взгляд, существуют. Так, например, если в переводе обсуждаемых уравнений 1-3 на русский язык значением слова-омонима «есть» сделать не обычную логическую связку субъекта и предиката в простом атрибутивном суждении, а определенное выше отношение формально-аксиологической эквивалентности «=+=», и ценностные функции внутри пар 1)-8) систематически различать, определяя их согласно приведенной выше ценностной таблице, то переводы уравнений 1-3 на русский язык окажутся не нелепыми (алогичными) словосочетаниями, а вполне естественными и логичными утверждениями о религиозных ценностях. Тем самым, искусственный язык алгебры естественного права (в сочетании с логическим анализом естественного языка богословия) демонстрирует свою ценность, как для философской теологии, так и для религиозной практики.

Раб Божий Левий Матвей абсолютно прав, утверждая: «Я не раб». Это его утверждение (и убеждение) находится в полном соответствии с обсуждаемой математической моделью, а именно, с приведенным выше формально-аксиологическим уравнением №1. Стратегия дьявольской хитрости старого софиста Воланда базируется на лингвопсихологически незаметной, на логически незаконной (жульнической) подмене значений слова-омонима «есть». Левий Матвей использует этот омоним в значении «=+=», а Воланд использует его в значении логической связки и пытается создать впечатление, что Раб Божий Левий Матвей абсолютно алогичен (глуп), утверждая: «Я не раб». К сожалению, многие читатели романа «Мастер и Маргарита», уважающие логику, становятся жертвой Воланда, полагая, что именно он логичен, а Левий Матвей – поразительно алогичен (глуп). В данной связи ценность алгебры естественного права заключается в предоставлении эффективных средств (для) разрешения такого рода недоразумений – иллюзий формально-логической противоречивости христианского учения. Как было показано выше на уровне модели, эти логико-лингвистические иллюзии возникают из-за недопустимого смешения различных значений слова «есть» (формально-логической связки и формально-аксиологического отношения тождества «=+=»). Неудивительно, что «старый софист» систематически пользуется такого рода недопустимыми средствами. Но истинно верующий должен не дать себя обмануть, и в этом ему может очень помочь рассмотренная в данной работе математическая модель естественного права (алгебра поступков).

[1] Булгаков М. Мастер и Маргарита // Собр. соч. в 5 т. М.: Худож. лит. Т.5, 1990.

[2] Лобовиков В.О. Естественное право: современная теория, и ее приложение к экономике. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2003.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСОЛОГИЯ

О.Ф.Русакова

Внедрение сравнительно новых приемов исследования в методологический инструментарий определенной области знания нередко приводит к оформлению новой научной дисциплины. Именно такого рода процесс, на наш взгляд, сегодня происходит в зоне политических исследований, где все более активно начинает применяться метод дискурс-анализа.

Сегодня стало привычным оперирование такими понятиями, как «политический дискурс», «дискурс власти», «дискурс либерализма», «националистический дискурс», «парламентский дискурс», «дискурс президента» и т.п. В Росси и за рубежом стремительно разрастается число работ, посвященных истории и теории дискурс-анализа, его применению в различных гуманитарных и социально-политических исследованиях.[1]

В настоящее время уже существует довольно многочисленный круг исследователей, который специализируется на проблемах дискурс-анализа в политических науках. Значительная часть этих специалистов приняла участие в работе следующих конференций: 1) Генеральная конференция Европейского Центра политических исследований (ECPR), состоявшаяся в 2001 г. в г.Кентербери, в рамках которой работала секция «Теория дискурса и политический анализ» (Discourse Theory and Political Analysis), организованная известным специалистом в области политического дискурс-анализа Дэвидом Ховардом; 2) Третий Всероссийский Конгресс политологов, где работала секция «Дискурс-анализ политических процессов» под руководством главного редактора журнала «Полис» Михаила Васильевича Ильина (Москва, 28-29 мая 2003 г.).

В регионах России действуют научные школы, специализирующиеся на проблемах дискурс-анализа в политических и гуманитарных исследованиях. Так, на базе Института философии и права УрО РАН создана научная школа, занимающаяся методологией дискурс-анализа в социально-политических науках, члены которой в 2004 г. подготовили к изданию книгу под названием «Многообразие политического дискурса». В данном коллективном труде рассматриваются как теоретико-методологические проблемы изучения политического дискурса, так и разнообразие его феноменологических форм. Вот некоторые темы публикаций: структура дискурса политической науки, визуальная метафора в социально-политическом дискурсе, символика политического дискурса, дискурс и политическая ментальность, дискурс тоталитаризма, информационная революция как результат взаимодействия дискурсивных практик, социальная деструкция в дискурсе электоральных технологий, дискурсивное искусство в сфере политического маркетинга и др.

В Москве, Санкт-Петербурге, Казани и других городах страны работают специалисты, занимающиеся разработкой теоретико-категориального аппарата политической лингвистики[2], которая является одной из современных отраслей политической науки, чья предметная область входит в качестве составной части в предметную зону политической дискурсологии.

Становление предметной области политической дискурсологии предполагает глубокую проработку ее категориального аппарата и прежде всего – раскрытие категориального содержания понятия «политический дискурс». Для этого требуется дать вразумительный ответ на целый ряд вопросов: Как соотносятся друг с другом дискурс и политический дискурс? Какова структура политического дискурса? Каковы специфические формы и виды политических дискурсов?

Отвечая на первый вопрос, совершим краткий экскурс в историю трактовки термина «дискурс». Одним из первых понятие «дискурс» ввел в обиход бельгийский лингвист Э.Бюиссанс в работе под заголовком «Язык и дискурс», опубликованной в Брюсселе в 1943 г. В бинарную оппозицию язык/речь Бюиссанс ввел третий член – дискурс, под которым подразумевался механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь. В целом же в лингвистике вплоть до 70-х гг. прошлого столетия дискурс отождествлялся с текстом, письмом, высказыванием.

В 50-60-х гг., благодаря работам структуралистов, было расширено представление об языке, под которым стали понимать любую знаковую систему. Возникла новая наука – семиотика, в рамках которой появилось представление о дискурсе как структурированной знаковой системе, пронизывающей все сферы культуры. В работах Р.Барта и У.Эко, Ю.Лотмана рассматривается широкий спектр вневербальных социокультурных дискурсов – дискурсы мифа, моды, пищи, изобразительного искусства, архитектуры, кинематографа, телевидения и т.п.

Примерно в эти же годы складывается коммуникативная концепция дискурса. Впервые она была сформулирована Ю.Хабермасом, который под

дискурсом понимал коммуникацию особого рода – диалог, основная цель которого – достижение взаимопонимания. С дискурсом Хабермас также связывал критическое рассмотрение ценностей, норм и правил общественной жизни.

Коммуникативный подход к осмыслению сущности дискурса становится распространенным и в различного рода лингвистиках – когнитивной лингвистике, психолингвистике, социолингвистике и т.п. В современной психолингвистике под дискурсом понимается сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие (Т.А. ван Дейк, А.Е.Кибрик, В.В.Красных и др.). Под дискурсом понимается коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст. Сходное представление о дискурсе существует в современной психологии, которая определяет дискурс как социальную интерактивную деятельность (Д.Эдвардс, Дж.Поттер и др.).[3] Под дискурсом в психолингвистике понимается как процесс речемыслительной деятельности, так и его вербализированные продукты – тексты, обладающие как лингвистическими, так и внелингвистическими планами. Основная функция дискурса – обеспечение коммуникации.

М.Фуко внес в представление о дискурсе новый важный акцент, связанный с выявлением его властной функции. В любом дискурсе, по Фуко, обитает принудительная сила. Предметом исследований Фуко стали разнообразные дискурсивные практики как диспозитивы власти, воли. Дискурсы детерминируют способы атрикуляции волевых импульсов, желаний, придают формы содержанию сознания, мыслей, представлений, переживаний. Эту же мысль можно обнаружить у Р.Барта, который утверждает, что власть гнездится в любом дискурсе.

Сегодня изучение дискурсов предполагает раскрытие их коммуникативных интенций, явных и скрытых смыслов, текстов, контекстов и подтекстов. Отсюда – представление о дискурсе как *сложноструктурированной системе, формирующей смысло-силовое коммуникативное поле, обладающее несколькими планами: 1) план интенциональный, 2) актуальный план или политический перформанс, 3) виртуальный (идеальный план, 4) контекстуальный план.*

Интенциональный план дискурса включает: целедостижительный проект или замысел, предваряющий непосредственную коммуникацию (идея, миссия, стратегия, сценарий, драматургия, установление повестки дня, конструирование имиджа, ситуации общения, информационного повода, мобилизация ресурсов, ожидания, прогнозы и т.п.). Все это содержится в скрытом виде в актуализированном плане дискурса.

Актуальный план дискурса – это процессуальный коммуникативный акт, непосредственная дискурсивная (языковая) практика, во время которой осуществляется видимый и невидимый контакт между участниками коммуникации, декодируются языковые знаки, представленные в самых различных формах (тексты, речи, символы, индексы, звуки, цвет, жесты, позы, дизайн, интерьер и др.).

Актуальный план – это перформанс дискурсивного замысла, его воплощение. Во время перформанса происходит включение следующих властно-энергетических свойств дискурса:

- *вовлечение* целевой аудитории в коммуникацию, овладение ее вниманием,
- *заражение* адресной аудитории определенными идеями и чувствами: внушение, программирование (суггестивный эффект)
- *провокация ответной реакции.*

Например, актуальный план дискурса политической демонстрации предполагает определенное построение колонн, их рекламное офрмление (транспаранты, плакаты, одежда участников с символикой, отражающей основную идею демонстрантов, хоровое скандирование, пение, публичные жесты протеста (к примеру, сожжение символического образа противника) и др.

Актуальный план любого политического дискурса – это своеобразный *спектакль*, для постановки которого нужны свои продюсеры, режиссеры, актеры и зрители. Успех политического спектакля зависит от таланта режиссеров и актеров, а также от способности зрителей испытывать сочувствие к изображаемому действию или *политический саспенс.*

Виртуальный план политического дискурса – это его ментальные пласты. Внутреннюю структуру виртуального плана можно представить в виде когнитивной решетки или ментальные карты действительности. Своими корнями ментальные структуры дискурса уходят в коллективный исторический и социально-психологический опыт, культурные традиции. В самой глубине ментальных пластов – архетипы сознания, мифологемы, опыт и социальная память поколений, «коллективная душа», креативность, пассионарность, иррациональные чувства и образы, волевые импульсы, подсознательные фобии, интуиция.

Воля к власти в ницшеанском ее понимании, властвование как искушение и как страсть, другие эмоциональные составляющие политической коммуникации входят в ментальный план политического дискурса.

Виртуальный план дискурса политической теории или концепции также имеет сложную ментальную структуру, которая, как нам представляется, включает следующие основные компоненты: 1) тип рациональности (классический, неклассический, постнеклассический), 2) мировоззренческая установка (ментальная карта мира), 3) парадигматика идеологических установок (исходные идеи и системы ценностей), 4) языковой код (профессиональная терминология), 5) интеллектуальный багаж, научный и жизненный опыт автора.

С помощью процедур контент-анализа и дискурс-анализа текстовых репрезентаций политических теорий осуществляется реконструкция основных ментальных структур политического дискурса, характерного для того или иного типа политического и научного мышления. К примеру, дискурс-анализ текстов Ф.Ницше и О.Шпенглера акцентирует внимание на таких характерных чертах неклассического типа мышления как: 1) критика трансцендентных форм монизма, 2) отход от установок логоцентризма, 2) переоценка христианской и буржуазно-либеральной систем ценностей с позиции органицизма, 3) приоритет Воли и Чувств над Разумом.

Существует точка зрения, что любой дискурс, включенный в социальную коммуникацию, явля-

ется политическим, поскольку коммуникация есть столкновение или согласование интересов. Наряду с такой расширенной трактовкой политического дискурса существует и другая, принимающая во внимание представление о политике как особой сфере человеческой деятельности, а также учитывающая наличие такой отрасли научных исследований, как политическая наука или политология.

В узком смысле слова политический дискурс можно определить как такое коммуникативное поле, где все его структурные компоненты содержат политические смыслы. Под политическими смыслами нами понимаются:1) политические интенции (все, что связано со стремлением к политической власти); 2)смысловые коды политических практик и жанров (дипломатический прием, предвыборные и парламентские дебаты, встречи с избирателями и доверенными лицами, государственные праздники, митинги протеста, президентские послания, партийные программы, лозунги, политические карикатуры и фельетоны и т.д.).

Проиллюстрируем некоторые процедуры дискурс-анализа на примере декодирования такого политического дискурса, как ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2000-2004 гг. При этом несколько сузим предмет исследования, поставив задачу анализа конституционного дискурса президента, манифестируемого в данных посланиях, т.е. речь пойдет о таком явлении, как «дискурс в дискурсе».

Дискурс-анализ президентских посланий предполагает решение следующих задач: 1) выявление уникального политического предложения (УПП), адресованного различным группам населения; 2) анализ понятийно-категориального аппарата репертуара официальной политической риторики; 3) анализ структуры и комбинаторики сюжетных линий посланий с целью установления приоритетных установок политической повестки дня; 4) выявление драматургических характеристик властного видения процесса разворачивания политических событий; 5) тропологический анализ текста посланий; 6) раскрытие идеологических интенций; 7) анализ стратегии аргументации и др.

Остановимся на последней из названных задач – стратегии аргументации. В силу жанровых особенностей одной из ключевых стратегий аргументации президентского послания является акцентация статуса президента как гаранта Конституции. Выбор конституционных сюжетов очередного послания, как правило, детерминирован следующими основными факторами: официально-нормативным социальным идеалом, отвечающим потребностям исторического момента; характером угроз, которые, по мнению власти, стоят на пути реализации данного идеала; запросами и политическими ожиданиями общественности страны, в ответ на которые формулируются политические задачи, устанавливается политическая повестка дня.

Сравнительный анализ дискурсов президентских посланий 2002, 2003 и 2004 гг. показал усиление демократической риторики, чаще стали произноситься такие слова и выражения, как «права человека», «гражданское общество». Однако данный факт свидетельствует скорее не о демократизации реального политического режима, а о необходимости демократического прикрытия непопулярных в демократических кругах властных решений.

Произошли определенные изменения в комбинаторике и дидактических установках сюжетных линий. В послании 2002 года они группируются по принципу вычленения основных угроз, в послании 2003 г. сюжетные линии выстраиваются в соответствии с задаваемыми стратегическими целями, а в послании 2004 г. доминирует проблемный принцип изложения основных задач.

В посланиях 2003 г. и 2004 г., по сравнению с предыдущими, была значительно расширена адресная аудитория. Наряду с такими традиционными аудиториями, как госслужащие, военные, политики, лидеры политических партий, руководители субъектов Федерации, бюджетники, предприниматели, в число адресатов были включены мигранты без гражданства, студенты, призывники, политтехнологи, лидеры общественных объединений. В послании 2004 г. впервые прозвучала критика в адрес ряда гражданских союзов и институтов, в частности – правозащитных[4].

Самой востребованной адресной аудиторией президентских посланий 2003 и 2004 гг. стали патриотически настроенные граждане и великодержавные государственники. В дискурсе последних посланий идея реставрации России как могущественного и централизованного государства пронизывает почти все сюжетные линии. Великодержавный дискурс при этом монтируется с либерально-демократическим через такие категории, как «модернизация», «конкурентный капитал», «правовое государство», «гражданское общество».

[1] См.: Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа// Политическая наука. 2002, № 3; Красных В.В. «свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003; Массовая культура на рубеже XX-XX1 веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов. М., 2003, Многообразие политического дискурса; Екатеринбург, 2004; Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004; Dijk T.A van. 1998 a. What is Political Discourse Anayisis? – Blommaert J., Bulcaen C. (eds.) Political Linguistics. Amsterdam; Torfing. 1999a. New Theories of Discourse, Oxford, Blackwell; Gottweis H. And Wagenaar H. Policy, Discourse and Institutional Reform. Grenoble, 2001; Howarth, D.and Torfing, J. (2003), Discourse Theory in European Politics ,London, Palgrave; Discourse Analysis and Political Science // European Political Science. Autumn. 2002, 2.1 и др.

[2] См.: Ле Э. Лингвистический анализ политического дискурса: язык статей о чеченской войне в американской прессе // Полис, 2001, № 2;Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина // Политические науки. 2002, № 3; Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика: становление понятийного аппартата // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2004, № 3; Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис, 2004, № 2 и др.

[3] См.: В.В.Красных. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М., 2001. С. 199-201.

[4] См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации – Известия, 27 мая 2004 г.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ

О.Г. Дука

Олег Геннадьевич Дука,
доктор политических наук, профессор
Омского юридического института

Среди современных вариантов понимания политики находит поддержку взгляд на политику как на многоаспектное явление, имеющее сложную онтологическую структуру. Такой подход представляется перспективным в научном плане, поскольку позволяет избавиться от многих теоретических проблем, неразрешимых в рамках концептов понимания политической реальности, конструируемых на основе не общетеоретического политологического знания, а различных социокультурных, идеологических ориентаций.

Целостное изучение политики может быть обосновано в рамках интегральной смысловой концепции политики, предполагающей привлечение в целях всестороннего политологического познания различных методологических подходов, среди которых особо следует выделить семиотику, герменевтику, кибернетику, когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, теорию коммуникации, теорию политического дискурса, имеющих целый ряд комплиментарных друг другу методологических идей. Основной идеей, связывающей воедино все выше названные подходы, является идея многоуровневого смыслового поля политической науки, каждый уровень которого онтологически автономен и изучается посредством специального когнитивного аппарата.

В содержательном отношении понятию смыслового поля наиболее близким является понятие смыслового пространства. Оба понятия применяются для обозначения совокупности смысловых единиц (идей, категорий, понятий, образов). Но если понятие смыслового пространства является статической характеристикой этой совокупности, то понятие смыслового поля – его динамической характеристикой. Смысловое поле – это саморазвивающееся смысловое пространство. Если структура смыслового пространства – сетевая, носящая многоцентровый характер, то структура смыслового поля – централизованная. Как и структура физического поля, она имеет четко выделенный центр и размытую, с неясными контурами границ периферию.

Соотношение понятий «смысловое поле» и «смысловое пространство» – это соотношение части и целого: всякое смысловое поле есть смысловое пространство, но не всякое смысловое пространство есть смысловое поле. В одном смысловом пространстве может находиться несколько смысловых полей.

Структуроформирующим фактором смыслового поля является процесс смыслообразования: смысловое поле – это смысловое пространство, изменяющееся под влиянием процесса смыслообразования. Смысловое поле – это все компоненты смыслового пространства, так или иначе ему способствующие. Важнейшие структурные компоненты поля упорядочены в соответствии с их ролью в процессе смыслообразования.

Процесс смыслообразования носит спонтанный и непрерывный характер. Вновь появившиеся смыслы вступают во взаимодействие друг с другом, со старыми смыслами и образуют *смысловые структуры*. Наряду с изменчивыми, ситуативными смысловыми образованиями в архитектонике смыслового поля выделяются относительно устойчивые ее фрагменты – *фракталы*. Это архетипы, фундаментальные смысловые образы, категориальные системы, концептуальные схемы и пр.

В функциональном отношении фракталы играют роль наиболее вероятных, регулярно повторяющихся «маршрутов» процессов смыслообразования – схем мышления. В построении новых смысловых структур они выполняют роль *фильтров предпочтения*, направляющих образование смыслов по отработанным, сложившимся схемам, что придает этому процессу самопроизвольность, автоматизм.

Структуры смыслового поля обладают свойством *самоподобия*, которое обуславливает его многоуровневый характер. Частным случаем принципа самоподобия является соответствие структурных характеристик индивидуального смыслового поля ученого-политолога структурным характеристикам смыслового поля политической науки.

Характерной особенностью процесса смыслообразования является то, что потенциально его может инициировать любой смысл (такой смысл называется нами генерализирующим). Т.е. он может начаться и завершиться в любой точке смыслового пространства. Поэтому индивидуальное смысловое поле ученого-политолога может быть представлено как структура, имеющая подвижный, перемещающийся от смысла к смыслу центр, а смысловое поле политической науки – как структура, имеющая много центров, функционирующих не одновременно (поочередно) или одновременно, но с четко разграниченными функциями.

В процессе смыслообразования можно выделить

три различных по своей роли режима (подпроцесса): *целеполагания, порождения смыслов* (основной процесс), *корреляции смыслов* (обратная связь). В режиме целеполагания вырабатывается цель, направленность процесса смыслообразования. В режиме порождения смыслов происходит конструирование смысловых структур. В режиме корреляции смыслов: 1) результат основного процесса сравнивается с его целью (замыслом); 2) выделяются различия; 3)оцениваются содержание и смысл различий; 4) корректируется основной процесс с целью сближения его результата и замысла.

Процесс, возникающий в результате контакта одного смыслового поля с другим, называется дискурсом. Специфика дискурса заключается в том, что он имеет не чисто мыслительную, а речемыслительную природу. Дискурс – это совокупность речемыслительных действий коммуникантов, связанная с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим и осмыслением языковой картины мира говорящего адресатом. Конечной целью дискурса является достижение последующего воздействия на чувства, мысли и действия адресата – *перлокутивного эффекта*[1].

По своей природе дискурс диалогичен: это действительность общения, диалогическая встреча двух или нескольких сознаний (М.М. Бахтин), смысловых полей. Дискурс можно рассматривать как поток порождающих друг друга в вопросно-ответной форме смысловых дискретов – монологов.

В структуре дискурса можно выделить три различных по своей роли режима (подпроцесса): *целеполагания, означения смысла* (основной процесс) и *осмысления значения* (обратная связь). В режиме означения смысла осуществляется перевод языка смысла на вербальный или знаково-символический язык. В режиме же осмысления значения происходит обратная процедура – перевод вербального или знаково-символического языка на язык смысла.

В дискурсивной речемыслительной деятельности можно выделить два аспекта – *конструирование дискурса автором* и *понимание дискурса интерпретатором*.

Конструируя дискурс, говорящий или автор текста стремится быть максимально понятым реципиентом-интерпретатором. В идеале система значений языка автора должна соответствовать системе значений языка интерпретатора.

Там, где возникают «зазоры» между системами значений языков, возникает зона интеллектуального напряжения – проблема понимания с образуемым ею *герменевтическим полем*.

Главное условие достижения понимания состоит в том, чтобы новое отношение к предмету гармонизировало с устоявшимися представлениями интерпретатора – осознанными или неосознанными. Этому в немалой степени способствует «расплывчатая» семантика языка. В результате «новый взгляд модифицируется (это своеобразная мимикрия) под влиянием системы устоявшихся мнений интерпретатора, а заодно и меняет эту систему»[2].

Таким образом, в ходе дискурса возникает особый, диалогичный процесс смыслообразования и его результат – особое, «срединное» смысловое пространство – *герменевтическое поле*, – позволяющее участникам диалога достигнуть взаимопонимания.

Новые смыслы, выработанные в ходе дискурса, вступают во взаимодействие со старыми смыслами и инициируют формирование новых смысловых структур. Дискурс является, таким образом, важнейшей функцией смыслового поля. Посредством дискурса, с одной стороны, осуществляется его диверсификация, а с другой – стимулируется и корректируется процесс смыслообразования.

Дискурс, будучи речевой реальностью, достигая перлокутивного эффекта, порождает внеязыковую реальность, в том числе политическую. Политика, следовательно, является не только институционально, но и лингвистически оформленным явлением. Осознание этого факта является важной предпосылкой «лингвистического поворота» в политологии, аналогичного совершенному «лингвистическому повороту» в философии[3].

Рассмотрение же смыслового поля политической науки как коммуникации позволяет применить подход в ее изучении, интегрирующий комплиментарные друг другу идеи феноменологической социологии, семиотики, герменевтики, кибернетики, теории коммуникации, дискурс-анализа. Этот подход позволит создать целостный, голографический образ политической науки, максимально приближенный к действительности.

[1] Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс. История и современные исследования. М., 2002, № 3. – С.30-34.

[2] Милевская Т.В. О понятии «дискурс» в русле коммуникативного подхода // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация-2002» Ч.1. – Пятигорск, 2002.

[3] Корнейко Т.Г. К вопросу о предпосылках «лингвистического поворота» в политической науке». // Политические исследования (http: // www. politstudies. ru/ forum/ viewtopic. php%3).

Дискурс Пи

А.Ю. Зенкова

МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И АРАБСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Анна Юрьевна Зенкова,
кандидат философских наук,
докторант
Института философии и права УрО РАН

Одна из линий разлома современной цивилизации проходит через осознание противоречия принципов уклада арабоязычной и западноевропейской культур. Используя термин «противоречие», мы, тем самым, как бы указываем на необходимость поиска способа его разрешения. Однако хотелось бы избежать классической схемы преодоления различий на основании поиска некоего общего, «единого» для рассматриваемых здесь культурных регионов. Напротив, выявление и описание их различий в своей интенции предполагает возможность взаимопонимания на основе осознания специфики «своего» и «чужого».

Каким же образом, и с каких позиций, возможно это осознание? Этот вопрос с неизбежностью возникает в ситуации, когда мы приступаем к операции сравнения, и это тем более важно, когда наша задача заключается в сравнении своего собственного и иного. Принятая сторонниками как социально-феноменологической, так и в определенной мере, структурно-антропологической методологии, взаимообусловленность определенного социального порядка или уклада, способов принятия решений и совершения действий в соответствии с ним, и операций конструирования социальных представлений, придания смысла событиям и фактам, позволяет сделать следующее методологическое допущение – понимание механизма смыслополагания в определенной языковой культуре может служить основой для понимания мотивированности поступков представителей этой культуры. Предметом нашего рассмотрения станет механизм смыслополагания в арабской и западноевропейской культурах, далее, мы предпримем попытку интерпретации некоторых этических воззрений представителей данных культур с учетом данного механизма смыслополагания. Корректным может считаться исследование, которое достаточно четко оговаривает собственный язык, инструментарий и свои границы еще до начала исследования. Однако, в данной ситуации сам способ размышления или описания различий неизбежно оказывается предопределен нашей принадлежностью к западно-европейской модели смыслообразования. Поэтому, наша попытка сравнения должна сопровождаться отслеживанием собственных способов построения рассуждений, настолько, насколько это окажется возможным.

Современные арабисты[1], исследующие грамматические структуры, выделяют несколько специфических отличий европейской и арабской языковых традиций, лежащих в основах механизма смыслополагания. Одним из наиболее существенных отличий называют различный способ организации предикации в суждениях: если в традициях западно-европейской культуры доминирует родовидовая схема, то в арабской же субъект и предикат соединяются по принципу сопряжения, смысловые системы строятся как семейства пересекающихся множеств областей смысла. Родовидовые отношения в западноевропейской традиции рассуждений служат основой в операции построения понятий, в выстраивании различных классификаций, они же служат основой для минимальной осмысленности суждений, понимаемой представителями данной культуры практически на «интуитивном» уровне. В арабской традиции и способы формирования понятий, и классификации, и отношения субъекта и предиката строятся на иных основаниях. Было бы неправильным считать, что западно-европейская или же арабская мысль не знали иных способов смыслообразования, кроме тех, о которых мы сейчас говорим как о наиболее им присущих. Но, как показывают многочисленные исследования, именно эти способы построения смысла являлись наиболее подходящими для решения задач, которые ставили перед собой арабские, в одном случае, и западные мыслители, в другом. Принятые способы логики доказательства и аргументации рассматривались ими и на уровне рефлексивного осмысления собственной методологии.

Различие способов формирования смысла в арабской и европейской культурах можно продемонстрировать на примерах организации процедуры сравнения, которая, в свою очередь, связана с различными основаниями для построения классификаций. Способ сравнения через уподобление роду, как показывает в своей книге «Интерпретирующая семантика» Франсуа Рантье, лежит в основе не только оперирования со строго научными понятиями, но и в основе формирования метафор для западного мышления, причем, если берутся понятия, которые традиционно не попадают под общий род, то такой род для них конструируется. В последнее время к оперированию таким образом сконструированными метафорами обращаются не только с целью создания художественного образа, но и для решения строго научных или инженерных задач.

В арабской культуре операция сравнения или уподобления не связана с конструированием общего рода, поэтому традиционные классификации, принятые как вполне естественные в арабо-исламском

мире, для европейцев выглядят неубедительно и «нелогично». На это несоответствие двух схем образования смысла обращали внимание арабские мыслители, например мутакаллимы, при обнаружении несовместимости дихотомической оппозиции добро/зло и классической пятичленной классификации человеческих поступков, принятой мусульманской правовой традицией. Это «обязательные», «рекомендуемые» (такие, которые предписано совершать, причем за это обещана награда, но несовершение их не влечет наказания), «безразличные», «нерекомендуемые» (такие, от которых людям предписано воздерживаться, причем за воздержание им обещана награда, однако совершение этих поступков не влечет наказания) и «запретные» поступки. Попытка понять этот ряд как выражение градации от «добра» к «злу», что было бы совершенно обосновано с точки зрения построения родовидовой схемы, не соответствует сути данной классификации. Логика сопряжения основывается на связывании или сопоставлении смыслов двух понятий таким образом, что сама операция связывания должна будет выражать последовательную сменяемость первого смысла, который должен быть заранее известен и второго, который опирается на первый. Причем, неизвестность второго – обязательное условие, иначе фраза теряет свой смысл. Такое «приравнивание» (еще раз оговариваю, приравнивание без возможности выстроить «общее») известного и неизвестного и есть основа для минимальной осмысленности суждения. Данная грамматическая структура задает и динамику смысловых отношений в художественных текстах арабской культуры, остающуюся невидимой для европейского глаза. В философских текстах, относящихся к средневековой арабской мысли, отношения между понятиями существование/несуществование, явное/скрытое и т.д. также разрабатываются на основе логики сопряжения, а не противопоставления этих понятий. Так, существование не оказывается нередуцируемым основанием вещи, но лишь качеством, привходящим к ней.

Одно из представленных здесь различий в процедурах смыслополагания в арабской и западноевропейской культурах может стать поводом для постановки еще одного вопроса. Довольно распространенным является тезис о том, что для западного мышления вполне естественна и эвристически продуктивна организация работы мысли на основе визуально-пространственных образов. Обращаясь к процедуре формирования смысла в арабской культуре, мы невольно пытаемся придать ей форму мышления, привычную для нас. Но эта форма не ухватывает сути мыслительных образов, так как в визуальном статичном поле сложно изобразить временную «сменяемость», последовательность сопряженных понятий. Возможно, как указывают также некоторые исследователи арабской культуры[2], поэтому в ней более распространены не визуальные, а голосовые метафоры.

[1] Смирнов А.В. Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М. Языки славянской культуры, 2001

[2] Эта тема разрабатывается в работах раввинского ученого Дж.Фора, Мартина Бубера, И. Эльдада и др.

СЕМИОТИКА КАК ИДЕЙНЫЙ ИСТОК ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

О.В. Петрик

Ольга Викторовна Петрик,
аспирантка Института философии и права УрО РАН

Включаясь в некоторую систему коммуникаций и получая с ее помощью информацию, мы с неизбежностью вторгаемся в сферу познания семиотики. Семиотика, как наука о коммуникативных системах и знаках, которыми в процессе общения пользуются люди, делает акцент на коммуникации – ее основном предмете, заключенном в проблеме понимания информации и способах ее передачи.

Говоря о семиотике как идейном истоке отечественной исторической антропологии, мы, в первую очередь, имеем в виду московско-тартускую школу, на достижениях которой во многом базируется современная российская семиотика.

Фундаментальным понятием семиотики является понятие текста. Именно это понятие делает возможным переход от литературы к культуре как универсальному объекту семиотики. Даже феномены внеязыковой среды, такие как: кино, гадания, дорожная сигнализация и т. д., могут быть представлены как текст и изучены с позиций структурализма. Поэтому и «культура в целом может рассматриваться как текст». «Однако важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий «сложные переплетения текстов» [1]. Воспринимая культуру как совокупность текстов, образованных различными языками, существующими в этой культуре, текст становится предельным и единственным предметом изучения в рамках данной школы.

Разработка концепции текста основывается на определении любого литературного произведения

как моделирующего и семиотического, осуществляющего когнитивную и коммуникативную функции. Означивание порождает возможность не только общения и познания в процессе этого общения, но возможность изменения реальности путем моделирования текста и, поэтому, реальности. «Напрасно думать, что мы окружены от природы не-семиотическим миром и в нем покоится озеро семиотики. Мы действительно окружены несемиотическим миром, но не видим его. Мы видим тот мир, которой создаем, – семиотический мир не-семиотического мира» [2]. Видя тот мир, который мы описываем известными нам способами и присваивая ему придуманные нами имена, мы, тем самым, посредством изменения угла зрения меняем, моделируем мир, в котором живем – изменяясь в нашем сознании, он не меняется на самом деле.

Означивание является характерной чертой человеческой деятельности, которая составляет суть процесса понимания, она является способом осознанного существования и взаимодействия с миром. Знаковая обусловленность явлений нашей жизни определяет для нас и тот тип взаимосвязи, по которому мы выстраиваем отношения с миром и по которому строится наше собственное сознание.

Сближая сущность определения знака с диалогичностью М. Бахтина и интертекстуальностью Ю. Кристевой, трактуя его, как «пучок взаимоэквивалентных элементов разных систем», Лотман представляет себе текст-знак как пространство переключения с одной структурной цепочки на другую (перекодировки), местом, где выявляется семантический опыт. Процесс множественной перекодировки определяется внетекстовыми структурами – литературной традицией, эстетическими кодами или другими субкодами культурной системы. [3]. Необходимость изучения исторического процесса культурных перекодировок привела к введению Лотманом такого понятия, как реконструкция.

Данный термин мы можем встретить в понятийном аппарате школы «Анналов», исторической психологии, а, следовательно, и в исторической антропологии. Однако Лотман говорит о необходимости предшествования семиотической реконструкции, вопреки предшествованию исторической. Это обусловливается характером историко-антропологического исследования, которое опирается, в первую очередь, на документальные свидетельства, на факты, облеченные в текстовую форму. Специфика исторического исследования заключается в работе с фактами, прошедшими авторскую обработку. Такие документы своеобразно преломляют запечатлеваемую действительность. В этом смысле, текст есть не только отражение действительности, как она есть, он есть так же и отражение авторского начала, привносящего своевольное, субъективное видение происходящего, которое оценивается исходя из критериев, складывающихся из совокупности взглядов эпохи, и из индивидуальных воззрений автора исторического послания. Реконструкция в данном случае является, по сути, дешифровкой. В таком контексте исследователь исходит из того, что документ написан на другом языке. Процесс построения грамматики этого языка позволяет создавать правила реконструкции исторической действительности. Поэтому актуальность разработок московско-тартуской школы в рамках историко-антропологической тематики представляется наиболее значимой.

Соотнесение понятий исторической и семиотической реконструкций позволяет исследователю воссоздать точность картины мира той эпохи, которую он изучает. Необходимость реконструкции, и в том, и в другом случаях, обоснована непосредственной отдаленностью исторического источника, с которым имеет дело исследователь, механизмами культурной трансляции от субъективного творческого начала, породившего его. В свою очередь, это авторское начало в такой мере обусловлено социокультурными системами, что при восстановлении характеристик личности автора, выявляются также и характеристики этих объективированных структур. Различие же указанных типов реконструкции заключается том, что семиотическая реконструкция делает акцент на коммуникативном, семиотизирующем аспекте человеческого существования. Историческая же реконструкция направлена не только на эти аспекты – она несколько шире. Объем исторической реконструкции задается и поведенческими реакциями, и физиологическими привычками, и духовным багажом людей прошлого. Таким образом, семиотическая реконструкция является более узкой, и более «надстроенной», если можно так выразиться. Все-таки языковая сфера хоть и выступает для человека, как социального существа, основополагающей, тем не менее, она вторична по сравнению с его физической жизнью. Семиотическая реконструкция ориентирована на работу с культурными кодами как системой определенных правил каждой отдельной культуры. Как пишет Б.М. Гаспаров, «чтобы реконструировать это идеальное, абстрактное единство, лежащее по ту сторону физического бытия предмета, необходимо отвлечься от сиюминутных, конкретных и преходящих факторов, присутствующих в любом реальном акте общения, таких как: воздействие окружающей среды, динамика ситуации, характер участников общения, их жизненный опыт, цели, настроение, динамика их взаимодействия друг с другом и с окружением. ... Предполагается, что структура кода определяет некоторые фундаментальные параметры в восприятии текста, «моделирует» текст определенным образом, – до и вне конкретных обстоятельств, в которых этот текст выступает в обществе» [4].

Приведенная точка зрения указывает на превалирование структурного видения изучаемого явления в ущерб живой конкретике фактов, служащей в данном случае материалом для выявления системных отношений в изучаемом явлении, связанных в единое, изнутри строго упорядоченное образование. Но по теме реконструкции высказывались и другие точки зрения. Одна из них принадлежит Б.А. Успенскому, также представителю московско-тартуской школы. Суть ее заключается в том, что «культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым представляется то, что является значимым с ИХ точки зрения». Поэтому необходимость реконструирования субъективных мотивов исторических действующих лиц предполагает воссоздание системы представлений, обусловливающих их восприятие событий и их реакцию на эти события. Таким образом, история представляется семиотикам как процесс коммуникации. В ходе ее

изучения они прибегают к семиозису (превращение незнаковой истории в знаковую) [5].

Данная точка зрения свидетельствует о более широком и неоднозначном подходе к проблеме соотношения субъективного и объективного в историческом исследовании. В первом случае, мы видим приверженность структурному методу, во втором – желание вырваться за его пределы. И, тем не менее, второй взгляд на проблему реконструкции также отражает для нас стремление к внутренне согласованной системе представлений, исходя из которой становится понятным поведение исторических акторов.

Объясняющие функции, возложенные на структурно образованное единство взглядов, представлений и мотивов, в результате присвоения некоторым фактам истории знакового характера, а отсюда и смысловой содержательности, определенной в общем контексте событий, оказываются прямым доказательством приверженности структуралистской методологии. Таким образом, двойственная ориентированность на работу с историческим материалом, заключающаяся, с одной стороны, в стремлении избавиться от так называемого субъективного фактора, а, с другой стороны, в опоре на него, как на объясняющий момент универсального характера, – вовсе не противоречит тому интересу к конкретике истории, который приходит в столкновение со структурным методом, отсекающим все лишнее. Сам Лотман пишет об этой особенности так: «Лично я не могу провести резкую черту, где для меня кончается историческое описание и начинается семиотика. Здесь нет противопоставления, нет разрыва. Для меня эти сферы органически связаны. Это важно иметь ввиду, поскольку само семиотическое направление начиналось с отрицания исторического изучения. Отойти от исторического исследования необходимо было для того, чтобы вернуться к нему. Надо разрушить связи с традицией для того, чтобы вернуться к ней» [6].

Таким образом, расчленение исторического целого на составляющие и работа с частями есть необходимое условие изучения и воссоздания этого самого исторического прошлого.

«Геометрически изоморфные фигуры различны по размерам, по форме и вместе с тем в определенном смысле – одно и то же. История отраженная в одном человеке, в его жизни, быте, жесте, изоморфна истории человечества. Они отражаются друг в друге и познаются друг через друга» [7]. Таким образом, структурный метод находит здесь свое наибольшее выражение, посредством выявления частных свойств и отношений между отдельными явлениями, структурирующих и находящих свое выражение в явлениях более универсального характера. Но, умозаключение Лотмана об изоморфности историй отдельного человека и человечества, для исторической антропологии имеет первостепенное значение.

Взаимовлияние человека и эпохи – тема, внимание к которой определяет современный гуманитарный и прогрессивный характер семиотических исследований. Изучение культуры в широком семиотическом смысле, понятой в качестве системы отношений, устанавливаемых между человеком и миром, «с одной стороны, регламентирует поведение человека, с другой – определяет то, как он моделирует мир. Частный случай отношений между человеком и миром – система отношений между человеком и коллективом. В этом смысле отношения между человеком и коллективом предстают как коммуникационный диалог: социум реагирует на поведение человека, определенным образом его регламентирует, человек реагирует на социум (и вообще на окружающую его действительность)». Таким образом, исторический процесс в семиотической перспективе предстает как диалог между исторической личностью и социумом, равные участники которого оказывают взаимное влияние друг на друга. В этом смысле становится очевидным непреходящее значение существования каждой отдельной человеческой единицы для истории в целом. Историческая антропология делает данное положение приоритетным для себя. Лозунгом этой школы у нас в стране становится направление научных изысканий под общим заголовком – «Человек в истории».

Продолжая тему, отметим, что для Лотмана само понятие дешифровки далеко не исчерпывается реконструкцией, так называемого, «чужого языка». В его понимании, она является скорее «переводом» с одного языка на другой как инструмент семиотического исследования. Таким образом, мы видим, что семиотическая реконструкция направлена более к отвлеченному конструированию или, вернее сказать, деконструированию исторического материала, в то время как историческая реконструкция, напротив, находит особую значимость того, от чего старается освободиться семиотик в процессе своей работы – от конкретики исторической жизни. Тем не менее, сама суть метода реконструкции сыграла решающую роль в формировании методологического базиса исторической антропологии, так сказать, послужила опорой для интеллектуальных изысканий в области способов воссоздания картины мира изучаемых эпох.

В результате семиотической реконструкции текста выявляется корпус ценностных ориентаций, предпочтений и взглядов, образующих самосознание не только эпохи, но и отдельного индивида – автора документа. Особенности формы и содержания текста, выявленные в ходе данной процедуры, чутко улавливаются исследователем, имеющим иные темпоральные установки, иной «культурный код». Время налагает свой отпечаток на восприятие исследователя. То, что для предшествующих поколений не имело особой значимости, для современного исследователя может представлять уникальную ценность. Помимо общепринятого означивания явлений, существует и такой парадокс, как субъективное понимание и субъективное означивание. Еще М Блок в своей книге «Апология истории» писал, что «все, что человек говорит или пишет, все, что он производит, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения». В процессе написания текста, пишущий склонен особо выделять факты, имеющие, с его точки зрения, значимость: индивидуальную, социальную, культурную и т. д. В то же самое время, замалчиваются, недостаточно освещаются, просто не упоминаются или безоценочно сообщаются фаты, которые не обладают значимостью для создателя документа и, следовательно, подлежат забвению. Подобная оппозиция важных и неважных фактов является тем ключевым моментом, по которому становится возможным выявление основных категорий бинарной структуры мировоззрения, раскрывающего те особенности менталитета исторической эпохи, которые и со-

ставляют портрет эпохи, картину мира определенного временного промежутка. Подобный метод исследования мы встречаем и в книге А. Гуревича «Категории средневековой культуры». Определяемые различия в ходе исследования воссоздают неповторимый колорит эпохи, характеризующие не только устремления каждого ее субъекта, но также и объясняет некоторые моменты современного исторического процесса. Изучать прошлое, чтобы лучше понять настоящее, – перестает быть простым выражением, не несущим глубокой смысловой нагрузки. Напротив, именно такой подход становится основополагающим в разрезе историко-антропологических изысканий.

Говоря о семиотическом изучении истории, мы, в первую очередь, говорим об особом подходе к тексту источника, который вовсе не ставит своей задачей восстановление прошлого «wie es eigenlich gewesen» («как оно было на самом деле» – известная формула Л. Ранке). Сложность и данного подхода, и положения историка заключается в том, что сам по себе первичный факт любого исторического события недоступен для созерцания и изучения, как такового. Историк работает с текстами, зашифрованными описаниями реальных событий. Поэтому, по словам Ю.М. Лотмана, необходима не реконструкция кода или набора кодов, которыми пользовался создатель текста, а установление их корреляции с кодами, которыми пользуется исследователь. Проблематичность данной процедуры заключается в том, что описанный факт есть «всегда результат выбора из массы окружающих событий события, имеющего ... значение» [8].

Семиотический подход «подразумевает предельное обнажение различий в структурах «мира автора источника» и «мира историка-интерпретатора», общающихся на различных языках. Именно описание этих различий и трактовка их понимания выступает для Лотмана искомым переводом с языка одной системы на язык другой. В то же самое время, такой перевод является и, своего рода, диалогом между разными частями внутри единого пространства. Это динамический процесс взаимного обновления и интерпретации. Тема диалога является основополагающей для корпуса историко-антропологических идей.

В общетеоретическом плане, семиотический подход к изучению истории во многом смыкается с герменевтическими и постмодернистскими построениями относительно парадигмы: «событие – его отражение в источнике – прочтение источника современником – изучение источника историком-интерпретатором». В практическом плане семиотика предлагает выявлять в прошлом символы и коды, переводить их в соответствии с современной знаковой системой и таким путем расшифровывать смысл источника.

Затрагивая тему сознательного выбора историка в его работе с историческим материалом, Лотман говорит о необходимости создания такой дисциплины, как историческая семиотика. Ее суть определяется следующим образом: «История – это процесс, протекающий «с вмешательством мыслящего существа». Это означает, что в точках бифуркации вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм сознательного выбора, который становится важнейшим объективным элементом исторического процесса. Понимание этого в новом свете представляет необходимость исторической семиотики – анализа того, как представляет себе мир та человеческая единица, которой предстоит сделать выбор. В определенном смысле это близко к тому, что «новая история» именует «менталитетом». Однако результаты исследований в этой области и сопоставление того, что достигнуто В.Н. Топоровым, Б.А. Успенским, Вяч.Вс. Ивановым, А.А. Зализняком, А.М. Пятигорским и многими другими в реконструкции различных этнокультурных типов сознания, убеждает в том, что именно историческая семиотика культуры является наиболее перспективным путем в данном направлении» [9].

Подводя итог нашему небольшому исследованию, отметим тот факт, что многие положения, разработанные московско-тартуской школой, нашли свое благодарное продолжение в исследованиях такого научного сообщества, как отечественная историческая антропология. Взяв на вооружение перспективные в научном плане идеи московско-тартуской школы диалогического исследования прошлого, акцентирования внимания на характерных различиях культурных кодов автора исторического текста и исследователя, реконструирования исторического прошлого, взаимовлияния эпохи и человека и многие другие, историческая антропология ассимилировала их с тождественными им по духу и звучанию идеями других своих истоков, таких как: французская школа «Анналов», историческая герменевтика, творчество М.М. Бахтина и историческая психология. Результатом удачного синтеза данного конгломерата идей стало революционное по своей сути историографическое направление, сделавшее основным предметом своего изучения человека как творца истории и как носителя бесконечных изменений своего существования. И семиотика в данном случае, ее подход, идеи и методы, выступает в качестве полноправного участника глобального исследования человека и человеческого.

[1] Ким Су Кван Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». – М,: Новое литературное обозрение, 2003. – с. 97.
[2] Лотман Ю.М. Чем длиннее пройден путь, тем меньше вероятностей для выбора (Вступительное слово на международной студенческой конференции русских филологов, Тарту, 1990 г.) // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. с. 458.
[3] Филюшкин А.И. Методологические инновации в современной российской науке // ACTIO NOVA 2000 (сборник научных статей). М., 2000.
[4] Б.М. Гаспаров Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен годов // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: «Гнозис», 1994. с.287-288
[5] Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. с.11, 15.
[6] Лотман Ю.М. Зимние заметки о летних школах // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: «Гнозис», 1994. с. 296.
[7] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. с. 389.
[8] Лотман Ю.М. Проблема исторического факта // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 302, 304.
[9] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1996. с. 324.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

А.Е. Спасский

Александр ЕвгеньевичСпасский,
генеральный директор
ООО ДРП «Локомотив»
и Издательского Дома
«Дискурс-ПИ»

В системе политических наук, представляющей собой многоотраслевое дисциплинарное древо, сравнительно недавно сформировалась еще одна ветвь под названием «политический маркетинг».

Как большинство политических наук, политический маркетинг является междисциплинарным гибридом, вобравшим в себя теоретико-методологический арсенал сразу нескольких областей знания. Распространенным является мнение, что по своей сути политический маркетинг есть не что иное, как приложение концепций и категорий классического маркетинга , получившего прописку в сфере экономики, к области политических процессов и явлений.

Возможность применения маркетинговых понятий к политике базируется на концептуальной модели политики как Рынка, т.е. социального пространства, где совершаются разнообразные сделки, операции обмена, купли-продажи, где царит атмосфера конкурентной борьбы, где осуществляются процедуры продвижения и существует ситуация выбора

О возможности проведения определенного параллелизма между политическими и рыночными-отношениями писали и говорили многие философы и политические мыслители с незапамятных времен. Сегодня принято считать идейным родоначальником классического политического маркетинга Н.Макиавелли[1]. Однако необходимо признать, что трактовка политики с позиций утилитаризма и взаимовыгодного обмена существовала задолго до Макиевелли. Еще в древнеиндийском трактате «Артхашастра» можно встретить сугубо прагматичные подходы к политике, аналогичные области экономических отношений. А в древнекитайском трактате «36 стратагем» описываются хитрости военно-политического искусства, которые сегодня успешно применяются в сфере большого бизнеса.

В X1X -XX вв. появляются концепции, рассматривающие мир политики с позиции рыночных отношений. К примеру, в марксизме и либерализме проводится параллель между рыночной конкуренцией и классовой борьбой. М.Вебер считал, что классовая борьба тесно связана с рыночными отношениями. «Классовая ситуация, – отмечал он, – есть, по существу, «рыночная ситуация».[2]

С точки зрения «рыночной ситуации», Вебер рассматривал деятельность не только классов, но и других социальных групп и объединений. Аналогично тому, как на экономическом рынке происходит обмен и распределение товаров, так и на политическом рынке осуществляется обмен политическими благами между различными общественными субъектами. В ходе такого обмена происходит распределение власти. Приведем еще одну цитату из Вебера: «Сейчас, мы можем сказать: «классы», «статусные группы» и «партии» – явления, относящиеся к сфере распределения власти внутри сообщества»[3].

Власть – вот тот «товар», который служит предметом обмена, покупки и распределения на «рынке» под названием «политика».

Нобелевский лауреат Джеймс Бьюкенен усматривал сходство экономики и политики в процедуре рыночного обмена. «Политика, – отмечал он, – есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных. На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике – соглашаются платить налоги в обмен на блага, необходимые всем и каждому: от местной пожарной охраны до суда»[4].

Французский социолог Пьер Бурдье при исследовании политики использует такие понятия, как «поле», «капитал», «игра».

Поле – это социальное пространство, которое функционирует как рынок, где отдельные лица или группы соревнуются между собой за более высокое статусное положение. Те, кто занимает более высокие статусные позиции, обладают и большим социальным капиталом, а , следовательно, получают возможность господствовать над теми, чей социальный статус ниже, а капитал (экономический, культурный, политический и др.) уступает по своему объему.

Государство, в трактовке Бурдье, является са-

мым крупным владельцем социальных капиталов, к которым относятся: 1) капитал физического принуждения (армия, полиция и т.п.), 2) экономический капитал, 3) информационный капитал (способы мировидения), 4) символический капитал (системы ценностей, юридические нормы, традиции, ритуалы, почести, верования).

Сконцентрированные в руках государства данные капиталы образуют собственно государственный капитал, который позволяет государству властвовать над обменным курсом между всеми видами капиталов. «...Формирование государства идет вместе с формированием *поля власти*, понимаемого как пространство игры, внутри которого владельцы капитала (разных его видов) борются *именно* за власть над государством, т.е. над государственным капиталом, дающим власть над различными видами капитала и над их воспроизводством (главным образом через систему образования)»[5].

Политическое поле, по Бурдье, представляет собой динамическое взаимодействие политических субъектов (парламентарии, члены политических партий, министры, государственные служащие), чьи действия продиктованы, с одной стороны, требованиями и интересами общественных групп, а, с другой стороны, – собственным статусным положением. При этом отношения статусных позиций диктуют собственные правила игры.

Чтобы понять логику политической игры, недостаточно установить связь политических субъектов с определенными социальными классами, с требованиями тех или иных электоральных групп. Не менее важно знать его статусную позицию на политическом поле, где установлены соответствующие правила игры. Например, в условиях сильной бюрократизации общества, статус высокопоставленного государственного служащего будет выше статуса депутата. Это означает, что объем политического капитала у госслужащего также будет выше, чем у парламентария. «...Поле политики, – отмечает Бурдье, – хотя кажется подчиненным постоянному давлению внешних требований, постоянному контролю со стороны своей клиентелы (через электоральный механизм), является сегодня очень независимым от этих требований и все больше и больше предрасположено замыкаться на себе и на своих собственных интересах...». В итоге сфера политики оказывается монополизированной небольшой группой людей – политических олигархов. Политическая олигархия монополизирует рычаги власти, включая также и право на выражение общественного мнения. «В результате мы получаем четыре или пять официальных представителей..., постоянно присутствующих на телевидении, которые присваивают себе своего рода монополию на доступ к средствам легитимного распоряжения способами видения мира...»[6].

«Итак, – констатирует Бурдье, – поле политики представляет собой некоторую специфическую игру, где формируются специфические ставки»[7]. Одной из ставок в данной игре является право на производство политического мнения, «на навязывание легитимного видения социального мира»[8].

В соответствии с современными рыночными трактовками политики можно сделать следующие выводы:

1) Поли*тика – это большой рынок, где главным предметом вожделения, покупки, обмена и распределения является власть.*

2) Политика – *это поле игры между социальными субъектами за право обладания государственным капиталом.*

3) *Государство – это главный игрок на политическом рынке, поскольку обладает монополией пользования принудительно-силовыми, экономическими, информационными и символическими капиталами.*

Политический рынок – это объект изучения политического маркетинга как научной дисциплины.

Предметной же областью политического маркетинга (ПМ) выступают особые отношения и процессы, связанные с процедурами обмена и управления властными ресурсами.

На наш взгляд, можно выделить три основные группы властных ресурсов, вокруг которых разворачивается борьба на политическом рынке:

1) *социально-энергетические ресурсы власти*

2) *экономические ресурсы власти,*

3) *культурно-информационные ресурсы власти*[9].

Обмен властными ресурсами осуществляется в трех основных формах:

1) символический обмен,

2) утилитарный обмен,

3) социетальный обмен.

В политике символический обмен осуществляется в форме обмена лояльности и доверия к институтам власти на символические ценности – мифы о сакральности государственной власти и власти правителя, разного рода религиозные и светские идеологемы.

Утилитарный политический обмен предполагает совершение взаимовыгодных сделок (логроллинг), приносящих обеим сторонам выгоду в виде увеличения социально-политического и экономического капитала. Процедура лоббирования является наиболее характерным примером данного вида обмена.

Социетальный обмен –это обмен ценностями, в ходе которого выстраивается коммуникация партнерского характера, основанная на доверии, взаимной ответственности, толерантности. Главная цель социетального обмена – достижение общественного блага.

Различие между утилитарным и социетальным обменом примерно такое же, как различие между коммерческой и социальной рекламой. Политическая реклама объединяет в себе черты утилитарности и социетальности.

В целом ПМ определяется нами как наука, искусство и технология управления рынком властных ресурсов, продвижения общественно-значимых ценностей и формирования востребованной социальной реальности путем использования методов конкурентной борьбы, эффективной публичной политики, осуществления государственного, общественно-группового и индивидуального властвования.

В современной литературе можно встретить самые разнообразные трактовки предметной области ПМ. В зависимости от широты толкования ПМ можно условно выделить три основных типа трактовок ПМ – узкую, расширительную

и широкую.

Под узкой трактовкой ПМ мы имеем в виду распространенную точку зрения, ограничивающую предметную область ПМ избирательными технологиями, технологиями конкурентной борьбы между политическими партиями, группами, кандидатами и политическими лидерами. Такое понимание предметной сферы ПМ можно встретить, в работах довольно большой группы отечественных[10] и зарубежных авторов[11].

Приведем весьма характерное для узкого подхода определение ПМ, данное французским исследователем Мишелем Бонграном. «Политическим маркетингом, – отмечает Бонгран, – называется совокупность технических приемов, используемых для того, чтобы вывести конкретного кандидата на его потенциальный электорат; сделать этого кандидата известным максимальному числу избирателей (как всем вместе, так и каждому в отдельности); обозначить разницу между ним и его конкурентами; используя минимум средств, завоевать в ходе избирательной кампании необходимое число голосов»[12].

Сторонники узкого подхода видят в ПМ *систему социальных технологий*, включая маркетинговые, рекламные, массмедийные, социально-психологические, PR-технологии, применение которых позволяет оказывать нужное воздействие на избирателей и приводить к власти политические партии, блоки, группы и отдельных индивидов. «Политический маркетинг, – пишет российский политтехнолог Ф.Н.Ильясов, – это особая социальная технология, в реализации которой участвуют специалисты различного профиля. Сюда входят политические консультанты, политологи, социологи, психологи, рекламисты, специалисты по связям с общественностью («пиарщики»), журналисты, копирайтеры, сценаристы, креаторы, режиссеры, операторы, фотографы, художники, дизайнеры, стилисты, визажисты, специалисты по сценическому мастерству, артистизму, искусству речи и этикету»[13].

Наряду с данной трактовкой ПМ существует мнение, что помимо социальных технологий достижения власти в предметную область ПМ входит также деятельность по государственному управлению обществом, где также применяются маркетинговые технологии. Такой подход мы называем расширительным.

Сторонники расширительного подхода считают, что сфера ПМ включает две основные разновидности маркетинга, а именно: 1. избирательный или электоральный маркетинг и 2. государственный или публичный маркетинг. Именно такая трактовка ПМ встречается в работах Е.Г.Морозовой, В.В.Лобанова, Г.В.Пушкаревой, Г.Г. Почепцова, Д.Линдона и др.[14].

Для расширительного похода характерна фиксация внимания на вопросах использования маркетинговых методов продвижения социальных ценностей в практике государственно-административного управления. В предметную область ПМ включаются не только технологии конкурентной политической борьбы, но и технологии продвижения государственных программ, проведения крупных государственных кампаний.

Типичным примером расширительного подхода к ПМ является книга французского политолога Д.Линдона «Политический и социальный маркетинг» (Париж, 1976), в которой дается следующее определение ПМ: «Политический маркетинг – это совокупность теорий и методов, которыми могут пользоваться политические организации и публичная власть для определения своих целей и программ и для одновременного воздействия на поведение граждан... Электоральный маркетинг в строгом смысле слова есть лишь часть политического маркетинга...»[15]. В своей книге Д.Линдон демонстрирует эффективность методов государственного ПМ на примере того, как во Франции осуществлялась реализация государственных программ по проведению антиалкогольной кампании и кампании борьбы за безопасность дорожного движения в 1970-х гг.

В современной литературе с государственным маркетингом как особой отраслью ПМ связываются надежды на освобождение органов государственной власти от бюрократических излишеств, на проведение открытой информационной политики, на развертывание широкого диалога государства с общественностью с помощью государственных служб PR. «Именно маркетинг, – пишет Е.Г.Морозова, – помогает воспитывать у политиков и чиновников способность и потребность слушать общество и друг друга, учит коммуникации – не для того, чтобы управлять, «плетясь в хвосте общественного мнения», а с целью установления взаимопонимания, создания системы быстрых и отзывчивых ответственных действий от управляемых к управляющим и обратно»[16].

В США концепция государственного политического маркетинга, маркетинга, в основе которого лежат взаимоответственные, партнерские отношения между органами государственной власти и общественностью, в настоящее время развивается в рамках особой отрасли знания под названием Public Administration[17].

Расширительная трактовка политического маркетинга базируется также на весьма популярной сегодня теории, получившей название *«маркетинг отношений»* («Relation Marketing») Маркетинг отношений – это деятельность, нацеленная на создание системы долгосрочных отношений между фирмой и ее партнерами, которые базируются на взаимном доверии, лояльности целевой аудитории и получении общей выгоды от постоянного сотрудничества.

Британский исследователь Майкл Томас выделяет следующие стратегические задачи маркетинга отношений:

- продвижение ценностей,
- создание специальных структур для долговременной поддержки связи с клиентами (клубы для постоянных клиентов),
- эмпатия с партнером,
- сильная послепродажная поддержка,
- концентрация на людях, их ожиданиях,
- инвестиции в человеческий фактор и др.[18].

При переносе теории маркетинга отношений на сферу отношений между государством и обществом М.Томас отмечает, что государство не должно слепо доверять «невидимой руке» рынка, поскольку рынки не являются гарантами общественного блага. Государство, чтобы общество ему доверяло, должно проводить такую политику, которая способствует развитию гражданского

общества, вовлечению его в процесс создания и проведения программ по обеспечению национальной и экологической безопасности, борьбы с бедностью и другими угрозами. В идеале применение на практике теории маркетинга отношений, по мнению М.Томаса, должно привести к такому общественному устройству, архитектура которого включает следующие параметры «возвращенного рая»:

0. Социальная справедливость.
1. Демократическое обновление.
2. Возрождение общности.
3. Социальная рыночная экономика.
4. Равное вознаграждение для всех заинтересованных лиц.
5. Культурные блага (которыми сегодня обладает только меньшинство).
6. Миролюбивое глобальное общество.[19].

По существу, М.Томас в своем стремлении распространить идею маркетинга отношений на мир политики выходит за рамки расширительной трактовки политического маркетинга, раздвигает границы его предметного поля до сферы глобальной, всемирной политики. Он отчетливо осознает, что в эпоху глобализации весь мир выступает сферой маркетинговых отношений. Политический маркетинг приобретает глобальный характер.

С нашей точки зрения широкая трактовка ПМ означает не только включение в сферу ПМ маркетинговых усилий, осуществляемых на глобальном, международном политическом уровне.

Широкая трактовка ПМ предполагает, что любая деятельность, направленная на достижение власти путем задействования определенных властных ресурсов, является деятельностью в сфере ПМ.

Широкая трактовка ПМ предполагает, что ПМ включает в свою предметную область как теорию и практику избирательных технологий, так и теорию и практику ПМ на уровне внутригосударственной и межгосударственной, т.е. международной деятельности.

Кроме того, субъектами ПМ могут выступать малые социальные группы и отдельные индивиды, которые используют определенные технологии и методы для обретения власти в самых различных сферах общественной жизни.

В этой связи вполне правомерно, на наш взгляд, говорить о таких разновидностях ПМ, как групповой и индивидуальный политический маркетинг.

[1] См.: Макиавелли, маркетинг и менеджмент. СПб, 2004.
[2] Цит. По: Политология: Хрестоматия / Сост. Проф. М.А.Василик, доц. М.С.Вершинин. М., 1999. С. 258,
[3] Там же. С. 256.
[4] Бьюкенен Д. Границы свободы // Бьюкенен Д. Нобелевские лауреаты по экономике. М., 1997. С. 173.
[5] Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах Российско-французского центра социологии и философии ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ Российской Академии наук. СПб., 1999. С. 136.
[6] Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М., 2001. С. 115-116.
[7] Там же. С. 118.
[8] Там же. С. 120.
[9] Более подробно данные ресурсы власти описаны в книге: Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Что такое политический маркетинг? Екатеринбург, 2004.
[10] См.: Ковлер А.И. Основы политического маркетинга (Технология организации избирательных кампаний). М., 1993; Коноплин Ю.С., Лобанов В.В. Маркетинговый анализ политического имиджа политического товара. М., 1995; Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг, или Как «продать» вождя // Политические исследования. 1997. № 9; Его же. Политический маркетинг. Искусство побеждать на выборах. М., 2000; Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб., 2003; Нежданов Д.В. Политический маркетинг. СПб., 2004 и др.
[11] См.: Mauser G. Political Marketing. New York, 1983;Bongrand M. Le marketiting politique. Paris, 1986; Handbook of Political Marketing / Ed. Bruce I. Newman. Sage, 1999; O«Shaughnessy N, Henneberg S. The Idea of Political Marketing . Praeger, Westport. 2002, Политический маркетинг. Практические советы. Перевод с французского. М., 1993 и др. и др.
[12] Цит по: Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М., 1998. С. 58.
[13] Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М., 2000. С. 10-11.
[14] См.: Лобанов В. Маркетинг в государственном управлении // Проблемы теории и практики управления. М., 1994; Морозова Е.Г. Политический маркетинг в избирательной кампании и государственно-политическом управлении // Политическое управление. М., 1996; Ее же. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии; Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. М., 2002; Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. М., 2003; Lindon D. Marketing politique et social. Paris, 1976.
[15]Цит по: Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. С. 11.
[16] Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. С. 10-11.
[17] См.: King C.S, Stivers C. Government Is Us: Public Administration in an Anti-Government Era, Sage, 1998; The Future of Public Administration. Pensacola, 1999; Vigoda E. From Responsiveness to Colloboration: Governance, Citizens, and the Next Generation of Public Administration // Public Admistration Review, 2002, № 62 и др.
[18] См.: Томас М. Никколо Макиавелли как гуру маркетинга взаимоотношений // Макиавелли, маркетинг и менеджмент. СПб., 2004. С. 99.
[19] Там же. С. 99-100.

БОЛЕЗНИ НАДО ЛЕЧИТЬ

Л.Г. Фишман

Леонид Г. Фишман,
кандидат политических наук,
старший науный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

-Бабушка, я опять летал во сне!
- Я не бабушка, я нарколог!
(Из фольклора о рекламе)

Известно, что реклама согласуется с особенностями конкретной культуры – и потому в разных странах выглядит по-разному, используя различные средства, символику, апеллируя к разным культурным архетипам и ценностям и т.д., и т.п. Но не менее известно и другое: реклама продвигает на рынок не только какие-либо товары, но и определенный стиль жизни. Можно даже утверждать, что в большей степени она занимается вторым, чем первым, поскольку вначале ведь требуется внушить человеку, что потребление устранит очень многие из беспокоящих его проблем, начиная от чисто бытовых и карьерных и заканчивая психологическими и смысложизненными. Само собой разумеется, что по большей части такая установка является более или менее откровенным введением в заблуждение. В здравом уме большинство людей никогда не согласятся с тем, что употребление рекламируемого освежающего средства станет главным фактором в их профессиональной карьере или же причиной успехов в личной жизни. Такое удается только персонажам рекламных роликов.

Часто говорится о том, что мир рекламы – ирреален, иллюзорен. Он подчиняется особым законам, из него начисто выключены многие аспекты повседневной жизни, с которой он имеет очень мало общего. Но тогда по каким законам он живет? Какой стиль жизни благоприятствует героям этого мира достигать того, чего в реальном мире рекомендуемыми рекламой средствами достигнуть практически невозможно, и каковы же *на самом деле* эти средства?

Этот стиль зачастую является в действительности образом жизни клиентов психиатрических клиник, а также образом жизни людей, которые постоянно находятся в так называемых «измененных состояниях сознания». А средства эти – чрезвычайно мощные психоактивные вещества.

Конечно, это утверждение может показаться слишком радикальным. Тем не менее, его легко подтвердить многочисленными примерами.

В поведении персонажей рекламных роликов даже неспециалист обнаружит проявления если не полноценных психопатологических синдромов, то симптомов психических заболеваний.

Прежде всего, это разного рода иллюзии и галлюцинации (и псевдогаллюцинации) – слуховые, зрительные и т.д.

Так, характерным примером так называемой *парейдолической иллюзии* являются рекламные ролики «Баунти» или «Святого источника». Персонажи роликов «Баунти» воображают себя нежащимися в бассейне на морском берегу и испытывающими при этом «райское наслаждение». Рекламная потребительница воды «Святой источник» там, где все прочие люди видят голые каменные ступени, наслаждается прогулкой по зеленой травке. «Парейдолические иллюзии – пишет П.Г. Сметанников, на которого мы в дальнейшем будем ссылаться, – чаще всего возникают в инициальных стадиях острых психотических состояний. Больные в этих случаях в зимних узорах оконного стекла, в пятнах на потолке видят красочные картины природы, тропические джунгли, необычайно яркие цветы, на глазах больного сменяющиеся панорамой морского прибоя...»[1].

В других случаях мы имеем дело с так называемыми *тактильными гиперестезиями*. «При тактильной гиперестезии больных раздражают случайные прикосновения к ним, нижнее белье раздражает кожу, кажется непомерно грубым, шероховатым»[2]. Герои роликов, помешанные на особой мягкости своего нижнего белья, неумеренная потребительница шоколада «Виспа», которой настолько «хочется особой мягкости», что она заполняет горой пены свою ванну и прочие подобные ей персонажи рекламы – все они страдают этой самой тактильной гиперестезией.

Когда с персонажами рекламных роликов говорят все, кому не лень – начиная от стиральных машин и стиральных порошков, маргарина и прочих пищевых продуктов, коров, зовущих своих детей пить молоко, – мы, несомненно, сталкиваемся с так называемыми *функциональными* псевдогаллюцинациями.

«Для функциональных галлюцинаций характерно переживание больным «мнимого» образа восприятия на фоне другого – действительного раздражителя: в шорохе листвы под ветром больной слышит шепотную речь незнакомого человека, в шуме включенного вентилятора, работающего холодильника или падающей воды (если кран открыт) больной одновременно слышит оклики и брань по своему адресу»[3].

Правда, в рекламе мы не так уж часто сталкиваемся с бранью в адрес ее героев, но в остальном обнаруживается явное сходство.

Не менее, если не более часто встречаются и самые настоящие, *истинные галлюцинации*. Для них «характерно отсутствие объекта, наличие внешней проекции переживаемого больным чувственного образа и такая объективная достоверность этого образа, что больной в сущности отождествляет

его с реально существующими предметами»[4]. При этом истинные зрительные галлюцинации это чаще всего «сложные видения – лица, фигуры людей, животные, различные природные ландшафты»[5]. Думается, что не трудно сопоставить данное описание зрительной галлюцинации с многочисленными образами товарных марок – разными «мистерами Пропперами», «крошками M&Ms», «горячими кружками Магги», гномиками, олицетворяющими чай «Беседа» или шоколад «Альпен голд», лисятами Малабарами, оленем из Скандинавии, которая «становится к нам ближе», и пр., и пр. Эти образы совершенно неожиданно вторгаются в восприятие персонажей рекламных роликов и навязчиво диктуют им выбрать тот или иной товар, а также нередко откровенно навязывают им определенный стиль поведения. Последнее особенно часто касается рекламы, рассчитанной на молодежь или детей – вспомним того же лисенка Малабара.

Симптомы психических патологий, столь явственно встречающиеся у героев рекламных роликов, часто связаны с употреблением тех или иных пищевых продуктов или средств личной гигиены. Возникает впечатление, что под маской безобидных жевательных резинок, средств, освежающих дыхание, различных сортов кофе и газировки, дезодорантов и т.д. скрываются мощные психоактивные вещества – галлюциногены, транквилизаторы, психостимуляторы, антидепрессанты, афродизиаки и пр., и пр. В одних случаях эти вещества воздействуют только на того, кто их употребляет. В других – еще и на окружающих.

Начнем с наиболее безобидных. В ряде роликов, рекламирующих кофе, чай, какао, шоколад (или даже десерты вроде «Растишки»), люди, их употребляющие, явно переживают «краткое помрачение сознания в виде особого «озарения», блаженства, измененности окружающего и проприоцептивных ощущений с появлением легкости тела, полета»[6] («Бабушка, я опять летал во сне!»). Признаемся, что для кофеина и теобромина, которые содержатся в большинстве данных продуктов – это слишком. У них нет столь выраженного эйфорического эффекта. Зато он есть у таких психостимуляторов, как кокаин, эфедрин, амфетамин (бензедрин, фенамин), первитин. В ослабленном виде он также выражен у антидепрессантов, которые, подобно рекламируемым чаю, кофе и какао, также способны придать человеку силы аж на целый день напряженного труда. Транквилизаторы в больших дозах тоже дают сходный эффект. Так что, говоря словами из рекламы «Пепси», «смотри, что пьешь!».

Далее уже идут рекламные герои, не ограничивающиеся употреблением жалких психостимуляторов и антидепрессантов.

Вспомним молодого человека, перебравшего «Миринды-персика». Самому ему тут же «сносит башню», ведет он себя возбужденно и несколько настороженно, а его голова превращается в огромный персик. Причем этот персик видит и его мама (очевидно, парень успел дыхнуть на нее). Иначе говоря, налицо симптомы, напоминающие гашишное опьянение, с характерными для него нарушениями схемы тела и метаморфпсиями.

Другие персонажи рекламных роликов предпочитают испытывать психоактивные вещества на знакомых и незнакомых людях. Так, например, поступают многочисленные приверженцы освежителей дыхания, жевательных резинок или дезодорантов. При столкновении с этими экспериментаторами прочие люди моментально теряют способность критически мыслить, принимать самостоятельные решения и вообще действовать по собственной воле. Также резко меняются испытываемые ими эмоции: ранее безразличные люди вдруг начинают испытывать к рекламному герою половое влечение или прислушиваться к его профессиональным советам, вообще резко изменяют отношение ко всему, что он говорит и делает. Характерный пример: исполнители группы «Авария» после употребления «обычной колы» начинают петь заунывную песню, а затем переживают бурный подъем настроения, отхлебнув привычной «Пепси». И это с одной стороны похоже на эксперименты с ЛСД (которые в 50-е-60-е годы ставило ЦРУ[7]) без ведома подопытных, а с другой напоминает типичную картину купирования абстинетного синдрома путем приема новой дозы наркотика. Иными словами, в реальности рекламных роликов психоактивные вещества нередко используются для манипуляции и «промывания мозгов», а, кроме того, вызывают зависимость у тех, кто их употребляет.

Как сообщается на сайте Mednovosti.Ru, каждый четвертый житель России с ее 150-миллионным населением сегодня страдает психическими или невротическими расстройствами. Эти данные прозвучали на прошедшей недавно в Санкт-Петербурге конференции «Психология и психотерапия. Психотерапия детей, подростков и взрослых: состояние и перспективы».

И поэтому не удивительно, что создатели сознательно или бессознательно спекулируют на испытываемых многими из наших сограждан психотическими состояниями вроде депрессии, астенической неуверенности в себе, параноидальной мнительности и т.д., и т.п., и связанных с ними проблемами социальной адаптации. Беда в том, что избавиться от этих симптомов и проблем предлагается (пусть и в шутливой, гротескной форме) не просто с помощью неадекватных, но и просто этически неприемлемых средств – приемом психоактивных веществ (от антидепрессантов до наркотиков), а также путем явной манипуляции другими людьми.

Возможно, реклама не так уж и виновата в нашей сегодняшней страшноватой статистике. В конце концов, в рекламе, как и в культуре вообще, всего лишь отражается психическое здоровье нашего общества.

Но даже если это так, то болезни надо лечить, а не рекламировать, как это фактически происходит сегодня.

[1] *Сметанников П.Г.* Психиатрия. Руководство для врачей. - М., 2002. - с. 24.
[2] Там же, с. 23.
[3] Там же, с. 31.
[4] Там же, с. 25.
[5] Там же, с. 25-26.
[6] Там же, с.266.
[7] См. подробнее *Д.Маркс.* ЦРУ и контроль над разумом. - М., 2003. - с.112-148.

М.А. Фадеичева

ГОЛУБЧИКИ ЛИЦОМ К ВОСТОКУ

(ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ)

Марианна Альфредовна Фадеичева,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

Социальные трансформации, начавшиеся на рубеже XX-XXI веков и продолжающиеся в XXI веке, приводят к необходимости их осмысления. Философская рефлексия по поводу места человека в мире в политологическом дискурсе оказывается проблемой самоопределения политических акторов. При этом не имеет значения, какие причины привели к социальным и политическим катаклизмам: или «люди играли и доигрались с АРУЖЬЕМ» [с.16](, или люди играли и доигрались в политику. В любом случае Взрыв имеет Последствия. Последствия многообразны. «У кого руки словно зеленой мукой обметаны, будто он в хлебеде рылся, у кого жабры; у иного гребень петушиный али еще что. А бывает... к старости прыщи из глаз попрут, а не то в укромном месте борода расти учнет до самых колен. Или на коленях ноздри вскочат». А некоторые, «будто в них что заклинило». Обычно они имеют «ОНЕВЕСТЕЦКОЕ АБРАЗАВАНИЕ». У них такое последствие – людьми навсегда оставаться и гражданами. «Но таких, почитай, раз, два и обчелся» [с.16]. У других в качестве Последствия – ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ: то с одной стороны прыщ выскочит, что каждый народ имеет свою исконную территорию, «родную землю», на которой должен жить; то с другой стороны обозначится, что каждая этническая общность должна политически самоопределяться, чтобы обрести свою государственность; то с третьей выпрет, что каждая этническая общность обязана говорить на своем языке. Все это вместе ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМОМ называется и очень жить мешает.

Субъектное многообразие в мире после Взрыва снова ищет свое место и этногеополитически самоопределяется: кто вы, голубчики? куда вы движетесь? Пространство и время – атрибуты материи. Время, оно и так понятно: какое хочешь, такое и будет. Есть разные темпоральные измерения. Хочешь в аграрное общество – пожалуй в село, например, Клевакино Режевского района Свердловской области. Хочешь в индустриальное – пожалуй в Краснотурьинск али еще куда, где заводы большие стоят. А хочешь одной ногой в постиндустриальное общество попасть – давай в Екатеринбург, а уж ежели двумя – тогда в Москву, ну в Санкт-Петербург на худой конец.

Так куда ж «простым голубчикам» [с.72] податься? «Куда» – это вопрос пространственной определенности. Хоть голубчики «малые да сирые» [с.73], хоть и не видели ничего, хоть дальше своего околотка нигде и не были, свои стереотипные этноцентрические представления о сторонах света имеют. Если и заглядываются со своего крыльца на сторону, то каждой стороне света цену знают. Сами голубчики живут в стране северной, но еще севернее края есть. «На севере – дремучие леса, бурелом, ветви переплелись, и пройти не пускают, колючие кусты за порты цепляют, сучья шапку с головы рвут. В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь» [с.7]. Которому голубчику хребтину сзади перекусит, «когтем главную жилочку нащупает и перервет, так весь разум из человека и выйдет», тот и помирает. Стало быть, на север не ходи. Опасно! «На запад тоже не ходи. Там даже вроде бы и дорога есть – невидная, вроде тропочки. Идешь-идешь,... с полей сладким ветерком повевает, все-то хорошо, все-то ладно, и вдруг, говорят, как встанешь. И стоишь. И думаешь: куда же это я иду-то? Чего мне там надо? Чего я там не видел? Нешто там лучше?» [с.8]. Зачем мне этот капитализм загнивающий, свободы эти, права всякие, ценности либеральные, собственность частная, ответственность персональная? Что со всем этим делать? К чему приспособить? Как почувствуешь тлетворное влияние запада, так «плюнешь и назад пойдешь. А иной раз и побежишь. И как завидишь издали родные горшки на плетне, так слеза и брызнет» [с.8]. Тошно... «На юг нельзя. Там чеченцы. Сначала все степи, степи – глаза вывалятся смотреть, – а за степями чеченцы» [с.8]. Страшно!!! А вот восток – дело другое. «Мы все больше на восход от городка ходим. Там леса светлые, травы долгие, муравчатые...[с.13]. «В аккурат на восходе от городка стоят клелевые леса» [с.15], богатые шишкой и дичью. Вроде бы и не живет там никто, одна съедобность и утилитарность. Продвижение на восток до Взрыва мирной колонизацией называлось. Хорошо!? Знающие люди говорят, что с востока могут прийти китайцы, и, видимо, уже идут.

Однако, выбравшись на свое крыльцо, куда ни кинь, куда ни посмотри, кругом «какая тьма! На север, на юг, на закат, на восход – тьма, тьма без

края, без границ, и во тьме... падаешь и падаешь, и нетути дна...» [с.71], нет предела падения, и кажется, что «кысь в спину смотрит!!!» [с.98]. Правда, «ЭНТЕЛЕГЕНЦЫЯ» [с.21] «никакой, говорит, кыси нет, а только одно, говорит, людское невежество» [с.28]. Это тьма внутри. Это людское невежество кричит тоской, смешанной со злобой, изнутри раздается «чуть слышно, но явственно – далекий, жалобный, северный голодный вой» [с.73].

Испытывая на себе тяжелые последствия в виде мракобесия и невежества, лицемерия и враждебности, мучаются голубчики, одержимые кысью – тоской, смешанной со злобой. «Человеку озлиться долго ли: палец покажи, он и озлился» [с.28]. Голодному голубчику озлиться еще быстрее получается. Без субъекта нет объекта. Объект злобы вот он – рядом. «Сосед – это ведь дело не простое, это не всякий-какой... Сосед человеку даден, чтобы сердце ему тяжелить, разум мутить, нрав распалять. От него, от соседа, будто исходит что, беспокой тяжелый али тревожность. Иной раз вступит дума: вот зачем он, сосед, такой, а не другой? Чего он?..» [с.29]. Сосед – он на то и сосед, что рядом живет. «Ну и подерешься другой раз, когда и до смерти, а то просто руки-ноги поломаешь, глаз там выбьешь, другое что» [с.29], он все равно почти что свой, Последствия у него аналогичные. А вот на чужого озлиться еще легче. «Чужой, он и есть чужой. Что в нем хорошего?... А может ему и не так голодно, чужому. Может, он как-нибудь так обойдется. Передумает есть. А свой – он теплый. У него и глаза другие. Смотришь – и видишь: кушать хочет... Свой – он немножко как ты сам» [с.29]. Если случается что-то неприятное, «себя-то, конечно, жалко до слез. Родню, приятелей – тоже жалко, но поменьше. А чужих как-то не жалко. Они же чужие. Как можно равнять?» [с.101]. Проблема своего-чужого казалась бы вечной, если бы не усугублялась в постмодерных обществах усилением всякого рода коммуникаций, в особенности, становящейся все более многосторонней кроссэтнической коммуникации, оборачивающейся вынужденным соседством и недобровольным сотрудничеством. «Вот бежишь шибко-шибко, через Поганый Мосток... мимо кохинорской слободы. Если кохинорец высунется, кинешь в него камнем для потехи, вроде согреешься... А почему кинешь, потому как кохинорцы эти не по-нашему говорят. Бал-бал-бал да бал-бал-бал – да и все тут, да и ничего не разберешь» [с.48-49]. Камень для голубчика – самое надежное средство коммуникации с иноэтничными элементами, а драки и погромы – наибольшее развлечение. «Ну это все больше в праздник, когда настроение хорошее, а в будни дни... кохинорцы из мышиных хвостов торбочки плетут, туески, да такие искусные, заковыристые, а после на торжище обменивают. А больше они ни на что не годятся, кохинорцы» [с.50].

В настоящее время стало аксиомой положение о возросшей роли этничности и этнического фактора в процессе социальных трансформаций. Однако проблемы перспектив развития полиэтнических государств, преобладания этнического сотрудничества или этнической конкуренции в национальном и глобальном масштабах, до сих пор не имеют однозначного решения. Будут ли голубчики и дальше швырять в кохинорцев камнями, поворачиваясь лицом к востоку, полагая, что там никого нет, кто бы заслуживал очередного брошенного камня?

Как однажды заметил Георг Зиммель, чужой – это не тот, кто сегодня приходит, а завтра уходит, но тот, кто сегодня приходит, а завтра остается. Неприятным открытием для голубчиков становится современный тренд увеличения числа незнакомых, чужих и соседей, тем более, что каждый из них «кушать хочет». Неспособность достигнуть гражданского согласия препятствует решению этой и многих других общенациональных проблем.

В окружении враждебных чужих, ненавистных соседей и нелюбимых своих у голубчиков своей оказывается только власть, хотя и она становится объектом обычного для них отношения, – неприязни, страха и любви из-под палки. Типы политической культуры участников, подданных и прихожан, которые обнаружили Г.Алмонд и С.Верба, следовало бы дополнить еще одним типом, – политической культурой голубчиков. Политической культуре голубчиков присущи конфликтность, конфронтационность и некомпетентность, релятивность политических принципов или их абсолютное отсутствие, конформизм, патерналистские иллюзии, стремление слиться с властью в ожидании льгот и вместе с тем дистанцироваться от нее. Для голубчиков традиционна нелюбовь к начальствованию и начальству при подданническом отношении к любому центру реальной власти. «Обычно идешь себе, семенишь, по сторонам сторожко поглядываешь: нет ли начальства какого? Ежели в санях едут – отскочишь на обочину, шапку долой, кланяешься. На рыло улыбочку умильную напустишь, масляную. Глазыньки тоже сощуришь, будто обрадовался..., словно он, мурза – не мурза, а бабушка с гостинцами... Проедет мурза, напылит, напачкает... Рыло можно опять прежнее, простое, злобное, – плюнешь, обматеришь, вслед оскорбление какое – пожалуйста» [с.92-93]. Малого мурзу «Шакал Демьяныча никто особенно не любит. Да и кто мурзу любить может? Разве что баба его, ну детушки малые, а так никто. А не для того он и предназначен, мурза, чтоб его любить. А он для того предназначен, чтобы порядок был... А без мурзы нельзя, без мурзы мы все перепутаем» [с.110]. Совсем не то – «глава государства», [с.68] – Федор Кузьмич, «слава ему», «Секлетарь и Академик и Герой и Мореплаватель и Плотник, и как я есть в непрестанной об людях заботе» [с.73-74]. И как для верующих все зло заключено в аду, а все добро – в раю, так для голубчиков все зло относится к мурзам всех ветвей власти, а всевозможные достижения и достоинства принадлежат одному гаранту, слава ему, который издал все Указы, совершил все открытия и сочинил все книги. «О прошлом годе изволил Федор Кузьмич сочинить шопенгауэр, а это вроде рассказа, только ни хрена не разберешь... А называлось: мир как воля и представление; хорошее название, зазывное. Всегда ведь что-нибудь в голове представляется, особенно когда спать ложишься; зипун под себя подоткнешь... И представляешь» [с.81-82]. «А уж если по правде, то нудьга такая, что не приведи господи» [с.83]. А уж если по правде, то голубчикам в принципе все равно: будь то Федор Кузьмич – Секлетарь и Академик,

будь то Кудеяр Кудеярыч – Генеральный Санитар, все равно «...свобода слева... или снова... не разберешь... Да чего-то надоело. Хватит свобод» [с.297, 299].

Если бы У.Ростоу жил в Федор-Кузьмичске [с.18] или Кудеяр-Кудеярычске [с.295] он, несомненно, обнаружил бы *общество преодоления и всеобщей неприязни*. Для «*общества потребления*» (оно же – *общество всеобщего благоденствия*) характерно отсутствие внешних и внутренних угроз, экономический рост, развитая социальная сфера, высокий уровень жизни, а также пристальное внимание к жизни индивида, интерес к повседневности, к здесь-и-сейчас-бытию, ориентация на успех, социальную и личную перспективу. Для *общества преодоления* характерно наличие внешних и внутренних угроз, отсталая экономика, дефективная социальная сфера, низкий уровень потребления, бытовое варварство, а также пренебрежение жизнью индивида, игнорирование повседневности, ориентация на «светлое будущее», «тот свет», отсутствие стремления к успеху и личной перспективе. Это есть *общество всеобщей неприязни*. Этому типу общества присущи особые качества: нетерпимость к иному, непримиримость позиций, стремление не к истине, а к правде, жесткость и жестокость, бескомпромиссность, неспособность к совместным действиям, ксенофобия и ряд других, присущих голубчикам черт. В обществах всеобщего благоденствия, основанных на гуманистической системе ценностей, в качестве предельного основания жизни общества выступает отдельный самоценный человек и гражданин, в котором все является результатом его суверенного выбора. В обществах всеобщей неприязни в качестве предельного основания жизни общества выступает общность, членом которой непременно оказывается, как все прочие, «такой же хомо сапиенс, гражданин и мутант» [с.68].

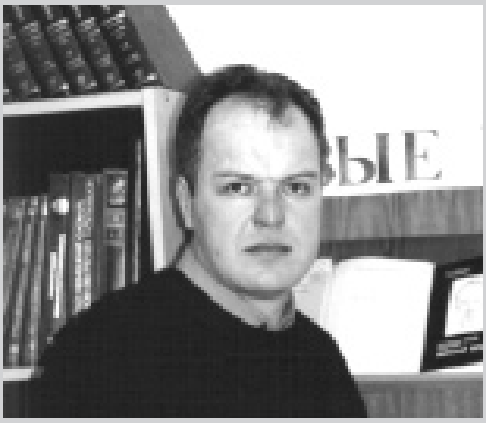
Граждане и голубчики определяют возможные этнополитические сценарии. Если общества всеобщего благоденствия распространят гуманистическую, рациональную систему ценностей на весь мир так же, как они распространили способы увеличения продолжительности жизни, то будет разворачиваться толерантный, единственно перспективный сценарий. В нем допускается нейтральное отношение к иному виду, образу жизни; к тому, что одновременно существуют различные языки, школы, обычаи, религии; при этом подобные различия представляются малосущественными по сравнению с общими проблемами. Отсюда следует толерантность как заинтересованность в совместном и современном существовании в обществе, члены которого приносят друг другу пользу.

Если возобладают маргинальные установки обществ всеобщей неприязни, то будет разворачиваться интолерантный, контрпродуктивный политический сценарий, вовлекающий глобус в перманентные национальные и этнические конфликты. Общества преодоления всегда находятся в состоянии борьбы с голодом и вынужденным «мышеедением», с бедностью и тотальной враждебностью, со «ржавью» как средством преодоления всех бед, которое, в свою очередь, требует преодоления. Неприязненные «голубчики» могут уничтожить и «Прежних», и «клелевые леса», и «кохинорцев», и «чеченцев», и непонятный запад, и самих себя. Существует только одна возможность избежать «апокалипсиса сегодня» – понять, наконец, что «кысь» – не на севере, и не на востоке, и вообще нигде вовне, она – внутри. Понять это и «выдавить из себя по капле» эту тварь. Тогда и случится перерождение мутантов и голубчиков в «хомо сапиенсов» и граждан.

* Сноски даны постранично по изданию: Толстая Т.Н. Кысь: Роман. – Переиздание. – М.: Подкова, 2003. – 320 с.

«НОВЫЙ КУРС» ПРЕЗИДЕНТА: ЧТО ДАЛЬШЕ?

С.В. Мошкин



Сергей Вячеславович Мошкин,
доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Комментарии экспертов по поводу инициатив Президента РФ, высказанных им на расширенном заседании правительства 13 сентября с.г., касаются, главным образом, двух принципиальных вопросов. Первый: конституционны ли по своему содержанию президентские инициативы, т.е. соответствуют ли они нормам действующей Конституции РФ? И второй вопрос: какие политические последствия для жизни страны наступят после реализации президентских инициатив?

Не затрагивая всех предложений В.В. Путина (всего их было сделано на том заседании восемь), рассмотрим два из них, наиболее принципиальных: об изменении порядка формирования Государственной Думы РФ и о новом порядке избрания руководителей субъектов федерации.

Начнем по порядку: конституционны ли предложения Президента? По нашему мнению – да, *конституционны*. И вот почему. Наш Основной Закон изобилует многими пробелами и отсылочными статьями, и вопрос об избирательной системе в Конституции РФ не прописан вовсе. Там не сказано, как должно формироваться Федеральное Собрание РФ в целом и Государственная Дума, в частности. В статье 96 говорится: «Порядок формирования Совета Федерации и порядок выборов депутатов Государственной Думы устанавливаются федеральными законами». А раз так, то этот порядок можно менять хоть ежедневно. К примеру, принцип формирования Совета Федерации за неполных одиннадцать лет пересматривался уже трижды. Теперь дошла очередь и до Государственной Думы. Для того, чтобы изменить правила ее формирования совсем не нужно покушаться на Конституцию, нужно всего лишь принять новый федеральный закон, что и намерен сделать Президент.

Это, так сказать, формальная сторона дела, но есть и другая. Обратите внимание, конституционный пробел по поводу избирательной системы привел к ситуации, когда депутаты Думы получили право определять правила игры для самих себя. Кто принимает федеральные законы, даже внесенные Президентом РФ? – депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации. Сегодня думское большинство составляют представителя «Единой России», избранные по партийным спискам. Естественно, они будут заинтересованы сохранить те правила игры, по которым уже однажды выиграли. Ведь каждый любит ту игру, в которой он одержал победу. А потому вряд ли стоит сомневаться, что послушное большинство «единороссов» одобрит внесенный Президентом законопроект о новом порядке формирования парламента.

Аналогично обстоит дело и с руководителями российских регионов. В Конституции ни слова не сказано о порядке их избрания. Зато в статье 77 записано: «система органов государственной власти... устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно», и далее очень важное для нашей темы уточнение – в соответствии с «общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом».

Таким образом, чтобы изменить порядок избрания лидеров российских регионов Президенту РФ и в этом случае незачем покушаться на действующую Конституцию страны. Достаточно лишь внести поправки в федеральный закон об общих принципах организации органов государственной власти, в котором черным по белому будет записано положение о том, что губернаторы краев и областей, президенты республик должны избираться региональными законодательными собраниями по представлению главы государства. Что, собственно, и было весьма поспешно сделано Президентом РФ 28 сентября с.г., т.е. спустя всего две недели после оглашения своей инициативы на заседании правительства 13 сентября.

После принятия соответствующих поправок Госдумой субъектам Федерации не останется ничего иного, как внести соответствующие поправки в региональное законодательство и впредь избирать своих руководителей по правилам, предложенным президентом страны.

Впрочем, остается некоторая двусмысленность в трактовке положения статьи 77 Конституции РФ о самостоятельности субъектов Федерации в установлении системы органов госвласти, которая, возможно, станет предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, если кто-либо в судебном порядке поставит под сомнение конституционность президентских новаций.

Итак, Конституция РФ не нарушена, *буква* Основного Закона соблюдена. Означает ли это, что *дух* Основного Закона остался неизменным и что политическая система и характер политического режима в стране останутся прежними? Конечно, нет. И здесь мы подходим к ответу на второй принципиальный вопрос – о последствиях президентских инициатив.

Первое, на что следует обратить внимание, это заданный Путиным В.В. тренд в сторону постепенного сползания Российской Федерации в унитарное государство, поскольку избрание глав субъектов Федерации непосредственно населением региона

является важнейшим признаком, если хотите, родовой чертой федерации. Если же учесть, что идея укрупнения российских регионов по-прежнему импонирует Президенту, то можно ожидать, что унитаристские тенденции в стране в скором времени лишь усилятся.

Второе. Избрание руководителей субъектов Федерации по представлению главы государства в нынешней российской политической практике означает ничто иное, как их прямое назначение президентской администрацией. В самом деле, трудно себе представить, что в том или ином регионе страны депутаты регионального парламента откажут в доверии президентскому посланцу. Если же такое случится, то законопроект, внесенный В.В. Путиным 28 сентября с.г., предполагает, что при непослушании президентской воле, т.е. при отказе утвердить (даже не избрать, а утвердить) представленную им кандидатуру, Президент вправе назначить временно исполняющего губернатора (президента республики). О каком федерализме, в таком случае, может идти речь, если в формировании глав субъектов Федерации намерен участвовать федеральный институт в лице Президента, а законодательные органы субъектов Федерации, в свою очередь, ставятся перед унизительной дилеммой – либо утверждать «президентского эмиссара», либо подвергнуться роспуску. И как объяснить с позиции федерализма назначение «врио» при отказе регионального законодательного органа согласиться с мнением Президента?

Безусловно, это поможет Кремлю в скором времени избавиться от ряда неугодных губернаторов и президентов республик, тем более, что у половины из них срок полномочий истекает в следующем, 2005 году. Однако решение этой, в общем-то, тактической задачи может иметь достаточно серьезные негативные последствия для демократического развития страны, поскольку в этом случае нарушается один из важнейших принципов демократии, который гласит: *политический процесс должен действовать и развиваться в соответствии с правилами и процедурами, которые неподконтрольны одному человеку, даже самому могущественному.* Для этого надо не унифицировать политическую систему, камуфлируя ее под лозунг «укрепления властной вертикали», а, напротив, последовательно дробить государство на несколько самостоятельных ветвей и уровней власти с собственными интересами, с собственной легитимностью и поставить их в зависимость от волеизъявления людей, т.е. осуществлять принцип разделения властей. В этом случае ни одна из ветвей власти, ни один из уровней власти не сможет обладать монополией. Более того, надо выстроить систему сдержек и противовесов, сконструировать таким образом, чтобы институциональные интересы ветвей и уровней власти не совпадали. И тогда, если одна из ветвей или один из уровней будут посягать на всевластие, другие не допустят этого, потому что это будет противоречить их собственным институциональным интересам. Это самый надежный способ, который пока выдумало человечество, чтобы защитить права и свободы граждан, не в надежде на хорошего правителя, а полагаясь на политические институты и процедуры.

В нашем же случае, о какой демократии может идти речь, если ее наиважнейший признак – занятие политических должностей с одобрения избирателей – ставится под сомнение президентской инициативой. Руководитель региона, фактически назначенный Кремлем, без сомнения, будет обладать меньшей легитимностью, нежели сейчас, когда он избирается путем всеобщего голосования. Такой «назначенец» не будет нести ответственности перед населением региона и станет руководствоваться, скорее всего, не интересами жителей области, края или республики, а стремлением продемонстрировать максимальную лояльность тем фигурам, от кого зависит его карьерная судьба. Показательно, что во внесенном в Государственную Думу президентском законопроекте одним из поводов для увольнения «назначенца» значится утрата доверия к нему со стороны Президента РФ.

Не стоит забывать и о том, что предложенные процедуры лишь подхлестнут коррупцию, поскольку претенденту на губернаторское кресло будет гораздо проще купить «право на кормление» в президентской администрации, нежели проходить горнило предвыборной гонки, в пургу или дождь агитировать избирателей, доказывая свое преимущество над соперниками.

Теперь о партиях. Рассуждения о том, что в России за все годы демократических реформ так и не сложилась партийная система, сегодня стали уже общим местом. Действительно, у нас отсутствуют политические механизмы, способные объединять интересы людей и трансформировать их в политические программы и действия. Наши партии (за исключением, пожалуй, коммунистических) напоминают, скорее, некие «временные творческие коллективы», задача которых инициировать кратковременный, но сулящий хорошие электоральные дивиденды, политический проект и обеспечить лидерам занятие тех или иных выборных должностей. Все это так. *Но осознание сложившейся ситуации как раз и является главным аргументом против намерений Президента РФ формировать Государственную Думу исключительно на принципах партийного представительства.* Дума, и без того ставшая придатком исполнительной власти и сращенными с нею олигархическими структурами, в этом случае будет формироваться из представителей «временных коллективов», спроектированных и допущенных Кремлем для участия в выборах. Административная поддержка поможет им преодолеть 7%-ый барьер, и в Думе воцарятся заведомо послушные бюрократы псевдопартий, не имеющие ничего общего с населением, чьи интересы они якобы выражают. В итоге российский парламент вконец утратит возможность формирования исполнительной власти и контроля за нею, тем более, что Президент предложил возложить контрольные функции за действиями властей на маловразумительную Общественную палату. Рассчитывать же на то, что президентские инициативы оживят партийное строительство, равно как и гражданское общество в целом, не приходится, поскольку еще никому в истории не удавалось высвободить демократический потенциал общества путем директивного распоряжения.

Таким образом, формально не нарушив *букву* Конституции, президентские инициативы принципиально изменили *дух* Основного Закона, поскольку под угрозой попрания оказались принципы демократического, федеративного и правового государства, каковым, в соответствии со статьей 1 Конституции РФ, является Российская Федерация. В который раз политическая целесообразность торжествует над правом.

ПОСЛЕ БЕСЛАНА: ПЕССИМИЗМ В КОНТЕКСТЕ PR

К.В. Киселев

Константин Викторович Киселев,
кандидат философских наук,
председатель Совета Уральской гильдии
политических консультантов

В очередной раз миллионы людей в ужасе плакали. Плакали, сидя у телевизоров и ловя каждое новое сообщение из Беслана. Плакали от жалости, от потрясения, от ненависти, от бессилия, от непонимания. В очередной раз миллионы готовы были отдать себя в обмен на захваченных детей. В очередной раз миллионы задавали себе вечные вопросы: о жизни и смерти, об их ценности и цене, о счастье и любви, о суетности и вечности. И в очередной миллионам сказали, что страна стала другой. И поначалу в очередной раз казалось, что так оно и есть, что так и будет.

Но прошло всего (или уже?!) две недели со дня начала трагедии...

О ситуации в Чечне

В своей речи В.Путин ни разу не упомянул о Чечне и, тем более, о чеченских корнях бесланской трагедии. Почему? Причины лежат на поверхности:

Во-первых, после только что прошедших выборов акцентировать внимание на том, что чеченские боевики террористы по-прежнему способны на самые разрушительные действия, значит – признать слабость чеченской власти, а прошедшие выборы псевдодемократическим фарсом;

Во-вторых, чеченским боевикам было показано, что, несмотря на любые их действия, им не позволят встать во всероссийскую повестку дня, не позволят сделать чеченские события повесткообразующими;

В-третьих, говорить о Чечне президенту, который давно уже должен был «замочить в сортирах» всех боевиков-террористов – значит признать свою собственную слабость.

Этих причин оказалось достаточно, чтобы Чечня осталась «за бортом» президентского обращения. Однако, простое замалчиванием чеченских следов общественное мнение едва ли изменит. Поэтому пропагандистскую проблему власть пытается решить, возложив ответственность на две наиболее одиозные фигуры чеченского террористического движения: А.Масхадова и Ш.Басаева. В этой логике остальные чеченцы, и мирные, и воинствующие, оказываются как бы не причем.

Такая пропагандистская политика вполне в русле реализуемой в Чечне стратегии, которая может быть описана классическим: разделяй и властвуй. Или в более мягкой формулировке: проблемы Чечни должны решить сами чеченцы и не только за счет остальных россиян. Отсюда попытка властной легитимации отдельных кланов, отсюда все заигрывания с группировкой Кадырова и т.п.

Стратегия далеко не нова. Ирак, Югославия, Афганистан, Грузия. Всюду применялась именно эта стратегия. Иногда она оказывалась успешной, иногда нет. В нашей ситуации эта стратегия приносит некоторые позитивные для России в целом результаты.

Основная проблема в том, что, действуя таким образом, власть может, во-первых, быть непонятой большинством российского общества, во-вторых, может стать заложником той силы в Чечне, на которую она делает ставку. Не факт, что завтра те люди, которых власть простила, которых наградила и одарила и которые ей сегодня и служат, завтра не обернут это же оружие против власти. Если сегодня младшему Кадырову позволено многое, то не факт, что он удовольствуется этим многим. Завтра он и люди, которые стоят за ним, вполне могут пожелать еще большего.

Другое дело, что *иной стратегии власть породить не в состоянии*. И издержки этой стратегии мы получаем уже сейчас. Например. Я не уверен, что нужно было называть улицу в Москве именем Кадырова. Более того, я уверен в обратном. Делать этого было просто нельзя. Никакой целесообразностью этого не оправдать. Ибо символы такого рода работают не на уровне политики, а на уровне нравственности. Разлагая нравственность общества, власть совершает стратегическую ошибку, исправить которую можно будет только через десятилетия, через поколения. И естественно, что, следуя логике целесообразности, нужно забыть о логике гражданского общества.

О Басаеве, Масхадове и прочих

Не могу сказать, что они обречены. Но то, что у власти остается практически единственный шанс для собственной реабилитации в глазах общественного мнения, и этот шанс заключается в поимке или уничтожении Басаева и (или) Масхадова, есть факт. И для использования этого шанса будут приложены все усилия. То, что уже сегодня, открестившийся от теракта в Беслане А.Масхадов через подконтрольные ему Интернет-ресурсы начинает «жаловаться» на «репрессии» в отношении своих родственников и свойственников, тому косвенное свидетельство.

Можно также предположить, что в безопасности себя не могут чувствовать ни А.Закаев, ни иные союзники-пособники лидеров чеченского терроризма. И вполне возможно, что именно они и будут выбраны в качестве целей для превентивных ударов российских спецслужб.

Однако, уничтожение отдельных лидеров чеченских боевиков, решая проблему успокоения общественного мнения и реабилитируя власть,

проблему Чечни не решит. Более того, вполне вероятно, что после обезвреживания Масхадова и Басаева начнется борьба за их властное наследство, которая в свою очередь вызовет новую волну террористической активности. И проклинать в России будут новые имена.

О войне

После захвата боевиками Бараева «Норд-Оста» нынешний министр обороны заявил, что против России начата война. И страна начала жить в состоянии войны. Потом, правда, об этом забыла. Привыкла.

Прошло два года. И вновь Иванов заявляет о начале войны против России. Позвольте спросить: «речь идет о разных войнах? Или об одной? Скорее всего, об одной. Но если стране было позволительно забыть о начале войны, то министр обороны должен был об этом помнить всегда, ибо сражаются и защищают страну на военных фронтах он и его подчиненные. И совершенно справедливо замечает Ю.Крупнов: «Предположим, что два года назад наступил условный 1941-й год – но сейчас-то на дворе уже «43-й». Пора бы наступить «коренному перелому». Но пока Сталинград «они» устраивают нам, а не мы «им». В 43-м министра обороны, который забыл бы о том, что война уже длится два года или который проиграл бы Сталинградское сражение, просто-напросто бы расстреляли, сейчас время изменилось. Можно уверенно сказать, даже выговор не объявят.

Почему? Все просто, *элита не воспринимает то, что творят с народом террористы как нечто экстраординарное, ибо в мирной жизни о народе и людях думает не часто.* В результате все слова о войне остаются только словами, демонстрирующими твердость и незыблемость власти, ее виртуальную решительность в борьбе со злом всех мастей.

Впрочем, заметим, что и пропагандистскую войну власть проигрывает, ибо до сих пор не смогла даже идентифицировать противника! Ведь он так и не был назван. Одиночки-смертники, демонизированные Басаев с Масхадовым, абстрактные международные террористы, олицетворением абстрактности которых является якобы убитый якобы негр, на роль противника в войне, уже дважды объявленной России, едва ли годятся. И в качестве виртуальных противников, и в качестве реальных. Слишком дорогую цену платят люди.

Все это есть свидетельство и того, что военная реформа, о которой так много говорили ответственные лица, включая министра обороны, не проводится или проводится бездарно, и того, что военная стратегия России такова, что у нее нет вразумительно сформулированных целей и приоритетов.

И, наконец, разговоры о войне вполне могут использоваться властью для обоснования своих действий по перераспределению бюджета в пользу силовых ведомств, по ограничению прав и свобод и т.п. Война оправдывает все или почти все, а потому разговоры о войне выгодны власти. Когда я слышу слово «война», я знаю, что мной пытаются манипулировать.

О правоохранительных органах

Профессиональную оценку действий силовиков во время теракта могут дать только профессионалы. Можно ли было сработать более эффективно? Не знаю. Хочется думать, что было сделано все возможное. Безнравственно было бы обвинять в чем-то людей, которые жертвовали собой, шли на смерть ради спасения и детей, и взрослых. Слава им. Но есть и другие «правоохранители», те, с которыми мы сталкиваемся постоянно и которые на самом деле и допустили возникновение такой ситуации. И не в первый раз. Это и милиция, и хваленая ФСБ, и суды, и прокурорские и т.д. Имя им легион.

Даже не специалисту понятно, что десяток честных хороших оперативников сработают против террористов лучше, чем дивизия «гаишников», особистов, следователей, дознавателей, судейских и прочих людей в серой и иных цветов форме, которые в лучшем случае не напугают законопослушных граждан своим видом и ненормативной лексикой, не возьмут взятку и вежливо проверят документы или зададут умный вопрос. Но не видно пока ни десятка супер-профессионалов, ни дивизии честных «ментов». И не будет.

Создается впечатление, что те средства, которые выделяются на правоохранителей, тратятся в большей степени на PR, тогда как более полезно было бы направить их на развитие корпоративной культуры. «Ментами», «убойной силой», «агентами национальной безопасности» и прочими, заметим, весьма эффективными техниками и приемами пропаганды можно изменить отношение общества к силовикам. Но нельзя заставить работать эти органы лучше.

Отсутствие профессиональной культуры, кодекса чести профессии, восприятие властной должности как возможности для зарабатывания денег имеют своим следствием коррупцию.

При этом правоохранительное начальство оправдывается всегда очень просто. Дескать, маленькие зарплаты. Повысьте зарплату, перестанут брать, начнут честно служить. Сомнения одолевают. Все мы видели много честных и добросовестных вахтеров, дворников, учителей, медсестер, воспитателей и нянечек в детских садах, работающих на зарплаты, которые много ниже зарплаты сержанта в районном отделе внутренних дел.

Дело в том, что уже сложился определенный стиль работы правоохранителей, суть которого в восприятии своей работы как бизнеса, а профессионального сообщества как бизнес-корпорации. В результате получается, что общество должно правоохранителям, а не правоохранители обществу. И перевернуть с головы на ноги эту систему, судя по всему, нынешняя власть и не может, и не желает, и не способна. Все ограничивается эффективным PR-ом.

О СМИ и свободе слова

Утверждение, что в России практически нет независимых федеральных СМИ, уже несколько лет как стало общим местом. Проблема в тенденции, декларациях и перспективах. Тенденция понятна – страх говорить свободно не просто сохраняется, но и усиливается. Пример главного редактора «Известий» Р.Шакирова показателен.

Декларации имеют обратную тональность. Власть желает развитого гражданского общества. При существовании противоречия между действиями и декларациями перспективы складываются «в пользу» действий. Только в этом случае общество имеет полное право возложить часть ответственности за бесланскую трагедию на молчащие СМИ и лгущих журналистов.

О партиях и Государственной Думе

Все партии во время трагедии вели так, как

они и должны были себя повести. Они молчали. Они ждали. Ждали указаний, ждали прояснения позиции вышестоящего начальства. И иначе быть не могло. И дело не в том, то современные партии, пожалуй, за исключением идеократической КПРФ, есть партии-проекты. Предполагаю, что иных партий в современных условиях и быть не может. Суть проблемы в качестве этих проектов, в целях и техниках их осуществления.

Основными характеристиками современных проектных партий являются: централизм, жесткая дисциплина, внешний контроль со стороны «проектантов». Отсюда безынициативность и несамостоятельность партийных структур, стремление согласовать любой шаг, боязнь сказать и сделать лишнее, бюрократический стиль работы, стремление в своем верноподданничестве перед «проектантами» быть правовернее любого другого однопартийца, интриганство и т.п. И все эти характеристики были заложены сознательно. Отказаться от созданного трудно, почти невозможно.

Таким образом, либеральный сценарий строительства партийной системы едва ли вероятен. Выбор, скорее всего, будет происходить между, с одной стороны, дальнейшим развитием этих проектов, включением в «эксперимент» с их участием местного самоуправления, изгнанием одномандатников, и, с другой стороны, фиксацией ситуации на «достигнутом» уровне. Последний вариант, несмотря на явно паллиативный характер, объективно предпочтительнее, так как сохраняет больше возможностей для корректировки процесса партийного строительства.

С Государственной Думой ситуация абсолютно аналогична. Молчание во время Беслана – симптом смертельной болезни представительной власти в России. Проект завершен, веет мертвечиной.

О Дзасохове

Роль Дзасохова в бесланских событиях не ясна. С одной стороны, он с очевидностью виноват. Виноват просто потому, что он глава республики, а потому несет ответственность за все, что в республике происходит. Виноват в коррупции в правоохранительных органах. Виноват в том, что его не было среди переговорщиков. Виноват просто в том, что он жив, а дети погибли. Виноват в том, что не подал в отставку сразу же после трагедии. Виноват в том, что цеплялся за власть.

С другой стороны, есть вопросы, на которые ответов пока нет и, возможно, не будет. Правильную ли тактику предлагал Дзасохов, призвав на переговоры Масхадова? И не его вина, что предложение не было принято федеральными властями. Не спровоцировало бы появление Дзасохова в Беслане еще более кровавую развязку? Должна ли гражданская власть, которую олицетворял Дзасохов, выполнять рекомендации спецслужб? Наконец, главный вопрос: сможет ли Дзасохов или кто-то иной может удержать осетинское общество от кровавой мести ингушам и чеченцам?

Отказ Дзасохова от отставки, скорее всего, не просто его личное решение. Можно предположить, что он выполняет задание федеральных властей. Ибо для них, отставка главы Северной Осетии означает признание правомерности требований об их собственном отстранении от власти. «Долой Дзасохова!» в переводе с осетинского на кремлевский звучит как «Долой Путина!».

Наконец, произойдет ли отставка. Все будет зависеть от настойчивости осетин. Если выдержат на митингах примерно неделю-две, то отставка произойдет с неизбежностью.

О мести

Спросим себя откровенно: мы верим в то, что организаторы и исполнители будут найдены и понесут наказание? Думаю, что большинство граждан России ответят отрицательно на этот вопрос. Не обладает наша власть тем символическим потенциалом, который изменил бы это мнение. Не верят люди власти. Символический потенциал В.Путина также поблек. В результате произошла нравственная легитимация мести. И сегодня все тоже самое большинство граждан России ждет этой мести, заранее оправдывая ее бездействием закона.

Об ограничении прав

Нам говорят, что мы должны поступиться своими правами. Поступиться ради безопасности. Какие же права у нас хотят забрать в добровольно-принудительном порядке? Право на свободу слова? Право на получение информации? Право знать то, что делают люди, которых мы и выбирали? Право на свободу передвижения? Право на неприкосновенность частной жизни? Право на свободу выбора?

Но давайте спросим себя: А эти права у нас были? Или точнее: имеем ли мы столько прав, что от их избытка мы можем смело отказаться. После 11 сентября в США также начались дискуссии о необходимости введения некоторых ограничений для обеспечения безопасности. Но стартовые позиции для ограничений были несколько иными. Вопрос ставился не о свободе передвижение, не о праве на получение информации, не о свободе слова и т.п., а всего лишь о возможности введения в стране общенационального удостоверения личности. Заметим, что и такая мера была расценена многими как существенное ограничение свободы.

С учетом наших, весьма слабых с точки зрения защиты прав человека стартовых позиций, любое новое ограничение означает очередной шаг к временам самиздата, кухонной оппозиции и т.п. Причем каждый следующий такой шаг, каким бы малым он ни казался, приближает к этим временам быстрее, чем предыдущий. В результате общество, оказавшись заложником этих шагов, может уже не суметь выйти из подчинения их логике. Точно также велосипедист на треке обязательно должен ехать быстро, остановка грозит ему падением.

Кроме того, приведет ли ужесточение действий режима в отношении граждан к ожидаемому результату и повышению уровня безопасности? Нет, нет и еще раз нет. И введение новых жестких норм по передаче и продаже транспортных средств, и ужесточение регистрационных правил, и ограничение въезда в столицы, и установление некоего контроля на административных границах субъектов РФ, и иные аналогичные ограничения просто-напросто приведут к увеличению коррупционных отчислений со стороны бизнес-акторов и простых граждан. В свою очередь, эта системная коррупция будет только способствовать терактам, ибо она кровно, финансово заинтересована в новых ограничениях и следом в новых финансовых вливаниях. Так, с чем и кем нам предлагают бороться? И за что? За возврат к самиздату? За все более тесный союз коррупции и террора? За экономическую и политическую автаркию регионов? За развал единого политического, административного и эконо-

мического пространства России? За видеокамеры в каждой квартире и жучки в каждом телефоне? За страх сказать что-то отличающееся от линии партии и генерального ее секретаря? В задницу такое ограничение прав и такую якобы безопасность!

О катастрофе и преемственности власти

Начиная с середины 90-х. гг., а то и раньше, российское общество пытаются буквально парализовать разговорами о гражданской войне, грядущей социальной или техногенной катастрофах. Вроде ничего особо страшного в этом нет. Лишние бдительность и ответственность не повредят. Но за этими словами вновь стоит СТРАХ и ожидание страшного.

При этом все мы должны понимать, что страх имеет свою оборотную сторону – стремление к ужесточению режима, стабильности и обеспечению преемственности власти, ее передаче «по наследству». Под действием страха преемственность власти выглядит уже не просто как технология, а как политическая неизбежность.

Страх стал нужным власти, которая желает воспроизводиться бесконечно. Власть сама начинает порождать страх. В обществе страха террористы не только подрывают доверие к власти, но и обеспечивают механизмы ее воспроизводства. В свою очередь, эта воспроизводящаяся власть, лишенная нравственной легитимности, восполняет нехватку доверия порождением и трансляцией новых страхов, с одной стороны, и антидепрессантными шоу, с другой. Технологии в результате заменяют политику.

Следствие этого – бюрократизации государственного организма и неизбежное умирание демократических механизмов.

О международном терроризме

Много было слов о международном терроризме. К чему они и зачем?

С одной стороны, это оправдание собственной импотенции. Если, мол, даже США не могут поймать лидеров Аль-Каеды, то и нам это позволено. Власть всегда склонна преувеличивать масштаб стоящих перед ней задач. Это позволяет осваивать больше средств, размножаться, срывать аплодисменты в случае удачи и оправдаться в случае провала.

Вторая причина связана с попыткой заручиться поддержкой мирового сообщества. Заручились. Даже исламские лидеры, известные своими радикальными взглядами, осудили убийство детей. Отныне, надеемся мы, чеченский терроризм не будет освящен знаменами джихада. И это реальное достижение.

Правда, Запад, помимо всего прочего, как обычно, решал свои задачи. Буш, например, делал себе рейтинг. И весьма успешно. Одновременно с этим, ведущие американские СМИ усиленно старались не называть Масхадова террористом, а Великобритания всячески транслировала точку зрения Закаева на трагедию в Беслане. А уж он комментировал... Но это уже издержки тактики.

Стратегические проблемы видны в двух направлениях. Первое из них – признание международного характера кавказского терроризма дает Западу аргументы для активного физического (прежде всего, военного) присутствия на Кавказе и вмешательства в процесс урегулирования ситуации в Чечне. Здравствуйте, лорд Джадд! И пригласили его мы сами. Второе связано с нашими отношениями с исламским миром: солидарность с Бушем и его политикой в Ираке и Афганистане означает как минимум напряженность в отношениях с большинством исламских государств.

Стоила ли овчинка выделки?

О кадровых перестановках

Едва ли нас ждут кадровые изменения. Во-первых, В.Путин просто не склонен к резким кадровым перестановкам. Ельцинский стиль кадровой политики не для него. Во-вторых, у В.Путина нет оснований для отставки Правительства и его чиновников, так как весь силовой блок подчинен лично ему самому, а потому любая отставка руководителя силового ведомства есть не что иное, как признание своей собственной некомпетентности. В-третьих, у силовиков и Путина всегда есть аргумент о том, что после формирования нового кабинета прошло не так много времени, и люди просто еще не успели навести порядок в своих ведомствах. Наконец, у Путина нет кадрового резерва. Команда себя исчерпала.

С другой стороны, именно от Путина ждут кадровых решений и прежде всего в форме отставок. И Путин должен, действуя по законам PR и виртуальной власти, оправдать эти ожидания, но оправдать виртуально. Иначе чем он подтвердит свои резкие заявления о коррупции, необходимости реформы и т.п.? Именно отсюда медийное отпиаривание указа Путина об отставках североосетинских силовиков, один из которых добивался этой отставки сам. Его, видимо, просто попросили подождать до указа.

Показателем желания перемен стала бы отставка тех лиц в администрации президента, которые разрабатывают и принимают решения и которые олицетворяют сам режим Путина, его курс. Таких как В.Сурков, Д.Медведев, А.Вешняков и прочих. Но это невозможно по определению

О политических технологиях

Виноваты технологи и технологии – говорят сегодня некоторые аналитики. Дело не в технологиях. Без политических технологий нельзя. На них держится мировой порядок. Нужно просто признать, что виновата не технология, а цель, ради которой эта технология используется. Дело в нравственности этой цели.

Например, с точки зрения политических технологий поездка В.Путина в 4 часа утра в Беслан абсолютно оправдана. Незачем Президенту РФ встречаться с убитыми горем родителями. Не может он ничего им ответить. Но не съездить в Беслан Президент не может. Вот и едет ночью. Все технологично.

Об организованных митингах протеста не хочется даже говорить.

В кризисных ситуациях, когда на излом проверяется нравственность всего народа, традиционные технологии должны быть заменены простой человечностью. Нужно перестать быть функцией. Даже человеку, который считается несгибаемым гарантом. Если высокопоставленные технологи этого не понимают, то грош им цена.

Меня часто спрашивают о том, что такое «черный PR». Теперь я знаю ответ на этот вопрос абсолютно точно: PR на фоне детских могил и плачущих матерей.

ПРИГЛАШЕНИЕ К МАСТЕРУ. ДИНАМИКА ИНВАРИАНТА

Ю.И. Мирошников

Юрий Иванович Мирошников,
зав. кафедрой философии УрО РАН,
доктор философских наук

Есть мыслители, которые достигнув интенсивным чтением определенного уровня эрудиции, творят как бы в свободном полете, как бы по наитию, не обращаясь более к чужому мнению. Такая характеристика совершенно неприложима к И.Я. Лойфману. Теоретические положения в его работах всегда – экстракт прочитанного, обдуманного и проведенного через собственную Лойфмана лабораторию, сквозь горнило структурно-функционального метода исследования фундаментальных научных понятий, научной картины мира, материалистического мировоззрения, универсалий культуры.

Лойфман – феноменальный книгочей, «поглотитель» информации из бумажных, электронных и прочих источников. Дома он часто работает (к примеру, просматривает рукописи) при включенном телевизоре. Modus vivendi флюгера – вращаться, чтобы не заржаветь – вполне когерентен образу жизни почтенного профессора. Он всегда в центре смыслового круга текущей литературы. Никто не сравнится с ним в способности выудить необычную вещь с книжного прилавка. Ему известны не только новинки философской литературы, уже увидевшие свет, – со многими изданиями он знакомится на стадии рукописи, а то и замысла. Тут нет преувеличения: с его помощью 24 ученых стали докторами философских наук, при его содействии задуманы и написаны десятки монографий. Нередко философов обвиняют в отрыве от реальной жизни. К Исааку Яковлевичу это никак не относится. Он, подобно Анне Ахматовой, мог бы сказать: был «тогда с моим народом, // Там, где мой народ, к несчастью, был».

Небольшая книжица в неполных сто страниц отражает сложный духовный путь, который страна прошла за последние четыре десятилетия. Если попытаться определить нынешнюю философскую позицию автора, было бы неправомерно определять ее как марксистскую, тем более ортодоксально марксистскую. И.Я. Лойфман сделался профессиональным философом и присоединился к традициям марксистской литературы в начале 60-х годов как физик, не только не убоявшийся метафизики, но горячо возлюбивший ее. То было романтическое время, когда мысли физиков на крыльях фантазии устремлялись в туманную поэтическую и метафизическую даль и уносились прочь, за пределы физической реальности. Величие и парадоксальность физической картины мира, развернувшейся на лекциях по квантовой механике С.В. Вонсовского, увлекли и заворожили молодого ученого, определив окончательный выбор. Учитель физики, девять лет проработавший в общеобразовательной школе, стал преподавателем философии, одним из основателей философского факультета в Уральском госуниверситете.

Мировоззренческая траектория последних сорока лет жизни Лойфмана – медленный, но неуклонный дрейф от философии природы к философии культуры. Свидетельством тому как раз и служат «Мировоззренческие штудии», включившие в себя избранные статьи, начиная с 60-х годов. Как предуведомляет сам автор, его «Штудии» отражают развертывание мысли по линии «общенаучные категории – научная картина мира – мировоззренческие универсалии культуры» (с.4).

Азимут лойфмановского дискурса, на мой взгляд, – это угол отклонения от меридиана марксизма. От взгляда на философию как на поле борьбы классовых сил и от представлений о существовании философии прогрессивной и реакционной (в советские времена реакционными объявлялись целые течения и даже эпохи) мысль «Штудий» эволюционирует к тезису о том, что философия в различных ее вариантах способна помочь мировоззренческому самоопределению личности, выступая в качестве необходимого условия духовной свободы. Между философией и духовной жизнью личности существует глубинная связь. Каждая личность полноправна в выражении своей особой философской позиции. Так, автор «Штудий» утверждает: «Многоголосие – характерная черта философии. Мир философии полифоничен» (с.36).

Согласно ортодоксальному марксизму, основные способы философствования обусловлены классовыми позициями мыслителей и основной вопрос философии (об отношении сознания и материи) существует для того, чтобы однозначно определить, с каким мыслителем мы имеем дело: с материалистом, отстаивающим интересы угнетенных, или с идеалистом, служащим верой и правдой эксплуататорам. Схема, что и говорить, чрезвычайно удобная и простая, но дело в том, что однозначно развести хотя бы известных европейских философов по двум «лагерям» невозможно. Попробуйте-ка честно приложить эту схему к таким великим умам, как Аристотель, Декарт, Кант, Гегель... Да имеет ли смысл сегодня вообще озадачиваться вопросом о первичности? Характерная примета нашего времени: из учебной литературы понятие основного вопроса философии исчезло. Но вопрос вообще – типичная форма философского мышления, вопрос фиксирует внимание на непознанном, мобилизует интеллект на решение обнаруженных проблем. Не-

возможно забыть знаменитые кантовские вопросы: что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?

Как решается эта теоретическая и вместе дидактическая проблема в системе мировоззренческих координат И.Я. Лойфмана?

Исаак Яковлевич исходит из того, что генеральным предметом философского познания выступает «феномен бытия человека в мире» (с. 34). Задача философии заключается в исследовании сущности бытия человека в мире, которая «вскрывается на уровне предельных оснований цельности, смысла человеческой жизни» (с.34). Вот он главный вопрос философии, ответ на который формулируется поразному, в зависимости от избранных предельных оснований (природа, Бог, общество, индивид). «В зависимости от принятого основания формируется тот или иной способ философствования со своей предметной областью исследования – феномена бытия человека в мире, смысла человеческого существования и назначения собственно философии. Таковы зародившиеся в древнегреческой философии и широко представленные в философии XX века натурализм, теоцентризм, социоцентризм, антропологизм» (с. 34). Сегодня, с позиций автора «Штудий», в дискуссии фундаментальных взглядов полноправное место занимает и теоцентрическое мировоззрение с его трактовкой основного вопроса как вопроса об отношениях Бога и человека. Отечественной культуре возвращено слово «Бог» с большой буквы, и это далеко не всем в нашем научном сообществе пришлось по душе. Даже материализм от понятия Бога не отказывается, ибо, как пишет автор, «в материалистической трактовке Бог есть воплощение человечности, общечеловеческих духовных ценностей» (с. 34).

Сотрудники Лойфмана утверждают, что он принадлежит к тому разряду людей, что не испытывают в своей жизни резких мировоззренческих переломов. Пожалуй, это верно, но лишь по форме. Дело в том, что Исаак Яковлевич, судя по всему, обладает «наносным» мышлением, свойственным, например, Ч. Дарвину (см. автобиографию великого эволюциониста «Воспоминания о развитии моего ума и характера»). Иногда, созерцая спокойную гладь старицы, любуясь задумчивым видом живописных берегов, путешественник не догадывается, что река давно течет по новому руслу и лишь раз в несколько лет освежает остановившиеся воды. В советские времена сложилось представление о стабильности исходных посылок учебного материала лойфмановских лекций по философии. В ту эпоху неоднократно (каждые пять лет) возвращаясь в знакомые стены Института повышения квалификации – основное место работы И.Я. Лойфмана, – я на себе испытывал «убаюкивающий» эффект знакомых пассажей – о видах материи и формах ее движения, об отражательной сущности сознания, парности категорий диалектики и т.д., и т.п. Но это была школа, прописи, предмет обязательного усвоения, основа философской традиции, позволяющая передать опыт следующим поколениям. Те, кто слушал лекции Лойфмана, объединены этими штудиями в «незримый лойфмановский колледж».

Если говорить об истоках программы этих штудий, необходимо помнить, что в 60-е гг., когда будущий ректор «незримого колледжа» начинал философскую карьеру, в советской философии шла отчаянная борьба между онтологами и гносеологами. Понятно, чью сторону в этой борьбе, достигавшей нешуточного накала, занимал Лойфман. Онтологическая проблематика в его творчестве составляла неоспоримую доминанту. В «Мировоззренческих штудиях» кое-что сохранено с той далекой поры: например, «О принципе совмещения в атомистике М.В. Ломоносова». Кандидатская диссертация И.Я. Лойфмана, защищенная в 1962 г., называлась «Историческое развитие и философское значение категорий притяжения и отталкивания». В 1975 г. он защитил докторскую, и ее титул тоже говорит за себя: «Принципы физики и философские категории». Таким образом, онтологическая тема долгие годы твердо держалась в центре его исследований. Однако уже в одноименной с диссертацией монографии, увидевшей свет в 1973 г., обратила на себя внимание глава «Научная картина мира как система методологических принципов науки», обозначившая явный сдвиг интересов автора в сторону гносеологической (или, как выражаются сегодня, эпистемологической) проблематики. Этот крен со временем становился все более очевидным, хотя Лойфман никогда не отказывался от предоставлявшихся возможностей вернуться к онтологическим увлечениям молодости. «Круговороты неизбежны», – один из многочисленных афоризмов Исаака Яковлевича.

В 90-е гг. зарождается интерес Лойфмана к философским проблемам культуры. От философии, ядро которой для него в былые годы исчерпывалось онтологией и гносеологией, он переходит к такой ее более сложной модели, которую невозможно построить без аксиологических оснований. Сегодня он разрабатывает с обязательной привязкой к ценностным понятиям единые структурные комплексы сознания, мировоззрения, деятельности (с.5, 23, 33). Характерное название статьи из «Штудий»: «О ценностном сознании верха и низа в науке». Даже в 80-е гг. подобная работа была бы для него невозможной.

Стоит отметить, что ступив на культурологическую стезю, Лойфман вовсе не следует модному течению мысли. Так, например, для него неприемлем постмодернистский подход к культуре: «В противовес постмодернистской эпистеме разрушения, абсолютизации всякого рода разрывов и разломов, рассеяния и гетерономности, материалистическая диалектика утверждает единство тождества и различия» (с. 45). Речь идет о тождестве и различии между природой и обществом (цивилизация как мера освоения природы обществом), между обществом и личностью (культура как мера человечности общества) и т.д. (с. 45, 48, 49). Главное же возражение постмодернизму вытекает из бережного отношения Лойфмана к традиции и школе. Он движется вперед, как двуликий Янус, – напряженно вглядываясь в будущее, ни на минуту не теряя из виду прошлое. В прошлом ему дороги онтологизм, гносеологический реализм, социальная ориентация, то есть то, что свойственно и диалектическому материализму, и русской религиозной философии конца XIX – начала XX века (с. 32). Это инвариант российской философской мысли – устойчивое, повторяющееся в изменчивом, вечное во временном. В будущем Лойфмана привлекает философия как «самосознание культуры и в этом смысле – ее вершина, ее живая душа» (с. 41).

Предлагаем вниманию читателей одну из последних неопубликованных работ И.Я. Лойфмана

И.Я.Лойфман

И. КАНТ — ЧЕЛОВЕК НАУКИ

И.Я.Лойфман,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
Уральский государственный университет

Развивая в контексте диалектико-материалистической философии фундаментальную идею И.Канта об активной роли субъекта в познании, можно утверждать, что научный разум как познавательная способность человека и выражение его познавательных потребностей раскрывается во взаимодействии субъекта и объекта. Познание объекта как такового, «самого по себе» и его оценка, определение значимости объекта для субъекта друг друга обусловливают и вне этого взаимного отношения просто не существуют. В сущности, познавательные отношения научного разума являются ценностно-познавательными, а его ценностные отношения являются познавательно-ценностными. В реальном процессе познания оба типа отношений нераздельны, представляют собой единство противоположностей, через диалектику которых, «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку».[1]

Сопряженность гносеологических и аксиологических измерений научного разума представлена в ценностных регулятивах научного познания и в ценностных характеристиках научного знания.[2] Ценностная нейтральность научного знания, независимость теоретического разума от разума практического, когниций от интенций, объяснения от понимания — не более чем абстракция познающего субъекта, упускающего экзистенциальный характер человеческого познания. Заметим в этой связи, что И.Кант утверждал единство теоретического разума с практическим, а также считал, что «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы».[3] На этой позиции стоит и современная герменевтика. Согласно П.Рикеру, понимание, образующее смысл интерпретации, предваряет, сопутствует и завершает объяснительные процедуры; «понимание без объяснения слепо, а объяснение без понимания пусто».[4] В общем плане познавательные отношения научного разума сопряжены с его исходными ценностями, о которых речь далее.

В отношении к объекту (исходное познавательное отношение) научный разум выступает как предметно-концептуальное осознание бытия, идеальное объективно-истинное отображение объекта субъектом в научных понятиях и теориях, в научной картине мира. Интенцией научного разума в данном отношении является движение к истине как процесс перехода от неполного знания к более полному, который никогда не может прекратиться, ибо мир неисчерпаем. Идеалом, абсолютной (безусловной) целью субъекта науки, детерминирующей его деятельность, является достижение всеобъемлющего, то есть абсолютного, знания о природе, обществе и человеке. Абсолютное знание о мире дано науке актуально и потенциально, в целом же научное познание есть бесконечное историческое движение к абсолютной истине через истины относительные. Абсолютная истина — это культурно-исторический идеал субъекта науки, исходная объективная ценность научного разума.

В отношении к практике (центральное познавательное отношение) научный разум выступает как оперативно-технологическое осознание бытия, идеальное рациональное преобразование субъектом объекта, научное обоснование практики, ее предвидение и обобщение. В марксистском понимании внутренне неограниченная человеческая способность познания не есть последняя основа бесконечного прогресса познания. Сама эта способность производна от способности человека к потенциально безграничному преобразованию окружающего материального мира, так что абсолютность познания обусловлена абсолютностью практики. Интенцией научного разума в отношении к практике является ориентация на благо человека и человечества, развитие человечества посредством развития науки (В.И.Вернадский). Смыслом, абсолютной (безусловной) целью деятельности субъекта науки является удовлетворение фундаментальных потребностей человека и создание более совершенного природно-социального мира. Всеобщее благо — это культурно-исторический идеал субъекта науки, исходная интерсубъективная ценность научного разума.

В отношении к субъекту (завершающее познавательное отношение) научный разум выступает как оценочно-экзистенциальное осознание бытия, идеальная гуманистическая оценка субъектом его отношения к объекту и к собственной деятельности, как средство и момент очеловечивания действительности, самореализации

и самоизменения субъекта. Человек познает действительность, чтобы преобразовать ее, подняться над ней, обрести свободу. Можно сказать, что объективно-истинное знание несет в себе прогрессивное содержание, ибо оно в конечном счете служит объективному ходу истории, расширяет свободу исторического действия людей, их господство над природой и над самими собой. В известном смысле и отношении знание есть бытие свободы, а свобода, согласно И.Фихте, есть абсолютная субъективность. Кантовское понятие свободы как способности ставить любые цели вообще предполагает подчинение свободы закону долженствования, причем моральный закон есть императив, который повелевает категорически. Интенцией научного разума в этом плане является свобода творчества. Она предполагает ответственность и неотделима от продуктивной критики существующего, которая и ведет к научным открытиям. Интеллектуальная свободы – это культурно-исторический идеал субъекта науки, исходная субъективная ценность научного разума.

Как и познавательные отношения научного разума, его исходные абсолютные ценности системно связаны деятельностью субъекта. Будучи культурно-историческими идеалами научной деятельности, абсолютная истина, всеобщее благо и интеллектуальная свобода призваны служить образом образов, целью целей и мотивом мотивов человеческой деятельности. Они обусловливают друг друга, детерминируя деятельность субъекта науки объективно-интерсубъективно-субъективно: истина измеряется благом, а благо реализуется благодаря истине; истина освобождает, а свобода ведет к истине. Эта системная детерминация имеет трансисторический характер, приобретая конкретно-историческую форму в традиционном, индустриальном и информационном обществе. В современной науке восхождение к абсолютной истине, воплощенной в научной картине мира, направлено на постижение статистической гармонии мира, коэволюции человека и природы; осуществление всеобщего блага, адекватно выражающего интересы всех, выступает как сохранение жизни на земном шаре; интеллектуальная свобода ученого должна быть гуманистически ответственным свободомыслием, решительно исключающим всякую лженауку. У входа в науку, как и у входа в ад, – писал К.Маркс – должно быть выставлено требование: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда; здесь страх не должен подавать совета».[5]

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.
2 См.: Кузнецов Б.Г. Ценность познания. М., 1975; Наука и ценности. Новосибирск, 1987; Лойфман И.Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии. Свердловск, 1987; Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. М., 1990.
[3] Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т.3. С. 155
[4] Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 187.
[5] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 9.

переводы

Перевод С.Е. Вершинина

О. Шпенглер. «ГОДЫ РЕШЕНИЯ»

Предисловие переводчика

Работа О. Шпенглера «Годы решения» («Jahre der Entscheidung») появилась в Германии в продаже в августе 1933 г. Это был переработанный доклад, сделанный автором еще в 1930 г. в Гамбурге под названием «Германия в опасности». Поначалу хорошо воспринятая нацистами (Шпенглеру пришлось специально написать предисловие, чтобы книгу выпустили в печать), она вскоре была подвергнута критике, а имя автора перестали упоминать в периодической прессе. Ведь Шпенглер ни разу не упомянул имя Гитлера, а победу нацистов оценил вообще невысоко – «не было настоящего противника». Зато тут же эта книга вышла в США, Франции, Англии и Италии.

Основная идея работы заключена уже в названии доклада. Шпенглер дает острую критику политической и хозяйственной ситуации в Германии и в мире, призывает к политической ответственности мировых держав. Однако его сверхзадача – это поиск национальной немецкой идеи и немецкой идентичности, что может быть любопытно современному русскому читателю. Шпенглер обрушивается на европейский либерализм, обнаруживая в нем корни русского большевизма, противопоставляет этим двум, с консервативных позиций, идеал пруссачества (понимаемого не географически, а идеологически). Он рассматривает два вида мировых революций – «белую» и «цветную», подчеркивая окончание первой и развертывание второй. Особый интерес представляют рассуждения немецкого мыслителя об исчезновении «европейского» общества в России после большевистской революции 1917 г. и замене его на «азиатское». При этом, парадоксальным образом, оценки Шпенглера ситуации в России и мире в начале 1930-х гг. оказываются актуальными в современных условиях глобализации и борьбы с международным терроризмом.

Ниже приводятся некоторые выдержки из книги, полный перевод которой выйдет в свет в издательстве «У-Фактория» в 2005 г.

С.Е.Вершинин.

«В... «межвременную» эпоху перехода, бесформенности, которая, вероятно, еще не достигла апогея беспорядка и текучих образований, совсем

тихо обозначаются новые тенденции, указывающие на далекое будущее. Начинают формироваться державы, по своей форме и положению предназначенные вести борьбу до конца за господство на этой планете, из которых только одну можно назвать *Imperium mundi* и она будет такой, если только ужасная судьба не уничтожит ее прежде расцвета. Нации нового вида следует понимать не так, как они являются сегодня – суммами равноупорядоченных индивидов с одним и тем же языком, а также не так, какими они были прежде, когда во времена Ренессанса картина, битва, лицо, мысль, способ морального поведения и мнения узнавались с определенностью по их стилю и душе как итальянские, хотя итальянского государства не существовало. Фаустовские нации конца XX века будут избирательным сродством людей с одинаковым чувством жизни, с одинаковым императивом сильной воли, само собой, с одним языком – без того, чтобы знание этого языка характеризовало или отделяло их, людей сильной расы, не в смысле сегодняшней расовой веры, а в моем смысле, подразумевающем сильные инстинкты. Этот смысл включает и превосходство взгляда людей, родившихся господами и чувствующих себя призванными действовать именно так, превосходство взгляда на вещи действительности, который сегодня в крупных городах и среди бумажных писак не умеют отличить от «духа» простого интеллекта. А как быть с числом? Число тиранило только прошлое столетие, стоявшее на коленях перед количеством. Один человек значит много против массы рабских душ, от пацифистов и улучшателей мира, стремящихся к покою любой ценой, даже ценой «свободы»...

Кажется, что Западная Европа потеряла свое определяющее значение, но, отвлекаясь от политики, это только так кажется. Идея фаустовской культуры выросла здесь. Здесь ее корни и здесь она одержит последнюю победу в своей истории или быстро погибнет. Решения, пусть даже они и не осуществятся, совершаются ради Европы, ради ее души, а не из-за денег или счастья. Но тем временем власть переместилась на периферию, в Азию и Америку. В первой – это власть над самой большой массой земного шара внутри одной страны, во второй – в Соединенных Штатах и английских доминионах – над обоими, связанными Панамским каналом, всемирно-историческими океанами. Между тем, ни одна из мировых держав этих дней не столь прочна, для того, чтобы о ней можно было с уверенностью сказать, что через 100, 50 лет она еще будет державой и даже вообще будет существовать.

Что такое сегодня держава большого стиля? Это государственное или аналогичное государственному образование, с руководством, имеющим всемирно-политические цели и, вероятно, также и силу, чтобы достичь их, все равно на какие средства оно опирается: армию, флоты, политические организации, кредиты, мощные банковские или промышленные группы с одинаковыми интересами, наконец и прежде всего, сильная стратегическая позиция на земном шаре. Все они могут быть обозначены именами миллионных городов, в которых собраны власть и дух этой власти. По отношению к ним целые страны и народы являются не чем иным, как «провинцией».

Это, прежде всего, «Москва», таинственная, полностью непредсказуемая для европейского мышления и чувства, решающий фактор для Европы с 1812 г., когда она – еще как государство – принадлежала к последней, а с 1917 г. для всего мира. Победа большевиков означает исторически нечто совсем иное, чем социально-политическую или хозяйственно-теоретическую победу. Азия обратно завоевывает Россию, после того, как «Европа» аннексировала эту страну через Петра I. Понятие Европы исчезает тем самым снова из практического мышления политиков или должно было бы это сделать, если бы мы имели политиков высокого ранга. Эта «Азия», однако, есть идея, а именно, идея, имеющая будущее. Раса, язык, народ, религия в сегодняшних формах бессильны в сравнении с ней. Все они могут и будут кардинально преобразованы. Что сегодня есть, так это лишь новый вид жизни, не определимый в словах, сам себя не осознающий, беременный большим ландшафтом, находящийся на пути к рождению. Определять будущее, рассчитать его, хотеть внести в программу, означает путать жизнь с фразой о ней – так, как это делает господствующий большевизм, недостаточно осознающий свое западноевропейское, рационалистическое и городское происхождение.

Население этой огромной части суши неприступно извне. Протяженность – это такая политическая и военная сила, которая еще никогда не была преодолена; это испытал уже Наполеон. Что это даст какому-либо противнику, если он займет такие большие области? Чтобы сделать такие попытки неэффективными, большевики сдвигали центр своей системы все дальше на Восток. Важные для политической власти промышленные области лежат в целом восточнее Москвы, по большей части к востоку от Урала до Алтая и южнее вплоть до Кавказа. Целая область западнее Москвы, Белоруссия, Украина, в царской империи когда-то самая жизненно важная от Риги до Одессы, образует сегодня фантастический гласис против «Европы» и может быть сдана – без того, что система рухнет. Но тем самым любая мысль о наступлении с Запада стала бессмысленной. Она натолкнется на пустое пространство. Эта большевистская власть не является государством в нашем смысле, каким была петровская Русь. Она состоит, как империя «Золотой Орды» в монгольское время, из правящей орды, называемой коммунистической партией, с главарями и всемогущим ханом и почти в сто раз большей, угнетенной, безоружной массой. От настоящего марксизма, кроме названий и программ, здесь осталось очень мало. В действительности существует татарский абсолютизм, подстрекающий и использующий в своих целях весь мир, не обращая внимания на границы, будь то даже границы предосторожности, лукаво, жестоко, с убийством как повседневным средством управления, с возможностью каждое мгновение увидеть появление Чингисхана, накатывающего на Азию и Европу.

Подлинный русский в своем чувстве жизни

остался кочевником, совсем как северный китаец, манчжур и туркмен. Для него Родина – это не деревня, а бескрайняя равнина, матушка Русь. Душа этого бесконечного ландшафта побуждает его к странствованию без цели. „Воля» отсутствует. Германское же чувство жизни имеет цель, которая должна быть завоевана: далекая страна, проблема, бог, власть, слава или богатство. Крестьянские семьи, ремесленники и рабочие странствуют здесь из одной местности в другую, от фабрики к фабрике, без лишений, следуя только внутреннему напору. Никакие насильственные мероприятия Советов не могут воспрепятствовать этому, хотя делают невозможным возникновение сословия обученной и связанной с предприятием рабочей силы. Уже поэтому закончится неудачей попытка создать и сохранить хозяйство западноевропейского вида без сотрудничества с внешним миром.

Однако воспринимается ли коммунистическая программа еще серьезно, как идеал, которому пожертвованы миллионы людей и ради которого миллионы голодают и живут в нищете? Или же это только в высшей степени действенное боевое средство защиты от подчиненной массы, прежде всего крестьян и нападения на ненавистный, нерусский мир, который должен быть разложен, прежде чем он будет низвергнут. Ясно, что фактически мало что изменилось бы, когда однажды по причинам властно-политической целесообразности коммунистический принцип потерпел бы крах. Названия были бы другими; административные отрасли хозяйственных организаций назывались бы концернами, комиссии – наблюдательными советами, сами коммунисты – владельцами акций. В остальном же западно-капиталистическая форма уже давно имеется.

Однако эта власть не может вести внешних войн ни на Востоке, ни на Западе, кроме пропаганды. Для этого система с ее западноевропейски-рационалистическими чертами, ведущими свое происхождение еще из литературного подполья Петербурга, является слишком искусственной. Она не смогла бы пережить никакого поражения, как и победы: одному победоносному генералу проиграла бы вся московская бюрократия. Советская Россия была бы заменена какой-нибудь другой Россией, а правящая орда была бы, вероятно, вырезана. Но тем самым был бы преодолен большевизм марксистского стиля, а националистически-азиатское выросло бы беспрепятственно до гигантских размеров.

.....

В России в 1917 г. одновременно произошли две революции – белая и цветная. Одна – поверхностная, городская, на основе рабочего социализма с западной верой в партию и программу, совершенная литераторами, академическими пролетариями и нигилистическими еретиками типа Бакунина вместе с низами больших городов, абсолютно риторическая и литературная. Она уничтожила петровское общество, по большей части западного происхождения, и выставила на сцену шумный культ «рабочего». Машинная техника, столь чуждая русской душе и ею презираемая, стала внезапно божеством и смыслом жизни. Но при этом медленно, упорно, молчаливо, с большим будущим, началась другая революция – мужика, деревни, собственно азиатский большевизм. Его первым выражением был вечный земельный голод крестьянина, гнавший солдат с фронта, чтобы принять участие в большом переделе земли. Рабочий социализм очень быстро распознал опасность. После первоначального союза он, используя ненависть к крестьянам всех городских партий – либеральных или социалистических – начал борьбу против этого консервативного элемента, постоянно сохранявшегося в истории всех политических, социальных и хозяйственных образований в городах. Он лишил собственности крестьян, снова фактически ввел крепостную зависимость и барщину, отмененную Александром II в 1862 г., и, посредством недоброжелательного и бюрократического управления сельским хозяйством – каждый социализм, переходящий от теории к практике, очень быстро захлебывается в бюрократии, – привел к тому, что сегодня поля снова зарастают, изобилие скота в прошлом сократилось до предела, а голод в азиатском стиле стал длительным состоянием, которое вынесет только слабовольная, рожденная для рабского существования раса.

Однако «белый» большевизм здесь быстро померк. Сохраняют только марксистское лицо для внешнего мира, чтобы развязать в Южной Азии, Африке, Америке восстание против белых властей и руководить им. Новый, азиатский слой правящих лиц сменил полузападников. Он снова живет на виллах и во дворцах вокруг Москвы, держит слуг и уже осмеливается развивать варварскую роскошь во вкусе монгольских ханов XIV в., собравших богатые трофеи. Есть «богатство» в новой форме, которое можно описать с помощью пролетарских понятий.

Произойдет возврат и к крестьянской собственности, вообще к частной собственности, что не исключает факт крепостничества и это возможно, так как армия уже обладает властью, а не гражданская «партия». Солдат – это единственное существо, которое в России не голодает, и он знает, почему и как долго. Эта власть неприступна извне вследствие географической широты России, но она сама нападает на себя. Она имеет наемников и союзников во всем мире, замаскированных так же, как она. Ее сильнейшим оружием является новая революционная, чисто азиатская, дипломатия, которая вместо того, чтобы вести переговоры, действует снизу и сверху, посредством пропаганды, убийств и восстаний. Тем самым она далеко превосходит большую дипломатию белых стран, которая еще не полностью – даже несмотря на политизированных адвокатов и журналистов – потеряла свой старый аристократический стиль, ведущий свое происхождение из Эскориала и последним великим мастером которого был Бисмарк.

Россия является господином Азии. Россия является Азией. Япония только географически принадлежит к последней. По своей «расе» она ближе к восточным малазийцам, полинезийцам и некоторым индейским народам западной стороны Америки. Но она является в океане тем, чем Россия является на суше: господином обширной области, в которой европейские государства уже не имеют никакого значения. Англия даже отдаленно не является господином в такой же степени в «своей» империи, не говоря уже о цветных английских колониях.

.....

Россия и Япония являются сегодня единственными в мире активными государствами. Благодаря

им Азия стала решающим элементом мировых процессов. Белые государства действуют под ее давлением и даже не замечают этого.

.....

Древние феллахские народы – индийцы и китайцы – никогда не смогут снова сыграть самостоятельную роль в мире великих держав. Они могут менять господ, одних изгонять – как, например, англичан из Индии, чтобы быть побежденными другими, но они никогда больше не смогут создать собственную внутреннюю форму политического бытия. Для этого они слишком стары, неподвижны, изработаны. Форма их сегодняшнего сопротивления вместе с целями: свободой, равенством, парламентом, республикой, коммунизмом и т.д., все без исключения импортированы из Западной Европы и Москвы. Они объекты и средства борьбы для чужих государств, их страны – поля битвы за чужие решения, но как раз благодаря этому они могут приобрести огромное, пусть и преходящее, значение.

.....

Но что все же принадлежит к «цветному» миру? Не только Африка, индейцы – наряду с неграми и метисами – во всей Америке, исламские народы, Китай, Индия вплоть до Явы, но, прежде всего, Япония и Россия, снова ставшая азиатской, «монгольской» великой державой. Когда японцы победили Россию, надежда забрезжила над всей Азией: молодое азиатское государство поставило с помощью западных средств крупнейшую власть Запада на колени и тем самым разрушило нимб «неодолимости», овевавший «Европу». Это подействовало, как сигнал, в Индии, Турции, даже в Капской провинции и Сахаре: стало быть, возможно отплатить белым народам за столетние страдания и унижения. С тех пор глубокая хитрость азиатских людей задумалась о средствах, недоступных и превосходящих западноевропейское мышление. И вот Россия, получившая в 1916 г. второе решающее поражение от Запада не без язвительного удовлетворения союзнической Англии, сбросила «белую» маску и стала снова азиатской, всей душой и с горящей ненавистью к Европе. Она усвоила опыт внутренней слабости последней и на этом построила новый тайные методы борьбы, с помощью которых оно охватило все цветное население Земли мыслью об общем сопротивлении. Это является, наряду с победой рабочего социализма над обществом белых народов, вторым реальным следствием мировой войны... Эта война была поражением белых рас, а мир 1918 г. был первым большим триумфом цветного мира: это символ того, что в Женевской «Лиге наций», являющейся не чем иным, как жалким символом постыдных дел, он может сегодня участвовать в обсуждении спорных вопросов между белыми государствами.

.....

Европейской цивилизации этого столетия угрожают не одна, а две мировые революции большого масштаба. Они обе еще не познаны в их действительном объеме, глубине и влиянии. Одна идет снизу, другая извне – это классовая борьба и расовая борьба. Одна в значительной мере уже позади нас, даже если ее решающие удары – например, в англо-американской зоне, вероятно, еще впереди. Другая, очень решительно, началась только в годы мировой войны и очень быстро приобрела четкие очертания и направление. В последующие десятилетия обе будут бороться, одна рядом с другой, возможно, как союзники: это будет самый тяжелый кризис, через который должны пройти белые народы – в единстве или нет, но сообща, – если они еще хотят иметь будущее.

«Революция извне» также поднялась как революция против любой из прошлых культур. Она постоянно исходила из скрежещущей зубами ненависти, которую вызывало непостижимое превосходство группы культурных наций, основывавшееся на созревших до высот политических, военных, хозяйственных и духовных формах и средствах, у безнадежно побежденных, «дикарей», или «варваров», бесправно угнетаемых. У такого колониального стиля есть высокая культура. Однако подобная ненависть не исключает тайное презрение к чужой форме жизни, с которой постепенно знакомятся, насмешливо рассматривают и наконец, отваживаются, негативно оценить границы ее влияния. Становится ясно, что многое можно позаимствовать, что другое может быть сделано безвредным или не обладает той силой, которая приписывалось ему вначале от сковывающего ужаса... Замечают войны и революции внутри мира этих господствующих народов, посредством принудительного использования посвящаются в тайны вооружения..., хозяйства и дипломатии. Наконец, сомневаются в действительном превосходстве чужаков и как только чувствуют, что их решимость править ослабевает, начинают задумываться о возможном нападении и победе.

.....

Ничего не изменится, если Москва, как отдающая приказы, должна будет умолкнуть. Она сделала свое дело. Дело дальше движется само. Мы вели перед глазами цветных наши войны и классовые бои, унижали друг друга и предавали. Мы потребовали от цветных участия в этом. Будет ли это чудом, если они, наконец, сделают это для себя?

Здесь грядущая история поднимается высоко над хозяйственной необходимостью и внутриполитическими идеалами. Здесь элементарные силы жизни вступают в борьбу ради всего или ничего. Пра-форма цезаризма очень скоро будет определенней, осознанней, более явной. Маски из эпохи парламентских промежуточных состояний полностью спадут. Все попытки определять будущее внутри партий будут быстро позабыты. Фашистские воплощения этих десятилетий перейдут в новые, непредвиденные формы, а национализм в сегодняшнем виде тоже исчезнет. Повсюду, не только в Германии, в качестве формообразующей силы останется только воинственный, «прусский» дух. Судьба, однажды сгустившаяся в значительных формах и больших традициях, будет делать историю в образе власти отдельных людей, не имеющей формы. Легионы Цезарей снова пробуждаются.

Здесь, вероятно уже в этом столетии, последние решения ожидают своего человека. Перед этими решениями мелкие цели и понятия сегодняшней политики превращаются в ничто. Чей меч здесь добудет победу, тот будет господином мира. Здесь лежат игральные кости ужасающей игры. Кто отважится бросить их?»

МИФ «ЛОГОСА»
(40-летию Уральской философской школы посвящается)

В.М. Русаков

Материал опубликован при поддержке РГНФ: грант №04-03-83307 а/у

Василий Матвеевич Русаков, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уральской государственной сельскохозяйственной академии

Уходят в невозвратное прошлое целые страницы замечательной истории Уральской философской школы, в особенности — истории в пору ее цветения. И ныне, — в пору ее, отягощенную плодоношением, — редкая голова студента Уральского госуниверситета повернется на шатком своем основании, дабы взором отнюдь не подслеповатым (нет, нет, не попорчен ныне глаз студента российского избыточным чтением толстых книг!) прикипеть к стене в трепетном поиске плода запретного для палатки ума своего![1]

Не то открылось бы взору некоего странствователя во времени, устремись мы в компании с таковым лет на 35 (для ровного счету!) назад.

По меньшей мере, мы стали бы свидетелями наглядной иллюстрации к разделу книги в духе Феохария Кессиди «От мифа к логосу» — только в обратной перспективе: от «Логоса» к мифу.

«Логосом» в де стародавние отчетливо-наивные времена простодушно и безыскусно именовалась «стенная газета философского факультета»[2]. Седое предание[3] — изустное, конечно, — приписывает его изобретение широко известному тогда в тех тесных кругах мудрецу П.П.Чупину, бывшему в ту пору заведующим кафедрой логики. Как говорили древние, «отсюда все стало есть» и вскоре по-своему хитроумная и даже разнообразно изощренная жизнь закипела в этом мирке.

Как настоящее мифологическое явление, «Логос» вибрирует, дрожит, образ его

теряет четкие очертания, приобретает многослойность, утрачивая свою материально-вещную определенность.[4] Вот почему сегодня всякому объективному исследователю трудно дать точное определение: что такое «Логос»? Случайный посетитель УрГУ в ответ на этот вопрос пожмет плечами (а если вы потом обернетесь, вы успеете заметить его характерный жест пальцем у виска). Крепкие парни в камуфляже на вахте не задумываясь скажут, что это, наверное, на втором этаже, в конце коридора направо. Бакалавры и магистры, конечно же, глубоким вздохом наберут много воздуха в легкие для самого обстоятельного ответа, но при этом впадут в столь тяжкую задумчивость....

И только старожилы — ох, уж эти старожилы! Что бы мы без них делали![5] — старожилы философского факультета (и уж совсем отдельные чудом сохранившиеся древние виды других факультетов) с загадочной интонацией скажут вам:

— А-а, «Логос»!.. хм...да как вам сказать...

В те неимоверно далекие времена, в отличие от нынешних, когда светлое будущее, было еще впереди, этот вопрос зеленого первокурсника еще более широкой всепонимающей улыбкой встречал матерый студентище третьего курса Рудольф Лившиц, который, правда, честно признавался, что сразу все объяснить трудно. С его слов можно было узнать, что «Логос» — это и цивилизация (или культура), это и мировоззрение (или позиция[6]), это приключение, произведение, сообщество (союз[7] единомышленников), и много чего еще. Загадка притягивала, всякому хотелось побыстрее пройти обряд инициации.

Сразу возникал вопрос о посвященных и жрецах. С низовьев первого курса где-то там, на недосягаемой высоте виднелись исполинские фигуры посвященных и уже совсем на легендарной вершине вздымались овеянные разнообразной славой и обросшие окаменевшим преданием основоположники[8]. Отцы-основатели — Л.Н.Коган, К.Н.Любутин, А.Ф.Еремеев, И.Я. Лойфман, В.В.Ким, и др. — кто по милости природы, кто из подвига самоутверждения, — щедро бросали в ряды приобщавшихся ослепительные искры пародий, поэм, эпиграмм, афоризмов, незаконченных пьес и неначатых романов, гигантских миниатюр и кратчайших эпопей. Посвящавшиеся и приобщавшиеся обретали магическое звание Автора. Удивительно, но они носили вполне земные имена — Иван Субботин, Лев Закс, Алексей Колесников, Юрий Мирошников, братья Заботины, Владимир Кривопальцев, Николай Нагорный и Татьяна Белопольская; впрочем, попадались и иностранцы: V.MacLakow, Husselnikov[9], V. Kasvan[10]

Особого разговора заслуживало бы само таинство сотворения «Логоса»: как и всякая мистерия, оно поражало обыденностью пересечения самого что ни на есть сакрального и сверхчувственного плана с мирским и посюсторонним, тем более, что свершалось все в предельно прозаической обстановке — на обшарпанных столах для заседаний того самого столь же могущественного, сколь и неведомого многим «парткома».

Опять же, как всякое истинно мифологическое явление, «Логос» был чем-то неизреченным: при всем том, что появление очередного выпуска и его содержание были предопределены с неумолимостью закона природы «планом выпуска», непосредственную дату этого события и внешний вид явления не мог— хотя бы и под пытками — выдать даже сам главный редактор. Что уж говорить о тщетных попытках бесчисленных штатных[11] и внештатных рецензентов и комментаторов выразить смысл увиденного!

«Логос» же, как та бэконовская материя, «играл всеми красками чувственного бытия», резвился и чудесил[12]: казалось, не было такого жанра, который

не был бы представлен в нем.

Изумленный взор технической работницы главного корпуса университета однажды поутру вполне мог столкнуться с полноразмерно развернутым рулоном обоев, затейливо испещренных самыми причудливыми письменами и снабженных массой рисунков, коллажей, ч/б фотографий. Даже те, кто торопливо устремляли свой бег к университетскому туалету, не говоря уже о тех, кто целеустремленно струился к буфету — столбенел, видя поистине шамполионову тщательность работника физического труда, скрупулезно вчитывавшегося в философскую эссеистику типа «Побеги чумизы» Бр.Заботиных.

Завхоз из АХЧ, потрясенный гремучей смесью чувств —подлинной радости первооткрывателя («Эврика!» – наконец-то нашел неизвестно куда запропастившиеся багетные рамы) и еще более подлинного гнева (Вот сволочи, оказывается, куда уперли!) — в онемении разводил руками перед *«Логосом» в рамках»* и гости университета уважительно кивали на него головами, находя в нем невероятно тонкого ценителя «инсталляций» и «перформансов» и содрогаясь от столь стремительного роста эстетической культуры университетских работников[13].

«Логос» был глубоко народным произведением, чутко реагировавшим на разнообразные веяния. В ответ на отеческие внушения старших товарищей и их тонкие рекомендации «не увлекаться» и «не впадать», а так сказать — «более выпукло, объемно отражать жизнь» — появился *«Логос» объемный»* (на кубах и параллелепипедах). Глубоко (?) трогали (?!) предельно реалистические скульптуры «Радость детерминизма»[14], «Загляни в незнаемое»[15], «Не влезай, убьет!»[16] и др. И, наконец, когда «руководящая и направляющая сила» стала мало-помалу задумываться над вопросом — что же она такое построила в стране, —появился *«Логос» в строительных лесах*».

И как подлинно эпическое произведение, «Логос» не имел определенного автора[17], он был продуктом коллективного духа той по-своему уникальной общности, что сложилась в философский факультет Уральского госуниверситета, он был феноменом уникальной ментальности, которая отобразилась в «Уральской философской школе».

Так, рождавшееся на свет детище философского факультета УрГУ, выраставшее из простых как мычание звуков его живой жизни, обрело слово и смысл, изрекло себя в мир и, покрывшись их хитросплетениями, растворилось в народе, сделавшись чистым мифом. А поскольку всякий миф живет лишь пока его хотя бы рассказывают (ведь воспроизвести его нельзя, да это и бессмысленно!), нам остается лишь уповать на юбилеи.

[1] И плодов-то запретных почти что не осталось, да и алчут их неокрепшие души в изнурительных просторах интернетпорноресурсов.

[2] Учитывая вполне *мифологический* и даже, как это будет виднее потом, *мифопоэтический* характер данного явления древней истории Уральской философской школы, необходимы некоторые неизбежные пояснения, поскольку современному наблюдателю многое представилось бы в нем по меньшей мере парадоксальным. Например, многим сегодня трудно взять в толк то, что, будучи по сути продуктом вполне ручного труда, этот объект обязательно самоаттестовался как сугубо «печатный орган» мало кому сегодня ведомого субъекта мужского пола, именовавшегося «партком». Кроме того, людям, хотя бы на повседневно-бытовом (и даже – физиологическом) поверхностном уровне знакомые с такой вещью, как «газета» (мы уже не говорим о пользователях интернет-газет!), вряд ли сумели бы понять, почему он именовал себя «газета». Не меньшей загадкой сегодня предстает и тот несомненный факт, что эта «газета» появлялась на свет совершенно без помощи таких, казалось бы, неизбежных вещей, как копир, принтер, факс, сканер и т.п. Пожалуй нынешнему обывателю наиболее понятным аспектом данного явления была бы его характеристика «стеннная» — он, действительно, размещался на стене! Однако, неожиданности подстерегали бы нас и здесь, ибо для «Логоса» это было не обязательно.

[3] Ибо известно оно нам со слов седых акынов, отцов-основателей философского факультета

[4] Нынешнего исследователя, если только он не представитель «археологии знания», а гораздо ближе к сенсуализму ползуче-эмпирической породы, ждет глубокое разочарование: никаких вещественных доказательств существования «Логоса» не осталось, даже такие странные документы, как «почетные грамоты» (надо полагать, были где-то и «нечетные»?) со странными надписями— «за развитие стенной печати (!?) в связи со 100-летием В.И.Ленина (?!)», не говоря уже о премии в 100 руб. (?) — все исчезло. Старожилы факультета говорили, что последним «обломком» «Логоса» был обрывок заставки одного из номеров, в который бывшая зав.кабинетом философии Г.Вартминская некогда завертывала от пыли комплект подписки дореволюционного журнала «Логос» (?). Однако нагромождение столь неправдоподобных деталей кажется маловероятным.

[5] Есть гипотеза: то же, что и всегда.

[6] Сегодня путают с позой (а то и с позами)

[7] Не путать с Союзом, хотя он, действительно, тогда был

[8] Не путать с основоположниками марксизма, те жили исторически чуть раньше

[9] Носитель этого славного имени не имел ничего против смелых предположений, выдвигавшихся нетривиальными факультетскими умами, относительно его еще более славного родства.

[10] Автор до сих пор неизданного уникального труда – «The Models of Paradise»

[11] К таковым необходимо отнести заместителей секретарей партбюро и парткома по идеологии, начальника военной кафедры, членов жюри по подведению итогов «смотра стенной печати» и бойцов невидимого фронта.

[12] Что в переводе на сегодняшний означает: оттягивался, оттопыривался и отпускался.

[13] Идея выпуска «Логоса» в рамках» родилась в ответ на административные отеческие укоризны, коим редколлегия подверглась после исполненного в рустическом стиле номера, посвященного поистине бесценным перлам ядреного самородного юмора военной кафедры (резюме «разбора полетов» гласило: надо держать себя в рамках»).

[14] Добротная собачья цепь с изящными рыбацкими колокольчиками

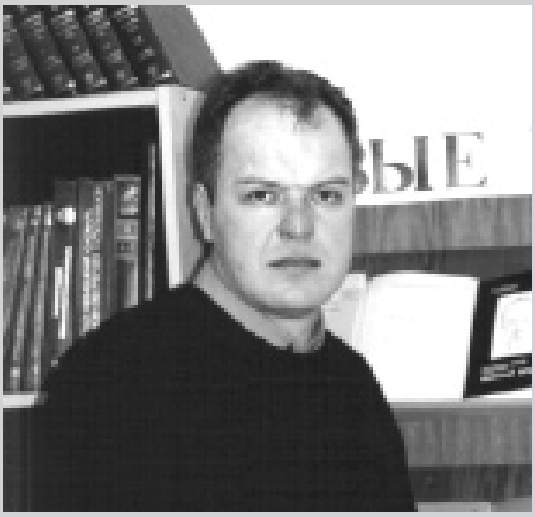
[15] Что характерно – туда так никто и не заглянул!

[16] Даже крайние циники вынуждены были признать неодолимую силу искусства!

[17] Конечно, предание философского факультета назовет вам кучу имен и фамилий и все это будет чисто беспримесной правдой.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВЯЖЕТ И РАСПУСКАЕТ
(Руководство по роспуску парламента от женского журнала «Спицы и пяльцы»)

С.В. Мошкин



* Прежде чем начать распускать парламент, тщательно его осмотрите. Если сразу заметно, что он достаточно обветшал и вылинял за время использования, то, может быть, разумнее его выбросить, не тратя времени и сил.

* Если вы все-таки решили, что кое-что из старого парламента вам может пригодиться в будущем, то смело приступайте к работе.

* Распускать парламент нужно сверху. Прежде всего следует выпороть спикера и отложить в сторону. Если он сохранил свою эластичность и упругость, он может еще послужить в другом месте.

* Теперь возьмите парламент за горло и тяните за основную ниточку. Если отдельные фракции слишком сильно связаны между собой, то при роспуске могут обнаружиться узлы и затяжки. Не утруждайте себя лишней работой. Просто обрежьте их.

* Если парламент сильно загрязнился, его в распущенном виде удобнее замочить и отбелить. При желании отдельные партии, смотанные в клубки, можно перекрасить в другой цвет и, комбинируя с новыми партиями, использовать при создании нового парламента.

* Помните, что парламент, искусно созданный из сочетаний нескольких партий, всегда выглядит богаче, нежели однопартийный.

ЗАКОН ОБ УРАЛЬСКОЙ НАУКЕ

Преамбула

(читать только тем, кто знает, что такое преамбула)

Российская наука является неотъемлемой частью уральской науки.

Если вы не можете оставить своим потомкам материальные ценности, смело оставляйте после себя нетленные научные достижения.

Статья 1. Наука и жизнь

Наука встречается повсюду. Все деятели науки периодически вносят в нее вклады разных размеров. Вклады в науку бывают двух типов: неоценимые и крупные.

Неоценимым называется вклад, за который автор назначил свою цену, но ему ее не дали.

Крупным считается вклад, который сумел отравить школьные годы не менее чем трем поколениям детей.

Статья 2. Научная ценность

Ученому бывает трудно оценить на глаз, является ли сделанное им открытие научной ценностью, особенно с утра. Для этих благородных целей человеческий разум создал Академию наук.

Академия наук – это место, где количество остепененных людей (или людей, имеющих ученую степень) на один квадратный метр в 3 раза больше, чем в буфете Дома кино, в 5 раз больше, чем в Кремле, и в 32 раза больше, чем на Шарташском рынке.

Возглавляет Академию наук, как правило, настолько светлая личность, что на нее просто больно смотреть.

Статья 3. Кузница уральской науки

Главной кузницей уральской науки по праву считается Институт философии и права. Здесь сама атмосфера пронизана ароматом высокой науки. Особенно этот аромат усиливается у кабинета директора.

Статья 4. Закон сохранения уральской науки

Трудно сохранить науку, если ты только вышел из института и сразу получил в глаз. От удара в глаз остепененные и неостепененные ученые и даже маститые академики движутся с одинаковым ускорением.

Дискурс Пи

М.Ф. Казанцев

КУЛИНАРНЫЙ ДИСКУРС: РЫЖИКИ ПО-СЕВЕРОКОНЕВСКИ

Михаил Федорович 179Казанцев,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Института
философии и права УрО РАН

Мои любимейшие кушанья в детстве – пельмени, арбузы и маринованные рыжики.

Пельмени я и сейчас люблю. Правда, пельмени теперь не те, что в детстве, даже приготовленные дома вручную. Ведь раньше в моей деревне Северо-Конево мясо было свое. Каждый год на него шел годовалый бычок или телочка. Мне их было очень жалко – за год привыкали. Мясо рубилось сечкой в деревянном корыте, а не в мясорубке, как сейчас. Было очень вкусно. Жалко, но вкусно...

Арбузы и сейчас также вкусны, как и раньше. Но их стало гораздо больше, вернее, они стали более доступны, чем в детстве, когда покупка каждого из нескольких арбузов за осень была праздником. Теперь арбузы можно есть каждый день. А доступность еды притупляет силу вкуса. Деликатеса должно быть мало. Почти ушло и детское восприятие арбуза как редкого лакомства.

Другое дело – рыжики. Они стали еще более редки, чем в детстве. Как уехал из деревни, почти не ел маринованных рыжиков. С той поры прошло тридцать лет. Но вкусовые ощущения до сих пор свежи. Теперь-то я понимаю, что получаемое от маринованных рыжиков наслаждение приближается к наивысшему...

Рыжики, которые я так любил в детстве, моя мама мариновала нижеизложенным способом.

Для маринования годятся ядреные рыжики (лучше со шляпкой от 2-х до 4-х сантиметров).

Чтобы получились маринованные рыжики по-североконевски, надо:

сначала подготовить рыжики, а именно – отсортировать, обрезать, при необходимости, почерневшие или засохшие кончики ножек, промыть в холодной воде, крупные рыжики (более 4-х сантиметров) разрезать на части;

затем рыжики положить в кастрюлю (лучше из нержавеющей стали или алюминиевую, а за неимением таковой – в эмалированную), добавить в кастрюлю с рыжиками немного воды (один-полтора стакана), лучше горячей, а также посолить по вкусу (количество воды, а далее приправ дается в расчете на 4-х литровую кастрюлю, полную рыжиков);

потом варить рыжики, помешивая, а после закипания в кастрюлю с рыжиками положить:

- укроп (1-2 зонтика),
- лавровый лист (2-3 листа),
- чеснок (2-3 зубчика),
- гвоздику (2-3 штуки) – при желании,
- перец (3-5 горошин) – при желании;

далее продолжать варить при кипении 20-25 минут, помешивая каждые 3-5 минут (при варке рыжики должны дать сок, по окончании варки объем рыжиков в кастрюле уменьшится примерно в 3 раза);

после варки рыжики выловить из кастрюли (лучше шумовкой) и разложить по стерильным банкам (лучше пол-литровым или литровым);

следом из оставшейся в кастрюле жидкости приготовить маринад, добавив в нее немного уксуса (примерно 1 чайную ложку 70-процентной уксусной кислоты), убрав разваренные зубчики чеснока и добавив, при необходимости, соли;

дальше разложенные по банкам рыжики равномерно залить горячим маринадом (если маринада не хватит – добавить в банки горячей кипяченной воды, чтобы закрыть рыжики полностью), оставшиеся зонтики укропа, лавровый лист разложить по банкам с грибами, хорошо также в каждую банку положить по свежему зубчику чеснока;

наконец, банки с рыжиками закрыть полиэтиленовыми крышками, остывшие банки поставить в холодильник или ледник (если имеется).

Маринованные рыжики готовы к употреблению уже после их охлаждения, но лучше подождать 1-2 недели, пока они устоятся (созреют).

Этот рецепт я записал со слов сестры и с 10 на 11 сентября 2001 года испытал в деле. Попробовал – и повеяло детством...

Уроженец села Северо-Конево
М.Ф. Казанцев.

КАЧЕСТВО НАСЛАЖДЕНИЯ: ГЕДОНИКС ВМЕСТО ЭКОНОМИКС[1]

С.Н. Некрасов

Станислав Николаевич Некрасов,
доктор философских наук,
профессор УГТУ-УПИ

Люди, родившиеся в США в 60-е гг., отлично понимают, что за всеми мощными компьютерами и огромными мониторами – изысканными приобретениями американских обывателей - скрываются порнография и киберсекс.

Говоря политкорректно, Интернет сегодня является персональным выбором «секс-провайдеров», оперирующих в новой сфере экономики, которую все чаще называют «гедоникс» (гибрид гедонизма и экономики). Практикующие менеджеры вместо популярного учебника «Экономикс» получили практическое проявление свободного рынка – «гедоникс». Вспомним, как первые фанатичные приверженцы горбачевской перестройки провозгласили у нас лозунг: «Все, что не запрещено – разрешено!», в результате наркотики и проституция получили экономическое оправдание.

В Америке сфера универсального наслаждения охватывает продукцию Голливуда и телекоммуникационную промышленность.

Любые заявления А. Гора о приверженности американским семейным ценностям, опровергаются фактическим расцветом «порно-Миллениума» в результате деятельности корпорации Америка-онлайн без какого-либо законодательного и государственного контроля.

Так, в январе 2000 г. было проведено 17,5 миллионов посещений порносайтов с домашних компьютеров, что выросло на 40% в сравнении с предшествующими 4 месяцами. «Порно-онлайн» представляет сегодня целую индустрию с 2 миллиардами долларов оборота в год и ожидается ее рост в ближайшие пять лет до 5 миллиардом долларов ежегодной прибыли. По данным американской психиатрической ассоциации 20% электронной торговли имеют прямое отношение к порнографии и 2 миллиона человек именуемых «секс-эддиктс» тратят несколько часов в порносети ежедневно. Исследования показывают, что электронное порно дает наибольшую прибыль (до 30%) вследствие крайне низких трудовых и рекламных затрат. В результате порнография составляет 70% нового электронного рынка, тогда как видеоигры – 4%, спорт -2%.

В ранние дни Интернет-бума (1990-1995 гг.) до 80% времени онлайн трафика было сексуально ориентировано. Так, упомянутая корпорация Америка-онлайн, усиленно представляющаяся сегодня через систему Паблик рилейшнз дружелюбной семейным ценностям, создала первичный капитал на порнографических и сексуальных файлах, зарабатывая по 7 миллионов долларов в месяц. Но и сегодня до 16% всех Интернет порноматериалов все еще доступны через сети корпорации Америка онлайн. Очевидно, что Интернет вырос из древнейшей профессии и в наши дни он успешно сокращает производительные силы мира.

По данным журнала «Бизнесуик» американские работодатели чрезвычайно озабочены проблемой использования своими работниками персональных компьютеров в течение рабочего дня для наблюдения порнографии, осуществления электронных покупок, приема электронной почты. Такие непроизводительные убытки американских корпораций в 1999 г. составили 54 миллиона долларов в потерях производительности труда, в 2000 г. они уже составили 80 миллиардов долларов. Предприниматели за большие деньги нанимают фирмы, обеспечивающие наблюдение за доступом работников к Интернету, ибо более 70% подключений к порносайтам происходит в рабочее время – с рабочего места, а не из дома.[2] В статье из «Экономиста» «Коварный план Майкрософт» сообщается, что компания вводит программу «НЕТ» вместо «Виндоуз» с тем, чтобы обеспечить интеграцию блоков машин в киберпространстве и прием готовых программ отдельными машинами из киберпространства! На карикатуре к статье изображен чудовищный краб с интеллектуальным лицом Гейтса, подкрадывающийся к пользователям программ.

Крупнейшие американские финансовые компании, такие как Вэнгард и Оппенгеймер вкладывают по умолчанию фонды в такие мегапорнокорпорации, как Медиа Фостер и Вивид, по старобуржуазному принципу «доход есть доход» и в соответствии с афоризмом «деньги не пахнут», как известно, изреченному римским императором после получения прибыли от очистки городской клоаки. Очевидно, что Интернет развивается и расширяется за счет развлекательной индустрии для взрослых. Прав был известный канадский социолог Маршалл Маклюэн, в 70-е гг. сформулировавший закон «Средство есть сообщение» (буквально: средство есть послание: the mean is the message).

Телекоммуникационная порнография – новейшая история развлечений

Информационная революция просветила людей как рентгеном и проникла в их спальни – вот образ, описывающий капиталистическое применение секса как движущую силу информационных технологий. Достаточно вспомнить историю потребительского рынка видеотехнологий: от 8 миллионов кинопроекторов для подпольного кино (таков скандальный фильм «Глубокая глотка» 1972 г. выпуска) – до самых современных разработок.

Порнография всегда давала стимул покупать домашнюю аппаратуру в ее самых усовершенствованных форматах VHS и Бетамакс. Движущая сила секса вызвала к жизни коммуникационный

телефонный секс – в 1982 г., когда Федеральная коммуникационная комиссия в одном из первых своих постановлений зафиксировала, что телефонная компания более не имеет монополию на записанные послания. К 1996 г. 1,5% всех международных телефонных переговоров были порнографические и образовывали бизнес в 2 миллиарда долларов ежегодно. Сторонники свободы торговли и глобализации провозгласили телекоммуникационный сектор единственно производительным в западной экономике.

На острове Нию (симптоматичное название!) в южной части Тихого океана около 10 тысяч телефонных линий – по четыре на каждого мужчину, женщину и ребенка! Гайяна получает более 40% национального дохода от входящих международных звонков и государство имеет 60 тысяч миль линий коммуникационной инфраструктуры. В сравнении с аналогичными по размерам государствами Гаити имеет всего 6 тысяч миль линий, что позволяет международным аналитикам вслед за премьером Малайзии Махатхиром определить Интернет как острие глобализационной атаки культурного империализма на государство-нацию и моральные принципы развивающихся стран.

Империализм нового типа грубо нарушает права человека, формируя феномен «нового насилия». Так, осуществляется Холокост через разрушение здравоохранения стран третьего мира. Новый Холокост распространяется по земному шару благодаря Интернету. Речь идет не о традиционных заболеваниях и вирусах и даже не о СПИДе, не о высокой стоимости медиа услуг для бедных и престарелых. Энтузиасты Новой экономики настаивают на необходимости собирания долгов МВФ с бедных стран и устанавливают станции Интернет в каждой деревне для обеспечения «дистанционной медицины»(!) Под последней понимается медицина без врачей и больниц, с самостоятельным диагнозом и лечением при помощи глобальной сети – так, как если бы вам предложили самостоятельно поставить себе диагноз, вырезать себе аппендицит, и себе же ассистировать при этом. Помнится, прежде подобные фантасмагории широко были представлены в забавных грузинских трагико-комедийным малометражках.

Благодаря Интернету компьютер превратился в домашний развлекательный центр. Новые технологии позволяют смотреть полнометражные фильмы дома, что особенно важно для любителей порно, желающих быть добропорядочными обывателями. Голливуд буквально бестиализирует людей при помощи секса и насилия. Возьмем, к примеру, профессиональный рестлинг – современный вид гладиаторских боев. По данным октябрьского номера журнала «Форчун» Всемирная рестлинговая федерация, официально открывшаяся в 2000 г., имеет миллиардный годичный бизнес на развлечении, а его владелец Винс Макмахон входит в список «Богатейших персон мира». Рейтинги кабельного телевидения федерации рестлинга показывают, что более 50 миллионов фанатичных зрителей отошли от наблюдения футбольных матчей, в результате чего доходы федерации выросли на 450% за год! Зрителей возбуждает зрелище крови и агрессии на экране – зрелище подобное тому, от которого ускоренно и массово деградировал античный Рим.[3]

Рестлеры наносят реальные травмы металлическими стульями и другими предметами, причем многие были убиты или стали инвалидами в результате перелома шеи. Суперстары федерации (Рок, например) исповедуют спорт в его сатанинской, скин-хед и байкерской версиях. Рок выступал на годичном съезде Республиканской партии вместе с генералами Колином Пауэллом и Норманом Шварцкопфом и принес республиканцам более 100 тысяч голосов на президентских выборах.

Появились и женские секс-звезды в бикини, избивающие мужчин совершенно в духе древнеримской арены. Две такие звезды были представлены взгляду ценителей хищного оскала на обложке «Плейбоя» в 2000 г. Вебсайт (электронная страничка) федерации рестлинга посещается гораздо чаще, чем сайты Национальной футбольной лиги и ведется финансовыми гигантами коммуникационного бизнеса – НБСи и Виаком. По оценкам финансовых аналитиков рестлинг «представляет собой наиболее прибыльный спекулятивный бизнес из всех возможных».

Интернет также открыл для себя азартные игры. Компания Виртгейм работает в сети 24 часа в сутки и планирует зарабатывать 41 миллиард долларов в год на лотерее. В США на сегодня насчитывается 12 миллионов заядлых игроков, каждый из которых имеет личный долг более 80 тысяч долларов. 49% игроков начинают предаваться пагубной страсти в возрасте до 14 лет! 70% всех лотерейных билетов покупаются бедными, черными и испанцами. В Калифорнии 18% взрослых покупают 71% билетов, покупая по 20 билетов за 45 дней. Для бедных и меньшинств такие приобретения – самоубийство: исследования показывают, что вероятность гибели от молнии в 7 раз выше вероятности выигрыша 1 миллиона долларов в лотерею. Действительно, осталось только воскликнуть: «О, счастливчик!»

Легализация игрового бизнеса не устраняет организованный преступный игровой бизнес – она удваивает объемы последнего! В отдельных штатах, где не-лотерейный игорный бизнес легален, нелегальный все же возрастает на 100%. И что можно сказать о нации, тратящей 286 миллиардов долларов на легальные азартные игры и только 213 миллиардов на образование? При этом самое ужасное, что капитал уходит из реальной экономики и разрушает познавательные и моральные качества народа, превращая его в население – не в демос и даже не в плебс, но в вульгарный попюлос.

В результате гибель Запада становится тотальной и быстро ускоряющейся, а в эпоху постиндустриального общества превращается из виртуальной в реальную, поскольку технологии виртуального моделирования общественного сознания уничтожают всякую социальную реальность. Современные луддиты, вроде Теда Кашинского, пытаются уничтожить технологии, обскуранты от науки предлагают создать «научную полицию» и уничтожать опасные технологии, но повинны во всем не технологии и производительные силы, а устаревшие и реакционные общественные производственные отношения. Кризис назрел и его переход из виртуальной фазы в реальную грозит уничтожить самого человека как социальную материю. Формирование паразитической экономики является первым признаком наступления кризиса.[4]

Избрание нового американского президента как «вооруженной руки глобализации» ставит вопрос, может ли молодой Буш преуспеть там, где провалился его отец, то есть в формировании Нового мирового порядка, в который будет вписана Россия? Пока же новая администрация США и лично А. Гринспен (председатель федеральной резервной

системы) оказывается в положении Э. Хонеккера. Последний (бывший первый секретарь Социалистической единой партии Германии – СЕПГ ГДР) на праздновании 40-летней годовщины ГДР в 1989 г. провозгласил, что немецкое социалистическое государство рабочих и крестьян (все мы помним его герб с циркулем!) просуществует еще 1000 лет. Через несколько месяцев режим пал. Гринспен и высшие американские чиновники в условиях кризиса верят в вечное процветание страны и боятся произнести магические слова спасения – регуляция, индустриализация, планирование. Наслаждение старика перед смертью – социальная фасцинация этого типа суть пожар в публичном доме во время наводнения.

[1] См. What a peculiar cycle // The Economist. 10 March 2001. P. 67.

[2] См. Microsoft's cunning plan // The Economist. January 6. 2001. P. 53.

[3] См. Американские избиратели как обыватели ведут себя подобно римлянам, обожавших наблюдать как на аренах львы терзают христиан. Л. Ларуш, кандидат на пост президента США, наставивает, что нынешние американцы «рукоплещут львам». См. The New Federalist. 14 febr. 2000. P.1 Он же оценивает итоги выборов в США как «львы -2», «христиане – 0».

[4] Return to FDR's concept of Bretton Woods // The New Federalist. January 24, 2000. American Alvanac.

В.О. Лобовиков

ИНЬ, ЯН, ЦЗЯ, АСКЕТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К СЕКСУ И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО
(ДВУЗНАЧНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО И ФОРМАЛЬНО-

Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Конституция Российской Федерации. Ст. 19. Ч. 3. [3, с. 9]

... Конституционная норма... «мужчина и женщина имеют равные права» – не работает в обществе.

Гендерная экспертиза российского законодательства [1, с. 12-13]

Когда Саломея спросила: «Доколе будет властвовать смерть?», Господь ответил ей: «Когда износите одеяние стыда и когда двое сделаются одно, и мужчина, и женщина не будут мужское и женское», – т.е. когда вам больше не нужен будет покров стыдливости, так как исчезнет всякое половое различие.

А. Шопенгауэр. Идеи этики [5, с.164]

Проблема, с формально-логической точки зрения, заключается в том, что совместить доктрину Инь Ян Цзя, аскетическое отношение к сексу и идею гендерного равенства, не впадая в логическое противоречие, кажется, невозможно. Однако, на мой взгляд, это только кажется. Предлагается дискретная математическая модель указанной проблемы, демонстрирующая логическую непротиворечивость конъюнкции следующих ниже списков утверждений А, В, С, Д. Непосредственно следующий ниже список А представляет собой древнекитайскую философскую доктрину Инь Ян Цзя.

Список А:
1. мужское (начало) – активность: М1а=+=А1а.
2. женское (начало) – пассивность: Ж1а=+=П1а.
3. мужское (начало) – светлое (начало), т.е. свет: М1а=+=С1а.
4. женское (начало) – темное (начало), т.е. тьма: Ж1а=+=Т1а.
5. мужское (начало) – твердое (начало), т.е. твердость: М1а=+=В1а.
6. женское (начало) – мягкое (начало), т.е. мягкость: Ж1а=+=Я1а.
7. мужское (начало) – добро, доброта, добродетель: М1а=+=Д1а.
8. женское (начало) – зло, злобность, порок: Ж1а=+=З1а.

Непосредственно следующий ниже список В представляет собой доктрину абсолютного отрицания положительной ценности секса, т.е. утверждение абсолютного воздержания (аскетизма) в отношении пола. Ее разделяют не только некоторые христиане, но и некоторые другие религиозные группы и течения (См., например, [5, с. 163-176]).

Список В:
9. секс (пол) – половая любовь: S2а=+=С2а=+=О2Л2а.
10. секс – материальная любовь: S2а=+=С2а=+=М2Л2а.
11. секс (пол) – конечная любовь: S2а=+=С2а=+=К2Л2а.
12. пол (секс) – насилие: S2а=+=С2а=+=Н3а.
13. секс – обман: S2а=+=С2а=+=О3а.
14. секс – грех: S2а=+=С2а=+=Г2а.
15. секс – орудие дьявола (очень многие, по крайней мере, некоторые отцы христианской церкви): S2а=+=С2а=+=Р3Я3а.
16. женское начало – орудие дьявола (очень многие, по крайней мере, некоторые отцы христианской церкви): Ж1а=+=Р3Я3а.
17. сущность женского (начала) – секс (О.Вейнингер [2]): С3Ж1а=+=S2а=+=С2а.
18. сущность мужского – воздержание от секса (О.Вейнингер [2]): С3М1а=+= В3S2а=+= В3С2а.

Непосредственно следующий ниже список С представляет собой точку зрения, которая, на первый взгляд, прямо противоположна учению Инь Ян Цзя, но тоже имеет место в человеческой культуре.

Список С:
19. мужской пол – агрессия: М1S2а=+=А3а.
20. мужской пол – насилие: М1S2а=+=Н3а.
21. мужской пол – обман: М1S2а=+=О3а.
22. мужской пол – секс: М1S2а=+=S2а=+=С2а.
23. мужской пол – небытие воздержания от секса: М1S2а=+=Н6В3С2а.
24. мужской пол – наслаждение от секса: М1S2а=+=А6S2а=+=А6С2а.
25. мужской пол – зло, злость, порок: М1S2а=+=31а.
26. женский пол – добро, доброта, добродетель: Ж1S2а=+=Д1а.
27. женский пол – ненасилие: Ж1S2а=+=Н6Н3а.
28. женский пол – воздержание от секса: Ж1S2а=+=В3С2а.
29. женский пол – небытие наслаждения от секса: Ж1S2а=+=Н6А6С2а.

Наконец, следующий ниже список Д представляет собой доктрину гендерного равенства, т.е. учение о равноправии мужчины и женщины. Эта доктрина отнюдь не нова: в древности ее сторонниками были, например, пифагорейцы.

Список Д:
30. гендер – род: Г4а=+=Р4а.

31. пол – вид: S2a=+=B4a.
32. гендер – противоположность полу: Г4а=+=П2S2a.
33. мужчина – противоположность полу (О.Вейнингер [2]): М4а=+=П2S2a.
34. мужчина – господство над своим полом (О.Вейнингер [2]): М4а=+=О4М1S2a.
35. женщина – небытие господства над своим полом (См. [2]): Ж4а=+=Н6О4Ж1S2a.
36. мужчина – гендер: М4а=+=Г4а.
37. женщина – гендер: Ж4а=+=Г4а.
38. мужчина – женщина: М4а=+=Ж4а.
39. женщина – мужчина: Ж4а=+=М4а.
40. право мужчины – право женщины: П4М4а=+=П4Ж4а.
41. право женщины – право мужчины: П4Ж4а=+=П4М4а.

Для доказательства логической непротиворечивости конъюнкции этих четырех списков используем простейшую дискретную математическую модель исследуемой предметной области, а именно – алгебру поступков. Эта алгебра точно определена и подробно рассмотрена в монографии [4]. В данной небольшой статье мы ограничимся лишь несколькими абсолютно необходимыми дефинициями. Алгебра поступков – дискретная математическая модель формальной этики и юриспруденции. Она исследует *ценностные функции*, имеющие множество {х, п} в качестве областей своего определения и изменения. Символы х и п обозначают, соответственно, *ценностные значения*: «хорошо»; «плохо».Введем в язык алгебры поступков следующие *унарные морально-правовые операции* (ценностные функции от одной переменной – а, принимающей значения из множества {х, п}): М1а – «мужское (начало) а»; Ж1а – «женское (начало) а»; А1а – «активность а»; П1а – «пассивность а»; С1а – «свет, светлое (начало) а»; Т1а – «тьма, темное (начало) а»; В1а – «твердое (начало) а»; Я1а – «мягкое (начало) а»; Д1а – «добро, доброе (начало), добродетель а»; З1а – «зло, злое (начало), порок а»; S2a – «пол (секс) а»; Г2а – «грех а»; Л2а – «любовь к а»; С2а – «секс с а»; П2а – «противоположность для а»; О2а – «половой а»; М2а – «материальный а»; И2а – «идеальный а»; К2а – «конечный (временный) а»; Б2а – «бесконечный (вечный) а»; Д3а – «духовный (дух) а»; П3а – «плотский (плоть) а»; Н3а – «насилие над а»; А3а – «агрессия на а»; О3а – «обман а»; Р3а – «орудие (для) а»; Я3а – «дьявол а»; Б3а – «Бог а»; С3а – «сущность а»; В3а – «воздержание от а»; Р4а – «род а»; В4а – «вид а»; Г4а – «гендер а»; М4а – «мужчина а»; Ж4а – «женщина а»; О4а – «господство (власть) над а»; П4а – «право а»; С4а – «сила а»; Л4а – «слабость а»; И4а – «сильный а»; Л5а – «слабый а»; М5а – «материя а»; С5а – «сознание а»; Д5а – «душа а»; У5а – «дух а»; Р5а – «разум а»; Б5а – «безумие а»; И5а – «истинность (истинное, настоящее) а»; Ф5а – «форма а»; Т5а – «тело (телесность) а»; Ч6а – «чувство, ощущение (чего) а»; Уба – «чувство, ощущение (чье) а»; И6а – «иллюзия (чего) а»; Н6а – «небытие а»; Бба – «бытие а»; С6а – «способность к а»; М6а – «мышление об а»; Е6а – «мышление (чье) а»; Т6а – «мучение (страдание, горе) а»; А6а – «счастье (наслаждение, блаженство, радость) а».

Ценностно-функциональный смысл перечисленных выше операций определяется в алгебре поступков следующей ниже таблицей, состоящей из 6 частей. (Верхние индексы служат не только для различения символов, но и для указания на номер части таблицы, определяющей значение символа.) – *см. таблицу.*

Пусть символ «а=+=в» обозначает отношение «морально-правовые формы а и в формально-этически равноценны». По определению, а=+=в истинно, если и только если морально-правовые формы а и в имеют одинаковые оценочные значения при любой возможной комбинации оценочных значений нравственных переменных, входящих в эти формы. При этом отношение «=+=» выражается в естественном языке связкой «есть». В результате слово «есть» оказывается омонимом, ибо от традиционного (логического) значения этого слова аксиологическое отношение «=+=» принципиально отличается. Игнорирование этого отличия чревато недоразумениями (иллюзиями парадоксов).

Часть 1

а	$М^1_а$	$Ж^1_а$	$А^1_а$	$П^1_а$	$С^1а$	$Т^1а$	$В^1а$	$Я^1а$	$Д^1а$	$З^1а$
х	х	п	х	п	х	п	х	п	х	п
п	п	х	п	х	п	х	п	х	п	х

Часть 2

а	$S^2а$	$Г^2а$	$Л^2а$	$С^2а$	$П^2_а$	$О^2_а$	$М^2_а$	$И^2_а$	$К^2а$	$Б^2а$
х	п	п	х	п	п	п	п	х	п	х
п	х	х	п	х	х	х	х	п	х	п

Часть 3

а	$Д^3а$	$П^3_а$	$Н^3_а$	$А^3_а$	$О^3_а$	$Р^3а$	$Я^3а$	$Б^3а$	$С^3а$	$В^3а$
х	х	п	п	п	п	х	п	х	х	п
п	п	х	х	х	х	п	х	п	п	х

Часть 4

а	$Р^4а$	$В^4а$	$Г^4а$	$М^4_а$	$Ж^4_а$	$О^4_а$	$П^4_а$	$С^4а$	$Л^4а$	$И^4_а$
х	х	п	х	х	х	п	х	х	п	х
п	п	х	п	п	п	х	п	п	х	п

Часть 5

а	$Л^5а$	$М^5_а$	$С^5а$	$Д^5а$	$У^5_а$	$Р^5а$	$Б^5а$	$И^5_а$	$Ф^5_а$	$Т^5а$
х	п	п	х	х	х	х	п	х	х	п
п	х	х	п	п	п	п	х	п	п	х

Часть 6

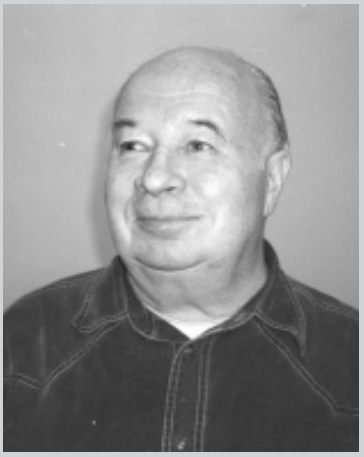
а	$Ч^6а$	$У^6_а$	$И^6_а$	$Н^6_а$	$Б^6а$	$С^6а$	$М^6_а$	$Е^6а$	$Т^6а$	$А^6_а$
х	п	х	п	п	х	х	п	х	п	х
п	х	п	х	х	п	п	х	п	х	п

На основании данных выше определений можно легко доказать (путем «вычисления» соответствующих ценностных таблиц) все приведенные выше уравнения, моделирующие соответствующие элементы списков А, В, С, Д. (Слева от каждого уравнения располагается его «перевод на русский язык».) Склонность людей не различать логическое и аксиологическое значения слов-омонимов «есть», «является», «значит» и т.п. обусловливает психологическую неожиданность полученного результата, его парадоксальность. Причем, удивительно не то, что все четыре точки зрения существуют фактически, а то, что, согласно рассмотренной математической модели, конъюнкция списков А, В, С, Д логически непротиворечива! Эта теорема имеет не только теоретическое, но и практическое значение для оптимизации социально-политических систем и процессов, ибо гендерные проблемы в современном обществе ставятся остро.

[1] Гендерная экспертиза российского законодательства. М., 2001.
[2] Вейнингер О. Пол и характер. М., 1992.
[3] Конституция Российской Федерации с комментариями КС РФ. М., 2001.
[4] Лобовиков В.О. Естественное право: современная теория, и ее приложение к экономике. Екатеринбург, 2003.
[5] Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1992.

НАВСТРЕЧУ 40-ЛЕТИЮ УРАЛЬСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ

К 70-летию профессоров К.Н. Любутина и Б.В. Емельянова



Официальные источники утверждают, что в 2005 году исполняется 40 лет существования Уральской философской школы. В 1965 году было принято решение об организации первоначально философского отделения при историческом факультете УрГУ и объявлении первого набора студентов на эту -тогда еще экзотическую- специальность. С 1969 года сложился полноразмерный факультет.

У истоков создания третьего в СССР философского факультета, как известно, стоял его основатель – первый декан философского факультета УрГУ М.Н. Руткевич. При упоминании этого имени всякий, сколько-нибудь знакомый хотя бы с отдельными фрагментами истории Уральской философской школы, неизбежно вспоминает ряд не менее славных имен: профессоров К.Н. Любутина, Л.Н. Когана, Л.М. Архангельского, В.В. Кима, И.Я. Лойфмана, А.Ф. Еремеева, Б.В. Емельянова, стоявших у истоков этого самобытного явления.

40-летие Уральской философской школы может и не явилось бы столь уж «круглой датой», если бы, как минимум, не два обстоятельства: пятидесятилетие когда еще будет (?!), а в 2005 году исполняется по 70 лет двум замечательным российским ученым – К.Н. Любутину и Б.В. Емельянову.

К.Н. Любутин по праву снискал славу блестящего преемника основателя Уральской философской школы и продолжает быть ее настоящим руководителем и лидером. Он сумел придать своим разносторонним творчеством черты неповторимого своеобразия философии на Урале. В приближении к своему юбилею он может с удовлетворением озирать содеянное: количество кандидатов и докторов философских и иных наук, подготовленных под его руководством, большое число своих учеников, работающих в разных городах России, значительный корпус научных трудов, написанных им лично и в соавторстве с учениками. Вместе с Л.Н. Коганом они заложили традицию блистательных «капустников» – специфического синкретического жанра неформального творчества, много лет подряд вдохновлявшего как студентов, так и преподавателей дерзать на ниве поэзии, драматургии и прозы.

Б.В. Емельянову принадлежит заслуга развертывания масштабных исследований по истории русской философии. Он является крупнейшим отечественным специалистом в области источниковедения русской философии. Его эпическое полотно «Три века русской философии» снискало ему заслуженные авторитет и признание. Сколько малоизвестных страниц истории отечественной общественной мысли и философии оживил он своим искусным пером, возвратил своим скрупулезным вниманием из тьмы забвения! Студентов, пишущих под его руководством курсовые и дипломные работы, диссертантов, готовящих свои труды к защите, всегда поражает настоящий гейзер оригинальных тем, нетривиальных подходов, которые он не устает продуцировать с необыкновенной щедростью.

Редколлегия альманаха «Дискурс-ПИ», выражая мнение философской общественности, поздравляет всех с юбилеем двух замечательных российских ученых и сообщает о подготовке философским факультетом УрГУ и Институтом философии и права УрОРАН юбилейных сборников, посвященных нашим Учителям.

В.М. Русаков.

О создании отделения научной школы «Методология дискурс-анализа в гуманитарных и социально-политических науках» в г. Омске

О.Г.Дука

16-18 декабря 2003 г. главный редактор альманаха «Дискурс-Пи» доктор политических наук, профессор О.Ф. Русакова посетила Омск. Главной целью поездки были ознакомление научной общественности города с проектом и организация местного отделения научной школы «Методология дискурс-анализа».

16 декабря прошла встреча О.Ф. Русаковой с преподавателями и аспирантами Омского государственного аграрного университета. В проведении встречи принимали участие заведующий кафедрой философии Омского государственного университета доктор философских наук, профессор В.И. Разумов; заведующий кафедрой истории и политологии Омского юридического института доктор исторических наук О.Г. Дука; заведующий кафедрой философии аграрного университета кандидат философских наук, доцент Л.А. Сон; исполнительный директор Координационного совета по стратегии развития г. Омска, член-корреспондент Международной Академии Информатизации, кандидат технических наук, доцент Л.И. Рыженко. На встрече с большим интересом была выслушана информация О.Ф. Русаковой о Международном философском конгрессе, прошедшем в Стамбуле летом 2003 г., об альманахе «Дискурс-Пи». Преподаватели и аспиранты аграрного университета поделились своими творческими планами, в том числе и связанными с сотрудничеством с альманахом.

17 декабря 2003 г. прошла встреча О.Ф. Русаковой с ректором Омского государственного университета доктором физико-математических наук, профессором Г.И. Герингом. В проведении встречи принимали участие заведующий кафедрой философии ОмГУ доктор философских наук, профессор В.И. Разумов и заведующий кафедрой истории и политологии ОмЮИ доктор исторических наук О.Г. Дука. На встрече произошел заинтересованный разговор о возможностях сотрудничества университета с Институтом философии и права УрО РАН и альманахом «Дискурс-Пи». Был подписан договор о сотрудничестве ОмГу И ИфиП УрО РАН.

В этот же день прошла встреча О.Ф. Русаковой с председателем Комитета по образованию, науке и культуре Омского областного Законодательного собрания В.В. Лендикреем, на которой были обсуждены планы сотрудничества ученых двух регионов, в том числе связанные с изданием альманаха «Дискур-Пи». В проведении встречи принимали участие заведующий кафедрой философии ОмГУ доктор философских наук, профессор В.И. Разумов, заведующий кафедрой истории и политологии ОмЮИ доктор исторических наук О.Г. Дука и старший консультант Комитета Законодательного собрания В.И. Баринов.

Олег Геннадьевич Дука,
доктор политических наук,
зав. кафедрой истории и политологии
Омского юридического института

18 декабря прошла встреча О.Ф. Русаковой с преподавателями и аспирантами кафедры философии и исторического факультета ОмГУ. В проведении встречи принимали участие заведующий кафедрой философии ОмГУ доктор философских наук, профессор В.И. Разумов, заведующий кафедрой современной отечественной истории и историографии ОмГУ, доктор исторических наук, профессор В.П. Корзун, заведующий кафедрой истории и политологии ОмЮИ доктор исторических наук О.Г. Дука. На встрече главный акцент был сделан на планах сотрудничества в издании альманаха «Дискурс-Пи».

В этот же день прошла встреча О.Ф. Русаковой с преподавателями и аспирантами философского факультета Омского государственного педагогического университета. В проведении встречи принимали участие проректор по научной работе ОмГПУ доктор философских наук, профессор Д.М. Федяев, заведующий кафедрой философии ОмГПУ доктор философских наук, профессор С.Ф. Денисов и заведующий кафедрой истории и политологии ОмЮИ доктор исторических наук О.Г. Дука. На встрече проходил предметный разговор о возможных формах сотрудничества преподавателей философского факультета с альманахм «Дискурс-Пи».

Итогом проведенных встреч было решение об организации в Омске отделения научной школы «Методология дискурс-анализа» и проведение виртуального семинара по методологии дискурс-анализа в Интернете всех заинтересованных лиц.

Алексей Воробьев

Мама

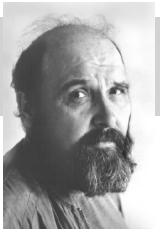
Далекий видится домишко.
Что вдоль дороги, на яру,
Труба, соломенная крыша,
Подсолнух, вставший поутру.
Нехитрый завтрак подавая,
Крестьянской утварью гремя,
Выходит мать глухонемая,
Зовет по-птичьему меня.
Ах, мама! Мучаюсь я снова -
К тебе на помощь звать кого?
Я выбирал нежнее слово,
Но ты не слышала его...
Но ты лишь плакала в бессильи,
Махнув на жизнь свою рукой.
...Не так ли и моя Россия
Была глухою и немой?
И все же счастлив, мама, счастлив! -
Ловлю в себе твои черты, –
Тем ощущеньем ежечасным
Твоей исполненной мечты.
Я верю в старые приметы
И на добро плачу добром.
Мне попадаются монеты –
И все орлом, и все орлом!

Имя

Мне имя бывало как ноша...
В голодные, трудные дни
В селе говорили: «Алеша,
Коров поскорее гони!»
Я худ был и узок плечами.
Я кнут вместо книжек носил.
И часто я думал ночами:
«Ну чем я его заслужил?»
Глядел я на черное небо
И сам был похож на грача...
Ох, лучше бы дали мне хлеба,
Чем китель с чужого плеча!
В мечтах расцветал,
был прекрасен
Мой мир, без войны, молодой.
Но самое главное счастье –
Вернулся бы батька домой.

Из вьетнамской поэзии

Переводы Юрия Конецкого



Чан Данг Хоа

Гроза

Внезапная гроза над деревушкой
Разрушила старинную запруду
И разломила яблоню в саду,
А яблочко тонуть не захотело
И закачалось на крутых волнах...

Белая ночь

Ночь холодная бела, человеку не заснуть.
Вспоминает милый край, но туда заказан путь,
И березы за окном так сочувствием полны,
Что возносят на ветвях светлый плод родной луны.

Белые цветы

Пускай они расцвели наугад,
Но утром был слышан их аромат...

Мы смотрим на ветви, где были почки,
А там уже – крохотные цветочки.

Изнеженно-шелковые цветы
Белеют и ... падают с высоты.

Они ничего не сказали людям,
А так хотели ... Но мы не будем

Топтать их за то, что молча упали
На горькую землю ... Цветы печали ...

Чан Минь Там

Первая любовь

Другую любишь ты, стал выглядеть иначе,
При встрече у тебя не дрогнет даже бровь,
Но в сердце я храню твой поцелуй, горячий,
Как моя первая любовь.

Про море ты забыл, что было нам желанным.
На тихом озерке твоя смирилась кровь,
Но в сердце ты моем остался океаном,
Как моя первая любовь.

А постареем мы, и, ощущая холод.
Ты скажешь: «Все ушло и не вернется вновь», -
Но в сердце у меня ты вечно будешь молод ,
Как моя первая любовь.

Любовь Ладейщикова

Достоинство

ВЕНОК СОНЕТОВ

1.

Как стрелы чингисхановских бровей,
Так и напевы вещего поэта,
Пронзив простор березовых полей,
Вросли в гудящий ствол менталитета.
Сильна струна пронзительная эта.
В ней гул народов, но всего слышней
Российская отзывчивость... И в ней -
Загадка евразийского расцвета.
Но в час, когда легенды гасят свет,
И сытые птенцы былых побед
Жар-птицыно гнездо сжигают сами,
Вандалы вновь историю казнят,
Чтоб жадный взор и прагматичный взгляд
С российскими скрестились небесами.

2.

С российскими скрестились небесами
Не тени смертоносных хищных птиц -
Эпоха захлебнулась словесами,
Цинизмом геростратовых страниц.
И – в одночасье сдуло маски с лиц,
И пал колосс под звездными часами,
Но взломщики основ очнулись сами
В объятьях мародеров и блудниц.
Безропотно, подачки подбирая,
Вползли в ворота сникерсного рая
С тупой пещерной жадностью бомжей.
XX век... Достоинства обломки...
Но оглянись! Там с книгами в котомке
Мой предок ломоносовских кровей.

3.
Мой предок ломоносовских кровей
Во мне бунтует, дорожа наследством:
И генной географией своей,
И тягой к звездам, и победным детством.
Как аналитик, склонный к самоедству,
В душе ношу пожар сгоревших дней,
Не допуская пламя до корней,
Как тот Иван, живущий по соседству.
Обузились союзные края,
Но шелестит Евразия моя
Лесными и степными голосами...
Уральский говор мне ласкает слух,
А русский Север и поморский дух
Моими заправляет парусами.

4.
Моими заправляет парусами
Фамильный гон событий и времен,
Где русичи с льняными волосами,
Израненные, взятые в полон,
Плененные атласными косами
И правом страсти на земной поклон,
Вражду меняли на любовный стон -
И степь сходилась с синими лесами.
Хрупка, медноволоса и нежна,
Прапамять – половецкая княжна,
Как судия с разбитыми весами,
Обняв любовью солнце и луну,
Сумела в сердце отменить войну.
История чревата чудесами.

5.
История чревата чудесами,
А мы – ее эфирные миры,
То с золотой, то с черной полосами, -
Лишь лучики космической игры.
С Олимпа, с галактической горы,
В провале меж земными полюсами,
Едва ль видна Россия с чарусами,
С трясиной войн и шрамами коры.
Но мы – природы чуткое прозренье,
Земное венценосное творенье,
Заведуем историей своей,
И нам самим спасать от скверны души,
Чтоб связь времен и судеб не нарушить
В живом хитросплетении ветвей.

6.
В живом хитросплетении ветвей
Материки смыкаются и страны,
Сады генеалогии древней,
Чем жизнь отдельно взятого тирана.
Лодейщики, варяги, капитаны...
Мне в карты не играть на королей -
В фамильном древе нет таких ролей,
А генофонд любви покрыт туманом.
Династия сильна духовным флагом.
К искусствам родовая страсть и тяга
В огне любви пульсирует сильней...
Неукротимый жар – первопричина
Стихорожденья... Темперамент сына
Горяч, как половецкий суховей.

7.
Горяч, как половецкий суховей,
Стреноженный предгорьями Урала,
Род – (в блеске уралмашевских огней!) -
Род – укротитель войн, творец металла.
Цепь знатного уральского закала
Со звеньями от Северных морей
До екатеринбургских якорей
С клеймом железорудного причала.
Достопочтенный материнский род.
Но в мужней крови – польский поворот,
Где время обменялось адресами:
Смешалось все – и табор, и орда,
И пан, и юнкер... Кто же, господа,
Наследник мой с цыганскими глазами?

8.
Наследник мой с цыганскими глазами,
Пытливый холмогорский славянин,
Северодвинский кормчий с карбасами,
Военнопленный польский дворянин!
Каков замес! Но что поделать, сын,
Осколки войн с победными слезами
Вобрал хребет Рифея – тормозами
Магнитных евразийских половин.
Фамильный след в тектонике Урала
Моя душа промыла, отыскала
Старательно, как горсть золотников,
И виден меж ранений и порезов
Твой самоцветный пласт в тисках железа,
Евразия! Как стык материков...

9.
Евразия! Как стык материков,
Порыв, совокупивший части света,
Пронзивший джомолунгмы облаков,
Ты – колыбель и пантеон планеты!
Судьба народов – тайна без ответа.
Напор веков и древних ледников,
Круговорот кровей и языков
Не стер национальные приметы,
Но то в былинном времени... А в этом -
Вбивает паутина интернета
Жаргон столиц в подкорку кишлаков,
Сильнее термояда мощь дискеты.
И сохранил лишь генофонд поэта
Лодейный гон и гонор кипчаков.

10.
Лодейный гон и гонор кипчаков
Скорбят, припомнив о былом величье,
Как матери погибших моряков...
Над Баренцевым морем стоны птичьи
И затонувших субмарин обличье,
И закордонный дух солончаков,
И память – вязь из черных узелков –
На шрамах чести и рубцах отличья.
Загадка? Рок? Заморский интерес?
Великий гений – геополитес
Не отвечает ни за что на свете...
Прощай, североморская родня!
Но я – осколок моря, и меня -
Впаял Урал в котел тысячелетий.

11.
Впаял Урал в котел тысячелетий
Скуластый облик северных широт,
И докембрийский рудный срез соцветий,
И след змеиных золотых пород,
Полярный холод и башкирский мед,
Прямой огонь и горечь междометий,
Кандальный труд и свист тяжелой плети...
Клеймен характер. Выкован народ.
Эпоха проржавела, обломалась.
Но от отца и матери – досталось
Небедное, победное житье...
Век XXI... Вновь в дыму Россия.
С надеждой смотрит внучка Евдокия
Сквозь пламени цветущее копье.

12.
Сквозь пламени цветущее копье
Я вижу величавую державу,

Но знаю: расклевало воронье
Ее богатство, мужество и славу.
Искусство развратилось нахаляву,
Науку разбазарило жулье,
Вся мощь страны – ушла во вторсырье,
А на мозги – устроили облаву.
Превыше всех богатств – ценю свободу.
Но как вернуть историю народу?
И родовую память, и чутье?
Нас закидали жвачкой из америк.
Едва ль крутая молодость поверит
В кипящее достоинство свое...

13.

В кипящее достоинство свое,
Как в молоко из хитромудрой сказки,
Нырнуть бы, сбросив хамство и тряпье,
И вынырнуть – помолодев от встряски!
Мне наплевать на циников гримаски.
Звезда – Россия, света острие,
Твоя краса – бессмертие мое!
Гудят колокола, ликуют краски.
Мой Китеж-град, фантазия моя,
Уже готова к всплытию ладья:
Все по местам! Выходим на рассвете!
Свеча – Россия! В испытанья миг
В иконописный материнский лик
Вглядитесь, современники и дети!

14.

Вглядитесь, современники и дети,
В свой разноствольный евразийский род:
В следы от пуль и ножевых отметин...
Но в дедовский не цельтесь огород.
Мой род из малахитовых пород.
Род-самоцвет за войны не в ответе.
Взывают к миру Храмы и Мечети...
«Открылась бездна...» Звезд круговорот.
Тысячелетий свод – не колумбарий.
России нужен род – пассионарий -
Гуманный дух с достоинством корней...
Вселенских бурь божественная сила –
Любовь и боль – Евразию пронзила,
Как стрелы чингисхановских бровей.

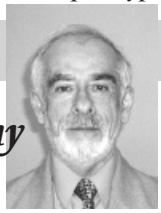
22,23,25,30 апреля – 1 мая 2001г.

15.

Как стрелы чингисхановских бровей
С российскими скрестились небесами,
Мой предок ломоносовских кровей
Моими заправляет парусами.
История чревата чудесами
В живом хитросплетении ветвей,
Горяч, как половецкий суховей,
Наследник мой с цыганскими глазами.
Евразия! Как стык материков,
Лодейный гон и гонор кипчаков
Впаял Урал в котел тысячелетий.
Сквозь пламени цветущее копье
В кипящее достоинство свое
Вглядитесь, современники и дети!

Магистрал. Апрель 2000г.
Екатеринбург.

И.М. Модель



Случай в Дудинском порту

За бортом корабля
Битый волнами лед,
Хоть корабль стоит у причала.
Меня сносит волна
В бесконечный полет,
Неосознанный мною сначала.
Я за воздух цепляюсь,
Я за борт не хочу...
Но в бессильи мгновенье исправить
Мимо черного борта,
Как камень, лечу...
Как же долго,
Как долго мне падать...
И проносится мимо
Меня самого
Ярким сполохом серое небо.
Успеваю понять,
Не поняв ничего,
Эту страшную, жуткую небыль...
В одиночестве полном
Я средь белого дня
Падал с борта двухтысячной лодки.
о беспамятства водкой.
Холод в сердце мое
Ледяной не проник
Заполярного, высшего сорта.
Вот такой вот случился
Трагический миг
У причала Дудинского порта.

30 октября 1958 - 27 декабря 2001г.

Я и постмодернисты

Заморочено, заворочено -
По безмерной «свободе» всхлип.
Сколько ими нам напророчено,
Жизнь и та превратилась в клип!
Обывателю кружат голову
Виды секса и катастроф.
Даже истина ходит голая
И очищенная от слов.
Подчиняется все заказу.
Журнализм - сплошной прикуп.
Чем глупей и скандальней фразы,
Тем вкусней и жирнее суп
Пребывая в глухой прострации,
Шарлатаны и колдуны
Из умов изымают рацио,
Вместо жизни толкуя сны.
Ошалела от воплей нация.
Отодвинуты в тень науки.
Постмодерн и провокация
Протянули друг другу руки.
Ты спаси от сего нас, Боже!
Просвети и скажи, как быть?
Я, собой оставаясь все же,
Не хочу в постмодерне жить!!!

27 февраля 2002 г.

Анатолий Гагарин

Пиит

Я так люблю российские березы.
Я их поэт, их славлю с давних лет.
Пишу стихи, и сами льются слезы...
Ведь у меня березовый паркет!

* * *

Вчера с ума сошел я,
как с трамвая.
Теперь живу я,
номер вспоминая.

Питие и время
(Поэма в картинах)

Топика пития

Как подарок возле арки
Смаковали мы «Кадарку»,
А в лесу без волокиты
Отравились мы «Никитой».

Вот что значит – перестройка!
Пили ерш, а нынче – «Тройку».
Не нужны талон и блат
Магазин любой нам рад.

Поневоле вспомнишь время,
Когда лучше всяких премий
Был стаканчик портвейшка
За углом исподтишка.

В «чебурашке» у «Рубина»
Мы цедили разны вина.
И на Гоголя в «пельмешке»
Резво пили вперемешку
Бормотушку и шмурдяк.
То искусство – не пустяк:
Лихо из кармана брюк
Наливать совсем без рук
В подставляемый стакан
(Лишь бы влез «пузырь» в карман!)
Ну а раз мы из народа –
Как без зрелища природы!?

С краю рая, возле ада
Нас ждала «Сибириада»,
Не беда, что рядом сеть
Кало-ссальная – Исеть!

За Исетью пляшут кони.
Души плачут, ум спокоен.
И слезой иерусалимской
Окропляем путь неблизкий.

Есть «Фетяска» и «Эрети».
И сырок ждет на газете -
«Дружба», «Лето» или «Волна» -
и не вспомнить ни хрена!...

А на скатерти-газете
Под сырком статью приметим,
Что вещает как пророк -
«Коммунизм наступит в срок!»

(То – Хрущев, то – Нострадамус.
От пророков настрадались,
Страшный Суд ли, коммунизм.
Все одно – милленаризм...)

Съел сырок – лети, газета!
Это память шлет приветы,
Тем, кто ценит эти годы,
Как коньяк при непогоде...

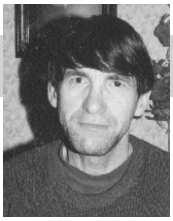
...Время мчится все быстрее -
Что там ямбы и хореи?!
Различит кто нынче враз,
Где «Дербент», а где – «Кавказ»?

География Союза
Познавалась винным вкусом
Городские же места
Полюбились неспроста.

Здесь – пивали, там – спивали.
Тут за песни нас забрали...
В пьяной топике тех мест -
Наш интимный интерес...

В каждом скрыта жизнь иная,
Всяк свое припоминает.
Пьем – и тайны бытия
Постигаем мы, друзья!

Город нежно обзирая,
Говорю, не уставая:
В питии – знак бытия
В бытии – суть питья!



Виктор Говорков

Миниатюры

* * *

Вот подуло последним теплым
На дороге моей суховеем.
Распахнул я пиджак пошире,
Чтобы листья принять и ветер,
Чтобы их понести под полою.

* * *

Ты проходишь в длинном пальто через лес.
В котором длинных деревьев стволы.
И в котором вы сливаетесь вместе.

* * *

Весна.
Организм ослаблен...
Но чувства!

* * *

В темный плащ завернулся
И из дома я вышел.
Оказался плащом этим
Вечер осенний.

* * *

«Ч» – сокровенная буква в мечте.
Ведь в слове «мечта» буква «ч» посредине.
Среди знаков шумящих под ветром лесов
Присмотрись, и в них ты увидишь «ч».

* * *

Когда светло и солнечно –
Это закончено.
Ведь светлее, чем этот летний солнечный день,
Не может быть.
А на душе тьма.

* * *

Ты скажи, где это солнце.
Солнце ржавое, морское.
Солнце жалкое, смешное.
Солнце знойное, живое.
Ах, куда же оно делось?
Превратилось, превратилось
оно в черную ворону
с оперением холодным.
Ах, ах, ах!

Новые книги по философии, политологии, социологии и праву

Составитель: Е.М. Сурина

Елена Михайловна Сурина, заведующая научной библиотекой Института философии и права УрО РАН

Гаврилов Г.А. Модели политической оппозиции: Теоретико-методологический анализ / РАН. Урал. отд-ние. Институт философии и права; Отв. ред. К.В. Киселев; Науч. ред. серии В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 154 с. – (Феноменология политического пространства). – ISBN 5-7691-1435-5.

Монография посвящена исследованию политической оппозиции: проблемам методологии изучения оппозиции, анализу ее основных теоретико-методологических моделей. Особое место в работе уделено анализу моделей политической оппозиции в современной России. В монографии также анализируются перспективы законодательного регулирования деятельности политической оппозиции в Российской Федерации.

Дискурс-Пи: Науч.-практ. альм. Вып. 3: Дискурс толерантности в глобальном мире / Под ред. О.Ф. Русаковой; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Урал. гос. с.-х. акад. и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. – 178. – ISBN 5-7525-1134-8.

Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Отв. ред. А.В. Гайда. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 278 с. – ISBN 5-7691-1272-7.

Монография посвящена анализу проблемы взаимодействия массовой коммуникации и власти в двух основных аспектах: воздействия властных отношений на процессы массовой коммуникации и воздействия средств массовой информации на аудиторию. Рассматриваются две основные модели, используемые для анализа взаимоотношений массовой коммуникации и власти: модель доминирования и плюралистическая модель.

Киселев К.В., Руденко В.Н., Сурина Е.М. Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук: Основные направления исследований, библиография и научно-биографические сведения о сотрудниках. 1996-2003 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Отв. ред. В.Н. Руденко. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 295 с. – ISBN 5-7691-1537-8.

В книге представлены сведения об основных направлениях научных исследований Института философии и права УрО РАН, его структуре и организации научной работы; приведен полный перечень научных трудов, опубликованных в период с 1996 г. по 2003 г.; помещены научно-биографические сведения о сотрудниках института.

Коллекция политических слоганов / Сост. К.В. Киселев, С.В. Мошкин; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 277 с. – ISBN 5-7691-1511-4.

В книге, подготовленной известными политологами, впервые столь широко и многообразно представлены политические слоганы, использовавшиеся в российских избирательных кампаниях последнего десятилетия.

Лобовиков В.О. Естественное право: Современная теория и ее приложение к экономике: (Математическая философия экономики и права. Часть 1: Критика политической экономии: совершенная конкуренция и абсолютная монополия; состояние равновесия и предпринимательство; laissez-fair и государственное управление рынком / РАН. Урал. отд-ние. Институт философии и права; Науч. ред. Н.В. Бряник. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 381 с. – ISBN 5-7691-1463-0.

Монография посвящена исследованию формально-логических противоречий-антиномий, возникающих на стыке экономики и права, а также изучению возможностей разрешения этих противоречий с помощью логико-математических моделей взаимодействия указанных дисциплин. В книге впервые конструируются и обсуждаются простейшие дискретные математические модели объединения морали, права и экономики. Предметом логико-математического моделирования оказывается морально-правовой аспект экономической деятельности. В монографии впервые предлагается и всесторонне изучается некий вариант математической логики политической экономии. Излагается оригинальная концепция роли частных монополий в рыночной экономике. Строго обосновывается возможность и точно указываются границы (условия) адекватности «экономического экуменизма», т. е. логически непротиворечивого синтеза классического либерализма с кейнсианством.

Мартьянов В.С. Метаязык политической науки / РАН. Урал. отд-ние. Институт философии и права; Отв. ред. К.В. Киселев; Науч. ред. серии В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 237 с. – (Феноменология политического пространства). – ISBN 5-7691-1473-8.

В монографии рассматривается метаязык политической науки, исследовательским объектом которого выступает не фактическая реальность, а ценностные интерпретации политической реальности, представленные в базовых политологических теориях и парадигмах. Автором выделены основные модели метаязыка политической науки и проанализирована их релевантность в описании актуальных парадигм российской политики.Подробно исследованы проблемы соотношения идеологии, власти и научного знания, влияния методологии описания политики на ее теоретическую интерпретацию и общая трансформация политического знания, связанная с его «лингвистическим поворотом».

Многообразие политического дискурса / Отв. ред. О.Ф. Русакова; Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Урал. гос. с.-х. акад. – Екатеринбург: УрО

РАН, УрГСХА, 2004. – 386 с. – ISBN 5-87-203-177-7.

Книга раскрывает многообразие политического дискурса, которое отражает сложность и разнообразие выражения и отображения системы политических процессов, отношений и институтов, составляющих политическую жизнь общества. Реализуемый здесь междисциплинарный подход позволяет возможно более полно охватить наиболее важные направления этих процессов.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 4 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; Отв. ред.: А.В. Гайда, В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 493 с. – ISBN 5-7691-1481-9.

В четвертом выпуске Научного ежегодника Института философии и права УрО РАН представлены работы в области философии, политологии, социологии, права, выполненные научными сотрудниками, докторантами и аспирантами института в 2003 г. в рамках комплексной научно-исследовательской программы «Гражданское общество и государство».

Новые идеи в философии природы и научном познании. Вып. 2 / Под ред. Ю.И. Мирошникова; РАН. Урал. отд-ние. Институт философии и права. Каф. философии. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 407 с. – (Философские проблемы науки и культуры – 2). – ISBN 5-7691-1429-0.

Данный сборник продолжает серию «Философские проблемы науки и культуры», предлагаемую к изданию Кафедрой философии Института философии и права УрО РАН. Основная задача серии, с одной стороны, раскрыть исторически определившуюся роль науки в эволюции культуры, с другой – отразить те особенности их взаимообусловленности, которые принес с собой наступивший XXI век. Данный сборник посвящен В.И. Вернадскому, который, развивая идеи в русле естественнонаучного космизма, сумел многое сказать не только в области естествознания, но и философии, и методологии науки в целом.

Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах / РАН. Урал. отд-ние. Институт философии и права. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 551 с. – ISBN 5-7691-1518-1.

В сборнике научных статей по итогам второй международной конференции «Взаимодействие политической науки и органов государственной власти в формировании политических процессов в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах», организованной ИФиП УрО РАН и Евразийской сетью политических исследований и проведенной при поддержке Регионального семинара повышения качества образования (ReSET), Программы поддержки высшего образования Института «Открытое Общество» (HESP/OSI) и Проекта гражданского образования (CEP), освещаются различные аспекты политических процессов, протекающих на постсоветском пространстве, исследуются политические перспективы развития лоббизма, прямой демократии и иных политических институтов в России и Новых Независимых Государствах, рассматриваются методологические проблемы транзитологии.

Русакова О.Ф., Дука О.Г. Современная историософия / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Омский юрид. ин-т. – Екатеринбург: УрГСХА, 2004. – 230 с. – ISBN 5-87203-167-8.

В книге рассматриваются современные проблемы предмета и дискурса историософии как особой разновидности философии истории. Главное внимание уделяется отечественным пост неклассическим моделям истории: синергетическим, биосферно-ноосферным, эволюционно-энергетическим, информационно-кибернетическим. Раскрываются особенности вероятностно-смыслового подхода к истории.

Судьбы гражданского общества в России. В 2 т. / РАН. Урал. отд-ние. Институт философии и права; Отв. ред. О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – ISBN 5-7691-1475-4.

Т. 1: Версии гражданского общества в общественной мысли России XIX-XX вв. – 225 с.

Т. 2: Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества. – 291 с.

Монография посвящена анализу разноплановых концепций гражданского общества, сложившихся в России в XIX-XX вв. Главное внимание уделено либеральным, марксистским и евразийским версиям. Ключевые темы исследования – специфика российского пути к гражданскому обществу, становление в России правового и социального государства, формирование гражданского общества как базы для консолидации российского социума.

Фадеичева М.А. Человек в этнополитике: Концепция этнонационального бытия / РАН. Урал. отд-ние. Институт философии и права; Отв. ред. К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 248 с. – ISBN 5-7691-1410-X.

Национальный вопрос на протяжении последних столетий производит впечатление принципиальной неразрешимости. Современность настоятельно требует развеять эту иллюзию. В монографии представлены варианты теоретического решения национального вопроса в России как полиэтническом государстве. Осуществлена типология этнонациональных концепций. Обоснована практическая необходимость современной теории нации. В монографии рассматривается индивид в его этнонациональном бытии, проблема этнической идентичности, типология и состояния этнического индивида.

Фишман Л.Г. В ожидании Птолемея: Трансформация метапарадигмы наук об обществе / РАН. Урал. отд-ние. Институт философии и права; Отв. ред. К.В. Киселев; Науч. ред. серии В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 155 с. – (Феноменология политического пространства). – ISBN 5-7691-1506-8.

Монография посвящена исследованию метапарадигмальных оснований современных наук об обществе. Социокультурный кризис, в течение XX века потрясавший как Россию, так и Запад, способствует обнаружению этих оснований, ранее скрытых под наплывами повседневности. В процессе анализа эволюции метапарадигмы социально-политических наук особое внимание уделяется роли психологии, социологии религии, идей Нового Века. На кого станет похожим политолог будущего: на своего современника или «неошамана»? Имеет ли современная трансформация облика наук об обществе аналоги в прошлом или является совершенно уникальной? Автор пытается ответить на эти и другие вопросы.

DISCOURSE–P
Дискурс Пи
Научно-практический альманах

PHILOSOPHY–ФИЛОСОФИЯ
POLITICS–ПОЛИТИКА
POWER–ВЛАСТЬ
PUBLIC RELATIONS–СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

87.0
Д 48

Дискурс-Пи. Выпуск 4: Россия лицом к Востоку / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2004 –192 с.

ISBN 5-7525-1313-8

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук

Екатеринбург, 2004

Главный редактор
О.Ф.Русакова

Дизайн-макет
А.Панов
Дизайн обложки
В.В. Русаков

Корректор
В.Иванова

Компьютерная верстка
А.Циклин.

Подписано в печать
20.12.2004.
Формат 60 х 84 1/8.
Гарнитура «Newton».
Усл. печ. л. 24.
Тираж 500.
Отпечатано в Полиграфическом центре «Союз».
620102, Екатеринбург, ул. Нач.Васильева, 1. к.1.
Заказ 20.12.2004.

Тема следующего выпуска

Дискурс идентичности